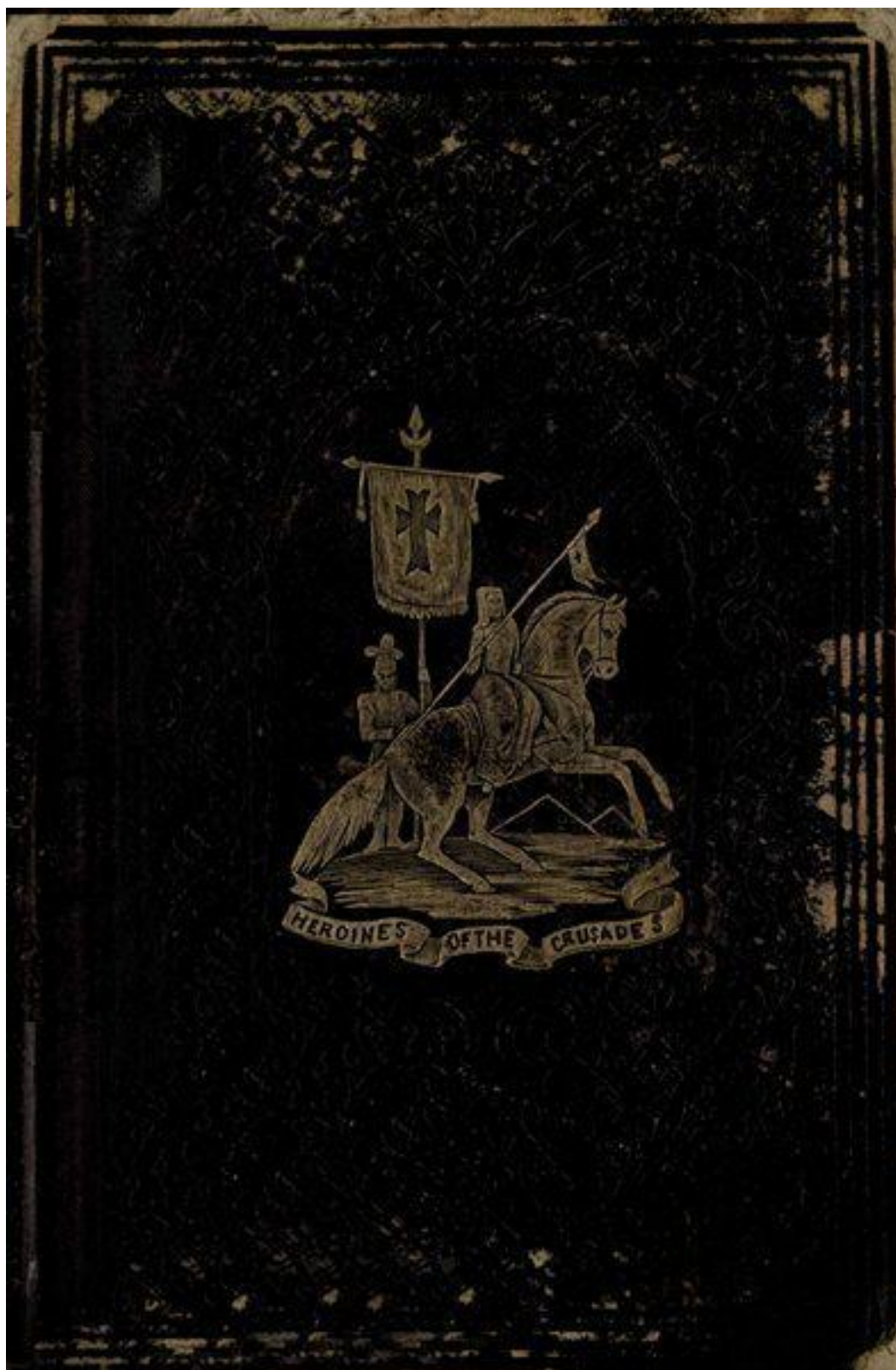

Героини крестовых походов

К. А. Блосс

Электронная книга проекта "Гутенберг" о героинях крестовых походов

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Героини крестовых походов

Автор: К. А. Блосс

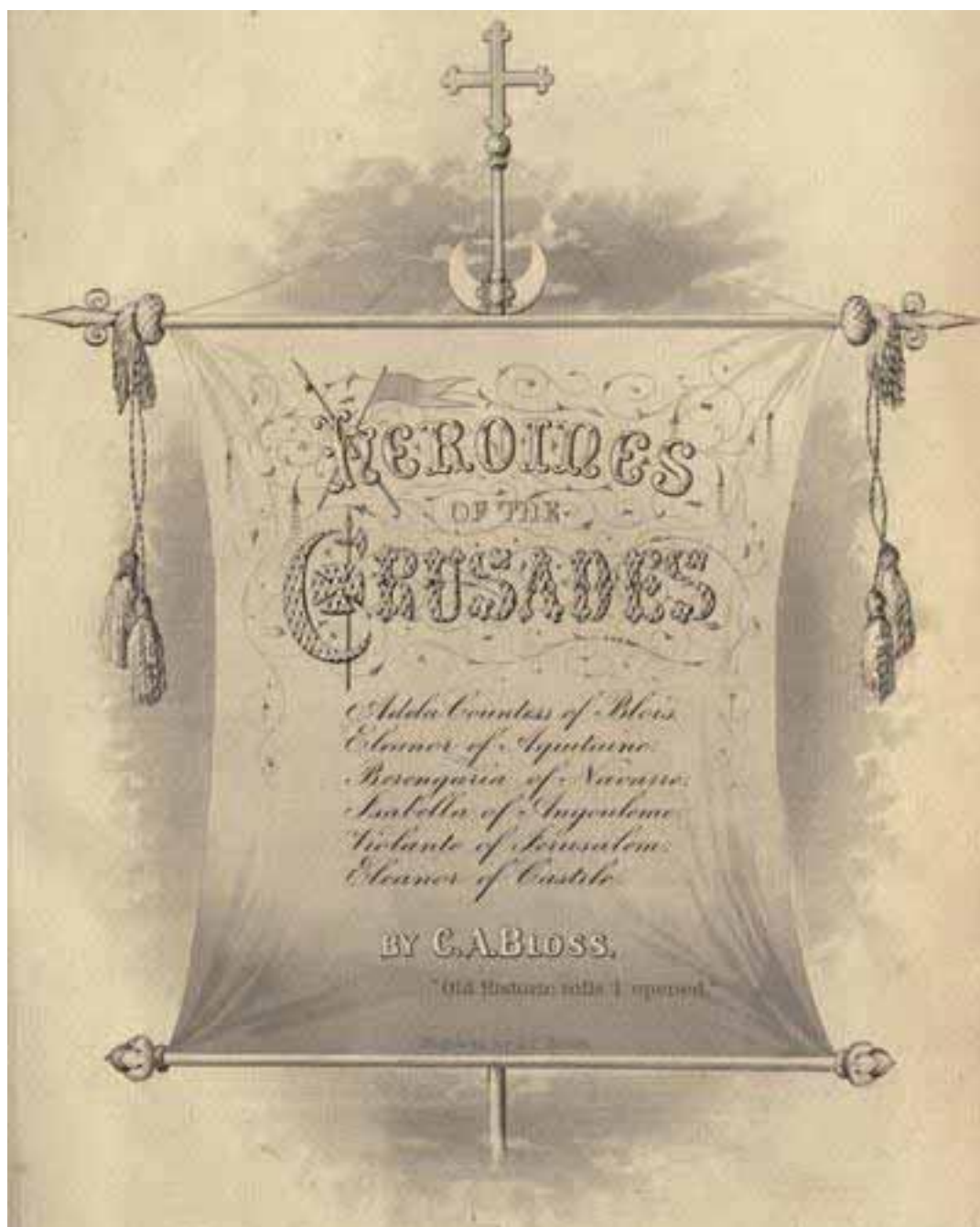
Дата выхода: 15 мая 2012 [Электронная книга №39701]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом.)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ГЕРОИНИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ" ***

ГЕРОИНИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.

ГЕРОИНИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.

АВТОР К. А. БЛОСС.

АВТОР КНИГИ "ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ БЛОССА" И ДР.

"Старые исторические булочки, которые я открывал".

ОБЕРН:
ОЛДЕН, БЕРДСЛИ И КО.
РОЧЕСТЕР:
ВАНЗЕР, БЕРДСЛИ И КО.
1853.

Внесен, согласно Акту Конгресса, в 1853 году
ФИРМОЙ "ОЛДЕН, БЕРДСЛИ И КО.",
в канцелярию окружного суда Соединенных Штатов по
Северному округу Нью-Йорка.

МОИМ УЧЕНИЦАМ АВТОР С ЛЮБОВЬЮ ПОСВЯЩАЕТ "Героинь крестовых походов".

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Тем, кого я имел честь и удовольствие вести окольными и темными путями Прошлого, всем, кто искренне принимает учение о том, что характер формируют *действия*, а не слабое стремление к Совершенству, я обращаюсь к нескольким словам в качестве пояснения и предисловия.

Иерусалим, столица Палестины, будь то великолепный красотой своего первого храма и превосходной мудростью своего царя-философа, или скрытый мраком того рокового затмения, во время которого торжественные сцены Голгофы довершили ее славу и позор, занял место в великой драме человеческих событий, более интересное и важное, чем любой другой город на земном шаре.

Но Иерусалим во мраке той нравственной ночи, которая сгустилась над народами после падения Западной империи римлян, оказывал большее влияние на умы людей, чем в какой-либо предшествующий период. Оскорбительный мусульманин испытывал определенное благоговение перед великолепными руинами, по которым он шел со всей гордостью завоевателя— африканский отшельник покинул свое уединенное жилище, чтобы поплакать на Елеонской горе— европейский авантюрист обвил свой посох ветвистыми пальмами со священных холмов— отчаявшийся еврей сидел во вретище у ее рухнувших ворот, и даже смешанные варвары Востока объединились с христианами, чтобы почтить место, где искусство создало свой самый гордый памятник, а поэзия нашла тему для своей самой возвышенной песни.

Это естественное благоговение, возведенное в степень благочестия постановлениями церкви, неизбежно привело к практике паломничества. Тревожное, неугомонное чувство вины бежало со сцены своих чудовищ в сладостные долины, где Спаситель нашептывал мир своим ученикам; поэзия искала вдохновляющих видений на горе Преображения; раскаяние задерживалось в саду Страстей, а раскаяние искупало свои преступления в утомительных бдениях у Гроба Господня.

На заре одиннадцатого века христианский мир пронизывала одна возвышенная идея. Предполагалось, что тысячелетие Апокалипсиса завершилось, и преобладало всеобщее убеждение, что на Елеонской горе, откуда Сын Божий вознесся на небеса в своей облачной колеснице, он вновь появится во всем великолепии своего Второго Пришествия. Со всех концов латинского мира перепуганные христиане, покидая свои дома и родных, стекались в Святую Землю — ужас усиливал преданность, любопытство стимулировало энтузиазм. Но в Палестине паломников ожидали оскорбления и поругание, а в самом Иерусалиме они столкнулись с издевательскими насмешками по поводу идолопоклонства и неверия.

Чтобы освободить эти святыне дворы от оскверняющей поступи пейнименов в сандалиях, подготовить чистое место упокоения для Сына Человеческого, Суеверие пробудило воинственный дух эпохи и привлекло рыцарство под знамена креста.

Так начались Крестовые походы, те романтические экспедиции, которые, сочетая религиозный пыл с военным рвением, объединили различные народы Европы от берегов Балтики до Гибралтарского пролива и от берегов Дуная до Бискайского залива ради одного общего дела и хлынули смешанной волной фанатиков, воинов и авантюристов на равнины Азии. В течение почти двух столетий самые могучие усилия и лучшая кровь христианского мира были потрачены впустую в бесполезной борьбе, и подсчитано, что не менее шести миллионов человек посвятили свои жизни и состояния этому отчаянному предприятию.

Но хотя крестовые походы так важны для историка, поскольку затрагивают политику всех наций; для философа - как чреватые последствиями, влияющими на счастье грядущих поколений; и для ученого - как начало эпохи, когда Гений, размышляя над руинами прошлого, восстал, подобно Фениксу, из пепла арабского величия, и, воспарив в ясном свете христианства, пролил со своего крыла росу утонченности на северных варваров; все же обычный читатель чувствует, что его знания о них настолько туманны, что существенно умаляют его удовольствие от общения с ними. намеки на них и постоянное внушение ему болезненного чувства невежества в тех вопросах, о которых он должен быть проинформирован.

Чтобы в какой-то мере восполнить недостаток, который обычная история не может устранить, сделать период крестовых походов интересным, придав ему ощутимую нить подлинного повествования, эти биографии “Героинь”, вдохновлявших трубадура, воодушевлявших воина или лично “принявших крест”, были отобраны и составлены с большой тщательностью и трудом.

Эпоха начинается примерно со времени Завоевания, когда Вильгельм I., несомненно, величайший правитель своего времени, с триумфом возвращается в Нормандию. Нет двух авторов, согласных относительно возраста его детей, я расположил их так, как это наилучшим образом соответствовало моей цели, сделав Сайсели старшей, невестой Гарольда; и вторую

дочь, Агату, невесту графа Эдвина; и Аделу, чей честолюбивый характер хорошо подтвержден, героиней Первого крестового похода.

Характер и суеверия саксов, с их любовью к “легендарным преданиям”, я попытался воплотить в ранней жизни Мод, в то время как я пытался сделать ее более зрелые годы иллюстрацией принципов и благочестия учителя, к которому вы все очень привязаны.

Наполовину неверующий Хардрагер, который был необходим, чтобы показать как план аббатства Баттл, так и причины и характер паломничества, действительно мог быть лидером ассасинов, поскольку они обосновались на горе Ливан и включили в свою веру некоторые доктрины Нового Завета того периода.

Элеонора Аквитанская была одной из немногих женщин, чьи зрелые годы в какой-то мере искупали юношеское безрассудство. Агнес Стрикленд ссылается на авторитетные источники, доказывающие, что прекрасная Розамонд провела девятнадцать лет в монастыре и умерла с репутацией святой. Вы должны извинить меня за то, что я позволил смерти прервать ее в “расцвете ее юной красоты”, чтобы представить более трогательную картину печальных последствий чувства вины. Баллады не мои; некоторые я нашел в устаревших произведениях, а одна была переложена стихами из легенды ранних романтиков.

Турниром и схваткой со львом в “Беренгарии” я обязан тому же достоверному авторитету, хотя я не могу объяснить, почему Ричард нашел Львиное сердце так удобно расположенным в нижней части горла, кроме того факта, что “Физиология и гигиена” тогда не определила истинное положение внутренних органов.

Мне было очень жаль, что не удалось сделать Джоанну такой же интересной, как Эдит в “Талисмане”, но это было явно невозможно — во-первых, из-за того, что я не обладал гением Скотта; а во-вторых, потому что я взял за правило строго придерживаться правды. Именно Сафадин, а не Саладин, стремился вступить в союз с королевским домом Плантагенетов, и я считал удобным утешить его разочарование, подарив ему вымышленную леди, которую я привез искать счастья на Востоке. Мишле подтверждает это решение своим заявлением о том, что это была подчеркнута женская эпоха и что в течение нескольких лет женщина осуществляла суверенную власть над территориями исламизма.

Блондель, само существование которого вызывало столько сомнений, я думаю, является хорошо зарекомендовавшим себя персонажем, который *“играет свою роль”* с большой точностью и правдивостью.

Если бы я не был ограничен в пространстве, то *кольцо* в руке внука Виоланты отразило бы катастрофу Сицилийской вечерни. По той же причине я мог лишь сослаться на распри между гвельфами и гибеллинами, на гражданские войны Франции и Англии, на Крестовый поход против альбигойцев и основание инквизиции святым Домиником, когда в поисках ереси он пересек холмы и долины Лангедока и обрек на смерть тех храбрецов, которые осмелились воспользоваться правом частного суждения.

Ева - единственный чисто вымышленный персонаж, имеющий какое-либо значение в произведении, и она была нарисована с натуры, портрет, который некоторые из вас, возможно, узнают. Фуллер в своей “Священной войне” опровергает легенду о том, что Элеонора извлекла яд из раны Эдуарда, но добавляет: “Тот, кто опровергнет эту прелестную выдумку, не заслужит

себе похвалы”, и, признаюсь, у меня не хватило смелости, предупрежденного таким образом, попытаться это сделать.

Здесь я хотел бы с благодарностью признать свои обязательства перед джентльменами из Рочестерского университета, благодаря вежливости которых мне было разрешено ознакомиться с несколькими работами ранниханглийских авторов, не переиздававшихся в этой стране, из которых я сделал обширные выдержки как фактов, так и формулировок.

В заключение я могу только сказать, что я постарался изложить вам правдивую историю в серии занимательных рассказов. В первом я уверен, что преуспел как в отношении событий, так и хронологии; в последнем я несколько сомневаюсь; но если моим “Героиням” удастся пробудить любопытство и побудить к исследованиям, я почувствую, что “они получили свою награду”.

Кловер-стрит, округ, 30 ноября 1852 г..

Содержание.

	Страница
Адели Блуа	19
Элеоноры Аквитанской	119
Беренгарию Наваррской	195
Изабеллы Ангулемской	279
Виоланты Иерусалимской	307
Элеоноры Кастильской	341
Первый крестовый поход, 1090 г. н.э.	75
Второй крестовый поход, 1147 г. н.э.	132
Третий крестовый поход, 1187 г. н.э.	221
Четвертый крестовый поход, а .ум. 1198 г.	272
Пятый крестовый поход, 1203 г. н.э.	281
Шестой крестовый поход, 1215 г. н. э.	315
Седьмой крестовый поход, 1249 г. н. э.	347
Восьмой крестовый поход, 1272 г. н. э.	377
Примечаний	461

Лидеры крестовых походов.

Годфруа Булонский,	Первый	крестовый поход.
Стефан, граф Блуа,	"	"
Людovic VII Французский,	Второй	"
Фредерик I. Барбаросса,	Третий	"
Филипп II. Август,	"	"
Ричард I. Львиный кер,	"	"
Генрих, граф Шампани,	четвертый	"
Конрад Немецкий,	"	"
Тибо, граф Шампани,	пятый	"
Дандоло, дож Венеции,	"	"
Жан де Бриенн, король Иерусалима,	"	"
Хью X. де Лузиньян, граф ла Марш,	"	"
. венгерский,	шестой	"
Фредерик II из Германии,	"	"
Людovic IX из Франции,	седьмой	"
Карл Анжуйский, король Сицилии,	"	"
Эдуард I английский,	Восьмой	",

АДЕЛА.

Адела. Графиня Блуа.

ГЛАВА I.

НОЧЬ НА 20 МАРТА 1067 ГОДА.

“Размахивайте высоко своими факелами над каждым утесом,
Пусть на наших зубчатых стенах вспыхнет много огней,
Кричите им в перерывах между штормом
И скажите им, что надежды нет”.

Maturin's *Bertram*.,,

Всю ночь леди Матильда и ее подрастающие дети стояли на коленях перед святыней в старом аббатстве Фешан.

В сгущающихся сумерках они с тревогой высматривали белеющие паруса флота Завоевателя. Парусов не появилось, и на Ла-Манш опустилась темная штормовая ночь. Ожидалось, что молитва вознесется к Тому, кто правит судьбами народов, ибо надежды всех будущих времен были разбиты на том полуночном море. Гастингское поле было выиграно, Гарольд убит, Англия покорена, и корабли Вильгельма Завоевателя, наполненные цветами нормандского рыцарства и сопровождаемые печальными остатками саксонской знати, неслись к нормандскому побережью.

Был ли это Воден на троне бури, который с неослабевающей яростью преследовал потомков викингов, разорителей саксонской расы? Был ли это Тор громогласный, предупреждавший гордого Завоевателя о том, что в великом сердце Англии все еще бьется пульс Свободы, хотя долина Сангуэлак обогрета кровью ее храбрейших сыновей? Был ли это дух более мягкой Веры, который возобладал над той темной ночью, разлил спокойное утро по этим беспокойным водам и через этот всепроникающий солнечный свет рассеял бесчисленные благословения, подобные жидким драгоценным камням, которыми был вымощен путь спасенных кораблей?

Показалась Мора со своим великолепным кортежем, колокола весело пробили заутреню, и пока Матильда медлила, чтобы присоединиться к гимну благодарения и хвалы, маленькая Адела, вырвавшись из-под опеки служителей, пробралась по тусклым проходам к дверям церкви, где она стояла, сияющая от восторга, с детским интересом разглядывая открывшуюся перед ней сцену.

Торжественная служба закончилась, Матильда со своим величественным шлейфом вышла из аббатства и, окруженная королевской свитой рыцарей и дам, наблюдала за раздувающимся полотнищем, которое под напором устойчивого бриза несло доблестные суда в порт. Раздраженные задержкой, королевские дети нетерпеливо побежали вниз по зеленому склону к кромке воды. “А теперь, братья мои, ” сказал пылкий Уильям, “ прекрасная земля Англии тому, кто, бросив три камня, дважды попадет в этот рыбацкий буй”. С этими словами он схватил камешек и уже собирался швырнуть его в намеченную цель, когда Адела бездумно схватила его за руку. Камень лениво упал в волну, забрызгав короткие плащи и расшитые туники маленькой группы. За этим подвигом последовал насмешливый смех, и Адела, знакомая с последствиями гнева Вильгельма, убежала от его поднятой руки под защиту Ричарда, который, прикрывая ее своей рукой, воскликнул: “Роберт, представь, что ты поддерживаешь саксонского графа и испытываешь на нем свою доблесть. Я отказываюсь от всех притязаний на завоеванное королевство.

“Книга и колокольчик, латинские молитвы и паломничество в память о моем брате Ричарде”, - ответил Роберт, выбирая гладкий камешек и готовясь бросить, но не успел камешек вылететь из его руки, как меткий снаряд Уильяма попал в буй и на мгновение погрузил его в волны. С выражением гордого презрения Роберт швырнул камень. Он упал, оставив в воде ямочку далеко за пределами отметки. “Англия моя”, - крикнул Уильям, снова безошибочно метнув буй под воду. “Англия моя”, - повторил он, ликуя, указывая на саксонское знамя, которое держал в

руке его собственное изображение на носу "Моры". Роберт презрительно улыбнулся и вернулся к матери.

Теперь все взоры были устремлены на доблестный барк, гордо вошедший в порт среди радостного развеивания знамен, гонфанонов, вымпелов и вымпеловых вымпелов, которые развеивались на утреннем бризе со всех мачт, рангоутов и штандартов.

Радостный крик вырвался из собравшейся толпы, раздались возгласы: "Да здравствует Вильгельм завоеватель! Да здравствует наш добрый герцог Нормандский!" - под звуки труб и звон колоколов приветствовали победителя на берегу. Нежно обняв свою прелестную жену и детей и милостиво приняв приветствия своих ликующих подданных, он повернулся, чтобы представить благородных саксов, которые увеличивали пышность его свиты.

"Моя Матильда будет приветствовать Эдгара Ательнга, в жилах которого течет кровь ее родителя Альфреда Великого. Храбрые графы Моркар и Эдвин, благородный Уолтеф и его прекрасная дочь Мод также являются гостями при нашем дворе и не должны испытывать недостатка в любезности с нашей стороны.

В то время как Матильда с высокородной грацией и достоинством принимала своих неохотных гостей, маленькая Адела, привыкшая к виду облаченных в кольчугу баронов и княжеских нарядов, почувствовала непреодолимое влечение к робкой девочке, которая трепетно цеплялась за руку графа Уолтхофа. Другие глаза, кроме ее, были очарованы внешностью прекрасной незнакомки. Желтая юбка из тончайшей шерсти изящными складками ниспадала к ее ногам; поверх нее было наброшено пурпурное платье, перехваченное у лифа поясом изысканной работы, задрапированным, не скрывая изящных пропорций фигуры, отлитой по тончайшей форме природы. Малиновый платок наполовину скрывал украшенную драгоценными камнями сетку, из-под которой ее светло-каштановые волосы, отливавшие золотом на солнце, в изобилии спадали на снежную шею. Ровный свет ее кротких фиалковых глаз с любовью упал на Аделу, и легкий румянец на ее щеках превратился в яркий румянец, когда жизнерадостный ребенок, ласково взяв ее за руку, подвел вперед, чтобы получить приветственный поцелуй от королевы герцогини Матильды.

ГЛАВА II.

"Но пребывает ли там сердце изгнанника в безмятежном солнечном свете?"

Череда блестящих зрелищ и рыцарских увеселений ожидала Завоевателя, его вельмож и заложников во время их помпезного шествия по всем городам Нормандии, от Фешана до Байе.

Роберт, уже носивший рыцарские шпоры, подпоясанный серебряной перевязью и высоко державший копье с заостренной перевязью, возглавлял авангард, галантно сопровождая молодых графов Моркара и Эдвина, а также королевского Ательнга, в то время как честолюбивый принц Уильям, присоединившись к отряду самых обученных лучников своего отца, упражнялся на яркокрылых птицах в тех приемах стрельбы из лука, в которых он впоследствии стал таким искусным.

Адела получила место рядом с кроткой Мод и всеми детскими уловками старалась вернуть улыбки, которые ненадолго оживляли печальное лицо саксонской девушки. Не менее усердно и не более успешно король-герцог и его надменная супруга использовали очарование непринужденной грации и отточенного остроумия, чтобы развеять мрачные размышления плененного Уолтефофа. Так прошли они дальше, печальные сердца с веселыми. Так сидели они в залах веселья, один строго соблюдал великопостный пост, другой упивался триумфальными пиршествами; одна—единственная мысль омрачала пост и подслащивала пир - и эта мысль была об *Англии*.

В одной из комнат дворца Байе собрались домочадцы Завоевателя, занятые своими повседневными делами. Группы девушек с ловкими пальцами молча творили под окном "Матильды", печальной эпопеи о падении Англии.

"Оставь свои спутанные мотки этим прекрасным девушкам и искусному Турольду и отойди со мной, - сказал Уильям, внезапно входя и отводя свою королеву в сторону, в глубокую нишу окна. - Я хотел бы говорить о твоей и моей славе".

Конференция длилась долго. Юные принцы вызвали девушек на имитационный турнир на ристалище, и ожидающие облака приготовили великолепное ложе для солнца за холмами Бретани, прежде чем коварный государственный деятель завершил реализацию всех своих планов по надежному закреплению нормандской династии на троне Эдуарда Исповедника. Он поделился своими опасениями из-за сурового характера Уолтхофа и своими надеждами из-за очарования его племянницы Джудит д'Омаль. Эдгара Ательинга он мало опасался. Мальчик, воспитанный при чужом дворе, незнакомый с саксонским языком и манерами, не имел ни желания, ни способности претендовать на достоинство, неподходящее его годам. Он уже был рука об руку с Робертом и подчинялся властной воле молодого рыцаря.

Но Моркар и Эдвин были более опасными противниками. Родственники покойного короля, при малейшем недовольстве они могли бы поднять на ноги друзей знаменитого графа Сиварда, победителя Макбета; графов Норфолка, Эли, Хантингдона и Нортумбрии, простирающихся далеко до шотландской границы; и доблестного человека из Мерсии, вступившего в союз с ужасными валлийцами.

"Победа при Гастингсе, моя королева," сказал Уильям со своей самой кроткой улыбкой, - не установит мирного правления на всех холмах и долинах веселой Англии. Пусть политика завершит то, что было начато доблестью. Мне кажется, наша прелестная Сайсели могла бы опутать беспокойного Эдвина шелковыми путями любви надежнее, чем невольное почтение или вымогаемая клятва.

"Сайсели, невеста Гарольда!" воскликнула Матильда. "Если бы ты видел ее агонию, когда весть о смерти Гарольда пришла вместе с известием о твоей победе, ты вряд ли стал бы говорить с ней о любви." "Детская фантазия," нетерпеливо воскликнул Вильгельм. "дыхание похвалы быстро осушает слезы на щеках девушки. Должно быть, она невеста сакса."

"Это невозможно", - ответила королева. "В Нотр-Дам-де-Бонн-Нувель, когда моя душа была полна радости за твою безопасность, я посвятил твое убитое горем дитя быть невестой Небес. Святой Ланфранк уже утвердил этот обет."

Уильям торопливо расхаживал взад и вперед по комнате, завязывая и развязывая богатый пояс своего плаща в неконтролируемом гневе и разочаровании.

Матильда успокаивающе положила ладонь ему на плечо. — Агата красивее Сайсели, Адела умна не по годам и, несмотря на то, что она еще ребенок, легко разгадает все твои замыслы.

“ Не говори об Аделе, у нее талант к интригам, равный моему брату Одо. Выдай ее замуж за того, кто мог бы способствовать ее честолюбию, и ни корона, ни трон не были бы выше ее чаяний.

- У Агаты любящее сердце, - взмолилась Матильда.

“ Ты говоришь правду, Эйми, это по законам сердца, которыми управляет женщина. Агата станет невестой Эдвина до того, как он покинет эти берега.

Таким образом, дело было улажено. Новая королева получила титул мэнора Глостер и приговорила владельца, своего бывшего любовника, к вечному тюремному заключению. Прекрасной Мод предстояло жить в изгнании в качестве заложницы за верность своего отца, пока не представится подходящий случай скрепить ее руку узами дружбы между Завоевателем и каким-нибудь недовольным пэром. С другими заложниками и их разнообразным имуществом расправились аналогичным образом, и таким образом вечерние тени проникли в эту затемненную комнату и, подобно осязаемым формам, нависли над жертвами, которые новые монархи тайно возложили на алтарь Алчности и честолюбия.

Церемония обручения состоялась на следующий вечер. Были гости в расшитых одеждах и дорогих драгоценностях, были огни и музыка, и более чем обычное веселье; но Мод видела только Эдвина, и когда, взяв за руку маленькую принцессу, он произнес решительным голосом: “Твой и только твой”, краска сошла с ее губ и щек, как будто смертельное горе сжало ее сердце.

Последовали подарки и поздравления, и когда Эдвин преподнес своей невесте миниатюрный серебряный щит, галантно сказав: “Это защитит твое сердце от другой любви”, торжествующий блеск на лице Уильяма убедил Матильду в том, что Эдвин победил.

ГЛАВА III.

“О! радость
молодых идей, нарисованных в сознании,
теплыми сияющими красками, которые фантазия разливает
По еще неизвестным объектам, когда все ново
И все прекрасно.”
Ханна Мор.

Когда весна перешла в лето, Эдвин, ликующий от гордости за свою юношескую элегантность и княжеский союз, с почестями вернулся в свои восстановленные владения.

Агата горько плакала, узнав о его отъезде, но ни одна слезинка не скатилась по щеке Мод. Все внешние эмоции были похоронены в могиле безнадежной любви, и с тех пор в своей бледной, неизменной красоте она выглядела гробницей из слоновой кости, где хранился прах какой-

нибудь святыни, чтобы ежедневно творить чудеса над беспокойными духами, которые ее окружали.

В ее обществе буйные и своевольные дети Завоевателя становились спокойными и послушными. Часто в долгих тихих сумерках она собирала их в зачарованный кружок, с благоговейным трепетом слушая дикие рассказы и призрачные легенды об ужасных викингах; которые вели свои отважные корабли в неведомые моря и замуровывали своих плачущих пленников в лишенных солнца ледяных подземельях севера или оставляли их голыми и дрожащими на бесплодном побережье, добычей свирепых ветров, которые поднимали и бросали их на красные и оцетинившиеся копыта гигантских демонов Авроры.

История о Вифлеемском Младенце, убаюканном среди животных в стойле, возвещенном ангелами и почитаемом восточными мудрецами, проходящем святым присутствием, которое распространяло радость и утешение в каждое сердце, по зеленым долинам Иудеи, идущем без сандалий по стеклянным волнам Галилеи и стоящем в одеждах, белых, как свет, на вершине Фавора, агонизирующем в Гефсимании и страдающем на Голгофе ради искупления погибшей расы, рассказывается мягкими тонами святого Духа. Мод привила интерес к сценам жизни и страстей Спасителя, который не смогли пробудить все священные реликвии и изображения святых церкви.

Но особенно Роберту и Аделе нравились рассказы о пайнимах в тюрбанах. Длинный караван, петляющий по пряному пути через изумрудные оазисы или сверкающие пески; темнобровые сарацины с копьями и кимвалами, мчащиеся в битву на арабских скакунах, быстрых, как ветер пустыни; ужасные турки из дебрей Хоссара, быстрые, как леопарды, и свирепые, как вечерние волки; смуглые нубийцы, толпящиеся, как саранча, в святых местах; измученные трудом паломники, которых бичевали и убивали, и христианские дети, зарезанные для приготовления дьявольских угощений мусульманским извергам, — все это никогда не переставало волновать больше всего сильное любопытство и прямые призывы к мести.

Услышав одно из этих повествований, Роберт поднялся с решительным видом и воскликнул: “Мой дед, Роберт Дьявол, как говорят монахи, был вознесен на небеса на спинах демонов; но если по милости святого Стефана я когда—нибудь посету Святую Землю, то не с посохом паломника, а с мечом и копьем, чтобы изгнать этих проклятых демонов обратно на место их пыток”.

“Это было бы святое дело, - сказал Ричард, - и его благословили бы святые”.

“ Будь я рыцарем или женщина, остановившая копье, - воскликнула Адела, “ эти языческие псы больше не питались бы плотью христианских младенцев. Позор пэрам Нормандии, которые спокойно сидят в Руане, в то время как Гроб Господень находится в руках неверных”.

“ Пэры Нормандии будут спокойно сидеть в Руане только до тех пор, пока мой отец не вернется со своей конференции с Ланфранком, ” сказал Вильгельм. “ Прошлой ночью небольшое судно бросило якорь у побережья, и во дворец, запыхавшись, поспешил гонец. Мне не удалось поговорить с ним, но я знаю, что он привез вести от Фитца Осборна и нашего дяди Одо. Хью де Главиль предполагает, что в Англии совершена государственная измена”.

- Моя мать отпустила своих служанок раньше, чем обычно, и нахмурилась, отослав Турольда, когда он принес ей рисунок деревянной крепости, - со вздохом сказала Сайсели. - Мое сердце подсказывало мне тогда, что надвигается какая-то опасность.

- Молись Богу, чтобы это не дошло до Эдвина, - сказала Агата побелевшими губами.

“Молю Бога, чтобы неприятности продолжались до тех пор, пока мой отец не перевезет свой двор в Лондон”, - сказал Уильям, когда встали с поросшего мхом берега, на котором они сидели, и встревоженная компания вернулась через плезанс в большой зал, где была приготовлена вечерняя трапеза.

Когда молчаливая трапеза была закончена, Мод отвела плачущую Агату в ее собственные покои и, приподняв занавес молельни, встала рядом с ней перед алтарем, покрытым богато расшитым бархатным покрывалом. На алтаре стояло золотое распятие, перед которым горела серебряная лампа, а в нише над ним - алебастровое изображение Мадонны.

- Дочь норманнского Вильгельма, - сказала она, беря Агату за руки и опускаясь на колени перед алтарем, - перед святым крестом перед тобою и очами пресвятой богородицы, взирающей на тебя, скажи мне правду, любишь ли ты саксонца Эдвина? - и Агата тихо, но твердо прошептала: “Я люблю саксонца Эдвина”.

“Обрати свой взор к звездам, символам неизменной веры, и скажи мне правду, будешь ли ты для Эдвина Филгией-хранительницей в счастье или в горе?” и Агата ответила: “Я буду охранять Эдвина в счастье или в горе”.

“ Возложи руку на эту святыню, ” снова сказала Мод, приподнимая пурпурное покрывало и обнажая украшенную драгоценностями шкатулку, “ и скажи мне правду, хотя отец, мать, брат, друг или священник заставляют тебя, выдержишь ли ты данное Эдвином обещание?” и Агата ответила: “Я сдержу данное Эдвином обещание”. “Пречистая Мария, неспящие звезды и эта святая реликвия святого Иоанна богослова помогают тебе сдержать твой обет, аминь”. И Агата торжественно ответила: “Аминь”.

Всю ту ночь терпеливая Мод колдовала волшебным ободком над тротгифтом Эдвина, начертав на нем саксонский амулет, который, носимый на груди его любовницы, должен был защитить его от опасности, поражения и смерти! доверчивая Агата молча бодрствовала рядом с ней, в то время как со двора внизу доносился топот коней и тяжелая поступь облаченных в кольчуги воинов, спешащих с приготовлениями к отъезду.

ГЛАВА IV.

“Это жестокое слово так взволновало ее нежное сердце,
Что внезапный холод пробежал по каждой жилке,
И каменный ужас наполнил все ее чувства,
Предсмертный припадок, что она упала от боли”.
Королева фей.

“Когда приходят печали, они приходят не одиночными шпионами, а целыми батальонами”.
Shakspeare’s *Гамлет*.

Предположения принца Уильяма были вполне обоснованны. Пэры Нормандии снова были вызваны из своих замков для встречи с Завоевателем, и следующей весной королевская семья переехала в Винчестер.

Коронация Матильды была самым впечатляющим зрелищем, которое когда-либо видели в Англии. Иностранные принцы и пэры украсили блестящий церемониал — многочисленная и знатная компания норманнов сопровождала ее в церковь, а телохранители из англосаксов, среди которых Агата выделила Эдвина, выделявшегося красотой своей особы и почти восточным великолепием своего одеяния, проводили новую королеву и ее прекрасных детей во дворец, где великолепный банкет завершил торжества.

За этим сезоном веселья последовали события печального и мрачного характера. Особые невзгоды, обрушившиеся на Англию в катастрофические 1069-70-е годы, вынудили королеву со своими придворными дамами снова искать безопасности в Нормандии. Восстание графа Уолтхофа — вторжение датчан — бегство Эдгара Ательинга — враждебность Малькольма, короля Шотландии — разрушение города Йорка — смерть Олдреда, его благодетельного и горячо любимого епископа — опустошение Нортумберленда — опустошение графства Хэмпшир — конфискация частной собственности — и вопли бездомных скитальцев, погибающих в нужде, стали сценой беспрецедентных бедствий, в то время как отвратительное возрождение Данегельта и еще более жестокое обращение с ним. отвратительное навязывание *общей вражды* доводило раздраженных жителей до отчаяния и вызывало постоянные восстания.

Сердце короля, опечаленное и раздраженное, полностью отделилось от его саксонских подданных; и когда граф Эдвин потребовал руки Агаты, его притязания были отвергнуты с упреками и презрением.

Тем временем дамы нормандского двора, не меньше Матильды, сожалели об отсутствии своих лордов, и ропот и жалобы сменились грустью и недовольством, по мере того как проходили месяц за месяцем и год за годом, а смуты в Англии все еще требовали постоянного применения нормандского оружия.

Неожиданное прибытие Завоевателя с военным эскортом в Кан вызвало кратковременное чувство радости, но у его семьи не было повода радоваться его приезду.

Принцессы слушали с напряженным вниманием, пока Мод рассказывала роман о северном ярле, который каждую ночь, когда луна поднимала высоко свой серебряный светильник, ставил свой океанский дворец на якорь в тени замка, возвышающегося над морем, чтобы посвататься к прекрасной Ульне, Жемчужине Оркнейских островов. Девушка, скованная чарами, свесившаяся с решетки, поддалась песне чародея и уронила бледную жемчужину на палубу боевого корабля; волшебная птица, уютно устроившаяся в его покровах, расправила свои широкие крылья и задумчиво парила над оконным проемом, когда пылающие факелы, плеск весел и дикие крики возвестили о приближении флота ее отца.

В этот момент истории поспешно вошел посыльный и вызвал Агату к ее ужасному отцу.

С печальными предчувствиями принцесса встала и молча подчинилась приказу. С Завоевателем в зале для аудиенций не было никого, кроме Матильды, Ланфранка и саксонского секретаря Ингульфуса.

“ Сядь рядом со мной, дочь моя, и послушай мои слова, ” сказал надменный монарх с непривычной нежностью. “ То, что я велел тебе отдать свою руку графу Эдвину, чтобы обеспечить мир в Англии, вместо того чтобы доверить это дело моему доброму мечу, давно и сильно огорчало меня; и часто я молился святым угодникам, чтобы они отпустили мне этот грех. Небеса услышали мою молитву и предотвратили твою гибель”.

Непроизвольная дрожь сотрясла хрупкое тело Агаты, но ни звука не сорвалось с ее губ.

“ Храбрый Альфонсо, король Галисии, - продолжал король, ” прислал посвататься к тебе в невесты; послы ждут в прихожей, и добрый Ланфранк согласился освободить тебя от нарушенного тобой обета. Этим дорогим кольцом принц Испании заверяет тебя в своей верности”.

Агата инстинктивно отдернула руку.

“ Нет, не пугайся, дочь моя. Сакс был недостоин твоей любви. Разве ты не знаешь, что он в союзе с врагами твоего отца? Откажись ты от его дара верности, я верну его гордому Мятажнику. Прикажи своим служанкам облачить тебя в одежды, приличествующие твоему рангу (несомненно, испанская диадема вполне подойдет к твоим причальным локонам). Прямо сейчас великолепный конвой судов стоит на якоре в гавани, чтобы доставить тебя к твоему будущему повелителю, а благочестивый Ингульфус, давно желавший посетить Гроб Господень, сопроводит тебя до берегов Испании”.

Агата не произнесла ни слова и не пошевелилась.

- Отдай мне свой дар, глупая девчонка! - сердито крикнул ее отец, грозно нахмутив брови, при виде которых обычно трепетали смелые сердца.

Дрожащая жертва машинально достала из-за пазухи талисманый щит. Ланфранк снял кольцо с ее руки, надел ей на палец, повторил слова отпущения грехов и церемонию обручения, а когда он замолчал, Агата лежала у ног своего отца, бледная и холодная, в обмороке, подобном смерти. Но когда Матильда горько оплакивала свою страдающую дочь, ее сердце разрывалось от еще более острой боли из-за проклятий, произнесенных над ее первенцем и любимым сыном. Роберт был помолвлен в младенчестве с наследницей штата Мэн и питал самую романтическую привязанность к своей нареченной невесте. После смерти принцессы народ потребовал, чтобы он стал их господином, и молодой регент, великодушный и опрометчивый, вступил во владение герцогством и вершил правосудие от своего имени.

Теперь Уильям требовал, чтобы он не только отказался от феода, но и отдал свою руку Мод, прекрасной пленнице, которая так долго была подругой его сестер. С истинным рыцарским духом Роберт возмущенно ответил:

“ Прелестная Мод уже отдала свою привязанность графу Эдвину, и невеста Роберта никогда не принесет к алтарю сердце, сопротивляющееся ее воле. Ты принес кроткую Агату в жертву жажде власти, но кроткая Мод никогда не пострадает от твоей тирании, пока меч опоясанного

рыцаря может защитить ее. Если я когда-нибудь стану королем Англии, земли Хантингдона будут принадлежать ей со свободным правом выбирать себе лорда.

“Не хвались завтрашним днем, Англии у тебя никогда не будет. Я завоевал его своим добрым мечом, наместники Христа возложили его корону на мою голову и вложили его скипетр в мою руку, и весь мир, вместе взятый, не отнимет его у меня”, - воскликнул монарх в пароксизме ярости.

“Я требую только сюзеренитета Нормандии и Мэна, которые, как все говорят, по праву принадлежат мне”, - ответил Роберт.

“Тебе следовало бы помнить о судьбе Авессалома и несчастьях Ровоама и остерегаться злых советчиков”, - возразил Уильям.

Роберт дерзко возразил: “Я пришел сюда не для того, чтобы слушать проповеди, а для того, чтобы потребовать обещанного мне посвящения. Ответьте мне положительно, разве это не мое право?”

“Не в моих обычаях раздеваться перед сном, - ответил Победитель. - и пока я жив, я не разделю мое родное королевство, Нормандию, ни с кем другим, ибо написано у святых евангелистов: ”Всякое королевство, разделившееся само в себе, придет в запустение“.

“Если тебе неудобно сдерживать свое слово, я уеду из Нормандии и буду искать справедливости у чужеземцев, здесь я не останусь подданным”, - ответил Роберт с равной гордостью и презрением.

“ Великолепие нашей страны! ” крикнул Уильям, наполовину обнажая меч. “Недопустимо, чтобы тот, кто обязан мне своим существованием, стремился быть моим соперником в моих собственных владениях. Да падет проклятие Каина на твою непокорную голову”.

Так они расстались: Роберт нашел убежище у брата своей матери во Фландрии, а Вильгельм вернулся в свое обезумевшее королевство, где на пепелищах свободы все еще тлели пожары гражданской войны.

В таких сценах воспитывалась Адела, и, таким образом, в атмосфере интриг и суеверий она была персонажем от природы проницательным и порывистым, готовым разрабатывать и претворять в жизнь самые смелые планы.

Общественные бедствия и внутренние неурядицы нарушали мир и раздражали характер английского монарха. Вестники с севера приносили известия о союзах и заговорах против его власти, в то время как гонцы из Нормандии сообщали о недовольстве его пэров и враждебных действиях французского короля.

Ричард, его самый послушный и любящий сын, сопровождал его в Англию. Молодой принц чрезвычайно любил охоту и часто проводил целые дни на охоте в Нью-Форесте в Хэмпшире.

Малярия обезлюдевшего района и болезненные эмоции, пробужденные в его чувствительной натуре видом умирающих от голода несчастных, тщетно ищущих пищи и крова, вызвали бредовую лихорадку, которая вскоре оборвала его жизнь. Он был похоронен в Винчестерском соборе.

Последний звук колокола, отбивающего комендантский час, эхом отдавался по безмолвным залам дворца, когда обезумевший отец, преследуемый жалобными причитаниями и укоризненным бредом своего ушедшего сына, в отчаянии бросился на свое ложе.

- Вести из-за морей, - сказал камергер, входя и вручая ему письмо. Уильям разрезал шелк и прочел.

“Во имя пресвятой Марии, приснодевы, святого Михаила и святого Валерия, твой бедный писец Ингульфус молится, чтобы тебе, герцог Вильгельм, милостью Божьей, король Англии, были даны силы перенести ужасную весть, которую я с большим прискорбием сообщаю. Когда это дойдет до тебя, ты узнаешь, что твоей милой дочери Агаты больше нет в живых. Со дня нашего отъезда она не пролила ни слезинки, но с ее губ постоянно срывался нежный плачущий звук, подобный стону раненой голубки. По ее словам, ее сердце было предано ее первому супругу, и она молилась, чтобы Всевышний скорее забрал ее к себе, чем позволил ей когда-либо выйти замуж за другого. Ее молитва была исполнена.

Слабость, которую мы наблюдали во время ее обручения, возвращалась к ней ночью и днем, но она никогда не роптала; и в канун дня святой Агнессы, приняв обряды нашей святой Церкви, она умерла с распятием в руке и именем Эдвина на устах“.

Свиток выпал из рук убитого горем отца, и острая боль раскаяния сжала его сердце.

Снова вошел камергер, сопровождая темную фигуру, закутанную в длинный саржевый плащ, похожий на те, что обычно носят монахи. Опустившись на колени у ног монарха, незнакомец заговорил. “Зная, о король! благодаря твоей щедрости к твоим верным слугам и движимый любовью, которую я питаю к твоему трону и королевству, я открыл Фиц Осборну тайные убежища твоих врагов и, чтобы снискать твою королевскую милость, привез с острова Или то, что, я надеюсь, понравится тебе. Узрите голову саксонского вождя”.

Победитель в ужасе отпрянул назад, когда хорошо знакомое лицо Эдвина, бледное и искаженное предсмертной агонией, и длинные светлые локоны, запекшиеся от крови, встретились с его изумленным взглядом.

“Проклятый предатель!” закричал он, вскакивая со своего места. - Ты думаешь завоевать мое расположение, принеся мне голову твоего убитого господина? Хо! сенешаль, отведите этого Иуду в нижнюю камеру донжона. Там он узнает, как Уильям вознаграждает предателя невинной крови. Пленника вынесли из его присутствия.

Монарх закрыл лицо руками и разрыдался от безудержной муки.

“Горе мне, дочь моя, — Погиб из-за нечестивых амбиций твоего отца, — Твой Эдвин затравлен и убит на камне своего собственного очага. Что принес мне этот скипетр? Тяжелые дни и бессонные ночи, разделенный дом и дети, оборванные в расцвете юности. Истинно, говорит Писание: “Горе тому, кто проявляет злую алчность к дому своему”.

Когда он склонил голову, его взгляд упал на роковой серебряный щит. Благоговейно подняв его с пола и с некоторым трудом стерев запекшуюся кровь с его полированной поверхности, он расшифровал саксонскую надпись, которая была изящно переведена таким образом.

“Эдвин, его обещание осталось во мне,
Теперь перед битвой:
Пусть она будет его ангелом-хранителем,
Которая носит меня на своей груди.

Пусть она докажет ему, что у нее чистое сердце,
О! Боже, я молюсь тебе;
Эдвин достойно отплатит за свою любовь,
вернувшись из боя.

Но если, забыв о своих клятвах,
Да отвратят Небеса эту мысль,
она продаст этот любовный амулет своего супруга,
Который никогда нельзя было купить;

Если по собственной воле она выбросит
Этот талисман;
Пусть жизнь Эдвина больше не продлится,
Чтобы сожалеть о том роковом дне”.

ГЛАВА V.

“Все же направь свое сильное желание к истине,
И беги из самого воздуха, где обитает лжец.
Не пропускай мессу, там все еще с благоговением ступают
Каждое утро, и не скудей приношениями твоими,
Поспеши, сэр рыцарь, туда, где дамы жалуются на несправедливость;
Отстаивай их право и в своем деле будь тверд ”.

Последний акт кровавой трагедии порабощения Англии завершился в 1074 году, когда граф Уолтеф, вовлеченный в заговор против короны и преданный своей нормандской женой Джудит своему дяде Завоевателю, был обезглавлен на возвышенности, недалеко от ворот Винчестера, став первым англосаксом, погибшим от руки палача.

Вероломная Джудит привязалась к французскому графу, но Уильям уже заручился поддержкой в достижении своих целей в лице Саймона, нормандского дворянина, хромого и уродливого, которому он намеревался отдать ее руку с богатыми графствами Нортгемптон и Хантингдон.

Надменная Джудит презрела этот союз и, лишённая ранга и власти, удалилась в дебри Йоркшира в неизвестности и презрении.

Горькие слезы, вызванные печальной судьбой Агаты и Эдвина, были свежи на щеках Мод, когда тяжелое известие о жестокой смерти ее отца захлестнуло ее волной более глубокой тоски. Последовала затяжная болезнь, но сладкие сны все время нарушали ее покой, и бдительная Адела поняла, что перенеслась в дом своего детства, в веселость раннего утра жизни, она снова

ступала по продуваемой бризом возвышенности и благоухающей поляне, бродила по лесам и пустошам с Эдвином рядом или, сидя у освещенного звездами фонтана, вызывала соловья из лиственной лощины обрывками рунических рифм и саксонской мелодии. Но молодая жизнь, борясь с болезнью, медленно уводила ее назад от врат могилы. Одно за другим яркие видения померкли, и, к сожалению, ее глаза открылись для осознания мрачной реальности, стоящей перед ней.

Уильям решил, что рука прекрасной наследницы Хантингдона должна компенсировать уступчивому Саймону унижительный отказ ее мачехи. Обручение должно было состояться непосредственно по прибытии Завоевателя в Нормандию, но счастливое забвение Мод, не меньше, чем мольбы Адели, и угрозы Роберта послужили отсрочке гибели, которую они не смогли окончательно предотвратить.

Уильям покорила мятежную провинцию Мэн и, тронутый ухудшением здоровья и непрекращающимися мольбами своей любимой королевы, даровал своему непокорному сыну полное прощение за его недавний мятеж, “обещая в то же время предоставить ему все, чего он мог ожидать от любви отца, соответствующей долгу короля”.

Таким образом, мир был восстановлен во всех владениях Завоевателя, и королевская семья, счастливая своим воссоединением, отпраздновала Рождество в столице страны Руане.

“Милая сестра моя, - сказал Роберт Аделе, когда она сидела, занятая знаменитым гобеленом из Байе, - прошу тебя, оставь царственный нос нашего доблестного отца, который ты проколола и вышила крестиком, пока, воистину, он не начнет кровоточить под твоими пальцами, и прислушайся к словам твоего брата”.

“Ну же, грэмерси! Кроме того, - сказала Адела, смеясь, - у тебя, должно быть, сложилось отчетливое впечатление о внешности твоего благородного отца, раз ты не можешь отличить его носа от “огненного шлейфа” ужасающей кометы.

- Нет, - сказал Роберт, подбирая сравнение, - огненная свита Завоевателя вселила в Англию больше ужаса, чем все кометы со времен Юлия Цезаря, как засвидетельствуют жители Йорка; но давай, отложи в сторону этот отвратительный гобелен, у меня есть другая работа для твоих умелых пальцев.

- Мой почтенный брат, возможно, воспользовался бы ими, чтобы проткнуть своего благородного отца на поле Арчембрая, но игла девушки ранит не так глубоко, как меч воина, - лукаво заметила Адела.

- Несомненно, твой язык острее твоей иглы, - сказал Роберт, краснея, “ а твои глаза превосходят твой язык. На поле Арчембрей я всего лишь ранил руку моего отца, в то время как одна яркая стрела из твоих глаз пронзила сердце графа Стивена.

- Мне кажется, такое ранимое сердце должно быть заковано в броню, - сказала Адела, покраснев в свою очередь.

“ Остроумие твоей женщины опережает мою речь и предсказывает мое поручение, ” сказал Роберт. “Граф Стефан из Блуа просит меня умолять прекрасную Аделу заковать его *вколючужные доспехи*, чтобы друг Роберта стал его братом по оружию”.

-Он приказывает тебе! - сказала Адела, роняя вышивку. - Значит, граф в Руане?

“Даже так, друг мой”, - ответил Роберт. “Разве ты не заметил благородную фигуру, входящую в церковь в сумерках и выходящую на рассвете, опустив глаза в землю, за исключением, быть может, тех случаев, когда он украдкой бросает взгляд на мою очаровательную сестру, сопровождающую свою мать на заутреню или вечерню”.

- По правде говоря, я заметила такого юношу, - сказала Адела, краснея, - но почему он не бывает при дворе?

“ Он проводит свое боевое дежурство до двенадцатого дня, ” ответил Роберт, “ и Победитель пообещал, что, прежде чем погаснет святочный костер, как называет его Ательинг, он сам возложит звание рыцаря на плечи молодого графа. Мой отец желает, чтобы его дети присутствовали на церемонии.

- Желание моего отца! - воскликнула Адела с глубоким удивлением.

“Конечно, милая, - ответил ее брат, - неужели ты думаешь, что Победитель не видит белых стад, пасущихся на зеленых пастбищах Блуа, что он не слышит стука ткацких станков в Шартре и не любит искрящееся вино, которое льется из краснеющих виноградинок Шампани?”

- Роберт, ты сломал мою иголку, - сказала Адела, смущенно пытаясь скрыть от пронизательных глаз брата, какое влияние эти соображения оказали на ее честлюбивое сердце.

- Я сломал твою шерстяную иглу, чтобы ты мог продеть нитку получше в шелковую нить, чтобы вышить шарф для твоего доблестного рыцаря, ” сказал Роберт, вставая, чтобы уйти. Адела последовала за ним в прихожую и, отпустив слуг, договорилась с ним о приготовлениях к театрализованному представлению.

Едва ли признаваясь самой себе в сладостных надеждах, которые впервые затрепетали в ее груди, она оставила рыцарские поединки и праздничные переодевания и провела праздничный сезон в уединении своих покоев, где с помощью одной только верной Мод выковала на тирском пурпуре золотых шартрских львов, украсила сверкающий дамасский шелк лилиями Шампани и вышила на лазурном поле жемчужный полумесяц Блуа. Глубокий бой башенных часов, отбивающих полночь, нарушил тишину, царившую в замке, как раз в тот момент, когда Адела отделила последнюю шелковую нить от пальцы для вышивания и поднесла великолепную перевязь к свету лампы перед восхищенным взором своей подруги.

“ Тише! ” сказала Мод, приложив палец к губам Адели, чтобы сдержать радостное восклицание.

- У нас на севере есть пословица: “законченные дела приносят вещие сны”. — Поспешите найти свою подушку, но смотри, чтобы твой взгляд не отрывался от той яркой звезды, которая даже сейчас мерцает за оконным стеклом. Не произноси ни слова, пока я заворачиваю шелковый шарф в складки твоего балдахина и шепчу о мистическом очаровании мортвирты”. С недоверчивой улыбкой Адела повиновалась, и, отпустив шиномонтажниц, Мод оставила ее дремать в одиночестве. Едва взошло солнце, как Мод снова вошла в квартиру.

- Видения будущего посетили твой покой, - сказала она, вопросительно взглянув на задумчивое лицо принцессы.

“Не спрашивай меня, — ответила Адела, - обещание и страх сбили меня с толку - только грядущие годы могут объяснить эту тайну”.

Большой зал дворца был оборудован для блестящей церемонии. Все рыцари и дворяне, епископы и духовенство Нормандии и прилегающих провинций, облаченные в самые роскошные облачения своих орденов, с высокородными дамами и краснеющими девицами, сверкающими драгоценностями, выстроились вдоль зала, в верхнем конце которого стояла семья Завоевателя, рядом с алтарем, покрытым золотой тканью.

Юные принцы Роберт и Уильям, сопроводив графа Стефана в баню, облачили его в белые одежды и накрыли малиновым плащом, один из которых символизировал чистоту его души, а другой - решимость пролить свою кровь во имя неба. Облаченный в это простое одеяние, после совершения торжественной мессы он вошел в зал и, подойдя к алтарю, вручил свой меч епископу, который благословил и посвятил его служению религии и добродетели.

Тогда Ланфранк обратился к нему так. “Ты стремишься, граф Блуа, стать рыцарем — ты благородного происхождения, щедро одарен и отличаешься отвагой.—Ты должен быть сильным в опасности, тайным на советах, терпеливым в трудностях, сильным против врагов, осмотрительным в поступках. Возложи руку на этот священный молитвенник и поклянись соблюдать следующие правила.” И Стивен положил руку на зажатый том и медленно повторил за священником.

“Я торжественно обещаю и клянусь не щадить ни своей крови, ни своей жизни в защиту католической веры, — помогать всем вдовам и сиротам, — защищать невинных и угнетенных, — быть смиренным во всем, — говорить правду от всего сердца, — заботиться о благополучии моих вассалов, — уважать права моего суверена, — и жить праведно перед Богом и людьми”.

Затем, поднявшись с колен и сбросив плащ, неофит стоял, благоговейно склонив голову к священнику, в то время как принц Уильям пристегивал рыцарские шпоры, Эдгар Ательинг — поножи, а Роберт - корсет; он грациозно опустился на колено, когда Мод, подойдя, поправила шлем на его густо вьющихся волосах, а Констанция подала копье с поникшим знаменем; но его голова склонилась в знак сознательной преданности, и теплая кровь красноречиво заструилась по его мужественной щеке, в то время как Адела дама его любви, дрожа от волнения, повязала шарф ему на шею, уложила шелковые складки на груди и завязала украшенный драгоценными камнями узел на ножнах его меча из слоновой кости.

Облаченный в свои великолепные доспехи, молодой граф взял освященное оружие с алтаря и, преподнеся его королю, преклонил колени перед троном, в то время как монарх встал и нанес ему по плечу три несильных удара, сказав голосом, глубокие нотки которого эхом отдавались в самом дальнем конце зала: “Во имя святого Михаила и святого Стефана я посвящаю тебя в рыцари. Будь верным, смелым и преданным”.

Следуя примеру Завоевателя, каждый рыцарь сделал шаг вперед, вытащил свой меч из ножен, и, пока зал блистал блеском полированной стали, человек Божий снова подхватил слово, благословляя того, кто только что предпринял, и тех, кто уже давно участвовал в священной войне, и молясь, чтобы все воинства врагов небесных были уничтожены христианским рыцарством.

Снаружи зазвучали трубы, и рыцари, столпившиеся вокруг своего собрата по оружию, проводили его во двор внизу, где, вскочив на коней, они проехали сквозь восхищенную толпу, среди которой Стефан щедрой рукой раздавал подарки.

Когда банкет закончился, галантный кортеж конных рыцарей и дам выехал из лесистого парка и двинулся вдоль берегов Сены. В тот день было редкое развлечение, когда лиса выбралась из укрытия, и гончие бросились по ее следу, и резвые кони запрыгали по хрустящему зеленому газону в диком азарте погони; но гордый конь Стивена, послушный поводьям, изогнул лоснящуюся шею и двинулся величественным шагом рядом с пятнистым конем Адели, в то время как молодой рыцарь шептал слова, которые принцесса любила слышать; и так в приятной беседе день угас, и когда наступила торжественная ночь, под голубым покровом небес, в то время как солнце сияло, звезды смотрели со своих сапфировых тронов, и река сливала свою тихую музыку с журчанием их голосов, Адела поклялась в верности Стефану, графу Блуа.

Но церемония, более радостная, чем обручение, более торжественная, чем похороны, привела к переезду двора во Фешан.

Со дня смерти Гарольда Сайсели, его невеста, посвятила себя монастырю. Ее отец даровал княжеское приданое выбранному ею монастырю и назначил день ее исповеди на великий праздник Пасхи. По окончании великопостного поста она покинула место своих детских забав, бросила прощальный взгляд на холмы, долины и ручьи, над которыми ранняя весна в этом солнечном климате отливала своим сочным блеском, раздала милостыню нищенствующим толпам, запленившим ее путь, и сердечно попрощалась с толпами, которые стекались из каждой деревни, чтобы призвать благословение небес на ее святое намерение.

Адела снова стояла в старом аббатстве Фешан, слушая радостные звуки утреннего перезвона, но ни счастливые ассоциации, вызванные этим местом и часом, ни теплое дыхание ранней любви не могли изгнать печаль из ее сердца.

Она вошла в темный монастырь и увела Сайсели с ее утомительного бдения у святых мощей, чтобы украсить ее темные локоны драгоценностями и золотом и в последний раз облачить ее прекрасное тело в наряд принцессы. С присущим привязанности эгоизмом она не позволяла никому, кроме Мод, разделять с ней это благочестивое дело.

У нее быстро потекли слезы, когда шепчущие молитвы сестры вызвали у нее ужасающее чувство окончательной разлуки.

Едва монастырский колокол перестал звонить, как великолепное собрание заполнило галереи и заполнило проходы аббатства, чтобы засвидетельствовать святое венчание.

Гордо и болезненно забилось сердце короля, когда его святая дочь склонилась к его груди, с любовью обвила своими нежными руками его шею и запечатлела свой последний поцелуй на его щеке; но сочувственная нежность взяла верх над всеми другими эмоциями, когда он с нежной силой вырвал ее из последних нежных объятий ее плачущей матери и из судорожных объятий почти обезумевшей Адели и предоставил ей во всей ее юной красоте быть замурованной в живой могиле. Три ее юные сестры были не столько опечалены расставанием, сколько довольны зрелищем, и, поспешно попрощавшись, приготовились занять свое место на церемонии.

Легким шагом, красиво гармонирующим с мягким пением монахинь, маленькая Аделиза с украшенным драгоценными камнями распятием возглавляла процессию, за ней следовали Констанция и Гундред, каждая с зажженной свечой, а между ними - кованая серебряная корзинка в форме лилии, в которой лежали одеяние весталки и покрывало, которые они возложили на алтарь.

По торжественному зову епископа вошла прекрасная Сайсели, одетая как невеста, наряженная для своего мужа, и, поддерживаемая старшими сестрами, прошла по длинному проходу; ее белые одежды, словно сгущающийся туман, окутывали ее хрупкую фигурку, а спокойное и безмятежное лицо сияло такой ангельской нежностью из-под тончайшего венка, украшавшего ее голову, что причудливому видению Мод показалось, что она уже увенчана сияющим ореолом святых. Ослепительный взрыв ликующей мелодии, раздавшийся из органа, сопровождал монахинь в их приветственном гимне “O Gloriosa Virginium”, и затаившая дыхание тишина воцарилась в святых дворах, когда мягкий голос Сайсели откликнулся. “Прими меня, о Господь! согласно твоему святому слову”.

Опустившись на колени перед епископом, она попросила его благословения и назвала имя Сесилии, своей святой покровительницы. Преподобный отец дал ей посвященное имя, осенил ее крестным знаменем и окропил святой водой ее одежду.

Отслужили торжественную мессу и пропели “Kyrie Eleison”, ей вложили в руку восковую свечу, и, сидя у алтаря, она слушала с благоговейным вниманием, в то время как архиепископ описывал блаженство этого высокого призвания, которое призвало ее от пышности и суеты земного величия к прочным богатствам небесного царства; от угасающего света земной привязанности к невыразимой любви бессмертного жениха; — от угасающего блеска земной диадемы к неизменной славе вечного корона: и едва он закончил милостивыми словами: “Многие дочери поступали добродетельно, но ты превосходишь их всех”, как весь оркестр подхватил похвальную ноту, и “Gloria in Excelsis” зазвучала в закрытых проходах, эхом отразилась от сводчатого потолка и вдохнула в сердце ожидающей послушницы истинную радость. Священные облачения были благословлены и возвращены в серебряную раку, и дети, взяв свою драгоценную ношу, последовали за сестрой во внутренние покои, где занятые монахини сняли с нее ее великолепное облачение — лишили ее дорогих украшений — и один за другим отрезали ее длинные, яркие локоны, которые никогда больше не могли вызвать мысли о гордости.

Торжественная повязка была повязана у нее на лбу, черное саржевое одеяние облегло ее фигуру, и когда она снова преклонила колени перед епископом, сказав: “Я - служанка Христа”, - с трудом подавленный вскрик Адели сказал о том, как изменилась ее внешность и какая мрачная участь ожидала ее, — но поклонница ничего не видела, ничего не слышала, кроме священных мистерий, в которых она была вовлечена. Распростертая, словно в глубоком унижении, она лежала на мраморном полу, пока хор пел литанию; нежно она склонилась перед настоятельницей, чтобы ее связали поясом унижения; благоговейно она склонила голову, чтобы принять покрывало, которое должно было навсегда закрыть мир от ее взора; с радостью она приняла кольцо, скрепляющее нерушимый обет; и пока хор пел: “Приди, о супруга Христа, прими венец”, на ее голову был возложен венец из смешанных шипов и роз — и Сайсели стала монахиней.

Громкие гимны возносились к набухающему куполу, и каждое проявление радости приветствовало невесту в ее новом доме.

Королевские гости уселись за роскошную трапезу в большом зале монастыря, и монахини и послушницы приняли участие в роскошном угощении; но между Сайсели и ее семьей был непреодолимый барьер в виде железной решетки, а четыре толстые и холодные каменные стены навсегда отделили ее от друзей ее юности.

ГЛАВА VI.

“Для чего мы не живем? расскажите самую красивую историю жизни —

Есть, пить, спать, любить и наслаждаться,

А потом больше не любить!

Говорить о вещах, которых мы не знаем, и не знать

Ничего, кроме вещей, о которых не стоит говорить”.

Сэр Р. Фейн-младший

“Мне кажется, - сказала Адела, сидя с Мод на любимой конференции ”Сумерки“, - это было утомительно - поститься и молиться, как это делает моя сестра Сайсели, и вечно смотреть на эти унылые, холодные каменные изображения святых, чьей святости мы никогда не сможем достичь”.

- Ты так думаешь, дорогая, потому что на ярком свитке твоего будущего изображена живая фигура, сияющая молодостью и красотой, - сказала Мод. - Но когда смерть гасит свет надежды, карандаш любви всегда озаряет холст образом святого.

“Я никогда не видела саксонской святой, кроме тебя, лучшая”, - сказала Адела, нежно целуя ее в щеку. “Сайсели боготворит память о том, кто хотел отвоевать обширные владения Англии у ее отца”.

- И Агата умерла за того, кто любил этого отца, - сказала Мод с легким упреком.

“ Я не могу правильно разгадать загадку жизни, ” задумчиво ответила Адела, - а тем более загадку любви. Разве сердце не стремится к счастью, как цветок к свету? и все же то, что люди называют "целями, ради которых живет жизнь", богатство, власть и господство, заканчиваются недовольством, отчаянием и смертью. Ни один герцог Нормандии со времен Ру не добивался такого успеха, как Вильгельм Завоеватель, но самый жалкий раб счастливее его. И эта любовь, которая заставляет мое сердце трепетать, как радостную птичку, рано отправила нашу Агату в могилу — замуровала Сисели в отвратительном монастыре — и, - добавила она, бросив умоляющий взгляд, - сорвала последнюю бледную розу со щеки моей прелестной Мод.

“Ты говоришь так потому, что не знаешь ни жизни, ни любви”, - ответила девушка. “Ты мудро рассудил, что возвышенная цель должна призывать сильного человека к усилию, иначе его дремлющие способности погибнут бы от ржавчины бездействия. Наш благочестивый епископ

Олдред обычно говорил, что любая цель, настолько святая, что не нуждается в злых средствах для достижения своих целей, таких как освящение облатки, приносит человеческой душе *реальное присутствие Христа*”.

“Твоя загадка слишком глубока для моего бедного ума, ” сказала Адела. “Расскажи мне о любви, которой я не знаю, — о твоей любви”.

- Ты воображаешь, что любишь графа Стивена, - сказала Мод со вздохом, - но если бы он признался в своей любви другой, ты бы смотрела на него с ненавистью и презрением.

“Да, конечно”, - ответила Адела, ее щеки вспыхнули, а темные глаза сверкнули при этой мысли.

“Так не любила Мод эрла Эдвина. Твой отец велел ему подать руку Агате, и когда я увидел неразделенное течение их жизней, текущих в потоке блаженства, Честолюбие и Надежда угасли в моем сердце, но Любовь вышла вперед, чтобы осветить их путь и позолотить небесным сиянием их раннюю могилу ”.

- Мод! - восторженно воскликнула Адела. - Ты не создана для этого грешного мира; тебе следовало бы жить с ангелами, ибо, воистину, ты одна из них.

“Не хвали меня, - сказала Мод, - ты плохо представляешь, как горько сжалось мое сердце, когда я услышала, что не смогу поступить в монастырь с Сайсели, и как моя душа содрогается от этого противоестественного союза с Саймоном”.

- И ты предпочла бы стоять на коленях на холодном каменном полу и бичевать свою нежную плоть узловатыми веревками, чем жить почти принцессой в своей веселой Англии! - воскликнула Адела с неподдельным удивлением.

- Нет, я предпочла бы совершить утомительное паломничество в Палестину и жить отшельницей в уединенных пещерах Энгадди, если бы мне оставили выбор, - ответила Мод.

- Паломничество было не такой уж печальной судьбой, - сказала Адела. - чудесные сказки, которыми ты развлекал мое детство, так подействовали на мое воображение, что даже по сей день само название Иерусалима вызывает видения, яркие, как райские кущи. Я никогда не удивлялся, что паломники стекались в Святую Землю, когда они считали, что тысячелетнее пророчество свершилось, и ожидали увидеть лазурные врата, раскрывающиеся над гробом Господним, и Спасителя, нисходящего на Елеонскую гору среди всего потрясающего великолепия страшного суда ”.

“Едва ли столетие назад, ” вздохнула Мод, “ люди искали это небесное царство и искренне верили, что нашли в пророчестве подтверждение своим надеждам. Мой дед умер на берегах Иордана, искренне ожидая пришествия своего Господа”.

“ В лунных лучах мелькают наконечники копий, ” перебила его Адела, выглядывая из бойницы башни. “Разве ты не видишь конный отряд, вьющийся вдоль гребня холма? Глаза и сердце одинаково обманывают меня, если это не плюмаж графа Стивена. Я думал, что до этого он достиг границ штата Мэн. И рядом с ним Роберт. Да благословит Богородица, что их приход не предвещает ничего плохого ”.

“Они проходят в тени замка,” сказала Мод. “Не все они верхом. Эти пешие люди в монашеских одеждах, как устало они следуют за нами, опираясь на свои длинные посохи”.

“Это паломники!” - воскликнули девушки в один голос. “Давайте спустимся, чтобы поприветствовать их”.

Принц Генрих встретил их в коридоре. - Граф Стефан вернулся, - сказал он, - и ожидает мою сестру в комнате с гобеленами.

“Пойдем со мной, Боклерк,” сказала Мод, уводя юного принца. - Ты проведешь меня к этим святым паломникам.

- Адела, - сказал Стивен, целуя руку своей нареченной, когда она вошла, - ты удивлена, но, надеюсь, не огорчена этим неожиданным возвращением.

“Я боялась, что это случилось по какой—нибудь причине, - сказала Адела, - но, видя тебя в добром здравии, я счастлива - и все же, зачем ты пришел?”

“Твой брат Роберт,” ответил Стефан, - соизволил сопровождать меня с двадцатью копьями до города мант, но когда мы достигли берегов Эра, то обнаружили, что мосты смыло, а броды стали непроходимыми из-за поднявшихся вод. Группа паломников расположилась лагерем на другом берегу и при виде нормандского выпела испустила жалобный крик о помощи. Мы переплыли на наших скакунах бурлящий поток, и каждый всадник, взобравшийся на палмера позади себя, благополучно перевез их через реку. И какова же была моя радость, когда я обнаружил, что таким образом оказал небольшую услугу Ингульфусу, первому наставнику моей любимой Адели”.

“Хвала Пресвятой Богородице, добрый Ингульфус вернулся. Тогда его ученица отблагодарит своего благодетеля, как подобает.

“Он измучен дорогой, - продолжал Стефан, ” много труда выпало ему в его долгом паломничестве, и драгоценны реликвии, которые он привез из Палестины. Я просил из его благодарности частицу святой пыли для твоего ораторского искусства. Если недостойному Стефану будет угрожать опасность, молитвы Адели в таком святилище, несомненно, помогут ему защититься”.

Принцесса вздрогнула, и краска заиграла у нее на щеках, когда с выражением удивления и узнавания она посмотрела на красивую хрустальную вазу с аметистовым антаблементом, на котором были выгравированы имена Адели и Стивена.

- Ты отвергаешь мой дар, или тебя охватила какая-то внезапная болезнь? - с тревогой спросил ее возлюбленный, заметив ее странное волнение.

“Глупый сон— мимолетная слабость”, - сказала Адела, судорожно схватив урну и прижимаясь бледными губами к надписи. “Час уже поздний, завтра мы снова встретимся”.

Молодой граф запечатлел поцелуй на ее холодном лбу и, поддерживая ее дрожащими шагами до прихожей, передал ее на попечение слуг.

Когда на следующее утро влюбленные встретились в часовне, куда стекались все жители города, чтобы увидеть главный алтарь, украшенный пальмами паломников, и присоединиться к

всеобщей благодарности за их возвращение, с лица Адели исчезли все следы волнения. Избавленный от своих ревнивых страхов, граф Стефан грелся в лучах ее улыбок и задержался на время празднеств, последовавших за помолвкой Констанции с Аланом, графом Бретонским. Молодая невеста получила в приданое земли Честера, некогда принадлежавшие несчастному графу Эдвину. И Уильям, в то же время, одобрил любовь Стивена и Адели. Казалось, каждое сердце наполнилось весельем. Развлечение следовало за развлечением. Дни были заняты рыцарскими поединками, охотой, ястребиной охотой, стрельбой из лука и турнирами; вечера проводились в азартных играх или коротались за слушанием удивительных историй об Ингульфусе.

ГЛАВА VII.

- Некоторые покаялись в своих грехах,
Лично или через адвоката;
И те, кто был или не был болен;
И те, кто думал обмануть Старого Ника;
И те, кому понравилось путешествие;
А персонал скучал и муштровал тех,
Кто умел играть на флейте;
И, таким образом, у веселого Пилигрима была
Его музыка в пути.“
Саути.

“По возвращении в Кан с останками моей дорогой леди Агаты, - сказал Ингульфус, - я оставил все мысли о паломничестве, пока не узнал, что духовенство Германии решило посетить Святую Землю, и желание поклониться гробнице Спасителя вновь вернулось ко мне с такой силой, что я был вынужден присоединиться к нормандскому отряду, который присоединился к отряду архиепископа в Менце. Мы были хорошей компанией, — продолжал он, - из всех наций, сородичей, языков и народностей латинского мира, и небеса, которые побудили нас к этому искуплению наших грехов, открыли перед нами путь и обеспечили нас пропитанием как в замках принцев, так и в хижинах крестьян.

“Монастыри, многие из которых были основаны благочестивыми людьми по всей Германии, служили приютами для усталых и больницами для больных. Когда мы вступили на территорию Венгерского королевства, которое является ‘хорошо орошаемой и плодородной страной’, мы обнаружили странный народ, чья знать и воины действительно живут в городах, обнесенных стенами, и крепких замках среди скал; но простой народ, по большей части, живет в палатках, как Авраам в древности, и пасет свои стада на берегах ручьев. Это те люди, которых святые отцы считали Гогом и Магогом священного писания, и воистину, они пришли, как буря, в Европу и, подобно туче, покрыли землю — и они, и их отряды. И поскольку время их пришествия приближалось к концу тысячелетия, предсказанного святым Иоанном, многие мудрецы действительно говорили, что они были знамениями и предвестниками конца света. Однако, поскольку конца еще нет, в настоящее время не так много тех, кто придерживается этой доктрины”.

- Разве нет таких, кто говорит, что Гог и Магог - это ереси, которые раздражают церковь? - спросил Роберт.

“Даже так, ” сказал Ингульфус, “ но такие люди не руководствуются истинными и ясными словами Священного Писания, а следуют "хитро придуманным басням", которые опровергают даже обетования Божьи. Теперь доказано, что это те люди, поскольку они пришли из Персии и с северных окраин, и имя, которое им больше всего нравится, - мадьяр, что явно соответствует имени Магог, и всякий, кто будет жить в последние дни, увидит ‘войны и слухи о войнах’ в Венгрии, согласно моему суждению. Я многое узнал о них; ибо либо из-за моих грехов, либо из-за плохих дорог животное, на котором я ехал, захромало, и поэтому я был вынужден оставить всадников и следовать пешком, поддерживая усталость пути посохом паломника. Среди нас были те, кто из страха и любви к приключениям, а не из благочестия предпринял паломничество. Их пустые разговоры и безбожные манеры сильно беспокоили меня. Был один человек, который, вставив в свой посох пастушью трость, играл на ней и пел своим голосом не благочестивые псалмы церкви, а нечестивые мадригалы грешников и профанов. И из-за того, что он видел, что мне это не нравится, он радовался этому еще больше, и шел рядом со мной, а когда я не мог избавиться от его общества, я расспросил его о его истории.

“ Он был англо-датчанином из северной страны, прирожденным рабом графа Эдвина и с юности вел бродячий образ жизни. Этот человек, которого звали Хардрагер, был ложным вассалом, предавшим молодого дворянина и получившим от правосудия Завоевателя приговор к вечному тюремному заключению. Но князья мира сего часто вынуждены использовать недостойные инструменты для осуществления своих планов. Когда ваш августейший отец счел целесообразным для мира в королевстве наказать графа Уолтхофа за измену, и ни один человек не захотел стать его палачом, Хардрагер купил себе прощение, обезглавив его.

- Хорошо, что он решил искупить свои проступки паломничеством, - сказала Адела.

“Нет, - сказал Ингульфус, “ никакая мысль об истинном покаянии никогда не приходила ему в голову. Вместо того чтобы воспользоваться милосердием своего государя, он снова занялся нечестивыми делами, преследуя зайца и убивая оленя в Нью-Форесте; пока, наконец, не лишившись слуха за свои преступления и все еще продолжая сводить на нет законы охоты, он не был приговорен к смерти; но, как будто Всемогущий воздвиг его за "занозу в плоти" для своих слуг, Хардрагер снова избежал своей участи. Вашему благородному отцу было угодно, когда он основал Баттл-эбби на поле битвы при Гастингсе и назначил монахов молиться за души убитых, даровать аббату право проявлять милосердие к виновным. Соответственно, когда Хардрагера вытащили из темницы и повели к виселице, случилось так, что достойный аббат, встретивший повозку, остановил процессию и, проникнувшись жалостью к преступнику, отменил вынесенный ему приговор и наложил на него епитимью паломничества. Хардрагер, не теряя времени, покинул Англию и нашел способ присоединиться к нашей компании на берегах Рейна. Казалось, он был хорошо обеспечен кошельком и сумами и часто в дни поста покупал у епископа разрешение для себя и других тщеславных людей лакомиться мясом и вином; и все же он, казалось, был не лишен чувства греховности и определенного почтения к заповедям церкви. Он вставал рано и совершал свои обряды с самой скрупулезной регулярностью, и каждую ночь бичевал свои обнаженные плечи узловатой плетью; и когда я надеялся, что эта благотворная дисциплина исправит его жизнь, он сказал мне, что делает это не за свои собственные грехи, а за грехи другого человека, который снабдил его деньгами на экспедицию; ибо по причине

своей бедности он обязался отбывать трехлетнюю епитимью, наложенную на его благодетеля; и добавил с легким смешком: "Я могу лучше переносить боль". моей плоти путем добровольного бичевания, чем потеря ее путем принудительного воздержания".

“ Клянусь святым Стефаном, ” воскликнул Роберт, смеясь, “ хитрый плут - настоящий козел отпущения в Священном Писании. Было бы неплохо таким образом искупить наши грехи заместительными страданиями какого-нибудь бедняги”.

- Упаси Бог, - сказал Стивен, - чтобы мы были вынуждены пополнять нашу собственную казну такими средствами.

- Индульгенции и поборы церкви, - серьезно продолжал Ингульфус, - слишком часто извращаются. Я благодарю нашу благословенную госпожу, которая вместо того, чтобы продолжать меня в обществе этого нечестивца, уложила меня на одр болезни. Много дней я с трудом продолжал свой путь, но Хардрагер, который, казалось, был нечувствителен к усталости, поддерживал меня своей сильной рукой, пока, добравшись до земель могущественного венгра, чьи стада покрывали склон холма на многие лиги, мы не отстали от других паломников, и моя усталость все возрастала, я упал обессиленный и без чувств на землю. Каково же было мое удивление, когда ко мне вернулось сознание и я почувствовал, что меня поднимают на руках Хардрагера, который пытался посадить меня на спину лошади, которую он украл с соседнего пастбища, и обуздал бичом, который носил на чреслах. ‘Ободришь, святой отец, ’ сказал он, ‘ небеса послали тебе помощь в трудную минуту. Я буду идти рядом с тобой, и мы скоро докажем этим бессердечным трутням, что последние должны быть первыми. В ответ на мой протест он добавил с неверующей улыбкой: “Нет, разве не написано: ”Богатство нечестивых приберегается для праведных”, - этот дикий мадьяр может радоваться счастливой случайности, которая позволяет ему прислать замену в святой город”.

После моего категорического отказа садиться в седло, он на мгновение застыл в нерешительности, а затем с улыбкой, смешанной с шуткой и искренностью, опустился передо мной на одно колено, сказав: ‘Спасибо, добрый монах, я хотел бы попросить твоего благословения и отпущения этого греха, прежде чем мы расстанемся, ибо, поскольку ты не хочешь принять милости небес, я должен принять ее сам’. Заметив мою нерешительность, он поспешно поднялся, сказав: ‘Это не так’, это всего лишь еще несколько ударов плетью, и мои плечи вполне способны их выдержать. Прощай, святой отец, я сожалею, что твоя совесть мешает твоему продвижению”, - и, вскочив на норовистое животное, он умчался прочь со скоростью ветра”.

“ Нет, мне кажется, мне следовало быть менее щепетильным, ” сказал Уильям, смеясь. - Ловкость этого парня заслуживала отпущения грехов.

Ингульфус продолжил: “Больной и одинокий, сильно упавший духом, я растянулся на траве и ожидал только смерти, но Тот, кто не допускает, чтобы даже воробей упал незамеченным, сжалился надо мной и послал доброго самаритянина мне на помощь. Благородный мадьяр Коршах, возвращаясь с охоты, пришел туда, где я был, и, увидев мое низкое положение, поручил своим слугам доставить меня в его собственный замок, где я пробыл более месяца, пока не зажили мои ушибленные ноги и не восстановилось мое подорванное здоровье”.

“Это был акт христианского милосердия. Я бы хотела узнать что-нибудь об этом странном народе, - сказала Адела. - Соблюдают ли они обряды нашей церкви?

“В начале нынешнего столетия, ” ответил Ингульфус, “ святой Стефан, Альфред своего народа, разделил страну на семьдесят два округа и двенадцать епископств, но, хотя люди приняли крещение и соблюдают священные каноны, все же среди них преобладает странная смесь варварских басен с истинами священного писания; и их язык по большей части окрашен экстравагантными, но красивыми выражениями жителей Востока. И поскольку мой разум был сосредоточен на пророчествах, и я хотел знать о Гоге и Магоге и главных князьях Мешеа и Тубала, я расспросил благородного мадьяра о его стране и народе его древней земли. ‘Мой народ, ’ сказал он, - многочислен, как звезды в ночи, и бесчислен, как капли падающего ливня. Самая маленькая веточка вон того вяза, отбрасывающего тень на долину, больше по сравнению со своим стволом, чем венгерская ветвь по сравнению со скифским деревом, чьи корни уходят глубоко в почву Китая, а ветви осеняют Альпы, простираются за море тьмы на севере и проливают росу на обширные и плодородные области Персии и Китая. За пределы владений наших племен на восток, - продолжал он, - не может идти ни один человек; ибо от того побережья до земного Рая простирается пустыня и страна тьмы. Там есть горы и холмы, возникшие в результате Ноева потопа, когда мягкая почва была размыта водами, опустилась и превратилась в долины. Рай - это самая высокая часть мира, настолько высокая, что касается границ Луны. И там сияющим путем через врата утра ангелы обычно спускались, чтобы общаться с нашими прародителями; но этот путь был закрыт, чтобы Люцифер больше не мог вернуться в области света после того, как он искушал их, и таким образом вместе с ними он был изгнан из сада. И Ева несла в своей руке семена яблока, которое она подарила своему мужу, и где бы она ни бродила, она бросала их в землю и проливали на них свои слезы, и они прорастали и приносили плоды, одни хорошие, другие плохие, и из этих семян произошли все зеленые деревья и травы, которые растут на земле. И этот сад со всех сторон окружен стеной, которая, кажется, сделана не из натурального камня, а ворота сделаны из карбункула, сверкающего невероятным великолепием и стреляющего во все стороны своими лучами, как пылающими мечами. Поэтому некоторые провидцы говорили, что это был огонь, и многие стали поклоняться ему. И в самом высоком месте Рая, точно посередине, находится колодец, извергающий четыре ручья, которые текут по разным землям по всей земле, а над источником ручьев четыре князя звезд плетут подобия того, что должно быть, и бросают их на воды, и куда бы они ни текли, дух проникает в нацию или народы, живущие на берегах, и они идут, побеждая и для завоевания. И так были вдохновлены племена Азии отправиться на запад и основать свои владения в Европе. Поэтому мудрецы действительно изучают звезды и читают в небесном свитке волю Невидимого. И все пресные воды в мире над и под землей берут начало из райского источника. Капли утренней росы распределяются там по половому признаку, и туда возвращаются облака после дождя. Там легкие зефиры собирают под своими крыльями богатые ароматы и оттуда разносят их по всему лицу земли и придают каждому цветку его благоухание. И из-за обилия драгоценных вещей, которые там найдены, многие входили в эти реки и пытались пройти мимо этой земли хаоса в Рай, но они не могли ускорить свое путешествие; ибо многие умерли от усталости из-за гребли против сильных волн, и многие были разбиты вдребезги о темные скалы. И многие суда, окованные железом, были оттянуты в сторону камнем корабельщика, и считалось, что они никогда не выйдут оттуда’. Я спросил об этом камне, - сказал Ингульфус, - и он сказал мне, что в восточных морях есть определенные камни из адаманта, которые притягивают железо; и что люди отламывают куски и подвешивают их на нитке, и что один конец их поворачивается к северу, а другой - к югу; и он сказал также, что на небе есть две звезды, вокруг которых весь небосвод вращается, как колесо на оси. Более того, он сказал, что земля и море имеют круглую форму и что с помощью этого камня многие

мореплаватели прошли весь земной круг и снова пришли в ту же точку, откуда отправились в путь. И это далеко не половина того, что он мне рассказал, и ни одно из них не является полным, но в них есть какая-то причина и понимание, а также некоторые хорошие моменты нашей веры. Но хотя этот человек был образованным и набожным, мне было горько видеть в нем остатки его древнего суеверия, ибо он привык поклоняться отвратительному идолу. И когда он узнал, что я опечален этим, он сказал, что поклоняется не образу, а заключенной в нем добродетели, подобно тому, как у нас есть изображения Богоматери и святых, которые мы ставим перед собой, чтобы помнить об их святости. Однако этот человек проявил ко мне немалую доброту; и когда я достаточно оправился, он снабдил меня крепкой, хорошо снаряженной лошадью, пополнил мой кошелек и сопровождал меня в моем путешествии до следующего города.

“Мне пришлось тяжело ехать верхом, чтобы догнать своих спутников, чего я бы не смог сделать, если бы они не отдыхали в Константинополе.

“Этот город сначала назывался Византией, и это название до сих пор сохранилось на императорских деньгах под названием византы. Его название было изменено по божественному внушению. Ибо, когда Константин Великий шел своим победоносным курсом на восток, он поселился в том месте; и во сне он увидел, и вот, перед ним стояла пожилая женщина, лоб которой был изборозжен морщинами от старости; но вскоре, одетая в императорскую мантию, она превратилась в прекрасную девушку и очаровала его взор изяществом своей юной прелести — и он проснулся и снова заснул; и к нему пришла одна и сказала: “Женщина, которую ты видел, - это этот город, обветшавший от времени, стены которого ты восстановишь, и чья красота будет прославлять твое имя до конца”. времени. Сядь на своего коня и дай ему поводья, пусть едет, куда пожелает. Возьми королевское копье в свою руку, и его острие опишет контур стены на земле”.

Император с готовностью подчинился замыслу и нанял самых искусных архитекторов для строительства города. Насыпав массы камней и песка, они ограничили древние воды, и таким образом море с удивлением видит среди своих стеклянных волн поля, неизвестные ранее, окружает город и обеспечивает его всеми земными удобствами. Константин воздвиг там цирк, статуи героев-триумфаторов и треножники из Дельф. И все святые, тела которых он смог собрать из всех стран, были доставлены туда. В Константинополе находится самая прекрасная и благородная церковь в мире, называемая Святой Софией. Он имеет круглую форму, увенчан куполом и поддерживается колоннами из золота и серебра, увешанными лампадами из того же драгоценного металла. Каждый день в году на другом алтаре совершается торжественная месса. В самой внутренней его части, на северной стороне, находится большое и красивое помещение, в котором находится сундук с тремя частицами креста Господня. Три раза в год этот сундук выносят в неф церкви и ставят на золотой алтарь, где всем людям разрешается поклоняться ему. Однако я этого не видел, и это для меня горе от ума. И они говорят об этом кресте, что когда Адам был при смерти, Сиф отправился к ангелу, охранявшему Рай, чтобы попросить масла милосердия для своего отца. Но ангел дал ему только три зерна с дерева жизни. И Сиф похоронил их в могиле Адама, и из этих зерен выросли три дерева, и из них был сделан крест, на котором был распят наш Спаситель, как содержится в этих словах: *"In cruce fit palma cypressus oliva"*. Таким образом, после смерти Адама в мир пришла жизнь. И когда наш Господь воскрес из мертвых, евреи, движимые завистью, сняли кресты с горы Голгофа и зарыли их в

землю. И таким образом святая Елена, мать Константина, происходившая от древних королей Британии, нашла их; и когда она не смогла отличить крест Спасителя от креста воров, она велела возложить на них мертвое тело, и когда оно коснулось истинного креста, оно восстало. Святая Елена распорядилась перевезти эти реликвии в Константинополь; но крест Дисмаса, доброго разбойника, был перевезен на Кипр, и люди поклоняются ему там. Там же она нашла бесшовный плащ Спасителя и четыре гвоздя, пронзивших его руки и ноги; и из одного из них Император сделал уздечку для своего коня, чтобы нести его в битве, и таким образом он победил всех своих врагов и правил от Персии до Британского моря. Они показали мне также часть короны нашего Господа, сделанную из ветвей баклажана; и один из этих драгоценных шипов был дан мне в качестве великой милости, и он обладает тем свойством, что всякий, кто носит его при себе, защищен от грома и бури, а также от недоброжелательства злых духов и демонов. Мы долго пробыли в Константинополе, потому что там можно было увидеть много замечательных вещей. Каждый год день рождения Иисуса отмечается с ликованием; и в этих случаях можно увидеть представителей всех наций, населяющих разные части света; и простой народ забавляется удивительными трюками жонглеров и ловкими движениями диких зверей и хищных птиц, которые были обучены сражаться друг с другом. И император по-королевски принимал епископов во дворце Блакернелль, устраивая пиры и игры, и дарил им подарки из золота и серебра, богатые одежды и драгоценные украшения, так что они не спешили уходить, и многие из смешанной толпы, последовавшей с нами, остались там и поступили на службу императору”.

На следующий день, в разгар учебы, Ингульфус был удивлен тайным визитом Адели.

“Я пришла, - сказала она, - чтобы получить от тебя драгоценный шип из короны нашего Господа”.

Выражение лица Ингульфуса сразу же свидетельствовало о его нежелании расставаться с бесценной реликвией и сильном желании доставить удовольствие принцессе.

- Нет, - сказала она, заметив его колебания, - я знаю цену этому и готова вознаградить тебя любой ценой.

“Хотя, возможно, у некоторых недостойных паломников и была практика торговать реликвиями, ” сказал Ингульфус, - я не могу продавать то, что пронзило чело моего благословенного Господа. Это твое без денег и без цены”.

В глазах Адели заблестели слезы благодарности. “Добрый отец, ” ответила она, “ я прекрасно знаю, что благодаря твоей святости ты в безопасности от внезапной опасности, и поэтому ты не можешь нуждаться в этом талисмане, как твой недостойный ученик; и все же мне грустно брать без вознаграждения то, что так дорого тебе. Неужели во власти Адели нет дара, который Ингульфус принял бы?

“ Твой отец как-то намекал, ” скромно ответил монах, “ что вознаградит мои скромные услуги каким-нибудь благодеянием. Мне было бы очень приятно провести те несколько коротких дней, которые мне остались, в Англии. Рядом с монастырем Кройланд я родился, и под защитой его стен мне суждено умереть”.

“Доверься мне в исполнении твоего желания”, - сказала Адела, склоняя голову для его благословения. Затем, завернув священный шип в кусок серебряной ткани и положив его себе на грудь, она удалилась.

ГЛАВА VIII.

“Когда ты увидишь старика, согнувшегося под
бременем своего земного наказания,
Прости его, Талаба!
Да, помолись Богу за него!” —Саути.

ИСТОРИЯ ИНГУЛЬФУСА, ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Из Константинополя мы переправились через Босфор через Малую Азию. Наш путь был до крайности утомительным, и после того, как мы вступили на территорию неверных, нас постоянно преследовали летучие отряды арабов; так что многие были убиты, а некоторые, отброшенные от основных сил, затерялись среди гор, и мы их больше не видели. Наконец, с большим трудом паломники достигли деревни Капернаум, где, едва ли подвергшейся нападению разбойников, они были вынуждены задержаться до тех пор, пока не смогут получить надежное сопровождение от эмира в Антиохии. Однако я рассказываю все это только так, как мне рассказали в Иерусалиме, ибо странное приключение разлучило меня с моими товарищами. Здесь есть два источника, Джор и Дан, которые, стекая с горы, собираются в один и образуют Иордан. Когда мы проезжали мимо них на нашем пути, я был вынужден задержаться среди пастухов, которые пасли свои стада на зеленых пастбищах, которых там в изобилии, и несколько набожных людей задержались со мной; а на следующий день, когда мы распрощались, мы отправились дальше и сразу же пришли к слиянию этих потоков, — и когда мы увидели Иордан, каждый поспешил снять с себя одежду, чтобы искупаться в этом потоке, в котором был крещен наш благословенный Господь. Мы были так заняты священной церемонией, что не заметили банды арабов, которые атаковали нас градом камней и дротиков и отделили нас друг от друга. Что было дальше, я не знаю, потому что удар в висок свалил меня на землю и лишил чувств.

Когда я открыл глаза, мне показалось, что я среди исчадий ада; и, нащупав свое распятие, я обнаружил, что завернут во множество складок тонкой ткани, в которую я был крепко, но бережно связан. По мере того как мои чувства постепенно возвращались, я начал замечать происходящее вокруг меня. Помещение казалось длинной темной пещерой, границ которой я не мог различить, освещенной костром в дальнем конце, вокруг которого полуодетые смуглые фигуры жарили куски мяса. Другие люди такой же внешности сидели на циновках, расстелив перед собой на земле скатерть, и резали мясо длинными кривыми ножами или разрывали его своими белыми заостренными зубами с дикой прожорливостью. Отдельно от остальных, скрестив ноги, на возвышении сидел высокий, крепко сложенный мужчина с белыми как снег волосами и бородой, ниспадавшими на плечи и доходившими до груди. Он не принимал участия в пирушках, но, казалось, своим взглядом контролировал их дикую, невнятную болтовню до конца, чтобы она не потревожила мой сон; ибо из-за чрезмерной слабости я,

казалось, существовал только между сном и бодрствованием. Его взгляд был прикован ко мне, и его вид вызвал у меня смутное воспоминание, которое я тщетно пытался проследить, когда по одному его слову вся группа исчезла за углом в стене. Затем старик зажег факел и подошел ко мне, осторожно снял повязку с моей головы, помазал мою рану сладко пахнущим бальзамом и дал мне выпить огненную жидкость, которая подобно эликсиру растеклась по моим венам и, казалось, мгновенно оживила меня. Улыбнувшись моему озадаченному виду, он убрал фальшивую бороду и волосы, и моему изумленному взору предстало смуглое лицо Хардрагера.

“Рад встрече, святой отец, ” сказал он со своим обычным смехом. - Ты пришел принести благословение обители Хардрагера?

- Это твоё жилище? - спросил я. - Значит, я был не так уж неправ, думая, что попал в чистилище! - воскликнул я. - Потому что мне не понравились это незнакомое место и дурная компания.) “ Но по какой роковой случайности я попал сюда? Неужели Спаситель за мои грехи наконец лишил меня возможности лицезреть свой гроб господень?” и я в отчаянии откинулся назад.

- Нет, - сказал Хардрейджер, - если бы не несчастье, о котором ты сожалеешь, ты действительно мог бы оказаться в чистилище.

- А где я? - нетерпеливо спросил я.

“Ты в крепких руках Горного Старца и охраняешься бандой убийц с горы Ливан”, - ответил он.

-Да сохраняют меня святые! - воскликнул я, произнося молитву.

“По правде говоря, ты не проявляешь особой благодарности, - сказал Хардрагер, - к тому, кто спас тебе жизнь (благодаря доброму венгерскому скакуну, который привел меня к тебе на выручку). Разве ты не знаешь пословицу? ”Хорошо отзывайся о мосте, который перенес тебя невредимым!”

Убедившись из его слов, но в особенности по серьезности его поведения, что этот дикий человек действительно взялся оказать мне важную услугу, я стал относиться к нему с большим самодовольством и, наконец, заставил себя с интересом выслушать его рассказ. Терзаемый угрызениями совести за свою причастность к смерти благородных саксов Эдвина и Уолтеофа, он решил, как только его паломничество завершится, присоединиться к константинопольским варягам и вести вечную войну с завоевателями Англии. На своем пути через Сирию он столкнулся с бандой арабов, таких же диких и безрассудных, как и он сам, которые, презирая верность любому вождю, обосновались среди разрушенных башен и скалистых крепостей горы Ливан и оттуда вели грабительскую войну со всеми, кто отваживался путешествовать этим путем. Они носили мусульманскую одежду и соблюдали некоторые предписания Корана, но были последователями Али, дяди пророка. Превосходные способности и образованность Хардрагера позволили ему вскоре овладеть их языком и догматами, а благодаря удачному решению некоторых современных загадок он внушил им веру в то, что он был пророком Аллаха, и вскоре заставил их принести клятву подчиняться всем его требованиям. Но хотя он таким образом отступил от веры своих отцов, он сохранил экземпляр Нового Завета и свято исполнил свои обеты у гроба Господня, и с честностью, достойной лучшего человека, продолжал свои ночные бичевания. Он внушил своим диким последователям свою собственную ненависть к норманнской расе, и именно из-за этого они с такой яростью напали на нас у Иордана. Я погиб бы вместе со своими товарищами, ибо ассасины продолжали

вспарывать тела убитых и раненых в поисках денег, если бы Хардрагер не узнал мое саксонское обличье и не вмешался, чтобы спасти меня. С величайшей заботой и нежностью он перенес меня на носилках в их ближайшее убежище, где после долгого бесчувственного состояния я обнаружил, что лежу на ложе из шкур в пещере. Как только я достаточно оправился, он посадил меня на доброго мадьярского скакуна, на котором я, будучи не в состоянии ходить, был вынужден ехать верхом, и сопровождал меня, пока мы не увидели паломников, расположившихся лагерем на Масличной горе, ибо через своих гонцов Хардрагер узнал об их передвижениях и повел меня кратчайшим путем, чтобы присоединиться к ним.

“Benedicite, святой отец, - сказал он, бережно снимая меня с лошади и благоговейно склоняясь передо мной, - благословение на саксонском языке исцелило бы мою грешную душу”.

Слеза блеснула в его глазах, и если это был грех, да простят меня Небеса, ибо я уступил его настойчивости и даровал ему благословение. “Прощай, добрый монах, ” сказал он, “ ты снял тяжесть с моего сердца. Прими из благодарности Хардрагера то, что может помочь тебе вместо него, когда от твоих воображаемых реликвий будет мало толку”. С этими словами он вручил мне небольшой листок пергамента, исписанный арабскими буквами, и медленно уехал. Я сунул свиток в свой кошелек, почти не подозревая о его ценности, ибо мое зрение и чувства были наполнены Иерусалимом, который я сейчас увидел впервые. Когда я шел по Елеонскому холму, подобно моему Спасителю, я созерцал город и плакал над ним, ибо слава храма Соломона угасла; святые пророки и апостолы ушли, а банды неверных, чьи яркие сабли сверкали в свете заходящего солнца, носились по его священным улицам и сталкивались друг с другом с варварским шумом в его святых дворах. Звон вечернего колокола из церкви Вознесения призвал нас к молитве. С божественным восторгом мы прижались губами к камню, на котором отпечатались последние шаги нашего Спасителя, и благочестивым воровством собрали немного священной пыли перед алтарем.

Спустившись с горы, мы провели ночь в посте и молитве в Гефсиманском саду и при первом пении петуха поднялись, чтобы перейти ручей Кедрон. В долине Иосафата нас встретил достопочтенный патриарх вместе с латинскими и сирийскими христианами Иерусалима, которые провели нас торжественной процессией через центр города к храму Гроба Господня.

Там, среди звона кимвалов и сладостных звуков гуслей и арфы, мы склонились в поклонении, в то время как сквозь облако поднимающегося ладана струилось сияние бесчисленных огней, подобных Шхине древнего храма, и Иисус Христос, обитатель этого места, один знал, какие вздохи мы выпускали, какие слезы мы проливали, какие молитвы мы возносили и какие благодарения произносили.

Наши обеты были выполнены, и с благословения патриарха мы отправились восхождение на холм Голгофы, посещение пруда Вифезда и оплакивание всех прекрасных мест, которые опустошили последователи Мухаммеда. Среди нас был один, который за совершенные им грехи и мучившие его угрызения совести желал отдать свою душу у гроба Спасителя.

Этот знаменитый человек, Фульк, граф Анжуйский, клятвой заставил двух своих слуг выполнять все, что он прикажет, и когда мы завершили нашу процессию и получили отпущение грехов, они потащили его обнаженным по улицам к Гробу Господню, один из них держал его за скрученную руку на шее, другой бил розгой по обнаженной спине, в то время как кающийся восклицал:

“Господи, прими твоего несчастного Фулька, твоего вероломного, твоего беглеца — призри на мою кающуюся душу, о Господь Иисус Христос”.

Однако в то время он не получил своей просьбы. Мы хотели спуститься из Иерусалима в Иерихон, чтобы поклониться в Галгале и посмотреть на это море, чьи черные воды омывают города равнины; но о богатстве архиепископов разнесся слух повсюду, и воры, которые водятся в тех краях, нападали на всех, кто отваживался идти этим путем, раздевали и ранили их, и уходили, оставляя их погибать на обочине дороги. Но наши нормандские отряды в сопровождении отряда немцев, вооруженных мечами, были полны решимости посетить церковь Рождества Христова в Вифлееме. Мы благополучно достигли нашей цели и возвращались через лесные поля, когда отряд конных сарацин с дикими криками ворвался в нашу среду. Каждый неохотно обнажил свой меч и встал, защищая свою жизнь. Атака пришлась тяжелее всего на норманнов, и, несмотря на наше энергичное сопротивление, мы, несомненно, все погибли бы под их дротиками, если бы не отчаянные жесты и особенно зеленые тюрбаны наших нападавших, которые напомнили мне о пещере Хардрагера и его прощальных словах. Поспешно открыв сумочку, я поднесла арабский свиток к глазам варвара, чей обнаженный меч сверкал над моей головой.

При виде этого его поведение мгновенно изменилось. Он вышел, помог мне подняться, приложил руку к сердцу, чтобы выразить свою озабоченность случившимся, и, крикнув своим товарищам "Аллах акбар", отвлек их от кровавого дела, и немедленно летучий отряд исчез. Почти половина нашего числа была убита, а остальные, раненые и обескураженные, медленно вернулись в Иерусалим и отказались от всех попыток посетить другие святыне места, которыми изобилуют окрестности. Хотя патриарх и монахи различных монастырей оказали нам гостеприимство, все же путь был таким долгим, утомительным и обескураживающим, а наши ряды так поредели из-за голода, переутомления, болезней и враждебности, что мы были вынуждены выбрать наиболее удобный способ возвращения.

Узнав, что флот генуэзских торговых судов стоит на якоре в гавани Иоппии, мы решили купить у них морской переход. Поэтому архиепископы собрали паломников и пронумеровали их, и из семи тысяч, отправившихся из Менца, осталось едва три тысячи; и по нашим подсчетам, на пути из Иерусалима к месту высадки через скалистые ущелья, которые являются излюбленными местами обитания варваров, погибла еще тысяча.

Наше путешествие в Брундузиум было самой успешной частью нашего путешествия. Оттуда мы прибыли в Рим; где я показал свою жизнь нашему святому отцу папе римскому и получил отпущение грехов во всем, что лежало на моей совести, относительно многих прискорбных моментов, поскольку люди, должно быть, путешествуют в компании такого количества людей различных сект и верований. Затем мы проследовали через Италию, а архиепископы направились маршрутом в Германию; и из нашего отряда, покинувшего Нормандию, только тридцать хорошо обученных всадников и двадцать жалких пальмиров пересекли Альпы и вступили во Францию пешком, больные, усталые и без гроша в кармане; и если бы благосклонное Провидение не послало нам на помощь благородных графов Роберта и Стефана, мы могли бы в конце концов погибнуть на берегах Эвра.

ГЛАВА IX.

Может ли благочестие излечить раздор
Или ослабить вражду смертельной вражды?
Могут ли христианские знания, может ли патриотическое рвение,
Может ли любовь к благословенному милосердию?

1077 год начался в Нормандии с великого ликования. Королевская семья воссоединилась в последний раз, чтобы отпраздновать свадьбу Адели и Констанции с богатыми и влиятельными мужьями по выбору Завоевателя. Молодые граф и графиня Блуа, чьи замки были многочисленны, как дни в году, решили совершить праздничное шествие по своим владениям, и граф Бретань со своей невестой, их юной сестрой Гундред и ее необъявленным возлюбленным, графом Уоренном, присоединились к веселой компании.

Несмотря на свое счастье, Адела не забыла о своем обещании Ингульфусу. Вечером накануне своего отъезда она посетила монастырь паломника и рассказала ему о том, что он предпочитает аббатство Кройленд. Благодарность и удовольствие доброго монаха были безграничны.

“Святой отец, - сказала графиня, - я должна просить еще об одном благе”.

“Назови это”, - сказал священник. “Если это зависит от моих скромных способностей, то это не подведет тебя”.

“Поскольку это в твоей власти, я доверяю это тебе, ” продолжала она. “Тело графа Уолтхофа, отца нашей сильно пострадавшей Мод, похоронено на перекрестке четырех дорог, за воротами Винчестера; когда ты вступишь во владение своим подопечным, как только это будет возможно, ты похоронишь его по-христиански на церковном дворе Кройленда и прикажешь ежедневно служить мессы за упокой его души”.

Ингульфус с готовностью пообещал подчиниться.

Адела все еще медлила. “Прекрасная Мод едет с тобой в Англию. Ты будешь вынужден выдать ее замуж за Саймона. Смягчи, насколько это возможно, ее суровую судьбу, позаботься о ее интересах и утешь ее своими советами”.

- Это будет сделано, - пылко сказал Ингульфус.

- Отец, я бы исповедался.

И молодая графиня, во всей своей красоте и гордости, преклонила колени у ног почтенного человека и с простотой ребенка излила перед ним свою душу.

Как и предсказывала Адела, Победитель, возвращаясь в Англию, взял с собой Мод, как невесту Саймона. Роберт тоже отплыл на том же судне, получив от короля поручение основать Саймона, ныне графа Хантингдона, в его новых владениях.

Уильям тоже сопровождал своего отца, поскольку он лучше, чем кто-либо из сыновей, понимал политику и разделял дух Завоевателя.

Оставшиеся годы королевы, герцогини Матильды, прошли в великолепном одиночестве, в королевском дворце в Байе. Ранняя смерть принцессы Аделизы, ухудшающееся здоровье Констанции вкупе с новыми разногласиями в ее семье тяжело отразились на ее душе и вызвали затяжную болезнь, которая медленно свела ее в могилу.

Потеря его любимой королевы и недостойное поведение его сыновей усугубили естественную раздражительность и властность Вильгельма, так что, согласно английским хронистам, “После ее смерти он стал настоящим тираном”. Оставшиеся четыре года своей жизни он провел в постоянной череде мелких неприятностей и бесплодных войн с Филиппом Французским.

В величественном замке Шартр сидела прелестная графиня Адела, очевидно, занятая вышиванием - в ту эпоху почти единственным домашним занятием женщин. Тень печали легла на ее чело, а выражение тревожной заботы свидетельствовало о сочувствии матери к страдающему ребенку, которого тщетно пыталась успокоить сиделка.

“ Придвинь ко мне кушетку маленького Уильяма, Тереза, ” сказала графиня, заметив слезы в глазах девочки. “ У тебя утомительная задача. Снимите эти рамы, - обратилась она к служанкам, - и идите все немного развлечься в саду, я присмотрю, как спит мой мальчик.

Слабый ребенок протянул руки к матери и, положив голову ей на грудь, тихо заснул.

“ Бедный страдающий, - произнесла Адела вслух, - ты не знаешь ничего, кроме любви своей матери. Твои младшие братья уже презирают твою глупость— придворные относятся к тебе с безразличием, и даже слуги пренебрегают тобой. Ни герцогская диадема, ни королевская корона не украсят голову моего первенца.

Звук тяжелых шагов в коридоре потревожил спящего. Он поднял голову, тяжело застонал и посмотрел отсутствующим взглядом на вошедшего воина.

- Роберт, мой возлюбленный брат! - воскликнула графиня, и радость прежних времен отразилась на ее лице.

С угрюмым и недовольным видом герцог ответил на искреннее приветствие своей сестры и, опустившись на стул рядом с ней, сказал тоном плохо скрываемого нетерпения:

“Адела, я пришел к тебе, ибо благоразумный совет нашей матери пребывает с тобой. Меня лишили моих прав и моего наследия”.

- Разве ты не герцог Нормандии? - удивленно спросила его сестра.

“ Да, воистину. Наш отец оставил мне герцогство с благословением, которое удивительно походило на проклятие. ”Герцогство Нормандское, - сказал он, - я даровал моему сыну Роберту, и, получив оммаж его баронства, эта оказанная честь не может быть отменена; и все же он глупый, гордый плут, и будет жестоко наказан судьбой”.

— Да хранят тебя святые, - сказала графиня с испуганным видом, - и Англия...

Перебил Роберт. — Именно об этом я и хотел бы поговорить. Завоеватель, горько оплакивая опустошение и горе, которые он причинил Англии, заявил, что он так неправильно использовал эту прекрасную землю, что не осмеливается назначить ей преемника, но оставляет решение этого вопроса в руках Бога”.

“Тогда тебе следовало бы стать королем, - сказала графиня, - раз Бог сделал тебя своим первенцем”.

“Так было бы и со мной, - сказал герцог, - если бы не хитрость Вильгельма; но пока я оставался в Германии, не думая, что болезнь моего отца закончится так внезапно, рыжеволосый узурпатор поспешил за море и, подчинив Ланфранк своим интересам, захватил трон”.

“ Всегда неготовый, ” вздохнула Адела. “ И пока старшие сыновья были заняты, юный Генри бодрствовал у постели своего умирающего отца. Разве это не так?”

“Малый дозор был у смертного одра Завоевателя”, - сказал Роберт с чем-то средним между улыбкой и насмешкой. “Почтительный Боклерк отправился за сокровищами, а слуги, столь же алчные и бесчеловечные, разграбили дом, забрав все деньги, посуду и драгоценную мебель, и даже лишили особы монарха. И после того, как Херлвину удалось доставить тело в аббатство Святого Стефана, и они уже собирались опустить его в могилу, выступил дерзкий дворянин и запретил погребение. ‘На этом месте, - сказал он, - стоял дом моего отца, который этот покойный герцог насильно отнял у него и здесь на часть моего наследства основал эту церковь. Поэтому я бросаю вызов этому основанию и заклинаю вас всех, как вы ответите на него в великий и ужасный судный день: не кладите костей разрушителя в очаг моих отцов’. И там, выставленное на всеобщее обозрение собравшейся толпы, тело было вынуждено ждать, пока Генри заключал выгодную сделку с владельцем земли и купил разрешение на погребение за ничтожную сумму в шестьдесят шиллингов. О, Адела! - воскликнул Роберт, вставая и в крайнем смятении расхаживая по комнате. - Я устал от этого величия, которое превращает братьев во врагов и в конце концов едва сводит в могилу.

Головка графини низко склонилась над своим спящим ребенком, и герцог продолжил: “Иногда я жалею, что я не отшельник, и если твой ясный ум не сможет придумать какой-нибудь способ, с помощью которого я смогу получить свое законное наследство и наказать тщеславие этого самонадеянного Руфуса, я решаюсь на паломничество”.

- Ты сказал Ланфранк, Уильям: наш дядя Одо ненавидит Ланфранка, - сказала Адела.

Роберт ухватился за это предложение. “Сестра моя, я благодарю тебя”, - горячо воскликнул он. “Ты сделала меня королем. Я отправляюсь в Нормандию и созываю своих верных оруженосцев на совет. Саймон Хантингдонский, Хью Норфолкский и Уильям Даремский уже недовольны и готовы к восстанию. Одо возглавит заговор в Англии”.

Полный решимости осуществить свой новый план, герцог поспешил удалиться, едва дождавшись денежной помощи, которую графиня, зная о плачевном состоянии его финансов, поспешила оказать ему.

Хорошо согласованный план заговорщиков провалился из-за характерной для Роберта лени и промедления. Одо совершил бесславный побег из Англии, и мятежные графы с радостью заключили соглашение с королем. Многие повстанцы отправились в Нормандию и подверглись конфискации своих поместий; и хотя графиня Блуа ежедневно ожидала вызова на коронацию Роберта, она была удивлена известием о том, что Вильгельм пересек море с многочисленной

армией и с помощью угроз, подкупа или мошенничества овладел почти всеми крепостями на правом берегу Сены.

Бароны, владевшие землями при обоих братьях, старались добиться примирения при посредничестве французского монарха.

Роберт, все еще рассчитывавший на щедрую помощь своей сестры и ее богатого лорда, сопротивлялся всем попыткам заключить мир; но Адела, понимая безнадежный недостаток характера, который даже корона не могла побудить к быстроте, убедила его принять условия договора.

Когда великолепный кортеж графини Блуа и ее юных сыновей Тибо, Стефана и Генриха, проезжал по большой дороге из Шартра в Блуа, зеленые аркады прекрасной рощи, простиравшейся до самого берега небольшого ручья, который нес свои чистые воды к Луаре, приглашали их отдохнуть в полуденные часы. Ослабив поводья, кони бродили по своей воле, щипая нежную траву, или утоляли жажду в журчащем ручье; отдыхая на лужайке, компания устроила освежающую трапезу. Дети, предоставленные безудержному мальчишескому веселью, собирали полевые цветы для своей матери, кричали под эхо леса или гонялись друг за другом по берегам ручья.

Привлеченная звуком их счастливых голосов, графиня покинула компанию и прокралась за ними, время от времени замечая их танцующие перья, когда они скакали перед ней, пока, подойдя к отверстию в долине, она не остановилась перед старинным распятием, которое чья-то благочестивая рука водрузила на край фонтана. Поглощенная приятными мыслями, навеянными этим местом, она едва заметила отсутствие своих детей, пока маленький Генри, потянув ее за халат, не воскликнул с сияющим от радости лицом: “Сюда, мама, Тибо говорит, что мы нашли келью отшельника, и Стивен разговаривает с отшельником”. Поддавшись его порыву, графиня поспешила вперед и обнаружила сидящего у входа в лесной вигвам, как разтам, куда тень от креста падала дольше всего на закате, юного святого, если он был святым, читающего свой требник и перебирающего четки с притворной святостью.

- Боклерк! - воскликнула графиня, внимательно взглядевшись в его полускрытое лицо.

“Значит, ты знаешь меня”, - сказал мнимый монах тоном горького упрека, вставая и сбрасывая свою серую монашескую рясу и капюшон. “Я думал, что весь дом моего отца забыл меня”.

“Это наш дядя Генри”, - сказал Тибо, пораженный и огорченный таким преображением своего новоявленного отшельника.

- И ты тогда усомнился в привязанности Адели? - спросила его сестра.

- Не было бы ничего странного в том, что я усомнился в любви того, кто был связан с моими врагами, - печально ответил принц.

- Как ты сговорился с твоими врагами? - спросила графиня с большим удивлением.

“ Ты, конечно, не смеешься надо мной, - сказал Генри, заметив слезы, дрожащие на ее веках. “ Твое лицо говорит о твоей искренности. Значит, я был одурачен, а также добычей моих братьев-конструкторов?”

“Если ты не доверял любви Адели, то да, - ответила его сестра, “ но ты пойдешь со мной. Мой господин ждет нас в замке Блуа. Он разберется в твоём деле и исправит твои ошибки”.

- Пойдем с нами, дорогой дядя, - повторили дети, заметив его нерешительность.

“Сдавайся, спасут тебя или нет”, - сказал молодой Стефан, балансируя палкой вместо копья и с триумфом уводя принца.

“ А разве ты не слышала об осаде горы Святого Михаила? - Спросил Генри, ехавший рядом со своей сестрой во главе кавалькады.

“Мимолетный слух, и, боюсь, что он был намеренно искажен, чтобы ограничить мое вмешательство, - вот и все, что до меня дошло”, - ответила Адела. “Расскажи мне все”.

“Ты знаешь, ” продолжал Генрих, “ что по воле нашего отца герцогство Нормандское перешло к Роберту, а богатое наследие Англии перешло к Вильгельму. У Генри не было ни наследства, ни владений, все, что мне досталось, - это небольшое сокровище. Это я отдала Роберту в час его нужды ради земель Котантена, а затем отправилась в Англию, чтобы получить приданое моей матери. По моему возвращению блудный сын, растратив деньги, полученные от меня, схватил и заточил меня в одной из своих крепостей. Когда в Нормандию вторглись, он освободил меня из заточения, и я оказал ему хорошую услугу, вынудив Вильгельма снять осаду Руана. В договоре, к которому ты склонял Роберта, я был главным пострадавшим, и поэтому, — добавил он с жаром, - я считал, что коварный герцог проник в святилище чувств моей сестры и лишил меня твоей любви, моего самого дорогого сокровища.

“Мой сильно обиженный брат, ” с нежностью сказала графиня, “ я не знала, что это касается твоих интересов, иначе я посоветовала бы совсем другое. Но продолжай рассказ о своих прегрешениях”.

“ Мои братья-предатели объединились, как Пилат и Ирод в древности, - продолжал Генрих со все возрастающей резкостью, - захватили мои замки в Котантене и преследовали меня по пятам, как ищейки по следу, пока я не нашел убежища на горе Святого Михаила, где дружественные приливы сдерживали их; и там я погиб бы от жажды, если бы запоздалое сострадание Роберта не послужило моей нужде и, наконец, не добилось моего освобождения. С тех пор я скитался как беглец и изгой, нуждаясь в скудном гостеприимстве вассалов моего брата и утешая свои утомительные часы занятиями клерком ”.

“ Мужайся, мой добрый брат, ” с энтузиазмом сказала Адела. “ Ты больше не будешь скитаться. Граф Стивен поможет тебе поправить твоё состояние; и, возможно, однажды ты унаследуешь гордые владения обоих твоих братьев. Смотри! вон сверкают шпили Блуа. Но что за рыцарский кортеж движется по широкой аллее замка. Послушайте! Надзиратель трубит в горн, и подъемный мост опускается. Подгони своего коня; эти отставшие могут последовать за ним на досуге. С этими словами графиня и ее брат бросились вперед и вошли во двор как раз в тот момент, когда свита герцога Нормандского поднималась по лестнице, ведущей в большой зал.

При виде Роберта глаза Генри вспыхнули, и он с возмущенным жестом повернулся, чтобы уйти, но Адела с решительным видом положила руку ему на плечо. “Оставайся, - сказала она, - эта опускная решетка преграждает все выходы из замка, и твой гордый герцог не сбежит, пока не воздаст тебе должное”.

Граф Стефан сердечно приветствовал Роберта и с большой любовью приветствовал свою графиню, но появление Генриха привело его в явное замешательство, и его смущение не уменьшилось, когда он увидел, как его жена с характерным героизмом прошла между братьями-соперниками и устремила на Роберта сверкающий взгляд.

Благородное поведение раскаявшегося герцога, к счастью, предотвратило надвигающуюся бурю.

“Избавься от своих упреков, милая сестра,” сказал он, - и ты, брат мой, прости нанесенные тебе тяжкие обиды и прими единственное возмещение, которое в моей власти. Я возвращаю тебе Котантен и, если бы не моя бедность, возместил бы тебе твои убытки. Я решил посетить Святую Землю; и я хотел бы распорядиться своими мирскими делами так, чтобы, если я никогда не вернусь, люди не обвиняли меня перед престолом Божиим”.

Искренность его признания и серьезность его поведения смягчили негодование Генри и привели к очевидному примирению. Гармония, таким образом, была восстановлена, и Роберт через определенные промежутки времени приступил к изложению желаний и целей, которые снова привели его на совет с Аделой.

После заключения мирного договора, который не только подтвердил суверенитет Вильгельма над Англией, но и закрепил за ним несколько сильных крепостей в Нормандии, герцог смирился с апатией и роскошью. В своих бесцельных экспедициях его внимание часто привлекала внешность монаха, который воплощал в себе дух отшельника, паломника и солдата. Его голова была непокрыта, ноги обнажены. Его миниатюрная фигурка, истощенная частым воздержанием, была закутана в грубую одежду. Его молитвы были долгими и пылкими, и энтузиазм, светившийся в его глазах, разжигал огни святого рвения в каждом городе, деревне и поселении, через которые он проезжал. Когда он ехал, все улицы и шоссе были запружены людьми, которые поклонялись тяжелому распятию, которое он держал высоко над головой, и со вздохами и слезами слушали, как он описывал страдания христиан Палестины и громкими и частыми призывами к Христу и Пресвятой Богородице призывал воинов того времени защитить своих братьев и спасти гробницу Спасителя от владычества неверных.

Любопытство Роберта было возбуждено. Он присоединился к нетерпеливой толпе, следовавшей по стопам монаха, и слушал волнующие слова, пока скрытое желание паломничества, которое долгое время дремало в его уме, не пробудилось к жизни и деятельности, и он не обратился к проповедям Петра Отшельника. Но пока он колебался, глядя на мантию и посох паломника, объединенные голоса рыцарства и религии велели ему надеть доспехи и обнажить меч.

На общем церковном соборе в Плацентии послы греческого императора Алексея Комнина рассказали о бедственном положении своего государя и об опасности, грозящей Константинополю со стороны победоносных турок. Печальные рассказы о страданиях и опасностях восточных братьев вызвали слезы у собравшихся, и несколько воинов заявили о своей готовности выступить на Восток.

Греки были отпущены с заверениями в скорой и мощной помощи. Папа Урбан одобрил этот план и созвал второй собор в ноябре следующего года в Клермоне, чтобы обсудить меры по отправке вооруженных сил в Азию.

Именно для того, чтобы заручиться согласием Адели и сотрудничеством Стефана, Роберт и приехал в Блуа.

Образы ее брата и предмет его беседы воскресили в памяти Адели причудливые зарисовки ее детства и пробудили наполовину сформировавшиеся цели ее ранней юности. Со свойственной ее характеру дальновидностью она осмотрела широкое поле, открывшееся таким образом для честолюбия, уравнивала возможное с невыполнимым, определила для своего брата единственный путь, который дал бы полный простор его рыцарским способностям, и, пожелав своему мужу доли в славном предприятии, убедила его принять этот план и, таким образом, превратила себя в настоящую *“Героиню Первого крестового похода”*.

ГЛАВА X.

“Они шли вперед, темное непрерывное облако,
Состоящее из бесчисленных мириад собравшихся”.

“Распоряжаться своими мирскими делами так, чтобы люди не могли обвинять его перед престолом Божьим” - это была более серьезная и длительная работа, чем ожидал герцог Нормандский. Вследствие этого терпение Стефана было почти исчерпано в ожидании его приготовлений, и только после того, как совет Клермона заседал несколько дней, знать вошла в округ Овернь. Когда они приблизились к месту встречи, дороги были запружены нетерпеливыми толпами, которые стекались в город; и все равнины, насколько хватало глаз, были усеяны палатками и киосками, которые давали временное убежище тысячам людей, которые не могли найти жилье в городе.

Утром восьмого дня, в ранний час, преподобное духовенство во главе с папой римским вошло на деревянную кафедру, воздвигнутую посреди собравшихся, и объявило им постановления синода, касающиеся различных вопросов, волновавших в то время церковь. Но церковные решения и местные интересы затерялись в захватывающей теме, которая занимала каждое сердце. Благословение Небес было призвано на их размышления; и тишина опустилась на ожидающие толпы, подобная затишью ветров перед сильной бурей, в то время как монах из Амьена убедительным красноречием и силой рассказывал им, какими ужасными были страдания их братьев на Востоке и какой обременительной была дань, взимаемая бесчеловечными мусульманами. Он заявил, что, остановившись в доме Симона, патриарха Иерусалимского, он стал очевидцем этих чудовищ, и ему было поручено пригласить всех князей Запада внести свой вклад в их исцеление; что в определенный день, полный горя, он вошел в церковь Воскресения и предался молитве, пока, наконец, не опустился на холодную каменную мостовую, и на его чувства не дохнуло: сначала тихая мелодия, подобная пастушьей флейте, переросла в небесную гармонию, подобную песне ангелов пришествия, а затем торжествующие гимны, проникшие в душу. громовой звук трубы и нестройный лязг доспехов; что, подобно древнему Илии, он впоследствии услышал тихий голос, говоривший: “Встань,

Петр, поспеши и без страха исполни то, что Я повелел тебе; ибо Я буду с тобою. Настало время очистить святые места и оказать помощь моим слугам в их бедствии”; что сразу же после того, как серафическое видение озарило его взор, яркость света пробудила его; когда он увидел лежащее на алтаре письмо, содержащее слова Спасителя; и его собственный посох паломника, превращенный в меч.

Отшельник умолк и поднял чудесный свиток перед глазами всего народа. Вопль пронесся над огромной толпой, и все присутствующие склонились, как сгибается лес перед первым порывом бури.

Воспользовавшись благоприятным моментом, понтифик встал и обратился к собравшимся. “Мои братья и дражайшие дети, будь то короли, принцы, маркизы, графы, бароны или рыцари, все вы, кто был искуплен телесными страстями и пролитием крови Господа нашего Иисуса Христа, услышьте жалобы самого Бога, которые адресованы вам по поводу несправедливостей и непредвиденных обид, которые были нанесены ему в Азии, где зародились первые ростки нашей веры, где Апостолы приняли мученическую смерть и где в наши дни преследуемые христиане со сдержанными вздохами жаждут участия в ваших свободах. Сжальтесь над вашими братьями, живущими в Иерусалиме и на его берегах, — обуздайте наглость варваров, и вы будете превознесены во все века — пусть ваше рвение в походе искупит грабеж, воровство, человекоубийство, распущенность и поджигательские деяния, которыми вы вызвали гнев Господа, — обратите против врагов Христа то оружие, которое вы до сих пор обагрjali кровью в битвах и турнирах против самих себя. Тем, кто присутствует, я приказываю это; тем, кто отсутствует, я предписываю это. Что касается нас, то мы будем уповать на милость Всемогущего Бога, и в силу силы, которую Он дал нам, и властью благословенных Апостолов Петра и Павла мы отпускаем грехи всем, кто участвует в этой священной войне, от всех преступлений, в которых они раскаются в своих сердцах и исповедуются устами, и в воздаянии праведным мы обещаем им увеличенную долю вечного спасения. И это прощение распространится также на тех, кто своим имуществом или советом способствует его успеху. Тогда идите, храбрые солдаты, и обеспечьте себе славу во всем мире. Бог будет сопровождать вас в вашем походе — время года будет благоприятным как из-за обилия фруктов, так и из-за безмятежности стихий. Те, кто умрет, возлягут в Небесных гостевых покоях, а те, кто выживет, обратят свои взоры на гробницу Спасителя. Счастливы те, кто призван в этот поход, чтобы они могли увидеть святые места, в которых наш Господь беседовал с людьми и где, чтобы спасти их, он родился, был распят, умер; был похоронен и воскрес снова. Ступайте же по дороге, лежащей перед вами, во искупление ваших грехов, и идите с уверенностью, что после того, как почести этого мира уйдут, вас будет ожидать нетленная слава даже в царстве Небесном”.

Громкие крики ‘такова воля Бога’, “Такова воля Бога”, произносимые одновременно на всех различных диалектах и языках, на которых говорили народы, из которых состояла толпа, на мгновение прервали прелата. Повелев движением руки замолчать, он продолжил.

“Дорогие братья, сегодня в вас проявляется то, что Господь сказал через своего евангелиста: ‘Когда двое или трое соберутся во имя Мое, я буду посреди них’. Ибо, если бы Господь Бог не был в ваших душах, вы все не произнесли бы одних и тех же слов, или, скорее, сам Бог произнес их вашими устами, ибо именно Он вложил их в ваши сердца. Тогда пусть они будут вашим боевым кличем в бою, ибо эти слова исходили от Бога. Пусть армия Господа, когда она бросается на его врагов, кричит только один крик: ‘Deus vult’, “Deus vult”. О храбрые рыцари!

помните о добродетелях ваших предков; и если вы чувствуете, что вас удерживают от намеченного вам пути нежные узы жен, детей, родителей, вспомните слова самого нашего Господа: 'Всякий, кто любит отца или мать больше, чем меня, недостоин меня. Всякий, кто оставит ради имени Моего свой дом, или своих братьев, или своих сестер, или своего отца, или свою мать, или свою жену, или своих детей, или свои земли, получит во сто крат и наследует жизнь вечную'. Итак, препоясывайтесь, мои храбрые воины, для битвы, и пусть тот, кто готов выступить в поход, несет святой крест Господень на своих плечах в память об этой заповеди Спасителя: "Тот, кто не берет свой крест и не следует за Мной, недостоин меня".

Агония противоречивых эмоций, сотрясавшая собравшуюся толпу, вылилась в бурю вздохов, стонов и слез, и когда деревья в лесу рухнули ниц от порыва ветра, взволнованные люди упали на колени, ударили себя в грудь от горя, излили свои признания и посвятили себя и свое имущество Святому Крестовому походу.

ГЛАВА IX.

“Там формируются дикие крестоносцы,
Там стоит собранная Европа,
Небеса, которые они считают, пробуждают бурю,
Ад, крови которого требуют пэйнимы”.
Карлайл.

Результаты Клермонского собора быстро ощутили на себе по всей Европе. Ни одна нация не была так далека, ни один народ не был так уединен, но, получив сведения с помощью обычных слухов или чудесных откровений, они начали подготовку к великому предприятию.

Валлиец бросил охоту, шотландец — родные горы, датчанин забыл свою миску для питья, норвежец оставил рыболовные снасти на песке. Все, что хранилось в зернохранилищах или копилось в камерах, отвечавших надеждам скупого земледельца или алчности скряги, было брошено или обменено на военное снаряжение.

“Рвение и симпатия, негодование и рыцарские чувства, жажда славы, страсть к предприимчивости и тысячи смутных, но великих и благородных устремлений смешались в сложном мотиве Крестового похода. Это усилилось из—за заражения — это выросло благодаря общению — это распространилось из дома в дом — и из лона в лоно — это стало всеобщим желанием — энтузиазмом — страстью- безумием”.

Принцы трудились, как крестьяне, в кузнице или оружейной. Знатные дамы забросили вышивание и использовали свои тонкие пальцы для шитья одежды для слуг своих лордов.

Графиня Блуа отложила в сторону знаменитый гобелен из Байе, который ее мать оставила ей для завершения, и сопровождала своего мужа из замка в замок по всем их обширным владениям, наблюдая за трудами своих служанок, в то время как они с благочестивым усердием вышивали красный крест на плащах воинов.

Роберт передал свои герцогские владения алчному Руфусу за сумму, едва достаточную для покрытия расходов по экспедиции, и Эдгар Ательинг, отдав своих племянниц-сирот в уилтонский женский монастырь, присоединился к свите своего друга.

Годфруа, герцог Лотарингии, принц королевского дома Франции, собрал своих последователей от берегов Рейна до Эльбы; Раймонд Тулузский и Адемар, епископ Пюи, прозванные Моисеем и Аароном воинства, собрали готов, гасконцев и все смешанные народы между Пиренеями и Альпами; Бозмунд Апулийский командовал племенами от Тосканского моря до Адриатики, в то время как добровольцы со всех концов Европы стекались под знамена этих благородных вождей или присоединялись к отряду самого Отшельника .

Наступило долгожданное время, когда седые одежды зимы были сброшены, мир, окутанный весенним цветением, приглашал паломников к границам Востока. И в начале марта 1097 года массы европейского населения начали стекаться. Первый отряд, который пронесся через Германию в Венгрию, состоял из двадцати тысяч пехотинцев под командованием Вальтера Безденежного. Затем последовал Петр Отшельник с сорока тысячами мужчин, женщин и детей. Затем немецкий священник возглавил пятнадцать тысяч энтузиастов, и другой отряд из двухсот тысяч безоружных и беспорядочных людей поспешил тем же путем; и прежде чем эти отчаянные искатели приключений достигли границ Греческой империи, Европа блистала воинственными отрядами, облаченными во всю пышность и великолепие рыцарства и возглавляемыми величайшими воинами эпохи.

Немногие вожди приводили столько солдат под знамена креста, как Стефан, граф Блуа и Шартра. Но, несмотря на необузданное рвение Роберта и быстрые политические меры Адели, лето было потрачено впустую; и только в день осеннего равноденствия эти выдающиеся дворяне присоединились к войскам Гуго, графа Вермандуа, и пересекли Альпы, намереваясь морем добраться до Святой Земли. Они нашли папу Урбана в Лукке и получили от него знамя Святого Петра. Осень прошла в веселье и разгуле Италии, где графы расположили свои войска на зимние квартиры. Граф Стефан снова вернулся в Блуа, уже неудовлетворенный перспективами экспедиции. Следующей весной, через год после назначенного папой срока, вместе с Робертом и Хью и их объединенными силами муж Адели отправился в Палестину. Тем временем многие, недовольные первыми трудностями, вернулись, чтобы получить пропитание от щедрот графини Блуа.

- Мне кажется, моя милосердная сестра, - сказал Генри, видя ее милосердие к несчастным, - если бы ты видела, как эти нищие продают свой скот за несколько шиллингов, ты бы скорее посмеялась над их глупостью, чем облегчила их бедность.

“Адела не считает глупостью для человека продавать все, что у него есть, ради царства Небесного”.

“Мне кажется, - сказал Генри, смеясь, - что эти самоотверженные люди стремятся к ”гораздо большему в этой жизни“, чем к небесному наследию; и *некоторые*, я думаю, понимают под царством небесным княжество в Палестине”.

- А разве установление христианских держав в Азии не было достойной целью? - возразила Адела, не очень довольная намеками брата.

“Конечно, моя любимая сестра. Но зачем ты задержал своего недостойного Боклера, разве для него нет королевства или герцогства?”

“ Нет! Я едва ли претендую на то, что задержала тебя, - сказала Адела, - поскольку подозреваю, что тебя удержали более сильные чувства, чем сострадание к моему одинокому имению.

- Не могу отрицать, что нежный интерес к ухудшающемуся здоровью Красного Короля несколько повлиял на мое решение, - уклончиво ответил Генри.

- И на вас не повлияла потрясающая красота подопечной Красного Короля? - спросила Адела, настаивая на своем.

“ Нет, сестра, раз уж ты разгадала мою тайну, ” откровенно сказал Генри, “ я расскажу тебе все. Понимая, что твои крестовые походы лишат норманнскую державу ее военной мощи, я счел мудрым в случае смерти моего брата завоевать расположение английского народа, объединив свои личные интересы с саксонской расой. Соответственно, когда Роберт отправил меня в Англию вести переговоры с Руфусом о закладной на его герцогство, я посетил Уилтонский женский монастырь вместе с Эдгаром Ательингом.

- И ты видела там прекрасную послушницу, Матильду, - перебила ее Адела.

“Не называй ее послушницей, она презирает это имя, и у нее дух королевы. В присутствии своего дяди Ательинга она сорвала с головы ненавистную вуаль и растоптала ее ногами”.

- И эта пылкая девица улыбнулась твоему ухажеру?

- Я не обращался ни к кому, кроме ее дяди.

- И что сказал Ательинг на твой дальновидный план?

- Он обещал отдать ее мне со своим благословением по возвращении из крестового похода.

“ Но вот появляется еще один сын Куши с вестями для графини Блуа. Судя по его изодранной одежде и прихрамывающей походке, его история, должно быть, затмевает все, что было раньше. Мои *”дальновидные планы”* не требуют того внимания, которое следовало бы уделить этому великолепному восточному послу”, - и с иронической улыбкой Генрих удалился.

Внешность человека, вошедшего в присутствие Адели, и новости, которые он принес, полностью оправдали саркастические предположения Генри. Он был беженцем из партии Уолтера Без Гроша в кармане, группы, единственной рекомендацией которой для Священной войны была их бедность. Перед отправлением каждого обыскали, и человек, при котором была найдена сумма в два су, был изгнан из лагеря. Воодушевленные слепым фанатизмом, они ожидали, что реки откроются для их прохода; что плоть будет чудесным образом доставлена; манна прольется на них дождем с небес, а обрушившаяся скала изольет свой охлаждающий поток. Гостеприимство венгров укрепило их веру; но когда они вошли в Болгарское королевство, иллюзия рассеялась, и страдающие от голода толпы, отказавшись от своего самонадеянного упования на небеса, прибегли к резне и грабежу. Разъяренные жители набросились на них без страха и пощады. Многие были убиты, многие бежали в леса, а остатки разочарованных приверженцев попытались вернуться по своим следам на свою землю.

Выслушав рассказ несчастного беглеца, Адела заметила, что несчастья компании, несомненно, произошли от того, что они забыли последние наставления Спасителя: “У кого есть кошелек, пусть возьмет его, а также свою сумку, а у кого нет меча, пусть продаст свою одежду и купит другую”.

“Ах, госпожа! - воскликнул несчастный фанатик. - не думай, что наши несчастья произошли из-за нехватки денег или оружия, скорее из-за нашего нетерпения уйти, которое побудило нас отправиться в путь в пятницу, вместо того чтобы дожидаться священного отдыха в субботу”.

Графиня проживала со своей семьей в Труа, когда давала аудиенцию другому из своих “восточных послов”, как в шутку называл их Генрих.

Этот человек прибыл с наступлением темноты на жалком муле, том самом животном, которое несколькими месяцами ранее, при Петре Отшельнике, вело в бой большее войско, чем Буцефал при Александре, и которое пользовалось такой репутацией святости, что даже самые его волосы благоговейно хранились как реликвии. Теперь, измученный и удрученный, с поникшей головой и висячими ушами, бедный зверь медленно брел своей тяжелой поступью к воротам замка. Его всадник, казалось, был не менее подавлен горем и усталостью и, устало спешившись, покорно ждал среди слуг, пока его не позовут к своей госпоже.

“Вы видите, благородная леди, - сказал он, - одного из тех людей, чья судьба - приносить крах каждой экспедиции, в которую он пускается”.

“Несчастный человек! - воскликнула Адела. - неужели ты предал армию Господа?”

“Боже упаси меня быть виновным в столь мерзком поступке, - сказал паломник, набожно перекрестившись, - но проклятие Ионы лежит на мне. Злым был тот день, когда, разоренный войнами герцога Роберта, я разграбил священные сосуды церкви, переплавил и продал их, чтобы добыть еду для своей голодающей семьи. Это преступление тяжким грузом лежало на моей совести, и, чтобы искупить свою вину, я присоединился к банде Отшельника. Но моя греховная любовь к моим детям возобладала над моей преданностью, и сатана искушал меня мыслью, что, если бы им было позволено сопровождать меня, они, по крайней мере, могли бы получить венец мученичества, хотя их отец и должен понести наказание за свои грехи. С большим трудом мы наскребли средств, чтобы купить упряжку волов и повозку, а благотворительность моей благородной графини (да вознаградят тебя небеса) обеспечила одеждой моего бедного старого отца и беспомощных младенцев. Да простят меня Небеса, но мое злое сердце было переполнено гордыней, когда, усаживая моих драгоценных детей в повозку, я шел рядом с ними; и мне было приятно, когда мы подъезжали к какому-нибудь поселку, слышать, как малыши спрашивают, не Иерусалим ли это. Глупцом, что я не помнил слов Спасителя: ‘Тот, кто не оставляет всего, что имеет, не может быть моим учеником’. Было много тех, кто, впад в ту же ошибку, загромодил поезд бесполезным багажом, и множество слабых и больных, как мужчин, так и женщин, стали причиной того, что наш маршрут был утомительным и медленным. Наступила летняя жара, и усталость от дороги, казалось, усилилась. Мои дети забыли о своей невинной болтовне и вытянули свои нежные конечности на полу повозки. Старик, мой отец, спал, и мы не могли его разбудить; и моя жена отдала мне младенца от своей груди — он был мертв, — и мы похоронили их на обочине дороги. Это было началом печалей. Но ужасы моего преступления вспыхнули передо мной, когда некоторые сыны Велиала из нашего отряда подожгли дома и начали грабить людей, через деревни которых мы

проезжали. Жители вооружились против нас, и я содрогаюсь при описании последовавших за этим кровавых сцен. Разъяренные бессмысленным нападением, они бросились на нас, ударили в тыл армии, наполнили свой гнев кровью всех, кто им противостоял, и уничтожили ту часть толпы, которую слабость оставила без защиты. Моя жена и сыновья пали жертвами их ярости, а Терезу, мою любимую дочь, с криком вырвал у меня из рук жестокий негодяй и унес прочь”.

“ Несчастливая Тереза, ” сказала Адела, роняя слезу. - Мой бедный Уильям тосковал по своей терпеливой сиделке.

“В крайнем отчаянии, - продолжал пилигрим, - я бросился в самую гущу боя и искал смерти, но тщетно. Мои преступления были слишком велики, и я был вынужден оплакивать потерю тех, ради кого я рисковал своей душой.

“Сожалея о том разорении, которое мои грехи и грехи таких, как я, навлекли на святых паломников, я решил укрыться в монастыре и покаянной жизнью искать прощения, которое я надеялся обрести у могилы Спасителя; и, найдя брошенного мула нашего вождя, бредущего по краю болота, я вскарабкался ему на спину и попросил дорогу сюда”.

Графиня дала ему денег на оставшуюся часть пути до монастыря в Кане и с тяжелым сердцем отпустила его.

Немецкий монах великой святости жил в уединенной келье в лесу Труа. Слава об исцелениях, произведенных им с помощью невидимых агентов, побудила графиню проконсультироваться с ним относительно своего больного сына. Тибо и Стивен с небольшой свитой сопровождали ее до эрмитажа.

Когда они возвращались, их путь преградила толпа, собравшаяся вокруг гротескно выглядящей фигуры, частично облаченной в доспехи, частично в одеяние священника. Его голову украшала шапка, похожая на шапку Андрея Первозванного, на макушке которой красовалось перо, вырезанное в виде креста. С его плеч свисали многочисленные ремешки, к которым были прикреплены коробки и мешочки различных цветов и размеров, а на шее висели четки из маленьких человеческих костей. Им он иногда потрясал с демоническим ликованием в качестве аккомпанемента к песням, настроение которых странным образом чередовалось между благочестием и ненормативной лексикой.

- Новости с войны! - крикнул он, приближаясь к кавалькаде.

“Святые реликвии для всех грешников, большой палец святого Петра, зуб святого Павла”.

“Более того — Вавилон пал — евреи, евреи Седрах, Мисах и Авденаго сгорают в пылающей огненной печи — Ха! ha! Как потрескивало и искрилось пламя, Как морщились и корчились Длиннобородые — Пепел! Пепел! — воскликнул он, швыряя содержимое одной из коробок в лица зрителей. — Да, более того...

“Крестоносцы последовали божественному духу,
И воду и кровь он превратил в вино;
Это придало нам сил для бойни.

Выпей—исцелися—выпей”, — и он налил из бутылки вонючей жидкости, от которой толпа с отвращением отпрянула.

“Демоны визжали в лесу - и маленькие дьяволы подмигивали на болотах — они показали нам путь к гробу господню — мосты из трупов — ржавые доспехи—горящие глаза. Как выли волки на нашем пути, а черные вороны каркали над умирающими — Это было редкое развлечение — слышать их стон.

“Козел повел своих последователей вверх по отвесной скале,
гусыня взмахнула крыльями и возглавила стадо;
Прислушайтесь к хрусту костей мучеников”

и безумец пустился в дикий фантастический танец, гремя своими коробочками и потрясая ужасными четками с демоническим исступлением.

Здесь графиня была освобождена от невольного присутствия при этом ужасном зрелище благодаря приближению принца Генриха, который, передав сумасшедшего надлежащему уходу, разогнал толпу и позволил поезду двигаться дальше.

В ответ на тревожные расспросы Адели он сообщил ей, что несчастное создание, которое она видела, принадлежало к безумному сброду, отправившемуся в Святую Землю без предводителя и проводника, которых удерживало вместе только странное увлечение обожанием козы и гуся, которые, по их мнению, были наполнены божественным духом.

Их злобное рвение было направлено главным образом против евреев, которых они истребляли повсюду, куда бы те ни приезжали. Венгры отказали им в проезде через страну. Фанатики попытались форсировать Дунай. Народ взялся за оружие и в течение нескольких дней поражал их такой резней, что поля были усеяны убитыми, а сами воды реки были скрыты множеством трупов.

- Небеса наказали их за нечестие потерей рассудка, - со вздохом сказала Адела.

“ Их нечестие началось с потери рассудка, ” сухо сказал Генри. “Прости, милая сестра, но вестники твоего великого похода и вести, которые они несут, напоминают злых вестников Иова, каждый из которых спасся в одиночку, чтобы сообщить тебе”.

“Мы пока получили разведданные только от плохо подготовленных и варварских орд, которые скорее препятствовали экспедиции, чем помогали ей. Когда мы получим известия от воинов, чья героическая отвага претворит в жизнь планы умеренной мудрости, я верю, что бедствия наших врагов станут темой для разговора, - с большим воодушевлением сказала Адела.

- Нет, я не хотел тебя огорчать, - успокаивающе возразил Генри, - и в доказательство моего желания мира я привез с собой флаг перемирия. - И он протянул ей письмо от ее мужа.

Письмо Адели от Стивена содержало самые отрадные сведения. Полностью обманутый хитрой политикой Алексея, граф с восторгом описал прием, оказанный ему в Константинополе, и великолепную церемонию, с помощью которой латинские вожди выразили почтение греческому императору в связи с городами, которые они надеялись завоевать в Палестине.

Он описал великолепие города и подробно остановился на преимуществах, которые священные легионы извлекут из этой верности, как в плане поставок денег, так и провизии. Он заявил, что Алексей уже снарядил корабли, чтобы переправить их через Босфор, что часть армии уже находится в Малой Азии, и подробно рассказал о щедрости императорского войска, которое каждую неделю дарило руководителю экспедиции столько золота, сколько два раба могли унести на своих плечах.

Деликатно намекнув на оказанные ему милости, он завершил послание изложением просьбы монарха к матери о том, чтобы ее сын Стефан был отправлен в Константинополь для получения королевского воспитания при самом изысканном и элегантном дворе в мире.

Слезы нежности и удовлетворения наполнили прекрасные глаза графини, когда, глядя на своего цветущего мальчика, она прошептала: “Мой сын еще может носить диадему цезарей. Моего отца называли Завоевателем, потому что он присоединил бедный остров к своему герцогству Нормандия, но какой титул должен носить тот, кто вернет континент под власть христианского мира?”

В течение трех последующих месяцев графиня не получала никаких определенных сведений о судьбе крестового похода. Ходили слухи о голоде в лагере христиан и рассказы об ужасных битвах с неверными, но сообщения были расплывчатыми и неудовлетворительными.

Принц Генрих некоторое время отсутствовал, подавляя восстание в Нормандии, и одиночество Адель вконец с душевной тревогой наполнили ее мысли меланхолическими предчувствиями и подавили естественную живость ее манер.

Принц по возвращении был встревожен бледностью ее лица и печалью в голосе.

“ободришься, сестра моя, - сказал он, - ты действительно была пророком, провозгласив, что победы воинов возместят бедствия черни”.

“Ты принес благою весть?” - спросила Адела, и луч надежды осветил ее черты.

- Да, верити, - с ликованием отозвался принц, - достоверный рассказ о победах на кресте, украшенный таким красивым Прохождением Оружия на ристалище Купидона, какого только могли пожелать романисты.

“ Не играй моим нетерпением, - сказала Адела. - Назови мне имя твоего посланца и весть, которую он принес.

“Посыльный - Гилберт Бекет, саксонский оруженосец Эдгара Ательинга, и, следовательно, непосредственно от герцога Роберта и графа Стефана. Он переплыл с ними Ионическое море и нес щит своего учителя на большом параде в Константинополе”.

Адела перебила его. “ Я знаю все, вплоть до момента их отъезда из этого города. Насколько они продвинулись в своих столкновениях с неверными?”

“ Первым важным местом, на которое они напали, - ответил Генрих, - была Ницца, главный город Рума, занятый турками-сельджуками, которые взимали дань со всех жителей Малой Азии. Султан Солиман, услышав о приближении крестоносцев, оставил свою столицу, защищаемую

сильным гарнизоном, и поспешил в горы, собирая войска во всех направлениях. Первым отрядом круазов, достигшим города, командовали Годфруа Булонский и Гуго Вермандуа, которые заняли свои позиции на восточной стороне. Раймонд Тулузский и епископ Пюи расположились лагерем на юге, в то время как Роберт Фландрский и Боэмунд Тарентский разбили свой лагерь на севере. И об этом Боэмунде, благородном вождеотранто, я должен рассказать тебе. Сорок нормандских джентльменов, отличившихся в войнах нашего отца, возвращаясь из паломничества в Святую Землю, высадились в Италии. Узнав, что принц Салерно осажден сарацинами, они бросились в этот город и, получив оружие и лошадей, вскоре вынудили неверных отступить. После их возвращения домой депутаты прибыли в Нормандию от принца, умоляя о дальнейшей помощи. В результате его обещаний и уговоров несколько групп авантюристов, во главе которых стоял Роберт Гвискар и его одиннадцать братьев, вместе эмигрировали, очистили юг Италии от нашествий, похожих на саранчу, и провозгласили себя правителями Апулии и Калабрии. Роберт Жискар провел большую часть своей жизни в войнах с греческим императором и в конце концов был отравлен Алексием. Боэмунд, сын этого Гвискара, поддержал ссору и готовился отомстить за смерть своего отца, но когда он услышал, что объявлен крестовый поход, его рыцарский дух сразу же воспламенился. Разбив свои доспехи на куски боевым топором, он сделал из них маленькие кресты, которые раздал своим последователям, и, оставив свои владения в Италии, присоединился к паломникам вместе со своим двоюродным братом Танкредом, юношей, отличавшимся красотой, доблестью, великодушием, энтузиазмом...”

“Мне все равно, - сказала Адела, - хотя он был красив, как Авессалом, и мудр, как Соломон. Есть два менее выдающихся вождя, которые представляют для меня гораздо больший интерес, чем все воины Италии”.

“ О них ты скоро услышишь, ” сказал Генри. - Когда этот Боэмунд был в Константинополе, император пытался завоевать его дружбу.

- Не возвращайся больше к Боэмунду, - перебила графиня. - Я хотела бы услышать о Стивене и Роберте.

“ Ну, сестрица, ” игриво сказал Генри, - ты сама не знаешь, от чего отказываешься. Неужели твое женское любопытство не удовлетворится рассказом о великолепных покоех Блакернеля, наполненных запасами денег и драгоценностей, дорогими нарядами и дорогими шелками неслыханной ценности, которые Алексей подарил Боэмунду, чтобы заручиться его верностью?

“Ничто не доставит мне удовольствия, - сказала Адела, - кроме желания узнать, каково состояние моего мужа”.

“ И это доставит тебе большое удовольствие, ” сказал Генри, раздражаясь игривым смехом. - Стефан, трижды граф Блуа, Шартра и Шампани, муж моей одаренной сестры, - поклонилась графиня, - зять Вильгельма Завоевателя, отец графов и, я не сомневаюсь, королей, самый красивый, образованный, красноречивый и *благоразумный* человек того времени, был избран президентом совета вождей.

- Благослови тебя Господь за твои новости, - сказала Адела в порыве радости. - а Роберт?

“Оправдывает его юношеское выражение ‘неготовность’. Он последним участвовал в осаде Ниццы. Его войска, однако, были свежи и энергичны, и когда он приблизился к городу с запада,

где была оставлена позиция для его лагеря, он бесстрашным взором окинул двойные стены, защищенные тремястами пятьюдесятью башнями, заполненными лучниками и копейщиками самой решительной доблести. Он собрал воинов из Нормандии, Блуа и Шартра, а также отряд из Булони, где большая часть людей во главе с Вальтером Без Гроша в Кармане и Питером Отшельником потерпели поражение и были убиты. Неверные в насмешку сложили здесь большую кучу их костей и засыпали землей; так что, когда Роберт прибыл со своими войсками, он разбил свою палатку прямо рядом с зеленой могилой тех, кто принял мученическую смерть на этом самом месте. Петр Отшельник с остатками своих войск вскоре после этого присоединился к осаждающим, и армия, по тогдашней нумерации, состояла из 600 000 пехотинцев и 100 000 кавалеристов в кольчугах. Каждый человек исповедался в своих грехах, и после того, как была принесена жертва мессы, они приступили к установке машин и другим приготовлениям к осаде. Сам Солиман расположился лагерем в горах, всего в десяти милях отсюда, обдумывая, каким способом ему лучше всего освободить свой город от врагов, которые толпились вокруг него. Два его гонца были перехвачены Годфри. Они признались, что были посланы совместно с осажденными для двойной атаки на христианский лагерь. Крестоносцы немедленно подготовились к конфликту. На рассвете мусульмане начали спускаться с холмов и выходить из города. Христиане встречали их повсюду с решительной доблестью, отражали их на всех пунктах, сами становились, в свою очередь, нападающими, и вся равнина вокруг Ниццы превратилась в одну общую арену конфликта. Эта атака повторилась дважды с тем же результатом, и султан, наконец, был вынужден отступить, пораженный львиной храбростью франков, которые с тысячей копий могли атаковать и легко обратить в бегство двадцать тысяч турок. Но среди этих великолепных достижений, которые саксонец Гилберт описал с большой живостью, он сказал, что печально видеть, как паломники с наступлением темноты собирают тела своих товарищей и несут их печальной процессией в соседние кипарисовые рощи, где при печальном свете факелов они хоронили их без гроба или савана.

“Чтобы запугать осажденных, круазы отрубили головы павшим мусульманам и расстреляли их из своих машин в городе.

“Турки изобрели ужасный метод возмездия. Со стен были спущены длинные железные крюки, с помощью которых тела убитых христиан хватались и поднимались в воздух, а после того, как их раздели и искалечили, снова бросали на землю.

“Юный Гилберт, будучи раненым и лежа без чувств, был схвачен и таким образом втянут в город, но, обнаружив, что жизнь не угасла, они передали его на попечение врачей Солимана, которые ухаживали за ним как за известным пленником. Осада затянулась на некоторое время, и христианам удалось подорвать огромную башню на северо-восточном углу стены. Султанша, встревоженная потерей этой важной защиты, решила бежать. Было приготовлено несколько лодок, и королева со своей свитой, среди которой был юный Жильбер, в сопровождении темноглазой дочери эмира, прекрасной, как гурия, попыталась ночью скрыться через озеро. Пока маленькая флотилия крадучись двигалась в тени нависающего утеса, Бекет схватил лук и ловко выпустил стрелу в сторону ближайшего аванпоста христианского лагеря.

Звон тетивы привлек внимание мусульман, но Зайда, почувствовав опасность, грозящую ее любимцу, ударила по струнам своей арфы и таким образом, искусно воспроизведя звук, сделала вид, что все произошло случайно.

Впоследствии Бекет узнал, что стрела упала у самых ног часового, дремавшего у сторожевого костра, который встрепнулся, разбудил своих товарищей, и вскоре рыцари герцога Роберта столпились вдоль берега.

“Пайнимцы напрасно гремели веслами, норманны перехватили их бегство. Султанша была взята в плен, и только лодка эмира с разочарованным Жильбером избежала захвата.

“Христиане, обнаружив таким образом средства, с помощью которых город снабжался провизией, раздобыли лодки в Константинополе и превратили осаду в блокаду. Теперь всякая надежда покинула турок, и примерно во время летнего солнцестояния они предложили условия капитуляции.

Необходимые переговоры шли полным ходом, когда Татий, наместник хитрого Алексея, заключил частный договор с осажденными, и, ожидая открытия ворот, христиане с негодованием и изумлением обнаружили императорский флаг, развевающийся на стенах Ниццы. Алексей пытался утихомирить их гнев, раздавая богатые взятки вождям и щедрые подарки рядовым солдатам, но недовольные и раздраженные они свернули свои палатки и ушли, так и не ступив на территорию завоеванного ими города.

Тем временем плененный Бекет был доставлен в армию султана, и хотя его пылкий дух был раздражен сдержанностью и рвался в бой, его нетерпение было смягчено нежным вниманием и сладкими песнями дочери эмира.

“Солиман со всем своим войском, насчитывавшим 200 000 человек, держался в тылу армии крестоносцев, скрывая свои собственные действия благодаря своему совершенному знанию страны и наблюдая за действиями на круазе с острой тревогой сокола, парящего над своей добычей. По какой-то случайности Роберт и Боэмунд оказались отделенными от основной части армии. Тем не менее они разбили лагерь на берегу красивого ручья в долине Горгоны и провели ночь в покое. Едва они начали свой поход, на следующее утро, когда огромная армия султана появилась на холмах. Со своего возвышения Бекет имел возможность наблюдать за ходом состязания, а от пленных христиан, которых привели в лагерь, он узнал много подробностей о своих товарищах.

“Наш брат Роберт с энергией и расторопностью, несвойственными его характеру, собрал свои силы, образовал крепостной вал из повозок и багажа и призвал своих людей храбро встретить сокрушительный удар. Устрашающие крики турок, когда они обрушились на маленький отряд, топот кавалерии, звон доспехов— лязг щитов, трубы христианского воинства, крики вождей и герольдов подняли такой страшный шум, что никто не мог отличить боевой клич друга от вражеского. Бекет заметил, однако, что христиане опустили наконечники своих длинных копий и приготовились принять тяжелую атаку на свои мечи, как вдруг каждый мусульманин поднял свой лук, и когда он поскакал вперед, густое облако, казалось, скрыло все предметы из его поля зрения, и двести тысяч стрел посеяли смерть среди последователей креста”.

Невольная дрожь сотрясла тело графини, и она прижала руки к глазам, словно желая отогнать ужасное видение.

Ее брат продолжил: “Европейское рыцарство устремилось вверх по холму против нападавших. Турки, по своему обыкновению, отступали со всех сторон, уклоняясь благодаря быстроте своих лошадей от копий рыцарей и, подобно древним парфянам, продолжая стрелять из лука, даже

когда обращались в бегство. Они снова развернулись и с дьявольскими воплями обрушились на уменьшившийся отряд, окружив его в долине; и по мере того, как неверные падали под страшными ударами боевых топоров норманнов, на их место приходили новые враги. Отброшенные назад растущей толпой, которая наседала на них, рыцари уступили дорогу сарацинам и были вынуждены отбиваться от тех самых копий пехотинцев, которые шли им на подмогу. Христиане заколебались. В этот критический момент Роберт собрал все мужество своего сердца и, обнажив голову в гуще схватки, схватил свое знамя, и Бекет отчетливо, намного выше всего шума сражения, различил его крик: "Нормандия!" Нормандия спешит на помощь! Крестоносцы сплотились и снова взялись за оружие, и турки были отброшены. Сарацины снова обрушились на них, не давая им ни минуты покоя. Густой и быстрый был скошен цветок христианского рыцарства, солдат рядом с солдатом и рыцарь рядом с рыцарем. В проблесках быстрой эволюции арабской кавалерии Бекет мог видеть, как женщины лагеря приносили воду из реки падающим в обморок солдатам и купали раненых и умирающих. Таким образом, битва продолжалась много часов, когда глаз саксонского солдата заметил облако пыли, поднимавшееся из-за холмов. Затем появилось знамя, и выпел, и копье, и сверкающие доспехи, и Красный Крест, развевающийся на ветру. Разрозненными отрядами, изо всех сил пришпоривая своих лошадей, наступала западная дивизия Круаз. Никто не ждал остальных, но каждый спешил на битву, и шеренга за шеренгой, отряд за отрядом, выкрикивая: "*Deus vult*", "*Deus vult*", устремлялись через горы в долину битвы. Христианский боевой клич взволновал сердце героического Гилберта, и он, задыхаясь, еще раз присоединился к знамени, на котором была эмблема нашей святой религии. Сорвав с головы белый тюрбан, который Заида повязала ему на лоб, он высоко поднял его, тщетно надеясь привлечь внимание своих соотечественников и вернуть себе свободу. Но все были слишком поглощены разгромом неверных, чтобы заметить сигнал, и сердце его упало, когда эмир, опасаясь полного замешательства, приказал рабам увести женщин и пленников в укрепленное место в горах. Когда они вели его вдоль гребня холма, он все еще не отрывал своего тоскующего взгляда от места сражения и отчетливо различал во главе отряда Раймонда и Годфри фигуры двух канонизированных мучеников в доспехах, сверкающих на ярком солнце; и он мог видеть, что их присутствие вселяло ужас в сердца врагов. Но дальнейших подробностей о битве он не мог узнать, кроме как от самих сарацин, которые, казалось, были прискорбно разбиты и поспешили вперед христианской армии через Фригию и Киликию, опустошая деревни и превращая в пустыню местность, через которую они проходили. В Тарсе его разлучили со своей верной Заидой, и он поселился один в башне Пайним, возвышавшейся над Киднусом. Здесь он день за днем томился в одиночестве, глядя сквозь щель для стрелы на неизменные холмы или устало наблюдая за водоплавающими птицами, резвящимися на дне ручья. Христианское воинство проходило под самыми стенами его башни. Он различал фигуры Роберта, Стефана и Ательинга, гербы и опознавательные знаки различных подразделений европейского рыцарства и боролся, как пойманная птица, за свободу. Он выкрикивал почетные имена вождей и могучий боевой клич христиан; взывал к Спасителю, Марии и всем святым в календаре об освобождении; но тщетно. Только стены его тюрьмы отзывались эхом на его крик; ни одно ухо не слышало его голоса; ни один глаз не поднимался к его одинокой башне. Он смотрел, пока последний крест не исчез вдаль, и, охваченный отчаянием, в агонии опустил на пол.

Луна стояла высоко в небе, когда его разбудило легкое прикосновение нежной руки, и мягкий голос Зайды прошептал: 'Гилберт! Англия!' - единственные саксонские слова, которым он научил ее. Он вскочил, и радостное восклицание сорвалось с его губ. Но Заида

предупреждающим жестом заставила его замолчать и поманила его следовать за ней. Он молча пробирался по лабиринтам замка, ведомый видением, которое скользило перед ним, больше похожее на духа воздуха, чем на существо земного облика, и молодому англичанину стоило головокружительного труда последовать за ней вниз по грубой каменной лестнице, ведущей к подножию утеса, где был пришвартован небольшой ялик. Она жестом пригласила его садиться. Он подчинился и повернулся, чтобы посадить ее рядом с собой. Она ушла. Высоко на круче он увидел последнее колыхание ее белого одеяния. Он вскочил, чтобы последовать за ней, но сильная рука швырнула его на дно лодки. Гребцы налегли на весла, и маленькая лодка бесшумно заскользила вниз по течению.

- Он присоединился к христианской армии? - спросила Адела.

“По всему берегу реки, - ответил Генри, “ он видел мучительным взором сторожевые костры христианского лагеря и слышал пароль, повторяемый знакомыми голосами, но пираты, поскольку таковыми они были, не позволили ему ни говорить, ни двигаться. Достигнув Кипрского моря, они посадили его на борт судна, и он был доставлен в Брундузий”.

- И эти пираты были неверными? - спросила Адела.

“ Сарацинами они не были, ” сказал ее брат, “ но до какой степени они верили в нашу святую религию, Бекет сказать не был готов. Они говорили на нескольких диалектах европейцев и в начале крестовых походов повернули свой курс на Святую Землю в приятной надежде послужить мечом Богу и маммоне”.

- А что еще случилось с саксом? - спросила графиня.

“ Он возвращался через Францию, и когда я увидел его в Фешане, он нанялся в Англию. А теперь, дорогая сестра, я пришел проститься с тобой, чтобы сопровождать его”.

“Новость, которую ты принес, сняла тяжесть с моего сердца и придала мне сил для выполнения моих обязанностей”, - сказала его сестра. “Но зачем тебе в Англию?”

- Я узнал, что герцог Бретонский добивается сватовства к прекрасной Матильде, и я должен уехать, чтобы проследить, чтобы приз не вырвали у меня из рук.

- Ты что-нибудь слышала о графине Хантингдон? - спросила Адела.

“ Да, и странные новости о ней у меня для твоих ушей. Ты знаешь, что едва ли прошел год со дня смерти ее мужа Саймона, и она снова вступила в священное состояние супружества.

“Невозможно!” - воскликнула Адела. “Она, которая так тосковала по тишине монастырской жизни!”

- Она была вынуждена поступиться собственными наклонностями, чтобы спастись от тирании Руфуса, - возразил Генри.

- Бедняжка Мод! - сказала Адела. - ее жизнь была постоянной жертвой эгоистичным интересам других.

“Ее терпеливая кротость обезоруживает даже ее жестокую судьбу”, - сказал Генри. “Саймон всегда относился к ней с самой преданной любовью и сделал ее единственной наследницей

всего бывшего имущества ее отца. Говорят, что наш брат Руфус положил глаз на очаровательную вдову и что, чтобы избежать его ухаживаний, она приняла руку Дэвида, принца Шотландского.

- Тогда она будет твоим лучшим защитником перед сестрой Дэвида, Матильдой.

“Правда”, - сказал Генрих. “Будущая королева Шотландии поможет возложить корону на голову будущей королевы Англии. Прощайте. Когда я приду снова, я надеюсь представить тебе мою прекрасную невесту”.

- Да ускорит Бог твой замысел, - пылко сказала графиня, и так они расстались.

ГЛАВА XII.

“Я скорее скажу тебе, чего следует опасаться, чем того, чего боюсь я”.

Управление делами своих владений затрудняло графине Блуа в отсутствие наиболее энергичной части населения прокормить многочисленные семьи, оказавшиеся в зависимости от войн; а растущая беспомощность ее сына-идиота значительно увеличивала бремя ее забот. Это было рождественское утро, годовщина ее помолвки. Толпа собралась в величественном Шартрском соборе, чтобы присоединиться к священным торжествам этого дня и стать свидетелем крещения Люси, малолетней графини. Адела была так занята впечатляющей сценой, что не заметила появления нескольких рыцарей, к чьим благородным фигурам и изношенным тяжелым трудом одеяниям взгляды толпы были прикованы с величайшим любопытством; не заметила она и того, что их предводитель подошел к алтарю и преклонил колени рядом с ней у купели; но когда воин протянул руку, чтобы принять облаченного в белое херувима из рук священника, она обернулась и увидела, что ее муж с восхищением смотрит на младенца. невыразимая нежность к своей маленькой дочери, которую он сейчас впервые увидел.

Неожиданное возвращение их господина придало дополнительный импульс празднествам среди многочисленной свиты графа.

Когда радостные приветствия и поздравления были окончены, и Адела и Стивен остались наедине со своими мыслями, графиня, подозревавшая, что причиной этого неожиданного прибытия стало какое-то несчастье, приступила к объяснению. - А почему Роберт не едет с тобой? - спросила она.

“Мне кажется, ты могла бы не спрашивать, - сказал Стивен, с любовью глядя на нее. “У Роберта нет тех уз, которые привлекают меня на родину. Приключения и война для него - жена и дети”.

- Неужели жена и дети отвлекли моего мужа от путей славы и дела Божьего? - с опаской спросила графиня.

“Те тропы, которые твое воображение облакает в великолепие, - сказал Стивен, - всего лишь тропы, по которым среди скалистых утесов и колючих кустарников пробирались рептилии и

дикие звери, истекающие смертельным ядом. Мы последовали за ними через прискорбные страдания и были приведены к катастрофе и поражению. А что касается дела Божьего, если бы ты увидел пороки этих *святых* крестьян и те лишения, которые они перенесли, ты бы решил, что они либо не были народом Божиим, либо что Всемогущий мало обращал внимания на страдания своих верных слуг”.

“ Это малодушные люди чувствуют трудности пути и не доверяют заботе Провидения, ” укоризненно сказала Адела. - Разве только рыцарский обет не запрещал тебе оставить святое дело?

“Отказаться от дела, оставленного Богом и людьми, было велением благоразумия”, - возразил Стивен, уязвленный порицанием своей любимой графини.

“ Благоразумие рождается из трусости, ” ответила она с неослабевающей теплотой. “До сих пор я слышал о доблестных поступках, а не о дезертирстве; о победе, а не о поражении”.

- Тогда твое невежество оправдывает твою жестокость, - сказал Стивен, - но если ты будешь терпеливо слушать своего господина, то, возможно, станешь более осведомленным.

“Я не стану слушать ничего, что клеймит моего Стивена трусостью!” - воскликнула Адела. “Мое сердце ликовало при мысли, что президент вождей будет советовать им совершать достойные поступки!” - и надменная женщина разрыдалась от нежности и оскорбленной гордости.

“Клянусь распятием в Лукке! - воскликнул Стивен, вскакивая в гневе. - Если ты не хочешь прислушаться к голосу разума, то напрасно рассуждаешь”.

- И если разум predetermined твое возвращение, почему ты пришел один? - спросила Адела, стараясь подавить свои эмоции.

“Одни!” - ответил граф. “Из множества людей, покинувших Европу по проповеди Петра, три четверти уже вернулись или пали жертвами их безумия. Сам Отшельник бежал от зрелища страданий, которые он был не в силах облегчить и не в силах вынести. Болдуин присоединился к пиратской банде, опустошающей побережье Киликии. Раймонд из Тулузы томится, став жертвой чумной лихорадки. Готфрид, душа экспедиции, истерзанный в схватке с дикими зверями, лежит ничком со своими ранами; более того, граф Мелун и Татий, наместник Алексея, отвели свои войска; и когда болезнь вынудила меня на время прекратить осаду Антиохии, пятнадцать тысяч турок из сердца Азии были на пути, чтобы присоединиться к мириадам, окружающим христианский лагерь ”.

- А какая добрая рука лечила твою болезнь? - спросила графиня, и к ней вернулась нежность при мысли о его страданиях.

“Бивуак солдата не приемлет такого внимания, которое столь ценно для инвалида”, - ответил ее муж, заметно смягчившись. Однако мое недомогание было кратковременным, и я вернулся бы к своим товарищам, если бы до меня не дошли сведения, которые заставили меня отказаться от всякой надежды на успех предприятия.

“Я говорю тебе, что проект подчинения Азии совершенно глуп и тщетен. Греческая империя, барьер Европы на востоке, немногим менее неверна, чем сыны ислама; и на каждое завоевание христиан претендует Алексей как феодальный сеньор. Он отнял у нас город Ниццу в самый час

победы. По возвращении я встретил его во главе его армии на пути к овладению Антиохией, и, представив силу турок, отвратил его от его намерения”.

“Но разве народ Божий не всегда побеждает в битвах с неверными?” - спросила Адела.

“ В одиночном бою или на честном поле, - ответил Стивен, “ круазы неизменно побеждают, но доблесть не является оружием против голода и болезней. Наша армия, находящаяся на таком расстоянии от своей собственной земли, должна зависеть в снабжении от милости Алексея, следовательно, каждая победа закладывает основу для следующего сражения, и если бы Палестина была освобождена от турок, потребовались бы еще большие усилия, чтобы вырвать ее у греков ”. Графиню заставили замолчать доводы, на которые она не могла ответить, но против которых восставали все ее чувства. И все же, хотя она, по-видимому, согласилась с решением своего мужа, ее сердце живо реагировало на каждый слух, который мог повлиять на его славу. Ее чувства также не успокоились, когда она услышала, что паломники, осажденные в Антиохии, ослабленные болезнями и истощенные голодом, упрекали графа Стефана как причину всех своих несчастий, поскольку он не только отвел свои собственные войска, но и повернул вспять армии, спешившие к ним на помощь. Ее гордость и честолюбие были глубоко уязвлены этими сообщениями, и когда она узнала, что христиане, находясь на грани голодной смерти, обязались никогда не отказываться от своего дела, пока не приложат губами к Гробу Господню; что видения святых и апостолов пробудили энергию и активность в их истощенных рядах; что было обнаружено копье, пронзившее бок Спасителя, и что “блестящий отряд небесных союзников” сошелся с батальонами христианской армии и преследовал сарацинские легионы от долины реки Иордан. Оронт, она чувствовала, что ее муж не только покорно отказался от земной короны, но итаким же трусливым поступком лишился небесного наследства. В агонии от своего разочарования и огорчения она поклялась, что не даст ему покоя, пока он не вернется в Святую Землю, чтобы, если понадобится, стереть его кровью грязное пятно на своей чести.

В таком состоянии духа Стивен обнаружил, что не может заинтересовать ее ни одним из их обычных занятий и забав. Одни только вести из Крестового похода вернули ей обычное оживление, и поскольку эти известия, как правило, не делали ему чести, он, насколько это было возможно, скрывал все сведения с Востока и ухитрялся проводить время в отдаленных частях своих владений. Мучительное ожидание, терзавшее графиню, в конце концов побудило ее тайно отправить гонца в Италию. Он вернулся с расшифровкой официального письма, которое руководители Крестового похода направили папе Урбану. После подробного описания похода из Антиохии вдоль морского побережья мимо Триполи через страну Сидон в Рамулу письмо продолжалось. Оттуда наши войска продолжили свой путь к деревне, ранее называвшейся Эммаус, и, подобно ученикам древности, "наши сердца горели внутри нас", когда к нам пришли некие братья из Вифлеема, чтобы утешить нас после всех наших трудов и поприветствовать нас на этой святой и прекрасной земле. Сон был изгнан из всех глаз, и еще до того, как миновала полночь, каждый мужчина, воодушевленный пылкой надеждой и сильным желанием, облачился в доспехи и вышел из своей палатки, готовый к последней битве. Мы бродили по дорогам и полям в темноте; но наконец небеса покраснели от великолепной внезапности восточного рассвета, и когда солнце осветило своими ровными лучами священное чело Елеонской горы, святой город предстал перед нашими глазами. ‘Иерусалим! Иерусалим!’ - повторяли с бурным изумлением тысячи языков. Всякая усталость, всякая опасность, все лишения были забыты, и воин сразу же превратился в простого паломника; его копье и меч

были отброшены в сторону, а страсть, волновавшая каждое сердце, была облечена в различные жесты. Кто—то кричал, обращаясь к небу, кто-то плакал в тишине, кто—то преклонял колени и молился, кто—то падал ниц и целовал благословенную землю — ‘всем пришлось многое сделать, чтобы обрести такую великую радость’. Сняв обувь, мы ступили босыми ногами на священную землю и, продвигаясь таким образом, оказались перед городом и разбили свой лагерь на севере, между воротами Святого Стефана и башней Давида. Было раннее лето, урожай был собран, виноград созрел на виноградных лозах, и еще до того, как воды осеннего равноденствия обрушились на нас с небес, знамя креста развевалось над стенами Иерусалима. Поскольку долгое время бастионы были напрасны, мы подготовили передвижные башни огромной прочности, которые подкатили к стенам и начали штурм не под звуки барабанов и труб, как в прежние времена, а под вдохновляющую мелодию гимнов и псалмов, в то время как священники преклонялись на горе Сион и молились о помощи небес в последовавшем конфликте. Неверные, чтобы проявить свою ярость, воздвигли символ нашей святой религии и посыпали его пылью, но Господь был с нами, и святотатственное оскорбление было искуплено их кровью, ибо, пока Годфри и Болдуин прыгали с башни и водружали знамя на зубчатые стены, Танкред и Роберт взломали одни из ворот, Раймонд и его последователи взобрались на стены, и таким образом мы освободили город от власти неверных и отомстили за дело небес. Мы сложили оружие, омыли руки от кровавых пятен, надели одеяния покаяния и в духе смирения, с непокрытыми головами и благоговейными ногами обошли все те места, которые Спаситель освятил своим присутствием. Призрак усопшего Адемара пришел и возрадовался вместе с нами, и души мучеников, погибших по дороге из Европы в Иерусалим, явились и разделили счастье своих братьев. Весь город находился под влиянием единого духа, и шум празднования дня благодарения был достаточно громким, чтобы долететь до звезд. Таким образом, в 1099 году от Рождества Христова город Иерусалим был снова присоединен к владычеству христианского мира, в тот самый день и час распятия Спасителя. В это благоприятное время папа Урбан второй восседает на римском престоле; Генрих является императором Германии, а Алексий - греческой империи. Филипп царствует во Франции, а Уильям Руфус - в Англии, в то время как над всеми людьми и всем сущим царствует Господь наш Иисус Христос во веки веков, которому честь и слава во веки веков”.

ГЛАВА XIII.

“Я глубоко прочувствовал издевательства над святыней, перед которой преклонял колени мой дух. Мой реквием по прожитым годам в безрассудном безрассудстве, Плач над ушедшими надеждами на хрупкое предприятие”.
Уиттиер.

Следуя подсказке Адели, принц Генрих немедленно отправился в Хантингдон и заручился добрыми услугами Мод и ее мужа, установив связь с прекрасной послушницей Матильдой. Таким образом, он получил возможность противодействовать усилиям своего могущественного соперника Уоррена, графа Суррея, которому Руфус обещал ее руку. Однако, считая небезопасным покидать Англию, он остался при дворе и проводил время за охотой и ястребиной охотой, в соответствии с нравами того времени. Нью-Форест был постоянным

местом развратных утех. Сладостная торжественность густого леса ежедневно нарушалась вакханальным весельем, и чистое эхо лощины было вынуждено отвечать на непринужденный смех и бездумные проклятия. Благочестивые люди возвысили свой голос против разврата века, и святые священники, предупрежденные предзнаменованиями и снами, в определенный день увещевали Красного Короля избегать долины, в которой, как предполагалось, принц Ричард заразился своей смертельной болезнью. Но нечестивый Руф с наигранным презрением повел погоню в ту сторону, развлекая своих слуг непристойными шутками по поводу полученных им предупреждений. “Иди сюда, Оленья нога, - насмешливо сказал Уоррен принцу Генри. - вон там скачет олень. Прекрасная рука Матильды тому, кто низвергнет монарха с оленьими рогами. “У меня порвался шнурок от арбалета, и я должен отправиться в хижину этого форрестера, чтобы заменить его,” холодно ответил Генри. “Пошли, отставшие. Хо! Тиррел, только ты и я будем присутствовать при смерти!” воскликнул Руфус, пришпоривая своего коня. Когда Генри вошел в коттедж, странная жена выросла перед ним словно из-под земли, скандируя на нормандском французском:

“Я приношу тебе спешную весть —
Генрих, ты теперь король.
Запомни эти слова и внимай им хорошенько,
Которые я тебе в утешение говорю”.

Заключительные слова были прерваны торопливыми криками тревоги и огорчения. Принц обернулся, и охваченный ужасом Тиррел, чья стрела сразила короля, выскочил за дверь. Сразу поняв, в чем дело, Генрих снова сел на лошадь и во весь опор помчался в Винчестер, выудил ключи у сторожа и завладел регалиями и королевскими сокровищами. Люди толпились вокруг него на улицах, и пока знать и прелаты обсуждали притязания Роберта, население, чью верность он заручился обещанием английских законов и английской королевы, огласило город громкими криками “Да здравствует король Генрих”. Через три дня он был коронован в Винчестере епископом Лондонским.

Всего через месяц после того, как графиня Блуа была извещена об этих событиях, запоздавший Роберт прибыл в Шартр. Он задержался в Апулии, чтобы добиться расположения Сибиллы, прекрасной кузины Боэмунда, и теперь вернулся, чтобы предъявить права на свое наследство, после того как его младший брат прочно воссел на трон. Графиня приняла его с величайшей радостью и оказала его несравненной невесте самые выдающиеся знаки внимания; но когда она узнала, что он зависит от ее добрых услуг в отношении Стефана, чтобы заручиться поддержкой в планируемом вторжении в Англию, ее любовь к своему любимому брату Генриху и опасения по поводу неустойчивого правления Роберта побудили ее отговорить его от этого плана, и она втайне надеялась, что он может стать инструментом, побудившим ее мужа снова вернуться в Святую Землю. От Роберта она узнала о различных успехах руководителей крестового похода. В то время как некоторые все еще прокладывали себе путь мечом, Боэмунд был принцем Антиохии, Балдуин - Эдессы, а Годфри пользовался завидной славой короля Иерусалима.

“Голос славы часто говорил мне о доблести моего брата Роберта”, - сказала она. “Разве его сверстники не сочли его достойным княжества в Палестине?”

“Нет, для этого не требовалось голосования вождей, поскольку само небо предпочло мои жалкие притязания всем остальным,” ответил Роберт. “Когда должен был быть избран король,

епископы подарили каждому лидеру по восковой свече и велели нам пройти процессией к Гробу Господню. Когда мы вошли в священное место, на свече, которую я держал в руке, внезапно вспыхнуло пламя, но в этот момент шепот о смерти Руфуса пронесся в моей душе, и, вспомнив о троне Англии, я погасил свет”.

“ Несчастный человек! ” воскликнула графиня. “ Ты отверг призыв небес. Не жди успеха ни в одном будущем предприятии. Не надейся, что божественная санкция поддержит твои усилия, и не жди помощи от вмешательства твоей сестры”.

“ Клянусь Святым Крестом, ” закричал Роберт в гневе, - ты королева, это хорошо для женщины, чей трусливый муж первым покинул свое знамя. Это действительно было бы со стороны безумца - ожидать помощи от подлого графа. Прежде чем гнев графини заставил ее заговорить, чтобы ответить, он вышел из ее комнаты.

Тем временем Генрих, услышав, что Роберт прибыл в Нормандию, укрепил свою власть, примирив английскую нацию, и принял срочные меры, чтобы выполнить свое обещание подарить им английскую королеву. Но по какой-то необъяснимой причине саксонская принцесса, казалось, не желала покидать свой мрачный монастырь и не соглашалась отдать свою руку самому красивому и образованному монарху своего времени, пока он не пообещает подтвердить перед нацией все древние законы и привилегии, установленные ее великим предком Альфредом и утвержденные Эдуардом Исповедником. Когда был составлен сборник этих прав и иммунитетов и сто экземпляров переданы на попечение главных епископств и монастырей Англии, она согласилась стать “залогом мира для разделенной нации — голубем недавно скрепленного завета между нормандским сувереном и ее собственным народом”.

Усилия Роберта, отложенные до тех пор, пока власть Генриха не укрепились таким образом, конечно, оказались безрезультатными. Он растратил щедрое приданое своей прекрасной Сибиллы на праздные пиршества и, похоронив свою прелестную жену на третий год после их свадьбы, уступил Нормандию Генриху за ежегодную пенсию и, в конце концов, был взят в плен во время восстания и сослан в Кардиффский замок, где в своего рода почетном плену провел остаток своей бесполезной жизни.

Дух крестового похода все еще был активен в Европе, и в сочетании с этим духом была надежда на выигрыш, проистекавшая из расплывчатых и преувеличенных рассказов о богатствах и княжествах, которые приобрели руководители первой экспедиции. Опустошенные земли Палестины вскоре были заселены семьями, иммигрировавшими из денежных или благочестивых побуждений, и вскоре после смерти Годфри и избрания Балдуина I. на трон Иерусалима несколько отрядов вооруженных людей отправились присоединиться к своим братьям в Азии. Граф Стефан, утомленный непрекращающимися приставаниями своей честолюбивой жены, пристыженный примером Гуго, графа Вермандуа, и, возможно, воодушевленный надеждой добиться более легкой победы и менее опасных почестей, согласился вернуться в Святую Землю. В Константинополе они встретились с Раймондом Тулузским, который возвращался за помощью, и продолжили путь под его руководством. По пути через Малую Азию они столкнулись с турками, потеряли сто тысяч человек вместе с Гуго Вермандуа, который умер от ран в Тарсе. Раймонд Тулузский был убит в Триполи, но Стефан, граф Блуа, с остальными вождями направился прямо в Иерусалим; и, завершив свое паломничество, смыв позор своего первого дезертирства, сел на борт судна, чтобы вернуться в Европу. Сердце графини переполнялось гордостью и радостью, поскольку время от времени

она слышала о его благородных деяниях, и с чувствами, сродни романтике ее юношеского восхищения, она ежечасно ожидала его возвращения. Однажды вечером, когда она сидела в таком одиночестве, слуга объявил, что монах в приемной просит разрешения поговорить с ней. Графиня приказала, чтобы его немедленно впустили, и ее сердце сжалось от печального предчувствия, когда перед ней предстала миниатюрная фигурка, закутанная в пальмовые заросли.

“Говори скорее о своем поручении”, - сказала она, бледная и задыхающаяся от волнения. “Что с моим господином?” Он ответил только движением руки вверх, и Адела поняла, что ее муж мертв. Она откинулась на спинку стула и сцепила руки, но с выражением сильнейшего волнения не сводила глаз с лица монаха. - Расскажи мне все, добрый отец, - попросила она нервно-твердым голосом.

“Я мало что знаю, благородная леди, ” ответил паломник, “ и хотя я проделал долгий путь из Палестины, чтобы сообщить тебе новости, мой рассказ будет кратким. Ты, несомненно, слышал о слабых заслугах Петра Отшельника в привлечении внимания Европы к низкому положению Иерусалима. Когда Божественной милостью я был так благословлен, что повел величайших воинов века на завоевание Гроба Господня, и увидел, как христиане, освобожденные таким образом от турецкого гнета, падают к моим недостойным ногам и призывают благословения на мою голову, я почувствовал желание воскликнуть подобно Симеону древности: ‘Господи, отпусти теперь раба твоего с миром, поскольку глаза мои видели Твое спасение’. Испытывая глубочайшее унижение из-за того, что в минуту искушения я поколебался в вере, я решил основать монастырь на берегу Геннесаретского озера, где у меня всегда был бы перед глазами пример тонущего Петра. Однажды вечером, когда я прогуливался по берегу моря, прокручивая все это в своих мыслях, я почувствовал, как меня внезапно схватили сзади. Мне на глаза набросили повязку, насильно подняли с земли, посадили на мула и поспешили вперед. Я попытался закричать, но чья-то рука закрыла мне рот, и голос прошептал на англо-нормандском: ‘Не бойся, старик, ты среди друзей, и тебе велено только трудиться в твоём святом призвании’. Уверенный таким образом, я прекратил свою борьбу. Как далеко меня перенесли, я не знаю, но когда с моих глаз сняли повязку, я оказался в дикой пещере горы, рядом с умирающим крестоносцем, и узнал в бледном лице, стоявшем передо мной, черты Стефана, графа Блуа. ‘Мужайся, благородный граф, - сказал голос, который до этого говорил мне на ухо, - я поймал священника, чьи призрачные советы быстро подготовят тебя к долгому путешествию, в которое все рано или поздно должны отправиться’. С нежностью, которую вряд ли можно было ожидать от такого дикаря, вождь поднял умирающего графа и бережно поддерживал его, пока я получал его указания относительно некоторых дел и совершал последние обряды нашей святой веры. Граф заставил меня пообещать, что я сам доставлю тебе послание, которое он с большим трудом составил. И когда я заколебался из-за монастыря, который я решил основать, он собрал все свои оставшиеся силы и, пока я направлял его дрожащую руку, нарисовал для меня документ на долину Монтье и велел мне принести его тебе, ибо ты утвердишь его и одаришь аббатство своей щедростью. Едва он закончил, как его раны снова начали кровоточить, и им овладела смертельная слабость. Вождь уложил его обратно на подушки. Я поднес распятие к его глазам, и, пробормотав молитву, в которой были смешаны имена жены и детей, он испустил дух. В ту ночь я устроил ему христианские похороны под одним из кедров горы Ливан, и смуглые варвары держали факелы и с благоговейным трепетом взирали на эту торжественную сцену. Перед утром мне снова завязали глаза, отвели к морскому побережью и посадили на борт судна, направлявшегося в Италию”. Отшельник был так

поглощен своим рассказом, что не заметил графиню, бледную и застывшую, словно превратившуюся в камень; и когда она с судорожным рвением схватила протянутый им сверток, он поклонился и удалился.

Она разорвала конверт, и шарф, сотканный ее девичьей рукой в часы ее первой нежной любви, грязный и окровавленный, упал ей на колени и обвиняюще пополз к ногам. Она вскрыла письмо и прочла:

“Аделе, моей лучшей и единственной возлюбленной, твой Стивен шлет этот последний знак любви. В этот мой смертный час для меня самым сладким утешением является сознание того, что своим мечом я пронзил облако, которое так долго стояло между нами, и что, если бы я мог увидеть мою Аделу, она улыбнулась бы мне как любимому и почитаемому мужу своей юности. Я купался в Иордане и молился у гроба господня; но именно *человеческая любовь*, а не *Божественная*, наполнила мою душу радостью и прошептала прощение моему израненному духу. Я искал славы в стране патриархов и пророков, и я нашел ее; но в шуме славы мое ухо слышало только голос Адели. Вечный увидел мое идолопоклонство и наказал его. Неблагоприятные ветры отбросили судно, которое должно было доставить меня на мою родину. Король Иерусалима снова призвал нас на помощь. Мы сражались на равнинах Рамулы, семьсот рыцарей против всей турецкой армии. Окруженные со всех сторон, мы пали, храбро защищая знамя с крестом. Теряя сознание от потери крови, мое притупленное ухо слышало крик "Аллах акбар". Словно во сне, я призвал имя Хардрагера. Тотчас же ко мне подошел *старик* и, перевязав мою смертельную рану, туго перевязал ее шарфом, который я перекинул через грудь, чтобы взбодрить себя для борьбы. Меня унесли, и я очнулся, как и Ингульфус, в пещере Ассасинов. Я знаю, что умру. Я не могу долго выдерживать давление связей, и когда однажды они ослабнут, из меня вытечет последняя кровь. Хардрейджер пообещал похоронить меня похристиански и послал за священником, чтобы упокоить мою уходящую душу. Думай обо мне с добротой, с гордостью, мой самый любимый. Научи моих сыновей чтить имя своего отца, ибо он погиб, сражаясь на Святой Земле. Поцелуй мою дорогую Люси, милую малышку, которая бессознательно улыбнулась при моем возвращении. Тьма застилает мне глаза. Формы, которые радовали дни моей юности, проходят передо мной, и самая прекрасная из них - моя невеста, моя Адела”. Еще несколько слов были начертаны неразборчиво, страница казалась испачканной слезами, а имя Стивена едва можно было разобрать.

Годы прошли над душой графини в невыносимых муках той единственной ночи. Струны ее сердца, натянутые до предела силой этого могучего горя, с тех пор не реагировали на легкие прикосновения обычных обстоятельств. Нежная заботливость дружбы, милая детская болтовня, безудержное веселье, религиозные утешения и честолюбивые замыслы переносились и принимались с той же бесстрастной апатией. Она совершила путешествие в Нормандию и с присущей ей мудростью устроила примирение между своим братом Генрихом и примасом Ансельмом. Она посетила Булонь и с присущей ей грацией присутствовала на свадьбе своего сына Стефана. Она отдала свою Люси графу Честерскому с материнским благословением и без эмоций проводила ее отплытие на роковом Белом Корабле. Но когда она снова стояла у дверей Фешамского аббатства, чтобы еще раз поприветствовать Мод в Нормандии, занавес воспоминаний был приподнят, и вся драма ее жизни прошла перед ней. Адела и Мод! Разница между счастливым ребенком и печальной пленницей была менее разительной, чем контраст между элегантной и величественной графиней Блуа и безмятежной и милостивой принцессой Шотландии, которые встретились теперь, после того как жизнь собрала расцвет их юной

красоты и оставила неопределимые оттенки характера на человеческом лице. Неподвижными и спокойными были черты лица Адели, когда-то лучившиеся живостью, но их покой был смертью эмоций, и их спокойствие было не смирением, а покорностью неумолимой судьбе. Лицо Мод, все еще светлое и прекрасное в силе своего покоя, сияло безмятежной добротой невыразимого покоя, и она казалась той, радость внутренней жизни которой находила повод для излияния благодати во всех внешних событиях.

Снова они вместе путешествовали по местам, ставшим свидетелями триумфального продвижения Вильгельма Завоевателя. Но теперь задача Мод заключалась в том, чтобы успокоить душу своей подруги, скованную цепью раскаяния. Сайсели, известная своим благочестием, стала леди-настоятельницей монастыря в Кане, и графиня намеревалась поступить в монастырь под ее опеку. Обустроивая свою спальню, Адела отбросила все свое привычное величие, и единственной реликвией ее прежнего состояния была роскошная занавеска, отделявшая ее ораторскую от унылой квартиры, выбранной в качестве дома на все ее будущие годы.

“Мод,” сказала она, когда они сели рядом, - помнишь ли ты загадку жизни и любви, которая однажды стала темой нашей беседы в такой час, как этот? Как твое сердце тосковало по монастырю, а мое содрогалось от его уныния”.

- Да, - сказала Мод, - я хорошо это помню и часто улыбалась самонадеянности, которая заставила меня попытаться разгадать величайшую тайну человеческого существования и присвоить себе право выбора будущего, когда высшая мудрость ведет только к добросовестному выполнению повседневных обязанностей.

“Теперь я вспоминаю,” ответила графиня, “что твое мягкое предостережение указывало именно на это. Но я презирал контроль, и когда я увидел жестокую политику, с помощью которой мой отец укреплял свое господство, я решил, что моя рука никогда не скрепит узы политического союза, и только спустя годы я узнал, что встреча между мной и Стивеном была результатом заранее разработанного плана связать меня с человеком, чьи скромные добродетели противодействовали моим нечестивым устремлениям. Твои наставления научили меня силе праведной цели, и я искала ее помощи, чтобы компенсировать то, что я считала недостатком в характере моего мужа, тщетно надеясь, что честолюбие, санкционированное религией, обеспечит его вознаграждение. С фатальным мастерством я пользовался его щедрой привязанностью до тех пор, пока он не отказался от дорогих радостей своей семьи, чтобы искать бесплодных лавров и найти одинокую могилу на чужом берегу”.

- Не упрекай себя, - нежно сказала Мод.

Графиня не обратила внимания на ее замечание. “Ты и я, - сказала она, - действовали ради разных целей, и результаты, ради которых я трудилась, пришли к тебе непрошеными”.

Мод хотела что-то ответить, но пылкая женщина продолжила: “Нет, позволь мне сказать, ибо с тех пор, как на меня обрушилось великое горе, я никому не изливала своего сердца. Будучи пленником, ты принес благословение в дом Завоевателя; твой добрый дух превратил грубого Саймона в благодетеля его подданных, и я хорошо знаю, что именно твоя великодушная мудрость научила Матильду обеспечивать свободу Англии и незыблемость трона Генриха. Твои безмолвные жертвы превратили богатое течение твоей жизни в поток благодетей, в то время как мой заблудший дух превратил щедроты небес в источники страданий. Моя порочная

гордыня нашла повод в слабоумии моего первенца Уильяма для постоянного нытья и посеяла семена печали в сердцах других моих благородных прекрасных детей. Тибо ополчился против своего монарха, Стефан живет на пенсии из-за непостоянства короля, Генрих добивается возвышения через церковь, а моя прелестная Люси, любимица своего отца, погребена в море. О! Мод! Мод! моя лучшая и вернейшая подруга, пожалей ее, единственным занятием которой на протяжении долгих лет было 'писать горькие вещи против самой себя'! Но я могла бы знать все, - порывисто продолжала она, - ибо небеса через твое заступничество соизволили предупредить меня о моей участи, и я не сказала бы тебе, чтобы твоя нежная любовь не спасла меня от нее.

Она отдернула занавес молельни и повела принцессу в тень. Сквозь эркерные окна мягкий свет осеннего солнца мягко падал на алтарь, где рядом с распятием стояла хрустальная урна со священным палестинским прахом. Шарф Стефана, золотое шитье которого проржавело, а яркие жемчужины потускнели от его крови, был обмотан вокруг драгоценного любовного подарка и скреплен шипом, полученным от Ингульфуса.

“Кажется, это было только вчера, ” сказала она, нежно снимая перевязь, - с тех пор, как я с гордостью и удовольствием держала это перед тобой и в беспечном изумлении увидела, как ты вплетаешь это в балдахин моего ложа. Но этот сон, теперь, когда вся моя жизнь кажется сном, кажется единственной реальностью моего существования. Я расскажу его тебе, ибо мой дух уже ощущает бальзам твоего нежного сочувствия.

“Поначалу мой сон был нарушен и потревожен. Мне казалось, что я со Стивеном и Робертом на востоке, спешу по скалам и пескам утомительным путем в погоне за короной, которая постоянно искушала, но ускользала из рук. Сначала я упустил Стивена, потом исчез Роберт, и, наконец, я опустил среди мириадов несчастных, умирающих от жажды. Я проснулся в ужасе, и прошло много времени, прежде чем я смог снова успокоиться. Заснула ли я снова, я не знаю, но когда я лежала, вглядываясь в глубины небес, мое зрение, казалось, проникало дальше звезд; и откуда-то издалека появился некто, пролетевший мимо ярких шаров, пока не остановился в окне, олицетворяя моего возлюбленного.

Мой шарф лежал у него на груди, а его правая рука протягивала мне урну, чистую, словно сотканную из сгустившегося света, на аметистовом антаблементе которой была выгравирована *Человеческая любовь*. Когда я протянул руку и сжал драгоценное сокровище, разбитая надпись рассыпалась пылью по вазе. Я поднял глаза, — он одарил меня сочувственной улыбкой, и тотчас же из пепла вырос небесный цветок, и по мере того, как раскрывался каждый живой лепесток, от него расходилась сияющая полоса света, несущая священные слова *Божественной Любви*, пока весь воздух не наполнился благоуханием и красотой.

“Звон утренних курантов вернул меня в сознание, и мое яркое видение было поглощено потоком великолепия, который утреннее солнце залило в квартиру.

“ Ты сказал правду! ” воскликнула Мод. “Твоя мечта - реальность; ибо на пепле *Человеческой Любви Божественное* возвращает самые сладкие надежды на существование”.

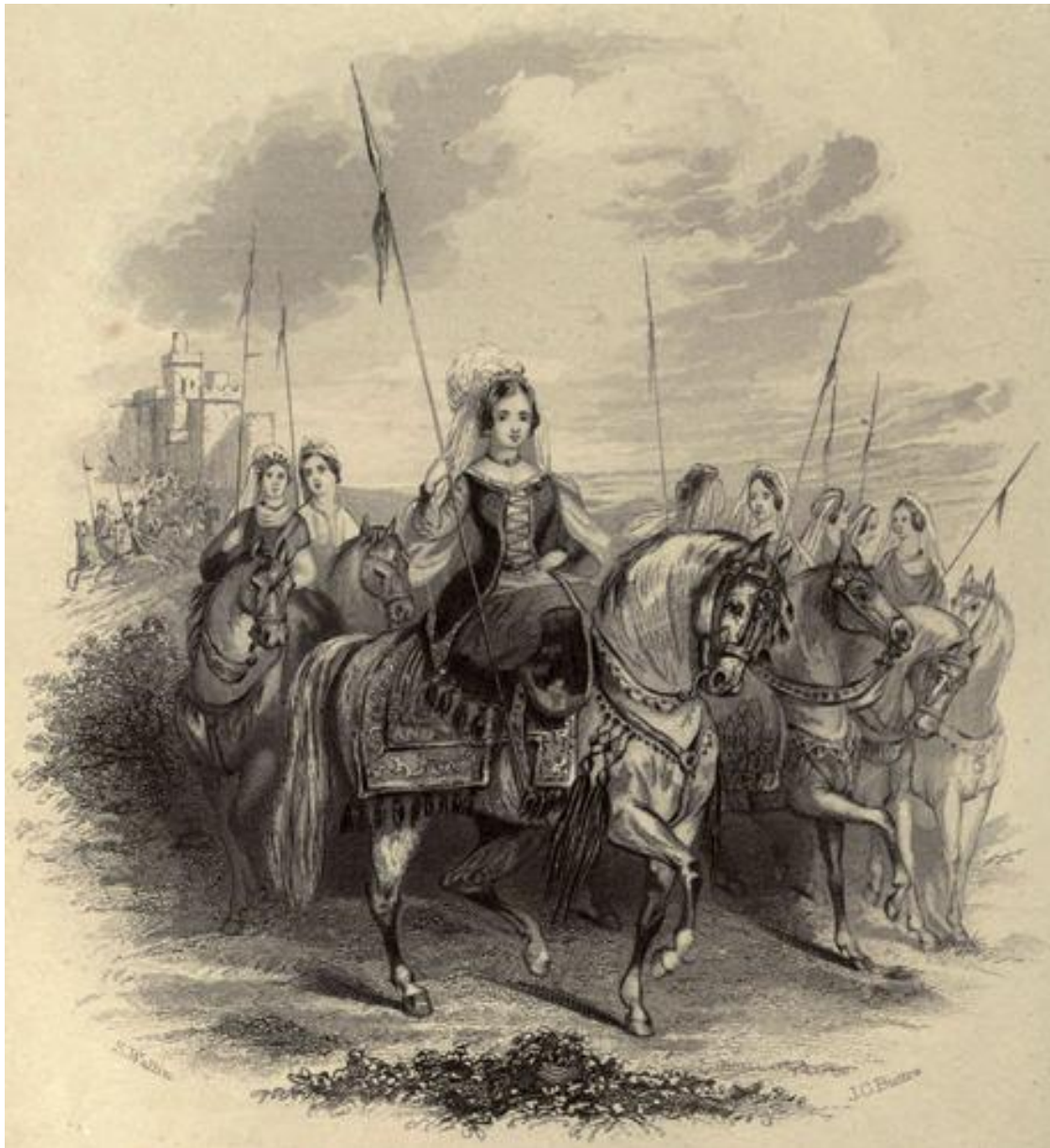
Потек давно запечатанный фонтан слез Адели, и по мере того, как благодатные капли вытекали из ее переполненного сердца, а ее парализованная чувствительность вновь ощущала блаженство эмоций, сильная, гордая женщина становилась нежной и смиренной, как ребенок.

“Мод,” сказала она, благодарно всплеснув руками, “в тебе всегда была какая-то тайна. Я думал провести свою жизнь в печальном покаянии, и ты открыл мне источник счастливых размышлений: отныне мое пустынное будущее, удобренное сладкими водами, которые хлынули из скалы при твоём волшебном прикосновении, расцветет райскими цветами”.

Тут вошла настоятельница Сайсели и позвала их в зал для общих приемов, где Мод обняла своего сына и приняла послов, присланных её мужем проводить её в Стерлинг, место, назначенное для её коронации в качестве королевы Шотландии.

“Иди,” сказала Адела с нежной радостью, провожая её взглядом. “Иди навстречу своей светлой судьбе. Ты - живая иллюстрация истины Священного Писания: ”Будь верен в малом, и Я поставлю тебя правителем над многими”.

ЭЛЕОНОРА.

Элеонора Аквитанская.

ГЛАВА I.

“В центре была замечена
дама более величественного вида,
ростом и красотой отмеченная как их суверенная королева”.

Южные провинции Франции, Пуату, Сентонь, Овернь, Перигор, Лимузен, Ангумуа и Гиенна, получили от римлян классическое название Аквитания. Эта прекрасная земля, орошаемая Гаронной и Луарой, чьи чистые и сверкающие ручьи, стекающие с поросших виноградом холмов, простирали свои серебристые рукава, орошая прекраснейшие поля и окружающие

гавани в мире, была в двенадцатом веке населена самыми цивилизованными и утонченными людьми на лице земли. Искусство, идеалы и утонченность жизни, подобно местным цветам его солнечных долин, казалось, пробудились и напитались добродушным воздухом здешнего климата, смягченным близостью моря и придающим бодрости горный бриз. Многочисленные и независимые монархи, чья феодальная власть простиралась на эту прекрасную территорию, впитали дух рыцарства и заразились энтузиазмом, который устремил армии Европы в Азию. Граф Раймон Тулузский был одним из первых, кто принял крест на соборе Клермона. Его называли *по преимуществу* Моисеем экспедиции. Прежде чем отправиться в Палестину, в свое путешествие без возврата, он передал свои владения своей дочери, жене Вильгельма IX Пуату. Внуки Вильгельма IX. это были Элеонора и Петронилла. Отец этих прекрасных сестер, Вильгельм X., покинул Аквитанию в 1132 году вместе с их дядей Раймондом, который был избран принцем Антиохии.

Поэтический вкус Элеоноры рано сформировался благодаря безудержной свободе, которой она наслаждалась при дворе своего дедушки-менестреля без королевы в Веселой Гиене. Язык, который преобладал по всему югу Франции, назывался провансальским. Это был родной язык герцога Вильгельма, деда Элеоноры, который был одним из самых либеральных покровителей и первым исповедовал тот композиторский стиль, в котором трубадуры воспевали подвиги любви и оружия. Несравненное очарование Элеоноры было усилено всеми достижениями юга. Ее тонкий гений нашел широкое применение в сочинении сирвантов и шансонов провансальской поэзии, а ее тонкие пальцы извлекли дух музыки из гулкой арфы, чтобы аккомпанировать своему голосу в потоке песен. Она унаследовала от своего деда не только политический суверенитет в своих родных владениях, но и блестящие таланты и наследственное превосходство, которые сделали ее императрицей в области Вкуса и королевой дворов Любви.

Когда веселый и распушенный герцог Вильгельм почувствовал, что на него надвигаются возрастные немощи, он решил искать самые легкие средства, чтобы избавиться от бремени своих грехов. Соответственно, он решил передать самый могущественный скипетр в Европе в неопытные руки своей юной внучки и посвятить остаток своих дней молитвам и покаянию в уединении в скалистой глуши Сент-Джеймс-де-Компостелла. Элеоноре не исполнилось и пятнадцати лет, когда ее дед начал свою карьеру самоотречения, призвав баронство Аквитании присягнуть ей на верность; и малолетняя правительница исполняла королевские функции своих новых титулов, в то время как герцог посетил двор Луи ле Гро и предложил ее руку юному принцу. Мудрый законодатель Франции с готовностью принял это предложение, поскольку богатые провинции, составлявшие приданое Элеоноры, сохраняли верность короне только на основании феодального владения; и сын, столь же нетерпеливый по поводу обладания своей честной добычей, отправился со знатной свитой в Бордо. Беспечное сердце Элеоноры было легко завоевано непревзойденной привлекательностью Людовика Молодого, чья придворная грация была озарена перспективой короны Карла Великого; в то время как девицы, составлявшие ее двор, с жестоким мастерством воздействовали своими обольщениями на слишком восприимчивые сердца кавалеров, прибывших в свите жениха. Парламент Любви день за днем с притворной торжественностью обсуждал притязания честных соперниц, и осторожные решения Элеоноры, председательствующего гения конклава, вдохновили песни труверов и трубадуров, которые наперебой восхваляли ее прелести.

Череда долгих, ярких дней завершила июль месяц, и в последний вечер суд Любви продолжал свое заседание, пока ослепительные сумерки не исчезли с неба на западе, исочная урожайная

луна не полила серебряным потоком фонтаны, которые били, словно инстинктивно пробуждаясь к жизни, чтобы поймать и пролить сияющий свет на веселую компанию, все еще пребывавшую в Розовом Павильоне. Королева двора, одетая как Венера, восседала на троне, увитом акацией, сквозь трепещущие листья которой падал свет, игриво борясь с завистливыми тенями, которые, казалось, пытались скрыть ее улыбки. У ее ног сидел ее любимый паж с крыльями в обрамлении газа, прикрепленными к его плечам, и держал в руках лиру, по форме напоминающую лук Купидона, на которой он время от времени извлекал несколько нот, объявляя об изменении в вечернем представлении. Прелестные девушки, одетые как нимфы и Грации, возлежали на зеленых кушетках вокруг прекрасной арбитраши этих любовных дебатов. Группы беззаботных девушек, изображавших языческих богинь, ободряюще слушали своих любимых менестрелей и с помощью различных тонких приемов старались заслужить похвалу в стихах, прославлявших их прелести. Были прочитаны и спеты сирвенты и шансоны, но собравшиеся все еще слушали с видом нетерпения, словно ожидая вопросов, представляющих более общий интерес. С улыбкой, которая одновременно возбуждала и сбивала с толку любопытство, королева коснулась щеки своего пажа своим украшенным цветами скипетром, сказав: “Почему дремлет арфа моего прелестного Пейроля? Неужели у него нет песни для ушей своей дамы?”

- Пейроль не может петь в романсе “Валлон”, - сказал юноша, с ревливой обидой опуская глаза.

“Гордый, - ответила королева, - ты знаешь, что, хотя повелитель *oui* и *non* восхищает наш взор, его язык не очаровывает наш слух. Мы хотели бы услышать прелестного гренадского фейбло, или ты дашь нам подходящий апостроф ко двору, где царят Веселье и Невинность”.

“Нет, достопочтенная леди, - сказал паж, - с тех пор как Веселье и Невинность расстались на равнинах Наслаждений, гармония покинула лиру, и даже богиня Любви не может устранить разлад”.

- Ты болтаешь, дерзкий мальчишка, - ответила королева, украдкой взглянув на Петрониλλу.

Поняв по ее тону, что он зашел слишком далеко, паж склонился над своей арфой и быстро провел пальцами по струнам, извиняющимся тоном сказав:

- Если миледи согласится отведать бретонского, Пейроль готов выполнить ее просьбу.

“Сладкие звуки языка ок мало подходят к суровым легендам северного края, - сказала королева, - но настрой свою лиру без дальнейших переговоров”. Паж не нуждался во второй команде, но пропел:—

1. В прекрасной провинции солнечной Франции,
На берегу извилистой реки,
Над волнами которой в радостном танце
поблескивают и дрожат солнечные лучи,
Стоял высокий замок, прекрасное зрелище,
С его обширными и богатыми владениями,
И в нем жил благородный рыцарь;
Я думаю, что у него была яркая леди
И три прелестных младенца без единого
пятнышка.

2. Щедрое сердце, открытая рука,
Для придворной компании,
И жить, как любой в стране,
Для нищих низкого звания.
Так нежен был его облик в "беседке леди",
Так полон учтивости,
Но доблестен был он на турнире,
И хорошо гнул лук в зеленом лесу,
я знаю, как это ловко.
3. В своем земном состоянии он был
благословлен
таким справедливым процветанием,
Что его сердце сильно забилося от гордости,
он забыл о подателе добра и великом
И христианском смирении.
После чего, чтобы наказать его за
высокомерие,
Богородица послала ему жестокое несчастье,
И ужасные невзгоды.
4. Сэр Изумбрас отправился на охоту,
Так храбро скакал верхом,
С ястребом и гончей росистым утром,
Когда над ним родилось яркое видение,
Появившееся в ясном голубом небе.
Он увидел девушку, кроткую и прекрасную,
я подумал, что это была ангел,
Посланница, посланная приказать ему
приготовиться
К страшному бедствию.
5. Печальным человеком был рыцарь в тот день,
Он повернул его домой в сильном смятении,
Когда его добрый конь упал и умер,
А ястреб и гончая лишились жизни,
сэр Изумбрас остался в лесу,
И рядом не было ни одного живого существа.
Когда к нему подбежал его маленький ножной
паж,
Так быстро, как только мог.
Мой благородный господин, я несу тебе
печальную весть

.

“Твой гордый замок лежит в руинах,
Твоя госпожа и дети избежали удара,
Но с риском для жизни”.

6. Рыцарь смиренно склонился перед волей небес;
Мудрее и печальнее был он сам,
И со своей дамой и тремя детьми,
сэр Исумбрас отправил его за море —
Кающимся паломником он стал бы
В святую Палестину.
Они прошли через семь утомленных земель —
Силы младенцев были почти истрачены,
На благотворительность, холод был их пищей.
Они пришли в лес, сплошь усыпанный
цветами, —
К быстрой широкой реке,
Куда никогда не проникают солнечные лучи.
7. Своего старшего сына сэр Исумбрас с
величайшей заботой перенес
на дальний берег;
Но прежде чем он вернулся снова,
из чащи выскочил свирепый лев —
Малыш сорвался с того жестокого берега, и
они не смогли вернуть его.
- .
8. Он нашел свою госпожу плачущей, полностью
покинутой,
Ибо в его отсутствие сильный леопард,
С павшим и окровавленным единорогом,
Остальных вырвал из ее рук.
9. Дама желала умереть,
Или когда—нибудь пережить это ужасное
бедствие,
Ее следовало сохранить, чтобы она смогла
увидеть;
Но рыцарь с кротким смирением
Обратился к Марии-матери с молитвой,
которую сказал ган,
Чтобы его покаяние поскорее закончилось -

Когда он бродил по измученной земле,
Пленники султана были вынуждены
склониться Перед его лицом.

10. Я думаю, султан редко видел
столь прекрасную даму в облике или облике,
Или рыцаря столь смелого и верного.
“Сэр рыцарь, я дам тебе золота и плату,
Столько, сколько ты пожелаешь увидеть,
Если ты откажешься от христианства,
И будешь сражаться под знаменами
Пайнимри,
И продашь мне свою леди брайт”, -
он вытянулся во весь рост.
11. “Пресвятая Богородица не допустит, чтобы я
стал
знаменосцем В рядах неверных,
Или святой крест предал;
И, к счастью или к горю моей прекрасной
леди,
я женюсь перед лицом дня;
Рыцарем-отступником я буду, когда откажусь
от
Этого права”.
12. Они сняли с него алую мантию
В пределах золотого лоскута;
Они изгнали его из той земли Ваала,
И оставили его мертвым.
Леди была отправлена в далекую страну,
Невестой султана, которой она должна была
стать,
Когда он с триумфом вернулся с войн при
Хрисенди
.
13. Добрый рыцарь спал в лесу
, И когда он проснулся на рассвете,
Он увидел, что его сокровище унес
сильный орел в поисках добычи —
Он больше там не задерживался.
К Пресвятой Деве он вознес горячую молитву,
Взывая к ее неусыпной заботе.

Затем он обратился к Палестине.

14. В течение десяти долгих лет рыцарь совершал
Свое утомительное паломничество;
Затем облачился он в блестящие доспехи,
С сердцем, бьющимся свободно и светло,
Он наградил его за бой,
Доблестного и неизвестного рыцаря,
Не имеющего наследия.
15. Как же они тогда удивились, увидев, что
Такой неизвестный воин, как он,
совершает Такие доблестные поступки.
Они поняли, что он был не смертным
существом,
А каким-то странным волшебником-эльфом,
Когда в самой гуще битвы он убил
Султана дреда.
16. Они привели его к христианскому королю
С радостью и великим приемом,
И ему были оказаны честь и восхваление;
Но своей цели он не достиг,
Ибо своего могущественного врага он убил.
Он снова облачился в свою одежду
пилигрима,
И его странствия продолжились.
17. Палящее солнце с лихорадочным блеском
отбрасывало ясное сияние На раскаленные
пески;
Когда рыцарь устал и ослабел, он
приблизился,
Где величественный и высокий замок,
прекрасный
Из зеленого оазиса.
Прохладные пальмы, колышущиеся в золотом
свете,
Под яркую музыку журчащих фонтанов,
Манящим жестом звали обморочного рыцаря
В беседки отдыха.
18. Он миновал врата зала,

И встали монгольские оруженосцы и добрые
рыцари во весь рост,
Устраивая, казалось, высокое празднество.

19. Дама, на которую приятно было смотреть,
Сидела под великолепным балдахинном.
Она была королевой этой страны,
Дамой великодушного рыцарства,
И воплощением скромной
благотворительности.
Святые Паломники с благоговением
приветствовали ее в своей резиденции;
Она была нежной и доброй.
20. Но рыцарь не хотел утешаться,
Ибо беспокойные воспоминания навевали
печаль на все.
В безмолвном настроении он бродил
По башне и высокому залу.
21. Это случилось в день, когда королева со своим
гостем
сидели за праздничным столом в полдень,
Когда поспешно вошел ее любимый паж.
Ранним утром он отправился на поиски
орлиных гнезд и на гребне
высокой горы нашел гнездо,
в котором были спрятаны золотые сокровища,
Завернутые в алую каминную доску.
22. Едва увидела она приз пажа,
Как слезы потекли из глаз леди.
Мой верный рыцарь, она кричит,
(Паломник смотрел с немим удивлением.)
Видел ли ты сэра Изумбраса?
Мгновение они смотрели друг на друга в
молчаливом ожидании,
Туман воспоминаний рассеялся;
И она лежала, заключенная в его объятия, —
Потерянная, вновь обретенная.
И был пир и празднество;
Тогда по беседкам и залам разносились
звуки лютни и веселый мадригал;
И были рыцарские поединки на турнирах,

И ломались копья в знак уважения,
К красоте ярких дам;
Тогда над прекрасными владениями султана
В мире правили рыцарь и леди;
Пока король со всей искренностью,
С благочестивым рвением стремился
освободить
От уз неверности,
Его вассалы-пайнимы возвышались.

23. Но никто там не поддержал его дело,
Кроме Бога и королевы, я полагаю;
И будь они такими доблестными,
Никогда не смогли бы они противостоять
столь многочисленному вооружению,
Как банда неверующих.
24. Затем по чудесной случайности
ход войны был переломлен.
Поскольку они могли быть посланы именем
Богоматери,
Три рыцаря пронесли по равнине,
Как будто землю они отвергли.
Пришел первый на льве сильном;
На леопарде понесся второй —
Третий оседлал единорога.
Высокими людьми и храбрыми были они;
Войска сарацин в смятении бежали,
И, раскаявшись в своей измене,
вернулись они тогда к своей верности;
И рыцарь с дамой мирно
Вместе со своими детьми, трое из которых
были так счастливо возвращены им,
Воцарились в спокойствии,
процветая и долго.
.
25. Они жили и умерли с добрыми намерениями;
На Небеса отправились их души.
Когда они умерли,
Иисус Христос, Небесный царь,
Даровал нам свое благословение,
И да оградил нас от забот.

Очнувшись от рассеянности, которая мешала ей слышать песню своего пажа, королева заметила: “Твоя история несколько длинна, и что касается нас, то мы предпочли бы, чтобы муж получил святое звание мученика от меча Султана. Но ты очень ловко срифмовал это, и мы полагаем, что мораль твоего стихотворения хорошо согласуется с аскетическими нравами севера. Она протянула свою палочку. Затем вперед выступил герольд и, протрубив несколько нот на шалмо, воскликнул:

- Разве нет причины для Arrets d'amour,
Нашего милостивого сеньора и суверена,
От леди, рыцаря или трубадура?

Похожий на звук флейты зов повторился трижды, а затем низкий отклик на вызов донесся из имитирующего грот помещения, причудливо увитого свисающими виноградными лозами.

- Менестрель нашей сестры Петрониллы имеет разрешение представить ее дело нашему двору, - ободряюще сказала королева, когда отряд юной принцессы вышел из тени на ясный свет и преклонил колени у подножия правосудия.

“Леди Петронилла, ” начал Трубадур, “ предъявляет суду обвинение своему рыцарю-изменнику, графу Рудольфу Вермандуа. Холодное приветствие отвечает он на ее прекрасную внешность, скудная вежливость - на ее теплые улыбки; его рука без перчатки не отвечает на пожатие ее тонких пальцев, и бандероль, которую она ему послала, не трепещет на его сверкающем копье ”.После этого обвинения последовала небольшая пауза, и герольд снова выступил вперед и спросил, может ли какой-нибудь менестрель или трубадур сказать что-нибудь в оправдание преступления обвиняемого. Ни один голос не отозвался, ни одна струна арфы не шелохнулась. При третьем звонке встал паж Элеоноры и с изящным поклоном попросил выслушать его.

“Рудольф из Вермандуа, - сказал он, - свидетельствует мною, что с тех пор, как он оставил ланса в покое, чтобы исполнить свой долг перед прекрасной Аделаис Шампейнской, его глаза и улыбка, сердце и рука, как верного мужа и истинного рыцаря, принадлежат ей одной”.

Общий ропот свидетельствовал о неодобрении собрания этой новой и странной защитой, ибо в Гиене уже вошло в поговорку, что “Между женатыми людьми не может быть настоящей любви”. Важность этого действия, однако, вызвала блестящее состязание трубадуров-соперников, и никогда еще дело не было так горячо аргументировано, так искусно окутано тонкостями логики и так тщательно пронизано остроумными выпадами, как в результате попыток коварной внучки Филиппы Тулузской очаровать мужа внучки Адели, графини Блуа. Справедливые присяжные, наконец, как и их преемники в наши дни, вынесли свой вердикт в соответствии с предвзятыми мнениями, независимо от справедливости или аргументации. Защита, таким образом, была признана несостоятельной, виновник был запрещен судом, и всем истинным леди было запрещено улыбаться ему, кроме как по милости его оскорбленной возлюбленной. Затем лагерь фей прервал свое заседание, чтобы принять королевских гостей, которые уже направлялись им навстречу. Когда Элеонора приняла помощь своего возлюбленного, чтобы подняться по террасной дорожке, ведущей к замку, она сказала со своей самой чарующей улыбкой: “Мы поручаем нашу юную сестру Петрониллу заботам нашего благородного кузена Вермандуа”. Граф, скрывая свое нежелание, поклонился и протянул руку жизнерадостной волшебнице, и

королева прошептала своей сестре: “Ястреб в капюшоне, это должно быть твое дело - связать его джесси”.

ГЛАВА II.

Куда теперь девалась античная слава,
В то время как некоторые привыкли появляться в женском обличье?
Где смелые достижения, достигнутые некоторыми?
Где будут битвы, где щит и копье?
И все победы, которые одержали те высокие,
Все они мертвы или появятся снова?
Спенсер.

Первое августа 1137 года началось с блестящего церемониала. Княжеская столица Бордо блистала всем великолепием, которое могли предоставить Гиенна и зависимые от нее феодалы; ибо в тот день коренные подданные Элеоноры собрались, чтобы принять отставку герцога Вильгельма и отдать руку своей сеньориты в жены наследнику Франции. Хотя Элеонора была достаточно ослеплена перспективой править при парижском дворе, у нее хватило проницательности принять предложение своих баронов и отказаться от своего согласия на соглашение до тех пор, пока хартией и актом она не обеспечила неприкосновенность законов и обычаев Аквитании и единоличное управление правительством. По завершении церемонии герцог сложил свои одежды и знаки отличия суверенитета и в присутствии своих любящих подданных и плачущих внуков взял капюшон отшельника и посох и отправился в свое одинокое паломничество.

Королевский кортеж на следующий день отправился на север, останавливаясь только в главных городах, где молодые герцог и герцогиня принимали почести феодалов.

В Блуа граф Вермандуа, который по обстоятельствам, казавшимся ему совершенно случайными, был вынужден постоянно ухаживать за коварной Петрониллой, еще раз обнял свою прекрасную Аделаиду и, сославшись на ее плохое самочувствие, получил разрешение принца некоторое время отлучиться от двора. Разочарованная Петронилла с трудом скрывала свое огорчение по поводу этого неожиданного вмешательства в ее дело и с этого момента возненавидела свою невинную соперницу с самой яростной ненавистью. При въезде в Париж, вместо восторженных приветствий и великолепных празднеств, которых ожидала Элеонора, новобрачных провожали по безмолвным улицам плачущие слуги, которые проводили их к смертному одру Людовика VI. Великий законодатель Франции с торжественной благосклонностью посмотрел на молодую пару, которая преклонила колени, прося его прощального благословения, и, напомнив им, что их недавний союз связан не только с их личным счастьем, но и с миром и процветанием как севера, так и юга, добавил на выдохе: “Помните, королевская власть - это общественное доверие, за исполнение которого Тот, кто единолично распоряжается коронами и скипетрами, будет требовать строгого отчета”.

На добросовестный ум Людовика слова его умирающего отца произвели глубокое впечатление; но его легкомысленная партнерша не успела короноваться королевой Франции, как вступила на

путь безумия, задействовав все свои таланты и все свое влияние в захватывающих играх придворных интриг. Страстный стих, в котором Абельяр воспевал красоту и любовь одаренной, но хрупкой Элоизы, обеспечил работу провансальским менестрелям Элеоноры и стал предметом всеобщего обсуждения среди придворных фаворитов. Она помогала преследуемому монаху защищать его перед Сенским собором, а после его смерти распорядилась перенести его тело в часовню Параклета и передать на попечение меланхоличной Элоизы. Она убедила Людовика, что услуги его премьер-министра Вермандуа незаменимы в Париже, и таким образом снова привлекла этого дворянина в сферу очарования Петрониллы. В то же время она ухитрилась заполучить себе преданного поклонника в лице графа Понтье, который стал исполнителем малейшего ее желания. Благодаря его галантности ей удалось вовлечь прекрасную Аделаис в некоторые придворные скандалы, и таким образом, возбудив ревность графа Вермандуа и подвергнув его чарующим чарам своей сестры, она в конце концов убедила его развестись со своей милой и любезной женой и жениться на коварной Петронилле.

Аделаис пыталась скрыть свое горе и обиды в уединении монастыря, но ее брат, доблестный граф Тибо Шампанский, не был склонен молча сносить унижение. Однако власть Элеоноры над пластичным умом своего мужа была такова, что граф тщетно взывал к сочувствию или справедливости короля. Убедившись, что его увещевания не достигли королевских ушей, он изложил свое дело папе, который вынудил Вермандуа посадить виновную Петрониллу и вернуть пострадавшую сестру Шампани. Отвергнутая жена, взбешенная собственным бесчестием и разгневанная нескрываемой радостью, с которой Вермандуа променял ее ослепительные прелести на давно оплакиваемые прелести плачущей затворницы, снова прибегла к помощи Элеоноры. Королеве, не менее мстительной, чем ее сестра, и более искушенной в дипломатии, удалось раздуть древнюю вражду между Людовиком и графом Тибо в пламя войны. Король вторгся в Шампань во главе большой армии и начал опустошительное продвижение по провинции. Город Витри, окруженный мощными стенами и укреплениями, долгое время сопротивлялся королевским войскам; но королева, которая опасалась умеренных советов Сугерье, побуждавших ее сопровождать своего мужа при каждом удобном случае, тайно приказала отряду гасконцев поджечь город в самый момент его сдачи. Пламя перекидывалось от дома к дому и, наконец, добралось до собора, и тысяча триста человек, нашедших там убежище, сгорели заживо. Король, уязвленный криками своих гибнущих подданных, приложил все усилия для их спасения, но тщетно; и ужасы этой сцены произвели на него такое ужасное впечатление, что серьезно повлияли на его здоровье. Видение его оплакиваемого отца, повторяющего торжественным тоном: “Помни, сын мой, что королевская власть - это общественное доверие, за исполнение которого Тот, кто единолично распоряжается коронами и скипетрами, будет требовать строгого отчета”, преследовало его во сне и нарушало покой. Королева Элеонора путешествовала с ним от одного святого места к другому, умоляя благочестивых монахов помолиться за него, но уныние его души усилилось до такой степени, что даже ее вкрадчивые уговоры не смогли вывести его из мрачных раздумий. Утомленная бесплодными попытками, она раздраженно заметила Петронилле, которая теперь торжествовала, завладев новым возлюбленным, молодым графом Морьеном: “Судьба дала мне имя королевы с уделом монахини. Хотели бы мы снова оказаться в нашем родном царстве, ибо я устал от этой скучной жизни. Вместо веселых менестрелей милого юго-запада я пресыщен вечным пением псалмов, а мои попытки скрасить утомительные часы “радостной наукой” высмеиваются притворством бормочущих молитв. Я вышла замуж за монаха, а не за монарха”, - и оскорбленная королева разрыдалась.

Пока такое состояние чувств сохранялось между убитым совестью Людовиком и его недовольной супругой, известия о падении Эдессы и завоеваниях Нуреддина достигли Европы, и проницательная Элеонора увидела во всеобщем сочувствии, которое вызвало это известие, средство, с помощью которого она могла бы сделать меланхолию Людовика орудием своего собственного удовольствия. Она сразу же оставила свои веселые развлечения, присоединилась к мужу в подаяниях, делах и молитвах, выражала величайшее сочувствие несчастьям их царственных кузенов и постоянно желала, чтобы ей позволили возглавить своих храбрых провансальцев, чтобы вернуть доблестным Куртене их утраченное княжество Эдесса. Милосердная перемена в характере Элеоноры восхитила кающегося монарха, и он начал с интересом и удовольствием прислушиваться к ее часто повторяемому предложению о том, что паломничество окажется приемлемым наказанием за проступок в Витри. Воодушевленный возродившейся надеждой, он созвал совет духовенства и знати своего королевства, чтобы обсудить целесообразность похода в Святую Землю, и по их совету отправил депутатов заручиться санкцией папы Евгения. Наместник Христа с готовностью согласился с этим замыслом и поручил знаменитому святому Бернару, аббату Клерво, проповедовать *о Втором крестовом походе*. Людовик, его королева и весь их двор присутствовали на служении святого человека, и послушать красноречивого святого стекались такие толпы, что ни один собор, каким бы большим он ни был, не мог вместить их. Слушатели были впечатлены его святостью, убеждены его энтузиазмом и увлечены его рвением. “Крест!” “Крест!” - эхом отозвалось на всех языках. Людовик и его королева были первыми, кто принял святой символ, и поскольку толпы, устремившиеся вперед, чтобы последовать их благочестивому примеру, вскоре исчерпали уже приготовленные запасы, преподобный оратор разорвал свое монашеское одеяние на мелкие кусочки и прикрепил их к плечам своих коленопреклоненных новообращенных.

Воодушевленный своим успехом, святой Бернар отправился в Германию, и каждый город и деревня от Констанца до Каринтии откликнулись на призыв к войне. Те, кто не понимал даже языка, на котором он говорил, были поражены его жестами, достоинством его поведения и чудесами, сопровождавшими его присутствие. Разум императора Конрада III. был тронут его поразительными описаниями судного дня, когда праздные будут наказаны, а верующие удостоятся небесных наград, и открыто заявил, что Повелитель германцев знает и выполнит свой долг перед церковью.

Романтическая цель стать женщиной-крестоносцем теперь полностью занимала светлую голову Элеоноры, и поскольку она была в самом расцвете своего очарования и обладала достаточным богатством, чтобы позволить себе любую экстравагантность, вскоре это вошло в моду среди всех тщеславных сентименталок ее двора. Абсурдные приготовления, которые она предприняла для проведения кампании, мало что обещали разумного завоевания. Женщины-рекрут посылали свои бесполезные прялки и пальцы для вышивания всем рыцарям и знати, у которых хватало здравого смысла полагать, что Небу будет приятнее, если они останутся в мире дома, чем отправятся за границу губить своих собратьев; и эта остроумная насмешка произвела желаемый эффект на доблестных рыцарей, которые, опасаясь женских насмешек, присоединились к экспедиции в Сирию, чтобы доказать свою доблесть. Прекрасные воины облачились в шлемы и кольчуги с золотыми крестами, со вкусом вышитыми на левом плече; золоченые туфли, сверкающие шпоры и украшенные серебром фальшионы, подвешенные сбоку, довершали снаряжение; верхом на богато убранных скакунах они образовали блестящий эскадрон, разъезжали по Парижу в карикатурах и публично совершали тысячи фантастических безумств, называя себя телохранителями *Златоногой Дамы*.

ГЛАВА III.

Голос, флейта, мечтательная мелодия,
Такая, какую мог бы донести южный бриз
золотым осенним днем
Над голубыми прозрачными морями.

Людовик принял крест в 1146 году, а в следующем году, получив от папы римского освященное знамя как воин, а также посох и сумку как паломник, отправился на общее собрание в Менц со своей королевой и ее гротескной кавалькадой. Здесь к ним присоединилось огромное количество дворян, рыцарей и солдат, среди которых были крестоносцы из Англии и отдаленных островов северного моря. По прошествии полувека второй крестовый поход, состоявший из двухсот тысяч человек, проложил свой путь вдоль берегов Дуная по белеющим костям тех, кто пал жертвами слепого фанатизма первой экспедиции. Мануил Комнин, который теперь восседал на константинопольском троне, проводил ту же политику, которая отличала соборы его деда Алексия. Его посланцы с письмами, полными лести и справедливых речей, встретили наступающих воинов, но императорским проводникам было приказано вести солдат запада трудными и окольными путями, а поставщикам было секретно приказано снабдить их мешками муки, смешанной с мелом и известью. Конрад, который был шурином Мануила, был так возмущен этим нарушением гостеприимства, что пересек Босфор, не встретившись и не посоветовавшись с императором, - но великолепный город Константинополь представлял слишком много достопримечательностей для искательниц приключений, чтобы их можно было миновать в такой спешке.

Хитрый Комнин вскоре понял, что самым простым способом разделить силы крестового похода было бы позабавить непостоянную королеву Франции. Все сладострастные изыски греческого двора были соответственно задействованы, чтобы задержать его нежеланных посетителей, и если жадный Боэмунд был подкуплен содержимым сокровищницы во дворце, то Элеоноре вполне можно было простить, если ее легкомысленное воображение пленили великолепные покои, украшенные со всей восточной роскошью, и богато одетые рабы, которые ждали малейшего ее приказа, а когда, наконец, они вышли вперед, Мануэль осыпал их дамасскими шелками, драгоценными камнями и драгоценными подарками. любящие наряды амазонки немало прибавили к громоздкому багажу, которым легкомысленная королева нагрозила экспедицию.

Людовик, убаюканный лживыми заверениями Мануила, оставался в греческой империи до поражения Конрада при Икони, когда, убедившись в донесении разбитых германцев о предательстве своего царственного войска, он двинулся вперед со своими войсками вдоль побережья Малой Азии. Они без происшествий миновали Фиатиру, Сарды и Филадельфию, разбили турок на берегах Меандра и благополучно прибыли в Лаодикию. Причуды Элеоноры и ее воительниц были причиной всех несчастий, которые впоследствии постигли французскую армию. На второй день после отъезда из Лаодикии их путь вел в горы по извилистому и трудному подъему. Благоразумный король отправил вперед королеву и ее фрейлин в сопровождении своих отборных войск под охраной графа Морьена, приказав им укрепиться на

лесистых высотах, возвышавшихся над долиной Лаодикии. Сам он медленно следовал с арьергардом, обремененный бесполезным багажом и преследуемый арабами. Граф Морьенн, сопровождаемый Петрониллой, галантно поднялся по склону и остановился в назначенном месте, но когда Элеонора добралась до места, ее так привлек вид прилегающей долины, охлаждаемой водопадами и затененной зарослями, которые, казалось, манили их с манящей грацией, что она настояла на том, чтобы проехать вперед и разбить там бивуак. Граф Морьенн пытался отговорить королеву от ее намерения, ссылаясь на опасность отказа от командного поста, назначенного королем, но противодействие только усилило ее упорство, и с помощью легкой артиллерии глаз Петрониллы она вскоре привела смущенного рыцаря к соглашению. Зрелище, открывшееся перед ними, когда они спустились в долину, было достаточным, чтобы очаровать их и прогнать всякую усталость и страх. Скалистые вершины на западе, за которые только что садилось солнце, скрывали свои смелые фасады в туманной бахrome опаловых облаков; голубое Средиземное море обрамляло горизонт на юге; а далеко на востоке простирались всевозможные леса, луга и прогалины, пока хребет Тавр, сливаясь с небом, не заслонил пески Сирии. Вскоре счастливая компания вошла в долину. Вьючные мулы были быстро разгружены, установлены легкие перекладыны, на них натянуты белые полотнища палаток, а для подкрепления разложены холодные закуски. Когда с трапезой было покончено, Элеонора велела поставить свое ложе у входа в палатку, так, чтобы на его подушке росли дикие розы, и, бросившись на него, когда на нее сверху смотрели яркие звезды этого восточного края, воскликнула: “Петронилла, сестра моя, разве это не похоже на наш родной милый Прованс? Я почти мог представить себя снова в Розовом павильоне”.

“ Несомненно, ” сказала Петронилла, “ и разве это не было подходящим временем и местом для проведения праздника нашего Двора Любви? Мне кажется, вы, граф, - он бросил озорной взгляд на Морьенн, - устояли перед нашими просьбами войти в это восхитительное убежище, выходящее за рамки галантности.

- Благодарю вас, прекрасные дамы, - сказал граф с притворной серьезностью, - то, что я боюсь неодобрения этого августейшего трибунала больше, чем неудовольствия моего августейшего повелителя, возможно, является моим грехом, и с неподдельными опасениями я сдаюсь суду.

“ Я обвиняю графа— ” начала принцесса. Мориенна перебила ее: “Петронилла, моя обвинительница! Тогда я действительно погибла. Я надеялся услышать, как ее красноречивые уста извинились за меня.

“Нет! нет!” - воскликнула Элеонора, ударяя по бархатному газону своей крошечной ножкой. “Суд запрещает эти беспорядочные разбирательства. Генрих де Блуа, арестуй графа Морьенна по жалобе принцессы, свяжи ему руки этой ниткой жемчуга и предстань перед его обвинителем. Наш храбрый Уоррен, возьми свое копье и стань на страже вон у той рощи. Крадущийся сарацин был бы неловким дополнением к нашей славной компании. Рыцари и леди, располагайтесь вольготно на этих зеленых подушках. Когда по делу этого преступника будет вынесен вердикт, возможно, ваши собственные проступки будут пересмотрены.

“Боже упаси!” - воскликнул хор голосов, смешивая восклицания с веселым смехом и веселой пасквилей.

Королеве, оказавшейся теперь в своей стихии, удалось подавить бурное веселье, хотя время от времени при виде торжественных лиц Мориенны и Петрониллы, которые с восхищением играли свою роль, раздавалось хихиканье.

“Где этот вздорный Пейроль?” - спросила королева, оглядывая собравшихся. “Мы не можем продолжать наши важные дела без помощи песни, как не мог бы пророк без вдохновения музыки”.

“Пейроль, мой сеньор, прислуживает королю”, - ответил испанский кавалерист, который в последнее время так часто ездил верхом рядом с королевой, что придворные прозвали его ее кавалером в седле.

- Гонсалво, ” ответила Элеонора, - мы слышали, что ты иногда играешь на лютне. Пусть наше времяпрепровождение не омрачается отступничеством этого прогульщика. Спой нам мавританскую балладу, если память не подсказывает тебе ничего лучшего. Наша царственная супруга скоро будет здесь и призовет нас к молитве ”.

“Я всего лишь бедный пилигрим и мало сведущ в ”Радостной науке“, - сказал испанец с притворной скромностью.”но приказ моей королевы должен вдохновить меня”. Он заиграл мелодичную прелюдию и запел чистым, мужественным голосом:

1. “Я, гренадский менестрель Гонсалво Берсио Хайт,
Однажды странствуя как пилигрим, нашел луг,
изобилующий цветами,
зеленый и населенный людьми, прекрасными
и яркими цветами,
Место, где многие усталые люди с
удовольствием отдохнули бы.
2. “И все цветы, которые я видел, выглядели и
пахли так сладко,
Что чувства и душа, казалось, одинаково
радовались им,
В то время как со всех сторон по всему этому
радостному убежищу били фонтаны,
которые зимой приятно согревали, но умеряли
летнюю жару.
3. “И среди богатых и прекрасных деревьев там
рос бескрайний лабиринт,
Сочный виноград и яркие яблоки, и фиги с
золотыми лучами,
И множество других плодов, которые я не в
силах превзойти,
Но ни один из них не прокисает и не гниет.

4. “Свежесть этого луга, сладость его цветов,
влажные тени деревьев, падавшие подобно
охлаждающему дождю,
Обновили в моем теле его изношенные и
растраченные силы,
я думаю, что сами запахи питали бы меня
часами”.

Стрела, пронзившая палатку и попавшая между струнами арфы менестреля, прервала симфонию и вызвала нестройные крики ужаса. Мгновение спустя граф Уорренн, запыхавшийся и истекающий кровью, ворвался в собрание и сообщил поразительную весть, что турки овладели высотами, отведенными для их лагеря, и что король, не подозревая об опасности, направляется в ловушку, расставленную для всей его армии. Морьен поспешно сбросил с себя мимические оковы и, посоветовав своей прелестной подопечной держаться как можно ближе к тени деревьев, выставил небольшую стражу для их защиты и поспешил обратно на помощь своему повелителю.

Сирийская луна теперь широко и ясно взошла на востоке, и испуганные женщины, сбившись в кучу, как стадо робких овец, могли отчетливо видеть тяжеловооруженные войска, на которые возлагались все их надежды, медленно взбирающиеся на гору под страшным дождем стрел и каменных глыб, которые мусульмане сбрасывали на них сверху. Люди, лошади и багаж, захваченные внезапной атакой, покатались вниз по крутому обрыву, и в неподвижном воздухе отчетливо слышались замирающие крики знакомых голосов. Вскоре Морьену удалось обратить в бегство арабов, атаковавших авангард, но самое ужасное опустошение было произведено среди сторонников Людовика, и сам король был спасен только величайшими усилиями личной доблести. Семь тысяч представителей цветка французского рыцарства заплатили своими жизнями за каприз королевы. Багаж, в котором находились прекрасные воительницы, был разграблен арабами, и остатки их изысканного ужина были единственным, что у них осталось для пропитания.

Дальнейшее продвижение французов было сопряжено с опасностями и лишениями. Дисциплина в армии была нарушена, и они двинулись маршем или, скорее, блуждали, ибо не знали дорог, вдоль побережья Памфилии, покупая или грабя продовольствие у перепуганных жителей; и голод проредил ряды с такой быстротой, и так много лошадей и других вьючных животных погибло в пути, что в конце концов было решено свернуть с этих мест запустения и отправиться морем в Антиохию. Но, достигнув побережья, возникла новая трудность. Не удалось раздобыть достаточное количество кораблей, чтобы перевезти их всех, и отважные пэры Франции с благородной гордостью согласились, что простые паломники с женщинами и детьми должны в одиночку отправиться вместе с королем, в то время как им самим следует продолжить свой путь пешком. Людовик раздал все деньги, которые у него были, солдатам, оставшимся преодолевать более высокие трудности сухопутного пути, нанял греческий эскорт и проводника, чтобы проводить их, и, простившись с несчастными существами, которые последовали за ним навстречу собственной гибели, поднялся на борт кораблей. Эскорт вскоре покинул французских солдат, проводник предал их, и лишь немногие, если таковые вообще были, добрались до Сирии.

Королевская свита прибыла в Антиохию в состоянии, близком к нищенскому; но принц Раймонд, дядя Элеоноры, гостеприимно распахнул перед ними свои ворота, и у прекрасного ручья Оронт несчастные воины креста освежились после своих трудов, а легкомысленная королева вновь обрела свои розы и улыбки. Недавний опыт сильно охладил ее военный пыл, и веселье антиохийского двора привлекало ее воображение больше, чем путешествие по песчаным равнинам Сирии. Принц Раймонд, желая воспользоваться паникой, которую новое прибытие крестоносцев посеяло среди турок, чтобы расширить пределы своих собственных территорий, немедленно вознамерился предотвратить немедленный отъезд Людовика в Иерусалим. Принц был самым красивым мужчиной своего времени и сразу же начал усердно ухаживать за своей прелестной племянницей. Королева, польщенная его вниманием, начала с ним такую серию кокетства, что сильно шокировала и разгневала Людовика; но только после того, как она попыталась убедить своего мужа присоединиться к Раймону в походе против Чезарии, она обнаружила, что наконец-то разозлила доброго монарха до предела. Людовик оставил ее в гневе и отбыл со своими войсками в Иерусалим, где его приняли с величайшей радостью. Толпы священнослужителей и мирян, вышедших ему навстречу, проводили его через святые врата, распевая: “Благословен грядущий во имя Господне”.

Разочаровавшись в помощи Людовика, Раймонд решил заручиться союзником в лице Саладина, молодого эмира султана. Элеонора, которая в это время хандрела от огорчения из-за того, что ее муж бросил ее, впервые увидела красивого варвара на Оружейном параде, устроенном Раймондом для ее развлечения, во время которого темнобровый сарацин вонзил дротик в мишень с таким мастерством и грацией, что полностью пронзил ее сердце. Ей сразу же пришла в голову мысль, что если она обратит этого могущественного неверного в христианскую веру, то добьется большего завоевания, чем все силы христианского мира. Принц Раймонд, который с радостью воспользовался любой приманкой, которая могла задержать арабского вождя в стенах Антиохии, с улыбкой отнесся к ее благочестивому замыслу. Но для того, чтобы приобщить последователя Пророка к благочестивому рассмотрению догматов латинской церкви, требовалось более фамильярное общение и большее проявление личного влияния, чем позволяли церемониальные обряды восточного общества, или чтобы строго добродетельные люди считались достаточно осмотрительными. Ревностная королева, однако, презирала, когда ею управляли из таких щепетильных соображений. Ее покои выходили на террасу, которая вела в сад, полный всевозможных пахучих кустарников и благоухающих цветов, у подножия которого оливковые деревья раскинули свои ветви, скрывая замшелую скамейку от назойливых лучей солнца. Маленькая калитка, скрытая виноградными лозами, вела из сада на улицу, и Элеонора оставила ключ у себя. Через эту калитку она впустила своего юного ученика, и в этом уединении с миссионерским рвением начала свои усилия по обращению мусульманина. Прошло некоторое время, прежде чем европейцу и азиату удалось прийти к совершенному взаимопониманию; ибо, хотя Саладин был довольно хорошо сведущ в лингва франка, его словарь включал лишь те термины, которые использовались в обычном общении или на войне. Независимо от того, учили ли философы того времени, что, хотя некоторым языкам может не хватать выражения абстрактных идей, все они изобилуют диалектом любви, несомненно, что и учитель, и ученик осознали этот факт в своем собственном конкретном случае. Но в религиозные планы Элеоноры не входило втягивать себя в мезальянс, и когда очарованный эмир начал, заикаясь, выражать свое восхищение, она игриво сказала ему, что может понимать любовь только на провансальском языке. Сарацин удалился, и хотя она с тревогой высматривала стрелу с наконечником из орлиного пера, которой он обычно возвещал о своем

приходе, она больше не видела его в течение двадцати дней. Когда долгожданный знак наконец появился и красивый юноша в малиновой мантии и зеленой перевязи снова предстал перед ней, его лицо сияло радостью, а темные глаза искрились восторгом; когда она услышала, как он изливает свою красноречивую страсть на любимом провансальском со всей беглостью и непринужденностью туземца, она почти вообразила, что свершилось чудо, и убедилась, что не привести такие таланты в лоно церкви было бы тяжким грехом. Сарацин вскоре убедил ее, что только любовь к ней наделила его сверхъестественными способностями, и тонкая лесть побудила ее в полной мере использовать влияние, которое могло произвести такие чудесные эффекты. Молодой эмир подпоясал свою тунику шелковым поясом длиной в несколько ярдов. На этой ленте Элеонора, все еще сосредоточенная на своем замысле, вышила крест, который юноша принял со своей обычной галантностью, сказав: “Я поклоняюсь Божеству, которое он олицетворяет”. На следующий день он принес ей шкатулку с бриллиантами и шкатулку из слоновой кости, наполненную самыми сладкими благовониями. Когда он откинулся у ее ног, она открыла шкатулку и, накрутив его волосы цвета воронова крыла на пальцы, вылила драгоценную жидкость ему на голову.

Пейроль, который с детства относился к королеве со страстной преданностью южанина, едва ли согласился разделить ее сердце с Людовиком. С тех пор как она вышла замуж, ее стремление к завоеваниям постоянно держало его в состоянии ревнивого возбуждения. Его заинтересованный взгляд был первым, кто заметил ее украденные свидания с Саладином; и в день, когда она принимала бриллианты, он ухитрился спрятаться в саду и таким образом стал свидетелем всего происходящего. Убедившись в ее опасности, он отправился напрямик в Иерусалим, чтобы сообщить Людовику о ее поведении, и пока Элеонора воображала, что служит Богу в своих попытках обратить владыку сарацин, хотя и немного пожертвовав личной деликатностью, король прибыл в Антиохию и поспешил увезти ее, попрощавшись с ее дядей и даже не позволив ей побеседовать на прощание с обращенным язычником. Элеонора подчинилась этой непривычной суровости своего мужа с очень неохотой. Она попыталась объяснить ему, что делает для сохранения Гробницы больше, чем сам король Болдуин. Она выразила самый сильный гнев из-за того, что стала объектом необоснованных подозрений, и вошла в Святой Город в самом возмущенном настроении. Честный ум Людовика не мог заставить себя постичь благочестие, которое привело к такой вспышке гнева, и он также не мог хорошо оценить чистоту мотивов, побудивших жену обмениваться подарками с любовником; и с этого времени всякому доверию между ними пришел конец. Королева Франции, несмотря на это, была принята в Иерусалиме со всеми почестями, подобающими ее рангу; но Пейролю было приказано следить за ее передвижениями и не допускать никаких дальнейших сношений с Раймоном.

В Птолемаиде состоялся совет, в состав которого вошли христианские державы Сирии и Палестины, а также крестоносцы из Европы, и хотя целью экспедиции было восстановление Кортни их утраченного княжества, было решено, что Дамаск был гораздо более опасным соседом Иерусалима, чем отдаленный город Эдесса. Соответственно, был издан указ о походе на Дамаск, и короли Людовик VII, Балдуин III и Конрад III вывели свои войска на поле боя.

Самыми дисциплинированными частями армии были рыцари Храма и Святого Иоанна. На заре паломничества в Иерусалиме было создано учреждение по уходу за больными. В этом дружественном госпитале принимали раненых и умирающих участников первого крестового похода, и за ними ухаживали с величайшей заботой. Король Годфри с искренней

благодарностью вознаградил их благочестивые труды подарком поместья в Брабанте, откуда они получали постоянный доход. Ассоциация приобрела большое значение и в конце концов превратилась в религиозный дом под опекой святого Иоанна Крестителя. Они приняли обычные обеты целомудрия, бедности и послушания, и патриарх Иерусалимский облачил их в черные одежды с белым полотняным восьмиконечным крестом на левой стороне груди.

В 1113 году н.э. Больница была передана под защиту Святого Престола, и их доходы превысили требования благотворительности, примерно в 1130 году н.э. они решили обнажить меч против врагов веры. Госпитальеры были соответственно разделены на три класса: дворянство, духовенство и братья-служители, которые разделяли свои обязанности между ведением смертельной войны с неверными, исцелением ран христианских солдат и молитвой за души усопших. Почитатели доблести и благочестия либо присоединялись к их знаменам, либо обогащали их казну. Великие люди посылали к ним своих сыновей для обучения, и рыцари-госпитальеры вскоре превратились в могущественный монашеский и военный орден.

Несколько лет спустя несколько французских джентльменов основали не менее почетное учреждение рыцарей Красного Креста. Первоначальный замысел этого ордена состоял в том, чтобы следить за дорогой и поддерживать открытое сообщение между Европой и Святой Землей. Сначала госпитальеры кормили и одевали их, и, чтобы указать на их бедность, они взяли с собой печать с фигурами двух мужчин на одной лошади. Они связали себя с тремя великими монашескими добродетелями и добавили некоторые аскезы, которые, как предполагалось, должны были дать им силу перед Богом и людьми. Первоначально они носили титул *Milites Christi*, но когда Болдуин I поселил их в королевском дворце, примыкающем к Храму Соломона, они приняли титул тамплиеров, или рыцарей Храма. На них были льняные головные уборы с плотно закрывающими их красными шапочками, рубахи и чулки из витой кольчуги, жилеты из сапры и широкие пояса с вделанными в них мечами, а поверх всего был накинут белый плащ, доходящий до земли. Этот орден тоже обрел достоинство и могущество, и военные монахи Госпиталя и рыцари Красного Креста Храма вскоре стали оплотом христианского мира, “опорой мужественных чувств и героической предприимчивости”.

Знакомые с дорогами, тамплиеры направились в Дамаск, а госпитальеры, привыкшие помогать слабым, замыкали тыл христианской армии. Восточный и южный кварталы города Дамаска были защищены неприступными стенами, но север и запад были обращены к полям и садам и защищены только башнями и рвами. Здесь крестоносцы разбили свои лагерь; и многочисленные и продолжительные столкновения между христианами и мусульманами продолжались. Им удалось прорваться к аванпостам неверных и захватить несколько укреплений, которые Дамаск считал своими собственными. Но теперь возникло более серьезное противостояние. Должен ли Дамаск стать уделом Иерусалима, вотчиной французской короны или немецким княжеством? Дни и недели проходили в бесплодных спорах между крестоносцами, и, наконец, было решено, что приз должен быть вручен графу Фландрии, поскольку он дважды посетил Святую Землю. Это решение только усилило недовольство. В лагере ходили слухи об измене, и тамплиеров обвиняли в получении взяток. Было внесено предложение перенести лагерь в Аскалон, и, пока споры затягивались, у сарацин было время отремонтировать укрепления Дамаска и призвать на помощь султана. Германский император, напуганный сообщением о том, что эмир Мосула направляется к городу, первым снял осаду; а другие лидеры, недовольные собой и друг другом, мрачно вернулись в Иерусалим. Конрад с разбитыми остатками германского войска немедленно вернулся в Европу; но король Франции

задержался на несколько месяцев, посещая святые места и выискивая возможности достойно нести военную службу во время похода; пока, наконец, не узнал от Пейроля, что Элеонора при попустительстве Петрониллы обменялась письмами с Саладином и обдумывает бегство в Антиохию; он собрал жалкие остатки своей армии, насчитывающие триста человек, и в сопровождении своей разъяренной королевы и ее амазонок, лишившихся герба, отплыл в Константинополь. Здесь Элеонора нашла небольшое утешение в том, что восстановила свой гардероб после поражения при Лаодикии. Из Константинополя недовольная пара отплыла во Францию.

Людовик намеревался развестись со своей женой сразу же по возвращении, но проницательный аббат Сугер отговорил его от этого, поскольку таким образом он отделил бы от короны великое герцогство Аквитанское, вероятное наследство юных принцесс Марии и Аликс. Однако за ней пристально наблюдали, и ей было запрещено посещать свои южные владения. В 1150 году нашей эры Джеффри Плантагенет, граф Анжу, прибыл ко двору Людовика VII со своим сыном Генрихом, юношей примерно возраста Саладина, чей прекрасный облик и литературные достижения сделали его объектом влечения всех парижских дам. Джеффри Элеонора поделилась своими горестями, одной из самых больших из которых был отказ короля надеть придворные украшения того времени, особенно туфли с длинными носками, скрепленные до колен золотыми цепочками; и особенно ее раздосадовало то, что он, по предложению духовенства, расстался со своими длинными кудрями, красивой бородой и усами.

“Он уже носит выбритый подбородок и саржевую рясу, - сказала она, - и ему не хватает только тонзуры и капюшона, чтобы стать священником”.

Герцог отплатил ей за доверие, рассказав о своих собственных семейных невзгодах, вызванных надменным поведением его супруги, императрицы Матильды, чей раздражительный нрав не улучшила безрезультатная борьба со Стефаном за английский трон. В целом у них была очень сочувственная встреча.

Два года спустя Генрих Анжуйский еще раз посетил Париж, чтобы засвидетельствовать почтение своим владениям, и королева с легкостью, приобретенной практикой, передала ему то пристрастие, которое она питала к его отцу. Молодой плантагенет был благородным, воинственного вида принцем, со светлым и грациозным лицом и глазами, которые искрились умом и энергией. В свете этой новой привязанности Элеонора обнаружила, что король Людовик приходится ей четвероюродным братом и, более того, что развод, которым он угрожал, был вопросом совести и приличий. Людовик, казалось, впервые за много лет нашел счастье в том же плане, который нравился его королеве. В Божанси был созван церковный собор, и в присутствии Элеоноры и Людовика, а также многочисленного круга родственников брак был признан недействительным по причине кровного родства.

Оставив своих дочерей на попечение отца, освобожденная принцесса радостно отбыла со своей сестрой Петрониллой и ее провансальскими слугами в свою страну. По пути на юг она ненадолго остановилась в замке Блуа, где старый граф Тибо, отец Аделаиды, домашний покой которой она так эгоистично нарушила, был очарован большим провансальским приданым и предложил руку своей прекрасной гостье. Ничуть не смущенный быстрым отказом дамы, почтенный поклонник решил держать ее пленницей в своей крепости до тех пор, пока она не согласится на его предложение; но Пейроль, случайно узнав о замысле, передел свою любовницу и ее сестру в свою собственную одежду, провел их ночью через черный ход и,

раздобыв рыбацкую лодку, сбежал с ними вниз по Луаре. Здесь их поджидала новая опасность. Жоффруа Анжуйский, младший брат Генриха Плантагенета, плененный очарованием принцессы, расположился с сильной охраной у Пон-де-Тас с намерением похитить ее. Прежде чем беглецы добрались до места, они заметили засаду, и королевские дамы, схватив по веслу, скрыли свои лица, склонившись над своим занятием, в то время как Пейроль хитроумно уклонился от вопросов часового, продемонстрировав рыболовные снасти и повернув лодку в небольшую заводь, как будто готовясь приступить к утренним забавам. Укрытый ивами, затеняемыми ручей, отряд продолжал свой путь с предельной быстротой, и прежде чем граф обнаружил их побег, они были вне досягаемости для поимки.

Восторженные приветствия, с которыми провансальцы приветствовали возвращение своей любимой герцогини, едва утихли до тихой демонстрации нежного послушания, когда молодой Генрих Плантагенет последовал за ней в Бордо, и в этом богатом городе со всей помпезностью, на которую был способен роскошный провансалец, они поженились первого мая 1152 года нашей эры. Таким образом, сладкие южные провинции стали уделом английской короны, и был заложен фундамент для тех опустошительных войн, которые на протяжении веков обескровливали лучшие силы как Франции, так и Англии.

ГЛАВА IV.

“ Имперское существо! хотя на тебе много пятен ошибок,
в твоей властной натуре есть сила.

Генрих немедленно перевез свою невесту в Нормандию и поселил ее во дворце в Байе, некогда резиденции семьи Вильгельма Завоевателя. Свадьба Элеоноры, состоявшаяся немногим более чем через месяц после ее развода, потрясла всю Европу. Особенно был разгневан король Франции союзом, который сделал его и без того слишком могущественного вассала повелителем еще семи красивых и богатых провинций.

Он немедленно заключил союз со Стефаном, чтобы лишить Генриха Нормандии, и подстрекал сбитого с толку Джеффри начать войну против своего брата.

“Пусть глупый король сделает все, что в его силах”, - сказала Элеонора своему мужу, отправляя Пейроля отдать приказ отправить корабли из Бордо в Ла-Манш. “Бароны *ок* и *но* поднимут знамя Святого Георгия и золотых леопардов намного выше орифламмы Франции и возрадуются, что у них есть такой справедливый повод для ссоры с сюзереном и тюремщиком их принцессы”.

Провансальский флот, который, таким образом, был привлечен для охраны побережья Англии, оказал Генриху существенную услугу не только в подавлении волнений, возбужденных Людовиком, но и в обеспечении мирного восшествия на престол его деда Генриха I. В течение шести недель, прошедших после смерти Стефана, прежде чем он был готов принять свою корону, морская держава, стоявшая на якоре в английских гаванях, сохраняла общественное спокойствие и держала в страхе всех иностранных врагов. Генрих и Элеонора с блестящей свитой высадились на побережье Хэмпшира в начале декабря 1154 года нашей эры и

направились прямо в Винчестер. Прелаты и знать собрались вокруг них со всех концов королевства, и их путешествие из Винчестера в Лондон было сплошным триумфом.

Их коронация, состоявшаяся в Вестминстерском аббатстве, не имела себе равных по великолепию. Шелка, парча и бархат, шитые серебром или золотом, которые новая королева привезла из Константинополя, а также драгоценности, которые она хранила в память о своих самоотверженных усилиях в Палестине, служили украшением этой августейшей церемонии. Смуглая красавица юга носила свои длинные черные волосы, туго заплетенные в косы и повязанные вокруг головы наподобие восточной диадемы, на которой сверкали бриллианты ее возлюбленного-пайнима, словно драгоценные камни, оправленные в гагат. Ее белоснежная юбка из тончайшей индийской ткани, ограниченная у горла воротником из драгоценных камней и скрепленная на лифе украшенным драгоценными камнями поясом, ниспадала широкой драпировкой до самых ног, и такое же прозрачное одеяние прикрывало, не скрывая, изящную округлость ее рук. Поверх него была накинута элегантная пелерина, отороченная мехом, с пышными свободными рукавами, подбитая горностаем. В прекрасном контрасте со своей сверкающей королевой стоял Генрих, первый монарх воинственных Плантагенетов. В его лице преобладали саксонские черты, богатство каштановых локонов и густые, выющиеся усы придавали мужественность его несколько мальчишескому облику, но его спокойное юношеское лицо в тот период не было отмечено сильными и неистовыми страстями, которые впоследствии загорелись в его глазах и потемнели, когда он нахмурился. На нем был камзол из алого дамаста и короткий анжуйский плащ, который снискал ему прозвище придворного мантийца. Священнослужители, присутствовавшие на этой церемонии, также появились в халатах и рясах из шелка и бархата - еще одном подарке Элеоноры из Константинополя. После празднования Рождества королевская чета переехала в свою резиденцию в Бермондси, пасторальную деревушку, почти напротив Лондона, где находились древний саксонский дворец и монастырь.

Пока Элеонора оставалась в этом тихом убежище, Генрих посвятил свою энергию улаживанию дел своего правительства, проявляя благоразумие и осмотрительность, не свойственные его годам. На одном совете он назначил высших должностных лиц короны; на другом он подтвердил своим подданным все права и свободы, гарантированные знаменитой хартией Генри Боклерка, на третьем он побудил баронов засвидетельствовать почтение его старшему сыну Уильяму, а в случае смерти Уильяма - его второму сыну Генри, младенцу в колыбели. Он разрушил многие замки, возведенные мятежными баронами при Стефане, распустил иностранных наемников или брабансонов, которые долгое время наводняли королевство, и вынудил Малькольма, внука Дэвида и Мод, обменять три северных графства на графство Хантингдон, на которое король Шотландии претендовал как на потомка графа Уолтхофа. В бурный период правления Стефана церковные трибуналы приобрели авторитет выше судебных инстанций, и монарх страстно желал искоренить это злоупотребление. Однако он был так многим обязан дружбе и постоянству Теобальда, архиепископа Кентерберийского, что ему было трудно вносить какие-либо новшества в юрисдикцию церкви, столь дорогой сердцу его достопочтенного друга. Элеонора, занятая своими удовольствиями и, надо милосердно надеяться, исполняющая материнские обязанности, мало интересовалась этими делами, поскольку смерть ее старшего сына и рождение дочери в некотором роде пробудили в ней сознание материнской ответственности. Она особенно заботилась о том, чтобы выбрать наставника для ее сына Генри, и сама нанесла визит архиепископу, чтобы обсудить этот вопрос. Через несколько дней после этого король вошел в ее покои в необычайно веселом настроении.

“Добрый Теобальд, - сказал он, - претерпевший изгнание из-за моей матери, расстался со своей правой рукой ради блага ее сына. Он прислал нам своего архидьякона в качестве наставника для Генри.

“А как выглядит кандидат на нашу благосклонность, справедлив ли он и мудр ли?” - спросила Элеонора.

“Нет, в этом, - сказал Генрих, - архиепископ, со своей обычной проницательностью, проявил должное уважение к вкусам семьи, поскольку человек, которого он послал, наполовину саксонец, наполовину сарацин”.

“Пуллани”, - воскликнула Элеонора, ее любопытство сразу же разгорелось. “Я встречала многих из этого класса в Палестине. Он прибыл прямо из Святой Земли?”

“Нет, он родился в Лондоне и, за исключением некоторых особенностей своей коварной расы, такой же хороший христианин, как и все, кто когда-либо посещал мессу. Его отец, Гильберт Бекет, был взят в плен во время первого крестового похода и заключен во дворце эмира. Дочь Неверного страстно влюбилась в молодого христианина, ночью освободила его и заложила свои драгоценности банде бродячих пиратов, чтобы нанять их доставить его в целости и сохранности в Европу. Туда она последовала за ним, пройдя через множество опасностей, отвечая только ‘Лондон’, ‘Гильберт’ всем, кто ее расспрашивал. Эти два волшебных слова привели ее в столицу, где она нашла объект своих поисков. При крещении ее назвали саксонским именем Матильда, и Бекет вознаграждал ее за преданность, женившись на ней. Томас а Бекет был их единственным сыном. Он провел свое детство под опекой каноников Мертон; он учился в школах Оксфорда и Парижа, часто посещал лекции по философии в Болонье, был воспитан в глубоких знаниях гражданского и канонического права, побывал в Риме, пользуется большим расположением папы и примаса, и со всеми этими качествами, - добавил Генри ликующим тоном, - *он не священник*.

Элеонора была в восторге от этой истории, и Бекет немедленно был назначен наставником принца Генриха. Романтическое происхождение Бекета, приветливые манеры, но особенно его приятный такт в проявлении интеллекта или невежества, в соответствии с требованиями деликатных чрезвычайных ситуаций, сразу же снискали ему расположение как короля, так и королевы. Главными резиденциями королевской семьи были Вестминстерский дворец в Винчестере и загородный дворец Вудсток, любимая обитель Генри Боклерка и Матильды доброй. В этом очаровательном уединении Элеонора развлекала себя и придворных дам мистериями и ряжеными, придуманными священниками и приходскими клерками. Даже чудеса, описанные в священном томе, утратили свой священный характер и стали предметом неуклюжих попыток повеселиться. Элеонора, обожавшая сценические развлечения, однажды поручила церемониймейстеру инсценировать чудесные испытания святого Дунстана. Для этой важной пьесы требовалось так много персонажей, что из соседнего монастыря были привезены новые рекруты из числа аббатов, клерков и ученых, а в хор были зачислены почетные дамы королевы, которые добросовестно исполняли самые неземные мелодии. Обычные службы в часовне на несколько дней были прерваны. Плотники сместили священников, и вместо звуков заутрени и вечерни стены эхом отдавались от стука молотков рабочих, готовивших фальшпол для имитационного чистилища. Деревья парка были лишены своих лиственных почестей, чтобы создать лес над главным алтарем, который благодаря удалению панели и добавлению сухих листьев, гальки и мха очень хорошо подходил для пещеры

отшельника. Наступила насыщенная событиями ночь, и ожидание, так долго стоявшее на цыпочках, тихо устроилось на временных скамейках, чтобы насладиться интеллектуальным угощением, в то время как воображаемая луна, широкая, как щит их саксонских отцов, отражала свет предполагаемого невидимого факела, установленного за оконным ставнем. Из-за несовершенства механизма поднятия занавеса возникли некоторые трудности, но королеве по секрету сообщили, что скрип не был задуман как часть спектакля. Образованной и одаренной провансальке следует простить, если она обменялась несколькими лукавыми критическими замечаниями и сатирическими улыбками с остроумным Пейролем в ущерб исполнителям из лучших побуждений.

Сцена открылась, открывая бесплодную вересковую пустошь, в центре которой была насыпь мусора, поросшая травой и увенчанная огромным камнем, который был перенесен с большой осторожностью и трудом из соседнего кромлеха. Рядом с ним стоял юноша, который, стыдливо опустив голову и неловко вертя палочку, таким образом раскрывал план драмы: —

- Вот ты видишь этот холм и камень,
Возможно, скоро узнаешь.
История блаженного святого Дунстана:
Ибо дан - это холм, а камень - это стейн,
Вот что это здесь должно означать.
Святому угоднику была послана беда,
Как мы здесь представим...

Когда юный Арлекин закончил свой пролог, он остановился в сильном смущении, глядя на занавес, пока, обнаружив, что тот отказывается опускаться, он не подошел к краю сцены и изо всех сил помог ему опуститься.

Затем за кулисами поднялась значительная суматоха, во время которой публика, как обычно в таких случаях, развлекалась приглушенным хихиканьем и перешептыванием.

Неохотно поднявшийся занавес снова поднялся, и вместо примечательного холма и камня, олицетворявшего собой личность, появился сам святой Дунстан, дородный саксонский священник, втиснутый в свою алтарную пещеру; соответствующее расположение, превосходно приспособленное к традиции, поскольку он не мог ни сидеть, ни стоять, ни лежать в ней непринужденно. Святой человек был явно занят своим богослужением, отбарабанивая кредо и аве Мари в стиле, демонстрирующем прискорбное незнание латыни. Верховный искуситель немного отстал от своего времени, ибо святой, очевидно, исчерпал свой запас молитв и начал повторять их, когда появился Люцифер в облике рабочего с лопатой в руке. Подойдя к пещере, он протянул мешок с золотом и пригласил святого Отца следовать за ним. Отшельник нетерпеливо махнул рукой и решительно отвел глаза от сверкающей приманки, в то время как сбитый с толку демон ушел со сцены. Смущенные стоны и визги бесов внизу последовали за его уходом, в то время как хор невидимых ангелов пел с большим акцентом:

“С помощью золота он нападает на святого,
Но не этим может одержать верх дьявол”.

Следующая сцена носила более поразительный характер. На этот раз монаха прервало появление прекрасной девушки, которая, скользя подобно светящемуся призраку из зеленого леса, остановилась перед пещерой, осыпала розами его молитвенник и самым соблазнительным образом попыталась отвлечь его от молитв. Святой, однако, остался непреклонен, и когда она схватила его за руку, он схватил пару щипцов, специально нагретых для этого случая, и рьяно схватил колдунью за нос, которая сначала жалобно вскрикнула, а затем громко заревела - но сердце благочестивого священника было не тронут. В ходе борьбы сверкающая маска, к несчастью, упала, унося с собой весь механизм непрочной маскировки, и дерзкий на вид паж, неожиданно разоблаченный таким образом, сбежал со сцены, к большому замешательству актеров и большому веселью зрителей. Этот *контраргумент* вызвал самый необычный рев среди демонов внизу, в то время как хор запел с новой силой -

“Святой нападает с любовью,
Но не этим одержит верх дьявол”.

Едва стихли радостные возгласы и смех, как занавес поднялся в третий раз. Помещение наполнилось сернистыми парами, и из люка в сцене, под имитацию грома и слабые попытки метания молний, поднялось его сатанинское величество, *всобственной персоне*, с обычными дополнениями в виде рогов, копыт и хвоста. Слово для того, чтобы укрепить дрожащего святого перед финальным сражением, хор с большим волнением повторил:

“Со страхом он нападает на твое сердце,
Но не этим одержит верх дьявол”.

Дьявол приближался с дьявольской гримасой, и вся сцена дрожала под его шагами, в то время как перепуганный верующий забился в самый дальний угол камеры и, обхватив своими огромными руками деревянное распятие, с поразительной словоохотливостью перебирал четки. Очевидно, целью дьявола было снять святого Дунстана с креста, но широкоплечий священник был более чем достойным противником крепкого невежи, хотя и был обременен атрибутами своего нового сана. Последовала ужасная борьба, но такова была отчаянная энергия, с которой святой ухватился за священный символ, и так тесно это было связано со всем замыслом представления, что, пытаясь оттащить священника от его защиты, рослый йомен сорвал распятие с алтаря, лес с его основания, и пока хор готовился возвестить великолепную триумфальную песнь, монах и дьявол, ангелы и аппаратура были низвергнуты в зияющее внизу чистилище. В тот же момент человек с луной резко сел, оставив часовню в полной темноте. Музыкальный слух дрогнул и оборвался испуганными криками, и публика, опасаясь, что дьявол еще не получил по заслугам, разбежалась в самой недостойной поспешности. Только когда королева добралась до своих покоев и ее камеристки одна за другой в нелепом беспорядке поспешили к ней, она забыла о своем страхе и разразилась веселым гневом. В конце концов несчастные девушки сочли невозможным не присоединиться к ее веселью, и каждое новое появление приветствовалось неудержимыми взрывами смеха.

“ Добро пожаловать, мои анжелики! - воскликнула королева. “Я опасался, что твое недавнее повышение по службе сделает тебя непригодным к обязанностям смертного; но я с удовольствием замечаю, что предвкушение наказания, ожидающего неверного, сделало тебя сегодня вечером более чем обычно бдительным. Что касается нас самих, то мы чувствуем необходимость отдыха и с радостью разденемся для нашего ложа”.

Несмотря на безуспешные усилия ее саксонских клерков, Элеонора не была обескуражена. Она вызвала из Блуа знаменитого аббата по имени Уильям, который под ее покровительством и с помощью ее гения поставил свою трагедию о Флауре и Марке, первое появление регулярной драмы в Англии.

ГЛАВА V.

Ибо близкие планы и коварные советы подходят,
Проницательным, смелым и бурным умом;
Беспокойным, непоколебимым в принципах и месте,
Недовольным властью, нетерпеливым в позоре.

Томас Бекет быстро завоевал королевскую милость. Его спокойная проницательность и хладнокровные суждения сделали его избранным советником своего покровителя, его пристальное внимание к своей ученице завоевало сердце Элеоноры, в то время как его куртуазные качества и рыцарское обращение сделали его популярным среди всех слоев населения. Король наградил его орденом Ока, должностью смотрителя Лондонского тауэра, и назначил канцлером королевства. Разносторонность его достижений позволила ему приспособиться к различным настроениям Генриха, и таким образом он стал неразлучным спутником монарха. Стремительность его возвышения могла сравниться только с великолепием его курса. Он соперничал с королем в устройстве его двора, проявлял самое безграничное гостеприимство по отношению к тем, кто посещал двор, и стал посредником, через которого подданные общались со своим сувереном. Король был его частым гостем, и монарх и фаворитка, казалось, были связаны узами настоящей дружбы. Королева Элеонора перевела свой двор из Вудстока во дворец Бомонт в Оксфорде, где в 1157 году нашей эры родился знаменитый Львиный кер. Получив это приятное известие, король отправился со своим канцлером и поездом, чтобы присоединиться к своей семье. Пока они ехали, беседуя на самых непринужденных условиях, за ними последовал жалкий нищий, просивший милостыню. Король небрежно пожертвовал несколько пенсов, и канцлер, заметив изодранную одежду нищего, в шутку заметил, что приказ был дан не только для того, чтобы накормить голодных, но и для того, чтобы одеть нагих.

“Ты говоришь правду, - сказал король, - и сам достоин проиллюстрировать свою собственную доктрину”.

С этими словами он схватил плащ канцлера и начал стаскивать его с его плеч. Фаворит воспротивился этому милосердному порыву и пришпорил своего коня. Король, однако, удержался и заставил своего коня не отставать от сжавшего кулаки придворного, и в перерывах между их борьбой и смехом оба чуть не покатались по грязи. Бекет, наконец, ослабил хватку, и удивленный нищий завернул свои дрожащие конечности в самую лучшую мантию в королевстве.

Пока их дорога петляла по богатым лугам Эвенлода, они время от времени замечали женский монастырь в Годстоу, наполовину скрытый деревьями, и, прежде чем они достигли внешней линии монастырских стен, они увидели на небольшом расстоянии перед собой, переходящую

деревенский мост, фигуру красивой девушки верхом на угольно-черном коне. Легкость и изящество, с которыми она управляла норовистым животным, изысканная симметрия ее форм, подчеркиваемая богатой драпировкой ее одеяния, впервые привлекли внимание короля. Ее золотисто-каштановые волосы, выбивавшиеся из-под похожей на тюрбан шапочки для верховой езды, ниспадали, как вуаль, на плечи, а воздух и подвижность придавали яркий румянец белокурому лицу и придавали дополнительный блеск глазам, зеркальные глубины которых, казалось, были созданы для отражения небесного света. Генри инстинктивно натянул поводья, когда прекрасное создание перебежало им дорогу и выскочило на дорожку для уздечек, сопровождаемое почтенного вида слугой в зеленой ливрее.

“Что это за ослепительное видение?” спросил Генри, делая паузу, словно пытаясь вспомнить полузабытое воспоминание. “Я видел это лицо раньше, или мой глаз впервые в чем-то виноват”.

- Обязанности прислуги принадлежат Клиффордам, - холодно сказал Бекет.

“А как зовут это прекрасное создание с золотыми локонами?” - продолжал Генри.

“Если это дочь лорда Уолтера де Клиффорда, то ее зовут Розамонд”, - сказал Бекет, не склонный удовлетворять запросы монарха.

“Уолтер де Клиффорд!” воскликнул король с трепетом при воспоминании. “Теперь я вспоминаю себя, когда король Шотландии возложил рыцарский меч на мое плечо, именно лорд де Клиффорд пристегнул мои шпоры; и эта прекрасная девушка, тогда еще ребенок изысканной красоты, сидела среди служанок королевы, которая председательствовала на турнире. Король, воспитанный в чужой стране, должен быть печальным странником в своем собственном королевстве. Можешь ли ты указать мне на дом этой прекрасной девушки?”

Бекет, который понял, что порывистость монарха не потерпит уклонений, ответил: “Замок Клиффорд находится примерно в двух днях пути отсюда, на берегу Уая. Лорд де Клиффорд уже много лет был крестоносцем в Палестине, и его дочь, которая после смерти матери находилась на попечении монахинь Годстоу, возможно, находится на пути в монастырь. Слуга, как я вижу, старый Адам Хенрид, ее сенешаль.

“Пойдем дальше,” сказал Генри. “сегодня вечером мы ужинаем в Годстоу. Мне очень интересно, - добавил он задумчиво, - сохранил ли милая девушка в памяти образ мальчика-рыцаря.

“Бекет,” добавил он вслух, - во мне мало такого, что могло бы предать короля. Сегодня вечером я буду простым герцогом Мэна. Будь моим оруженосцем. Наши сопровождающие могут отправиться в Оксфорд. С этими словами нетерпеливый монарх пришпорил своего коня и поскакал вперед, сопровождаемый своим неохотным придворным, и остановился у монастыря сразу после того, как Розамонд была принята в его стенах. Звук колокола привел к главным воротам монастыря привратницу, оторвавшуюся от вечерней трапезы и все еще державшую в руке пучок лука-порея и ломоть черного хлеба, которые составляли трапезу.

- А чего бы ты хотел, сэр рыцарь? - хрипло спросила она.

“Отдохните и подкрепитесь,” сказал Генри по-французски. - Мы усталые путники и ищем приюта на ночь.

“Вы из-за моря, ” ответила привратница, “ и мы не потерпим вашего диковинного языка. Вон там лежит путь в Оксфорд.

“ Бекет, ” прошептал король, “ позволь своему остроумию послужить нам в трудную минуту, и ты не сочтешь своего повелителя неблагодарным. Хитрый канцлер, который никогда не упускал возможности обязать монарха перед самим собой, немедленно обратился по-саксонски к монахине,

“Откройся нам, добрая мать. Герцог Мэн - ревностный покровитель церкви, и, возможно, твой собственный монастырь не станет беднее от того, что ты предоставишь ему развлечения.

Смягчившаяся привратница немедленно впустила их, извиняющимся тоном пробормотав: “Сестры блаженного Святого Бернарда всегда принимают путников и невежд с христианским милосердием”.

Младенец Ричард подавал большие надежды, и его амбициозная мать сразу же начала строить планы относительно его дальнейшего продвижения по службе. Она умоляла своего мужа даровать принцу герцогство Аквитанское и позволить ей перевезти его туда, принять почтение баронов и устроить помолвку между ним и Филиппой, малолетней дочерью ее сестры Петрониллы и Раймонда Арагонского. К ее великой радости и удивлению, Генрих сразу же согласился на это предложение и участвовал в ее плане остаться на некоторое время регентом в ее южных владениях.

Людовик VII, король Франции, выдал двух своих дочерей от Элеоноры замуж за графов Блуа и Шампани; а после смерти своей второй жены Констанции передал брачную корону сестре их отца, Аделаиде Шампанской, вдове знаменитого Рудольфа Вермандуа. Он также даровал графу Шампани должность сенешаля своего королевства, которая по праву принадлежала Генриху как герцогу Анжуйскому, который, разгневанный этой мерой, объявил войну своему сеньору. Роман был окончательно скомпрометирован помолвкой старшего сына Генриха с третьей дочерью Людовика Маргаритой. Генрих и Элеонора отправились в Нормандию, чтобы отпраздновать бракосочетание, а Бекет был отправлен в Париж, чтобы привезти молодую невесту в Руан. По этому важному случаю канцлер прибыл в самом торжественном виде. Когда он въезжал в город, две сотни пятьдесят мальчиков, распевавших национальные гимны, возглавляли процессию, в то время как из повозок, крытых шкурами и охраняемых охраной и собаками, население угощали глотками английского пива. За ним последовали другие повозки, запряженные пятью лошадьми, ведомые слугами в великолепных ливреях, с мебелью из его часовни, спальни и кухни, его посудой, гардеробом и слугами. Затем следовали двенадцать вьючных лошадей, каждая с грумом и обезьянкой; затем оруженосцы, сыновья джентльменов, сокольничьи с ястребами на запястьях, придворные, рыцари и священнослужители, и, наконец, сам Бекет, непринужденно беседующий с несколькими друзьями. Французы, когда они увидели посла, демонстрирующего великолепие, превышающее возможности их собственного государя, воскликнули: “Каким человеком должен быть король Англии, когда его канцлер путешествует в таком виде”. Король Франции принял Бекета с самой изысканной вежливостью и поручил малолетнюю Маргариту его попечению. Бекет перевез маленькую принцессу в Руан, где был заключен брачный контракт, и малолетние жених и невеста были переданы ему на воспитание, а Людовик подарил Генриху три города в качестве приданого за своей дочерью.

Но из-за недоразумения, возникшего в связи с этим вопросом, новый компромисс был достигнут в результате другого брака. Смерть маленькой принцессы Арагонской снова оставила руку Ричарда на свободе. Эта рука была вручена в знак дружбы Алисе, малолетней дочери Франции, которая также была отправлена в Англию для получения образования. Политикой Генриха было укреплять свое правительство мощными союзами: и за этими ранними браками быстро последовали аналогичные союзы между Жоффруа, его третьим сыном, и Констанцией, наследницей Бретани, и его старшей дочерью Матильдой с Генрихом львом, герцогом Саксонии.

В разгар этих внутренних и политических событий скончался Теобальд, архиепископ Кентерберийский; и король приступил к осуществлению своего давно вынашиваемого замысла по исправлению злоупотреблений в церкви. Он осыпал Бекета всяческими проявлениями благосклонности и привязанности и, уверенно рассчитывая на его сотрудничество, предложил ему эту вакансию. Канцлер возразил, что он не священник, но Генрих настоял на том, что время, необходимое для получения приказов, составляет всего несколько часов. И все же канцлер, казалось, отказался от ослепительного подарка. Он возразил, что, будь он когда-то епископом, он должен был бы отстаивать права церкви, и торжественно заявил королю в ночь перед своим посвящением, что митра воздвигнет между ними вечный барьер. Генрих настаивал, и Бекет, наконец, скромно принял первый пост в королевстве.

Непосредственно после своего вступления в должность новый архиепископ стал так же известен своей строгостью, как раньше своей показухой. Он сложил с себя должность канцлера, распустил рыцарское облачение, облачился во вретище, питался самой грубой пищей, пил воду, приправленную фенхелем, и ежедневно, стоя на коленях, омывал ноги тринадцати нищим, которых впоследствии отпускал с подающим. Во всех случаях он защищал права церкви в противовес правам короны. Поскольку он был самым образованным человеком в королевстве, самым красноречивым и самым любимым, он обладал безграничным влиянием среди всех слоев общества, и Генрих вскоре нашел в человеке, которому доверял как союзнику, самого могущественного противника.

Но король по этой причине не отказался от своих планов реформ. Приходской священник был виновен в убийстве при обстоятельствах, которые особенно усугубили преступление. Судебные инстанции стремились привлечь преступника к ответственности. Епископ утверждал, что отстранение от должности было высшим наказанием, которое могло быть применено к сыну церкви. Это дело произвело большую сенсацию по всему королевству, и Генрих, наконец, созвал генеральный совет знати и духовенства. Было разработано несколько статей, названных Конституциями Кларендона, суть которых заключалась в том, что ни один церковник не должен иметь права на привилегии, превышающие те, которыми пользуются его сверстники из числа мирян. Бекет сначала отказался подписать эти статьи, и другие епископы последовали его примеру. Под угрозой изгнания или смерти он в конце концов уступил; но впоследствии, узнав, что папа не одобряет его курс, он отказался от своего согласия. Король, разгневанный поведением своего фаворита, приказал подготовить ряд обвинений, на основании которых архиепископ предстал перед судом. Бекет отказался от юрисдикции суда и обратился к папе римскому, в конце концов сбежал за море и добрался до короля Франции.

Неприятности в Аквитании вынудили Элеонору поселиться там, где она оставалась некоторое время вместе со своими детьми, с большим талантом выполняя функции регента. Чтобы

отделить принца Генриха, который горячо любил своего наставника, от партии Бекета, король послал за ним, чтобы тот был коронован в Вестминстере и допущен к участию в правительстве. Но когда принцесса Маргарита узнала, что Бекет, покровитель ее юности, не должен был надевать диадему ей на голову, она растоптала коронационные одежды и наотрез отказалась уезжать из Аквитании в Лондон. Король Людовик воспользовался ссорой своей дочери и вступил в Нормандию во главе целой армии. Генрих поспешил защитить свои владения, и начались военные действия, но два монарха провели закрытое совещание, и Генрих в конце концов пообещал добиваться немедленного примирения со своим изгнанным примасом. Архиепископ Руанский и епископ Неверский были уполномочены организовать встречу, и король Англии ожидал прибытия своего мятежного подданного на просторном лугу на границе Турени. Как только Бекет появился, Генри прищипил своего коня, держа шляпу в руке, таким образом предотвращая какое-либо официальное узнавание, и заговорил со всей непринужденностью прежних дней. Услышав милостивые слова своего повелителя, архиепископ сошел с коня и бросился к ногам своего государя; но Генрих взялся за стремя и настоял, чтобы он снова сел в седло, говоря:

“Давайте возобновим нашу древнюю привязанность друг к другу, только окажите мне честь перед теми, кто сейчас наблюдает за нашим поведением”. Затем, вернувшись к своим вельможам, он заметил: “Я нахожу архиепископа в наилучшем расположении ко мне; если бы я относился к нему иначе, я был бы худшим из людей”. Король, однако, ловко уклонился от поцелуя мира, на что обратил внимание примас, и сделал предметом самых мрачных предзнаменований. Напрасно прождав обещанных ему Генрихом денег, Бекет занял сумму, достаточную для покрытия расходов на поездку, и вопреки совету своих друзей вернулся в свою епархию. Он отправил королю в Руан письмо, которое заканчивалось так:

“Я хотел бы повидаться с вами еще раз, но необходимость вынуждает меня, в том жалком состоянии, до которого я доведен, вновь посетить мою скорбящую церковь. Я ухожу, сэр, с вашего позволения, возможно, погибнуть ради его безопасности, если вы не защитите меня; но буду ли я жить или умру, я ваш, и вашим я всегда буду в Господе. Что бы ни случилось со мной или с близкими мне людьми, пусть благословение Божье пребудет на вас и ваших детях”.

Перед встречей Бекета с королем папа римский издал письма о временном отстранении от должности тех, кто помогал на коронации юного принца, и Бекет вернулся в Англию с этими письмами при себе и немедленно приступил к делу об отлучении от церкви. Эти вести были переданы Генриху первым же кораблем, отплывшим в Нормандию, и разгневанный монарх воскликнул в ярости: “Неужели среди трусов, которые едят мой хлеб, нет ни одного, кто избавил бы меня от этого буйного священника?” Четыре рыцаря, во главе которых был Реджинальд Фитцурс, немедленно отправились в Англию и, проследовав прямо в Кентербери, вошли в дом архиепископа и потребовали от него именем короля отпустить грехи отлученным от церкви прелатам. Бекет отказался и с величайшим спокойствием отправился в церковь к вечерне. Торжественные звуки органа смолкли, и архиепископ открыл книгу и начал урок о мученичестве святого Стефана: “Князья сидели и говорили против меня”, когда рыцари с двенадцатью товарищами, все в полных доспехах, ворвались в церковь. “Где предатель? Где архиепископ?” - спросил Фитцурс. “Вот я, ” ответил Бекет, “ архиепископ, но не предатель”. Он прочел свою гибель в глазах преследователей. “Король-тиран, ” пробормотал он, - даже если я умру, я стану

твоей погибелью”. Он торопливо написал на табличке: “*Вудсток*” и, отдавая ее своему единственному слуге, прошептал: “Передай это королеве Элеоноре. Не медли, пока не найдешь ее. Затем, спокойно повернувшись к рыцарям,

“Реджинальд, - сказал он, - я оказал тебе много милостей, какова теперь твоя цель? Если ты ищешь моей жизни, я приказываю тебе, во имя Бога, не трогать никого из моих людей”.

- Я пришел не лишать жизни, - ответил Реджинальд, - а засвидетельствовать отпущение грехов епископами.

“Пока они не принесут удовлетворения, я никогда не отпущу им грехов”, - сказал прелат.

“Тогда умри!” воскликнул рыцарь, целясь ему в голову. Служитель подставил ему руку, которая была сломана, и от силы удара у прелата сорвало шапку и ранило его в макушку. Почувствовав, как кровь стекает по его лицу, он сложил руки и склонил голову, сказав: “Во имя Христа и ради защиты его церкви я готов умереть”. Повернувшись таким образом к своим убийцам, он дождался второго удара, который поверг его на колени, а третий поверг его ниц на полу, у подножия алтаря святого Беннета. Он не предпринял никаких попыток к сопротивлению или бегству и без стога скончался. Убийцы мгновенно обратились в бегство, а люди, которые к этому времени собрались, столпились в соборе. Священники с благочестивым почтением подняли тело умершего архиепископа и торжественно возложили его перед главным алтарем. Они разорвали его одежды на куски и раздали каждый лоскуток как священную реликвию. Набожный человек вытирал свою кровь и бережно хранил святые пятна, а более удачливый получал прядь волос с его почитаемой головы. Бекет был с большой торжественностью похоронен в Кентерберийском соборе, и вся власть, которой он пользовался при жизни, была ничтожной по сравнению с влиянием чудес, сотворенных у его могилы.

Генрих отмечал праздники в Нормандии, когда известие об этом событии повергло его в глубочайшую меланхолию. Череда бедствий, которые неизбежно последовали бы за проклятием церкви, заставила его трепетать за свой трон, а естественный ужас перед преступлением встревожил его воображение и частично помутил рассудок. Он не знал, ни как принять убийц, ни как вести себя с папой римским, и в конце концов решил передать это дело на рассмотрение духовных судов. В результате убийцы отправились в Рим и в качестве искупления были приговорены совершить паломничество в Иерусалим. Чтобы избежать встречи с папскими легатами, Генрих решил воспользоваться этой возможностью для своего давно обдумываемого вторжения в Ирландию.

Тот же месяц, в котором состоялась великолепная коронация Генриха и Элеоноры, ознаменовался вступлением Николаса Брейкспира на престол Ватикана. Это прелат, рукоположенный под именем Адриан IV. был единственным англичанином, когда-либо сидевшим на троне Святого Петра; и его пристрастие к своему родному суверену побудило его даровать Генриху владения Ирландией. Теперь, когда в этой провинции возникли проблемы и обстоятельства сделали желательным отсутствие в его собственных владениях, король повел армию в Ирландию.

Со времени свадьбы своей дочери Матильды со Львом Саксонским Элеонора не посещала Англию. Прибытие гонца Бекета в Бордо принесло ей первое известие о смерти прелата, а таинственное слово “*Вудсток*” немедленно возродило полузабытые подозрения, вызванные уловками Генриха, направленными на то, чтобы помешать ее возвращению в ее любимую

резиденцию. Ее женское любопытство взяло верх над властолюбием, и она доверила регентство своему сыну Генриху, отправилась в Англию и, не теряя времени, направилась в Вудсток. Когда она приближалась ко дворцу, ее острый глаз изучал все обстоятельства, которые могли вызвать любопытство или усыпить подозрения, но, за исключением заброшенного и неухоженного вида, внешний вид этого места не свидетельствовал о каких-либо заметных изменениях. Хотя она прибыла с небольшим составом и без предупреждения, подъемный мост был немедленно опущен для ее въезда, и пожилой привратник встретил ее с улыбкой неподдельного удовлетворения. Парадные покои были распахнуты настежь и поспешно переоборудованы для приема королевских особ, и слуги, утомленные вялым бездействием жизни без мотивов и развлечений, суетились по замку и выполняли приказания своей госпожи с самой радостной готовностью. Под предлогом надзора за пристройками и ремонтом королева Элеонора приказала плотникам и каменщикам, которые под ее присмотром посетили каждую квартиру, простучали каждую стену и оторвали каждую панель, где по любой возможности мог скрываться человек. Она без колебаний проникала даже в подземелья под замком; и всякий раз, когда суеверие слуг заставляло их колебаться в смертельном ужасе, она хватала факел и без присмотра пробиралась по самым темным и сырым подземным переходам мрачных подземелий. Все эти расследования ни к чему не привели. "Плезанс" мало что предлагал для того, чтобы побудить ее к поискам. Первоначально он был разбит в жесткой и безвкусной манере того времени, с прямыми дорожками и коротко подстриженным кустарником, но так долго заброшенный, что превратился в запутанный лабиринт, в который ее глаз не мог обнаружить входа. Ниже плезанса задний двор через калитку сообщался с парком, который был отделен только изгородью от великого оксфордширского леса. Верхом на своей испанской кобыле Элеонора скакала галопом по этому парку, а иногда забиралась в лес за его пределами, и вскоре она обнаружила, что сопровождающие избегали зарослей, окаймлявших парковую стену. Приказав конюхам идти в том направлении, она была проинформирована, что это развалины старого зверинца, расположенного там Генрихом I. Заросшие шипами, плющом и деревьями, которые закрывали солнечный свет. Пожилой привратник заверил ее, что в его время сюда никто не входил, что там все еще воют дикие звери и что простые люди считают опасным посещать его окрестности. Он добавил, что одного юношу, охранявшего калитку, унесли, и больше его никогда не видели; и что все заклинания священников так и не смогли изгнать призрака. Старик в благочестивом ужасе перекрестился и повернулся прочь; но королева приказала ему поддержать под уздцы ее лошадь, пока она одна будет осматривать заколдованные территории. Густой подлесок препятствовал всем ее усилиям, и она обнаружила, что не может продвинуться дальше, чем на несколько шагов, хотя ее необычное вторжение всполошило жуков и летучих мышей, разбудило болтовню обезьян и испуганный щебет птиц и дало ей возможность мельком увидеть то, что она приняла за горящие глаза волка. Торжественно ухнула сова над ее головой, когда она снова вышла на дневной свет, и робкий носильщик приветствовал ее возвращение многочисленными возгласами благодарности бдительным святым; но он с большой серьезностью покачал головой, помогая ей сесть в седло, сказав:

“Я бы хотел, чтобы эта унылая птица сохранила свой насест в дупле дуба. Наша пословица гласит: ”Горе следует за крылом совы, как кровь за сталью”.

Разочаровавшись в лесу, Элеонора прекратила свои бесплодные поиски. Но в результате расспросов она узнала, что, хотя дворец выглядел заброшенным и пришедшим в упадок, Генрих и Бекет часто посещали его, а после смерти фаворита ее муж налетел на него перед отъездом в

Ирландию. Дальше все расспросы были тщетны. Неожданное возвращение мужа и выражение удивления и тревоги на его лице, когда он застал ее в Вудстоке, снова пробудили все ее ревнивые опасения. Несмотря на его умение скрывать, она постоянно чувствовала себя виноватой, и в течение недели его пребывания здесь не было выяснено ничего, что могло бы пролить свет на эту тайну. Генрих вел переговоры с папой римским, чтобы получить отпущение грехов за убийство Бекета, и теперь направлялся в Нормандию для встречи с легатами. Утром перед его отъездом королева Элеонора увидела, как он прогуливается по плезансу, и поспешила присоединиться к нему. Приблизившись, она заметила шелковую нитку, прикрепленную к его шпоре и, по-видимому, протянувшуюся сквозь заросли кустарника. Аккуратно разорвав нить, она самым прилежным образом ухаживала за своим мужем, пока он не уехал во Францию, после чего поспешила обратно в сад и, взяв шелк, проделала с ним многочисленные повороты и намотки, пока не вышла на небольшое открытое пространство у садовой ограды, идеально окруженное кустарником. Клубок, из которого была размотана нитка, лежал на траве. Там тропинка, казалось, обрывалась; но теперь ее подозрения настолько подтвердились, что она решила не прекращать погони. Сломанная ветка, на которой еще не успели увянуть листья, привлекла ее внимание, и, отодвинув ветку в сторону, она обнаружила потайную дверь. С большим трудом она открыла или, скорее, приподняла ее и спустилась по лестнице, вьющейся под стеной замка. Поднявшись на противоположную сторону по тропинке, такой узкой, что она могла чувствовать землю и камни по обе стороны, она вышла в то, что раньше было пещерой леопарда, самым причудливым образом обставленной галькой, мхом и листьями. Она обошла всю пещеру, прежде чем обнаружила место выхода; но, наконец, отодвинув зеленую завесу, она вышла на открытую тропинку, которая петляла то под густыми ветвями деревьев, то через полуразрушенные барьеры, которые мешали обитателям леса воевать друг с другом, то среди разрушенных хижин, в которых некогда обитали хранители диких зверей; но где бы она ни бродила, она замечала, что чья-то заботливая рука посадила дерево, кустарник и цветок таким образом, чтобы скрыть лик упадка и обставить дом посреди этих лесных теней. самое восхитительное уединение. Наконец она обнаружила, что неразрывно связана с лабиринтом, помещения которого, разделенные листовыми перегородками, казались такими многочисленными и так похожими друг на друга, что она не могла составить ни малейшего представления о расстоянии, которое она преодолела, ни о точке, к которой ей следует двигаться. Солнце уже садилось, когда она случайно положила руку на перелаз. Следуя его изгибам, хотя и с большим трудом, она вышла на тропинку, которая заканчивалась в лесу. Низкий вой собаки-волкодава ускорил ее шаги, и она добралась до дворца, задыхаясь от страха и усталости. Сон едва коснулся ее подушки. Она снова и снова прокручивала этот вопрос в уме. “Где Генри мог найти шелковые шарики? Для чьего удовольствия и уединения был придуман лабиринт? Чья рука посадила редкую экзотику рядом с боярышником и терном? Была ли эта извилистая тропинка дорогой к жилищу смертных? И кто была эта прекрасная заключенная?” Она едва могла дождаться рассвета, и когда наступило утро, это только усилило ее нетерпение, потому что тяжелые тучи закрыли солнце, а продолжающийся дождь на несколько дней приковал ее к своим покоям.

Когда она в следующий раз отправилась в свое исследовательское путешествие, она приняла необходимые меры предосторожности, чтобы заполучить сердечного помощника в лице Пейроля, который молча следовал за ней с преданностью ранней привязанности, гадая, к чему может привести их таинственное путешествие. У потайной двери она привязала нитку и с большей быстротой, чем надеялась, проследила свой прежний путь до лабиринта; с большим

трудом она снова нашла перелаз и после усердных поисков обнаружила грубую лестницу, которая, огибая основание скалы, принимала правильную форму, пока длинным сводчатым проходом не привела к башне, укрытой высокими деревьями, но сквозь просветы в листве которой открывался вид на прилегающий лес. Здесь всем попыткам скрытности пришел конец. Двери открылись в комнаты, обставленные всеми необходимыми предметами роскоши и с безупречным вкусом, свидетельствовавшим о том, что здесь обитало какое-то женское божество. Вазы со свежесобранными цветами насыщали чувства насыщенным ароматом. На столе лежала арфа с распущенными струнами, к стене была прислонена тамбурная рамка с незаконченным изображением Святого Семейства, а вокруг в игривом беспорядке были разбросаны шелковые шарики и детские игрушки. Все указывало на то, что башня была недавно заселена, но ни одного заключенного обнаружено не было. Вернувшись в лес, они направились по хорошо протоптанной тропинке вдоль берега небольшого ручья к покрытой галькой впадине, в которой вода журчала со слабым журчанием, говорившим об отдыхе и тишине. Звуки музыки заставили их остановиться, и они услышали низкий нежный голос, за которым последовали шепелявые нотки ребенка, поющего вечерний гимн Пресвятой Деве. Крадучись ступая, они увидели в полутени от беседки, увитой миртом и эглантинном, красивую женщину, преклонившую колени перед распятием, увешанным жертвоприношениями по обету. Ее лицо было изысканно красивым, а глаза, поднятые к священному символу, казалось, позаимствовали свой оттенок у небес над головой. Нежный румянец залил ее щеки, а коралловые губы, приоткрытые в молитве, обнажили жемчужные зубки. Изящный контур ее изящно округлой шеи и бюста подчеркивался ее осанкой, а одно плечо с ямочкой было видно сквозь волнистую массу светлых волос, которые окутывали ее фигуру, как будто свет золотого заката с любовью задерживался на ней. Рядом с ней лежал младенец, более красивый, если это возможно, чем мать, с глазами того же небесного оттенка. Он стащил со своей ноги крошечную туфельку и, довольный своей добычей, смеялся во все горло и, казалось, кукарекал, аккомпанируя ее словам. Испуганная звуком шагов, мать обернулась и, встретив темный угрожающий взгляд Элеоноры, схватила мальчика, который сложил свои маленькие ручки и посмотрел ей в лицо, инстинктивно заменяя мольбу улыбкой уверенной привязанности. Старший мальчик, до этого никем не замеченный, приблизился, словно сомневаясь, горевать ему или хмуриться.

Глубокий серьезный взгляд его карих глаз и мягкие каштановые волосы ясно указывали на его нормандское происхождение, и когда он наполовину испуганно, наполовину защищающе обвил рукой шею матери и кровь красноречиво прилила к его щекам, Элеонора узнала королевскую осанку Плантагенетов.

“ Лживая женщина, ” сказала она, бросаясь вперед и глядя на дрожащую мать горящими глазами, “ ты любовница короля Генриха, а это твои подлые отпрыски. Бледность ужаса сменилась краской негодования, смешанной с багровым оттенком стыда, когда прекрасное создание подняло голову и отвергло обвинение.

“ Розамонд де Клиффорд не любовница короля Генриха. Мой господин - герцог Мэн, и когда он вернется с войны, то признает своих детей перед знатью страны.

- Да, герцог Мэн, - ответила Элеонора с презрительной насмешкой, “ и Анжу, и Нормандию, а через свою оскорбленную королеву повелитель семи прекрасных провинций юга. Твое белое лицо одержало чудесную победу. Архи-лицемер может похвастаться многими титулами, но тот,

который запрещает все твои притязания. Он муж Элеоноры Аквитанской! “ Бекет! где Бекет, почему не приходит мой друг и советчик? ” воскликнула Розамонда с нотками отчаяния, когда убеждение в истине вспыхнуло в ее голове. “Мертва”, - ответила разъяренная женщина, подходя ближе и говоря хриплым шепотом. “Генри не терпит соперников на своем пути, так же как и Элеонора”. Скрытая угроза и свирепые жесты предупредили Розамонду об опасности, и, прижав к груди своих перепуганных детей, она в величайшем ужасе и унижении опустилась к ногам королевы. - Да простят тебе Небеса твой грех, - сказала Элеонора, поворачиваясь, чтобы уйти. - на рассвете мы встретимся снова.

ГЛАВА VI.

“ О! подумайте, какие тревожные минуты проходят между зарождением заговоров и их последними роковыми периодами; О! это ужасный промежуток времени, наполненный ужасом и изобилующий смертью”.

Первая встреча Генриха с легатами оказалась неудовлетворительной, но на второй, в присутствии епископов, баронов и народа, положив руку на Евангелия, он торжественно поклялся, что невиновен ни словом, ни делом в убийстве Бекета. Тем не менее, поскольку его страстное выражение было причиной смерти прелата, он пообещал содержать двести рыцарей для защиты Святой Земли; лично служить против неверных три года либо в Палестине, либо в Испании, и вернуть конфискованные поместья друзей Бекета. Довольный успешным исходом этих переговоров, Генрих готовился с радостной поспешностью вернуться в Англию, когда его покой был нарушен ссорами, возникшими в его собственной семье. По какой-то необъяснимой причине все его дети, казалось, были вооружены против него. Его сын Генрих потребовал немедленного владения либо Англией, либо Нормандией, а получив отказ, обратился к своему тестю Людовику VII. Не прошло и трех дней, как Ричард и Джеффри последовали за своим братом, и вскоре после этого Генрих, к своему ужасу, узнал, что королева Элеонора сама отправилась ко двору своего бывшего мужа. Вспомнив, в какой опасной близости он оставил королеву, ему сразу пришло в голову, что она была первоначальной зачинщицей заговора. Искусным маневром он перехватил ее бегство и отправил пленницей обратно в Винчестер. Немедленно его непокорные сыновья, добавив ссору своей матери к своим собственным обидам, связали себя клятвой королю Франции, что они никогда не помирятся со своим отцом без согласия Людовика. Герцог Фландрский присоединился к лиге отцеубийц, и король Шотландии направил в северные графства свои самые сильные силы. Никогда корона Генриха не была в такой опасности.

Во время отражения атак повстанцев в Нормандии его посетил епископ Винчестерский, который умолял его еще раз вернуться в Англию, поскольку только его присутствие могло спасти королевство. Генри сразу же отправился в путь. Лицо его было мрачным и встревоженным, а разум, казалось, был глубоко потрясен мятежом его детей, вероломством его баронов и общим сговором соседних князей, и, прежде всего, его пугающей неуверенностью в судьбе тех, кого он так долго и тщательно охранял. Чтобы облегчить душевные муки, он втайне решил совершить паломничество к могиле недавно причисленного к лику святых мученика святого Томаса Бекета.

Он высадился в Саутгемптоне и, не дожидаясь отдыха или подкрепления, всю ночь ехал в Кентербери. На рассвете он увидел башни Церкви Христа. Спешившись с коня, он сменил королевское одеяние на одеяние кающегося грешника и босиком направился к городу, так жестоко порезав ноги камнями, что каждый шаг был испачкан кровью. Он вошел в собор, спустился в крипту, преклонил колени перед святыми мощами своего бывшего друга, исповедался в своих грехах; а затем, отправившись в капитул, обнажил плечи и смиренно и с благодарностью принял три нашивки от завязанных узлами веревок, которые каждый священник в количестве восьмидесяти человек наносил для своего духовного блага. Истекающий кровью и ослабевший, он снова вернулся в склеп и провел ночь в утомительных бдениях на холодном каменном полу. На следующее утро он посетил мессу, а затем сел на лошадь и поскакал в Лондон, где из-за постов, усталости и тревог, которым он подвергся, у него поднялась температура. Едва он пришел в себя, как узнал, что его враги отказались от мысли вторгнуться в Англию и сосредоточивают свои усилия на его континентальных владениях и что армия, более многочисленная, чем любая, которую Европа видела со времен крестовых походов, стоит лагерем под стенами Руана. Эти обстоятельства привели к необходимости для него снова отправиться во Францию.

В двух последовательных кампаниях он пресек попытки своих сыновей-мятежников и их иностранных союзников и, наконец, заставил их потребовать всеобщего умиротворения. Три принца обязались должным образом повиноваться своему отцу, король шотландии согласился сохранить свою корону в качестве феода Англии, и это сделало необходимым для всех сторон отправиться в Йорк.

Когда после множества задержаний мир был снова восстановлен, Генри, наконец, почувствовал себя свободным, повинувшись велению своего сердца, и посетил Вудсток. Он со всем терпением, на какое был способен, сносил восторженные приветствия домочадцев и, несмотря на неминуемую угрозу разглашения своей тайны, отправился в путь через плезанс. Сначала он встревожился, обнаружив потайную дверь в стене широко открытой, и с каждым шагом его приближения опасения усиливались. У входа в башню виднелись следы кровавой борьбы, и все внутри указывало на то, что обитателей потревожили в разгар их повседневных занятий. Лошадка-качалка принца Уильяма стояла с поводьями на шее, как будто юный наездник только что спешил, на подушке маленького Джеффри все еще виднелась головка херувима; наперсток и ножницы Розамонды лежали на столе, но вышивка была густо покрыта пылью, а струны арфы разъела ржавчина.

Сцена у колодца Отшельника была еще более пустынной. Пожухлая трава и листья остановили бьющий фонтан и полностью перекрыли течение ручья. Беседка Розамонды, когда-то изобиловавшая всеми прелестями, а теперь заброшенная и безлюдная, вселила холод в его душу. Зеленые скамейки заросли сорняками, "эглантин" тщетно боролся с плющом, чьи длинные и свисающие ветви раскачивались на ночном ветерке, как траурные изображения над могилой. Стая ласточек взмыла в воздух при его появлении, робкий кролик убежал при его назойливом шаге, а зеленая ящерица выскользнула из-под руки, которой он прислонил свое взволнованное тело к одной из колонн. Розамонда исчезла.

Но каким образом ее увезли из убежища, где она так долго жила, довольная его любовью и счастливая от ласк своих детей? Была ли она странницей и изгоем, с обливающимся кровью сердцем и запятнанным именем? Устроила ли она себе ложе в холодной, темной могиле?

Неужели ее разгневанный отец вернулся из Святой Земли и замуровал ее в подземельях замка Клиффорд, чтобы скрыть ее позор? Или чья-то другая рука осмелилась лишить его жизни, столь дорогой для него?

Мысль была безумной. Он побежал, он влетел во дворец. Старого привратника вызвали и тщательно допросили. Он вспомнил время последнего визита королевы, ее желание проникнуть в лес и обыскать замок. В ночь перед ее отъездом внезапно исчезли трое ее французских слуг, но поскольку одновременно пропало несколько лошадей, а королева была занята написанием писем, предполагалось, что они были курьерами. Там были видны огни, и в лесу слышались крики. Один из конюхов подтвердил, что призрак юноши, который несколько лет назад был похищен, появился в конюшне, а о мальчике, принадлежащем соседнему крестьянину, с тех пор никто ничего не слышал. Хотя Генри проследил эту историю со всеми вставками и дополнениями, которые могли дать ей невежество и доверчивость, ни его самые тщательные расспросы, ни последующие изыскания не смогли выявить никаких дополнительных фактов. Убедившись, что в Вудстоке ничего нельзя узнать, король поспешил в Винчестер. Пылкая королева, несмотря на упреки и поношения, призналась, что обнаружила убежище его любовницы и что, охваченная ревностью, она угрожала лишить ее жизни кинжалом или ядом; что, чтобы предотвратить побег своей прекрасной соперницы, она поставила двух своих гасконских слуг стражниками на лестнице башни. Но она заявила, что, вернувшись на следующее утро, чтобы исполнить свое злосчастное намерение, она обнаружила траву, залитую кровью, а неподалеку трупы своих слуг и труп другого человека, которого она знала в молодости как сэра Томаса, охраняемого собакой-волкодавом, только что издохшим от раны, нанесенной мечом; и что с помощью Пейроля она оттащила тела в чащу, а затем тщетно пыталась выследить беглецов. Несмотря на все угрозы, к которым прибегал Генри, чтобы добиться дальнейших признаний, она упорно утверждала, что ничего не знает о судьбе Розамонд.

Не веря ее утверждениям, он усилил строгость ее заключения и с почти королевскими почестями поселил Алису, невесту Ричарда, в парадных покоях. Эта внезапная пристрастность его отца пробудила ревность Ричарда, и он потребовал руки своей невесты в выражениях, не самых почтительных и примирительных. Генрих почувствовал, что связь между его сыном и Францией достаточно прочна, и хитроумно отложил бракосочетание.

Затем последовало еще одно восстание под предводительством юного Генриха; но еще до того, как наступил день, назначенный для битвы, тревога и усталость бросили принца в лихорадку, от которой он так и не оправился. На смертном одре его душа заволновалась от страха и раскаяния. Он послал гонцов к своему отцу, чтобы вымолить прощение за свое неподобающее сыновьям поведение, и приказал священникам положить его на ложе из пепла, где, приняв причастия, он скончался. Примерно в тот же период королю пришлось более обнадеживающим образом расстаться со своей второй дочерью Элеонорой, которая в течение некоторого времени была помолвлена с Альфонсо, королем Кастилии. Привязанность Генриха к своим детям в их ранние годы носила самый нежный характер; и привязанность Элеоноры к нему в течение некоторого времени после их женитьбы была присуща страстной преданности юга, но когда на ее непостоянную привязанность напал демон ревности, ее любовь сменилась ненавистью: и, как справедливо предполагал Генрих, бунт его сыновей был следствием ее наставлений.

Его семейные невзгоды усугубляли меланхолию, вызванную таинственным исчезновением Розамонды, и он с горечью сокрушался, что соблазнительная перспектива богатства и власти, которую предлагал союз с Элеонорой, отвлекла его от мальчишеского намерения посадить Розамонду на английский трон. Он проклинал честолубие, взрастившее врагов в его собственном доме, и сожалел об эгоистичной страсти, которая безжалостно вливалась горе в молодую жизнь, которая рисковала всем ради его правды. Спокойный героизм его раннего характера сменился раздражительным высокомерием. Он часто проводил целые дни, охотясь в лесах или путешествуя верхом в одиночку по разным частям своих владений. В простой одежде сельского рыцаря он часто добивался доступа в древнюю резиденцию Клиффордов и женский монастырь Годстоу, но безуспешно. Вид толпы людей, собравшихся вокруг вернувшегося паломника, в конце концов подсказал другой способ маскировки. Раздобыв пальмовую ветвь, он отправился в Херефордшир и попросил милостыню у слуг в замке Клиффорд. Его сразу же впустили, и любопытствующие домохозяева собрались вокруг святого человека, чтобы послушать его историю.

По его словам, прошло много времени с тех пор, как он покинул Священные Войны. Он был странником во многих странах, но сердце привело его на родину, искать тех, кого он знал в юности. Он хотел бы еще раз увидеть доброго лорда де Клиффорда, ибо тот спас ему жизнь в Палестине. Слуги ответили, что о лорде де Клиффорде ничего не было слышно уже много лет. “ Не мог бы он получить минутную аудиенцию у леди де Клиффорд? Леди умерла вскоре после отъезда своего господина. “ Не мог бы он поговорить с Адамом Хенридом? Добрый сенешаль был давно мертв.

Его голос дрогнул, когда он спросил о Розамонде. Зловещее молчание было единственным ответом. “ А Жаклин, горничная леди? Она тоже лежала в своей могиле. Он пробежался взглядом по группе и сказал с выражением смущения и боли: “Никто не приветствует мое возвращение. Этого не было в те славные дни, когда милорд и миледи выезжали на охоту со своей галантной свитой, а в зале замка раздавались звуки пиршества. Неужели нет никого из родственников лорда Уолтера” кто мог бы поприветствовать или оказать милостыню во имя богородицы? Гордый мальчик выступил вперед среди слушателей и с царственной учтивостью протянул руку.

“Пойдемте со мной, святой отец, - сказал он, - никто никогда не скажет, что паломник ушел голодным и измученным из замка Клиффордов”. Походкой, которая больше соответствовала его нетерпению, чем напускному характеру, Генри последовал за юношей во внутренние покои, где вскоре перед ним была накрыта трапеза. Как только слуги удалились, он вступил в разговор со своим молодым хозяином. “ Ты де Клиффорд, - сказал он, как будто это был несомненный факт. “ Как тебя зовут? “ Уильям, - ответил юноша, “ а этот клерк, - он указал на белокурого мальчика, который сидел и читал в глубоком проеме окна, “ мой брат Джеффри. “И как долго ты живешь в замке?” “Несколько зим”, - ответил мальчик после минутного колебания. “Кто привел тебя сюда?” “Мы приехали с Жаклин из нашего коттеджа в лесу”. “А где твоя мать?” - спросил Генри, делая отчаянное усилие, чтобы говорить спокойно. “ Она ушла с Жаклин так давно, что Джеффри ее не помнит. “ А твой отец? ” спросил Генри с возрастающим волнением. “ Жаклин сказала, что наш отец был королем, и мы не должны покидать замок, пока он не придет за нами. - А почему Жаклин покинула замок? “ Она ходила в монастырь на исповедь, и там же умерла, но это долгий путь. Сердце отца тянулось к своим сыновьям, когда он переводил взгляд с одного на другого и сравнивал их черты с теми миниатюрными, какими запечатлелись в его памяти их

детские прелести, но вместе с приятной уверенностью в том, что он наконец нашел объект своих поисков, зародилась волнующая надежда, что их мать еще жива. Затем в его голове пронеслась целая толпа борющихся мыслей, эмоций и намерений, и главной из них была мысль о том, что Элеонора может быть разведена, обиды Розамонды исправлены, диадема Англии возложена на ее чело, а его преклонные годы утешены любовью этих исполненных долга сыновей, которые должны занять места и титулы мятежных принцев. И все же даже посреди буйства своих чувств врожденный самоконтроль научил его не рисковать безопасностью своих новообретенных радостей из-за какого-либо преждевременного открытия. Поднявшись из-за стола с торжественным видом, он произнес свое прощальное благословение тоном, полным глубочайшего рвения, и поспешно удалился. Сохраняя свою маскировку, но занятый мыслями, которые плохо подходили для мозга палмера, он направился к женскому монастырю Годстоу. Ближе к концу второго дня он въехал в пределы Оксфордшира и оказался, к своему малому удовлетворению, поблизости от сельской ярмарки с сопутствующими ей пирушками, маскарадами и фокусами. Чтобы избежать толпы, он решил устроиться в палатке, стоявшей немного в стороне от основного лагеря. Утомленный монарх растянулся передохнуть, когда шумное веселье нарушило его сон, и валлийский исполнитель баллад, которого, как он помнил, он видел на службе у Хиральда Камбрэнсиса, наставника Джона, начал голосом, обладающим значительной силой и пафосом, следующую песню:

Когда король Генрих правил этой страной,
второй носитель этого имени,
Помимо королевы, он нежно любил
прекрасную даму;
Несравненное всего была ее красота,
ее благосклонность и ее лицо;
Более милого создания в этом мире
принц никогда не обнимал.

Ее вьющиеся локоны, похожие на золотые нити,
Предстали взору каждого мужчины,
Ее сверкающие, как восточные жемчужины, глаза
излучали небесный свет;
Кровь на ее хрустальных щеках
Так заиграла,
Как будто лилия и роза
боролись за господство.

Да, Розамонд, прекрасная Розамонд,
так звали ее,
которую леди Элеонора, наша королева,
считала смертельным врагом.
Поэтому король для ее защиты
От разъяренной королевы
построил в Вудстоке такую беседку,
подобной никогда не видели.

Самое любопытное, что беседка была построена
Из прочного камня и дерева,
в этой беседке было
сто пятьдесят дверей;
И они были так хитроумно устроены,
С поворотами вокруг,
Что никто, кроме как с помощью нитяного крючка,
Не мог войти или выйти.

И ради своей любви и леди,
Которая была такой прекрасной и блистательной,
Хранение этой беседки он отдал
доблестному рыцарю.
Но Фортуна, которая часто хмурится
Там, где раньше она улыбалась,
Восторг короля, радость леди
Вскоре она прельстила.

Ведь нелюбезный сын короля,
Которого он высоко продвинул,
поднял войну против своего отца
Во французском королевстве.
Но все же, прежде чем наш прекрасный король
покинул английскую землю,
С Розамондой, его прекрасной леди, он так простился
.

“Моя Розамонд, моя единственная Роза,
Которая больше всего радует мой глаз,
Прекраснейший цветок во всем мире,
Питающий мою фантазию,
Цветок моего растроганного сердца,
Нежность которого превосходит все остальное,
Моя королевская Роза, тысячу раз
я прощаюсь с тобой.

“Ибо я должен оставить мой прекраснейший цветок,
Мою сладчайшую Розу на некоторое время,
И пересечь моря в знаменитой Франции,
Чтобы унижить Гордых мятежников.
Но все же, моя Роза, будь уверена, что ты
скоро увидишь Мой приход,
И в моем сердце, когда я уйду отсюда,
я возьму свою Розу с собой ”.

Когда Розамонд, эта леди брайт,

услышала это от короля,
Скорбь ее опечаленного сердца
проявилась во внешнем облике

,
И из ее ясных и хрустальных глаз
хлынули слезы,
которые, подобно росе с серебряными жемчужинами,

стекали по ее миловидному лицу.....Ее губы, сначала похожие на
кораллово-красные,
стали одновременно бледными и изможденными,
И от горя, которое она испытала, ее жизнерадостность иссякла

.
И, падая в обморок,
Перед лицом короля Генриха,
часто падал в его королевские объятия
Ее тело действительно обнимало.

И двадцать раз со слезящимися глазами
Он поцеловал ее в нежную щеку,
Пока снова не пробудил
к жизни Ее чувства, мягкие и кроткие.
“Почему печалится моя Роза, моя сладчайшая Роза?”
Король часто говорил.
“Потому что, - ответила она, - из-за кровавых войн
Мой господин должен уйти из жизни.

“Но поскольку ваша светлость на чужих берегах,
Среди ваших недобрых врагов,
Должны рисковать жизнью и здоровьем,
почему я должен оставаться здесь?
Нет, лучше позволь мне, как пажу, нести
Твой меч и мишень,
Чтобы на мою грудь легли удары,
Которые должны тебя там оскорблять.

- Или позволь мне в твоём королевском шатре
Приготовить тебе постель на ночь,
И освежить твою милость сладкими ваннами
По возвращении с битвы.
Так что я могу наслаждаться твоим присутствием,
Я не откажусь ни от какого тяжелого труда;
Но желать тебя - значит умереть,
Нет, я бы предпочел смерть”.

“Будь доволен, моя самая дорогая любовь;

Отдохни дома,
На сладкой и приятной земле Англии;
Путешествие тебе не подходит.
Прекрасные дамы не терпят кровавых войн;
Сладостный мир, их удовольствия порождают
питательницу сердечных радостей,
Которую первой накормила Фантазия.

“Моя Роза будет покоиться в беседке Вудстока,
В сладостном наслаждении музыки,
Пока я среди пронзающих пик сражаюсь
Со своими врагами.
Моя Роза в одеяниях из жемчуга и золота,
Богато украшенная бриллиантами,
Будет танцевать на галериардах моей любви,
Пока я поражаю своих врагов.

- А вы, сэр Томас, которому я доверяю
как защитнику моей любви,
Берегите мою доблестную Розу
, Когда я буду расставаться отсюда.
И с этими словами он испустил вздох,
Как будто его сердце вот-вот разорвется,
А Розамонд от горя
не могла вымолвить ни одного внятного слова.

И при расставании они вполне могли,
В глубине души сильно опечалиться,
После того дня прекрасную Розамунду
король больше не видел.
Ибо, когда его светлость пересек моря,
И отправился во Францию,
королева Элеонора с завистливым сердцем
вскоре прибыла в Вудсток.

И далее она зовет этого верного рыцаря,
Который хранил эту странную беседку,
Который со своим клубком переплетенных нитей
Вышел из этого знаменитого цветка;
И когда они ранили его,
королеву эта нить все-таки достала,
И отправилась туда, где леди Розамонд
Была подобна сидящему ангелу.

Но когда королева пристальным взглядом
узрела ее небесный лик,

она была поражена про себя
ее необычайной грацией.
“Сбрось с себя эти одежды, - сказала она,
- Пусть они будут богатыми и дорогими;
И выпей это смертоносное зелье,
Которое я принесла тебе.

Затем, вскоре, на колени упала
Милая Розамунда;
И прощения королевы она жаждала,
За все свои проступки.
“Сжался над моими юными годами, -
воскликнула прекрасная Розамонд,
- И не дай мне умереть от сильного яда,
Насильно.

“Я отрекись от своей греховной жизни,
И буду жить в каком-нибудь монастыре,
Или, если вам угодно, буду изгнан,
Чтобы путешествовать по миру так широко.
И за ту ошибку, которую я совершил,
Хотя я был вынужден к этому,
Сохрани мне жизнь и накажи меня,
Как ты считаешь нужным”.

И с этими словами она часто сжимала свои лилейные ручки
,
И по ее прекрасному лицу
скатилось много слез.
Но ничто не могло этим умиротворить эту разъяренную королеву
;
Чаша со смертельным ядом была крепкой,
Когда она опустилась на колено,

Она напоила эту миловидную даму,
Которая взяла ее в руку,
И поднялась со своего преклоненного колена,
И встала на ноги,
И, подняв глаза к небесам,
Она воззвала к милосердию,
И, выпив крепкий яд,
вместе с ним потеряла свою жизнь.

“ Помогите! эй! Кончайте свой дурацкий мадригал, ” крикнул дюжий йомен, видевший ужасную муку, отразившуюся на лице короля во время этой репетиции. “ святой паломник едва не задохнулся от вашей глупости”.

“Дайте ему попробовать один из псалмов Давида”, - икнул маленький человечек с противоположной стороны кабинки. - “Да, благочестивые преуспевают на хорошей книге”, - и он рассмеялся над собственным богохульством.

“Рог хорошего английского пива пойдет ему на пользу”, - прорычал йоркширец, наливая в кружку эля. “Укрепи тело, мон, и душа вполне подойдет”. “Грамерси!” - воскликнул менестрель, подходя ближе и вглядываясь в его искаженные черты. - В него вселился какой-то злой демон. Страшно смотреть в его налитые кровью глаза. “И если в нем сидит злой демон, то лучше всего изгнать его вон”, - вмешался владелец киоска. Сообразуя действие со словом, он перетащил бесчувственного короля с ложа из листьев папоротника на более освежающую постель на росистой траве. Прохладный воздух, наконец, привел несчастного монарха в чувство, и сама попытка возвращения воспоминаний придала ему сил подняться и продолжить свой путь. Он мчался всю ночь, не чувствуя усталости и не обращая внимания на отдых. Когда он свернул на тропинку, где его глаза были ослеплены ярким видением, которое впервые привело его в Годстоу, до его слуха донесся слабый звон монастырского колокола. Он подумал, что это звон утреннего колокола; но, подойдя ближе, торжественный звон тяжело ударил ему в сердце, ибо он узнал в нем звон прощающейся души. Он ускорил шаги и, благодаря своему монашескому одеянию, сразу получил допуск в монастырь. Гонец, отправленный за священником для омовения умирающей монахини, еще не вернулся, и услуги Генри были востребованы для совершения священного обряда. Не давая ему времени на вопросы или объяснения, испуганные сестры поспешили заним по длинным коридорам спальни и ввели в келью, где на соломенном тюфяке лежала бледная и изможденная Розамонд. Слабые утренние лучи, пробивавшиеся сквозь открытое окно, смешивались с тошнотворным блеском восковых свечей, которые, согласно церковным обрядам, были установлены в изголовье и изножье кровати. Кушетка была окружена предметами, предназначенными для ознакомления ума с идеей смерти, для подготовки души к ее окончательному уходу. Рядом стоял гроб, наполовину наполненный прахом, на который были положены корона и одеяние, в которых она провозгласила себя невестой Христовой, теперь готовые украсить ее к погребению, а необходимые предметы для совершения чрезвычайного помазания были разложены на маленьком столике, над которым висел крест с изображением умирающего Спасителя. Бросив отчаянный взгляд на эти ужасные приготовления, Генри подошел к кровати и посмотрел на лежащего без сознания страдальца. Не в силах совладать со своим голосом, он махнул рукой, и сопровождавшие его преданные вышли из комнаты; проходя мимо, леди настоятельница прошептала: “Боюсь, наша сестра зашла слишком далеко, чтобы исповедоваться”. Поспешно откинув капюшон, он склонился над спящей, приподнял ее голову, сжал в своей ослабевшей руке, которая так часто отвечала на его нежное пожатие, и с выражением любви и отчаяния прошептал ее имя. Умирающая томно подняла белоснежные веки, прикрывавшие ее блестящие глаза, и посмотрела на него, но в отсутствующем взгляде не было узнавания. “Моя Розамонд!” воскликнул Генри, страстно целуя ее в пепельно-белые губы. Трепет пробежал по ее телу, ее тонкие пальцы задрожали в его пожатии, и мир воспоминаний, нахлынувших на ее мозг, засиял в ее расширенных глазах. Ее парализованный язык попытался заговорить, но Генри уловил только тихий звук: “Дети мои!” “Дети мои”, — повторил монарх, — больше он ничего не сказал, ее грудь вздымалась, губы дрожали при последнем слабом вздохе, и улыбка невыразимой радости легла на черты умершей.

ГЛАВА VII.

Неблагодарность! ты, дьявол с мраморным сердцем,
Которого следует бояться больше, когда ты являешься в образе ребенка,
Чем морского чудовища.

Затянувшееся тюремное заключение королевы Элеоноры привело в ярость ее провансальских подданных. Южный двор, лишенный своей самой блестящей жемчужины, больше не привлекал одаренных и веселых людей со всех концов Европы. Трубадуры действительно развесили свои арфы на ивах, а верный Пейроль, лишенный присутствия своей возлюбленной, пытался утешить ее в тяжкие часы заточения нежными *жалобами*, в которых с трогательной простотой оплакивал ее несчастья. “Дочь Аквитании, ” писал он, “ прекрасная плодоносящая лоза, ты была вырвана из своей страны и уведена в чужую землю. Твоя арфа превратилась в голос скорби, а твои песни - в звуки плача. Воспитанный в изысканности и изобилии, ты наслаждался королевской свободой, жил в окружении богатства, развлекался забавами своих женщин, их песнями под звуки лютни и табора; а теперь ты скорбишь, ты рыдаешь, ты изводишь себя печалью. Возвращаясь, бедный пленник, возвращайся в свои города, если сможешь; а если не сможешь, плачь и говори: ‘Увы! как долго продлится мое изгнание’. Плачь, рыдай и говори: ‘Мои слезы - мой хлеб днем и ночью’. Где твоя стража, твой королевский эскорт? — где твоя девичья свита, твои государственные советники? Ты кричишь, но никто не слышит тебя! ибо корольсевера держит тебя взаперти, как осажденный город. Тогда плачь — не переставай плакать. Возвысь свой голос, как трубу, чтобы твои сыновья могли услышать его; ибо приближается день, когда твои сыновья освободят тебя, и тогда ты снова увидишь свою родную землю”.

Но воинственные вожди Гиенны не ограничивались выражениями нежности. Ричард и Жоффруа, хотя часто были враждебны друг другу, всегда были готовы повести баронов юга на битву, и в течение двух лет анжуйские подданные Генриха и аквитанские подданные Элеоноры, подстрекаемые ее сыновьями, сражались за плененную королеву, и от Рошели до Байонны весь юг Франции находился в состоянии восстания. Печальная смерть Джеффри усугубила страдания его и без того несчастной матери. На большом турнире в Париже он был сброшен с лошади и насмерть затоптан ногами бегунов. Он отличался мужественной красотой и воинственной грацией, и Элеонора относилась к нему с привязанностью, столь же сильной, как и беспричинная ненависть, которую она питала к его жене Констанции. Его малолетний сын Артур, для которого была выделена тезка Элеоноры, унаследовал приданое своей матери как в имущественном плане, так и во вражде. Вскоре после смерти своего любимого сына Элеоноре пришлось расстаться со своей младшей дочерью Джоанной, которая стала невестой Вильгельма II. Король Сицилии. Таким образом, лишенная всякой привязанности, Элеонора влачила однообразное существование во время затянувшихся поисков Генри Розамонд.

Невиновность своей королевы была полностью доказана, и смягчившийся монарх стал относиться к ней с большим самодовольством: но мстительный дух Элеоноры, разгневанный перенесенными унижениями и тем, что она стала жертвой несправедливых подозрений, не мог так легко преодолеть барьеры, воздвигнутые между их чувствами, и хотя она сопровождала своего господина в Бордо, она вознамерилась расширить пропасть между ним и Ричардом, и вскоре он счел необходимым снова заключить ее в уединенный Винчестерский дворец.

Когда Генрих получил от папы отпущение грехов за убийство Бекета, он торжественно поклялся лично посетить Святую Землю, и был назначен день его отъезда с королем Франции Людовиком. Смерть этого монарха помешала экспедиции, и Генрих время от времени откладывал ее, хотя патриарх Иерусалимский и великий магистр рыцарей-госпитальеров совершили долгое и трудное путешествие в Англию и от имени королевы Сибиллы передали ему, как преемнику Фулька Анжуйского, королевское знамя и ключи от Святого Города и Гробницы Господней. Теперь, под впечатлением от тщеты человеческих надежд и угасающего величия земных отличий, он решил, если возможно, отвлечь свой разум от бесконечной череды печальных воспоминаний, погрузившись в волнующие неизведанные сцены и возродив свою растрачивающую энергию в храме религии. Взоры всех европейских народов были в это время с особой тревогой устремлены на бедствия христиан в Палестине. На смерть Балдуина III. скипетр перешел в руки его брата Альмерика, который растратил своих подданных и сокровища в бесплодной войне с визирем Египта. Корона Альмерика перешла к Балдуину IV, его сыну от Агнес де Куртене, наследницы утраченного княжества Эдесса. Балдуин IV. был прокаженным; и обнаружив, что болезнь лишила его способности выполнять королевские функции, он передал управление государством своему шурину Ги де Лузиньяну, французскому рыцарю, которого Генрих изгнал за убийство. После смерти Балдуина его сестра Сибилла и ее муж Гай стали королем и королевой Иерусалима, но граф Триполийский отказался засвидетельствовать им свое почтение. Наконец он согласился присягнуть королеве на верность при условии, что она разведется с Лузиньяном и выберет партнера, способного защитить королевство. Сибилла была женщиной необычайной красоты, величественной внешности и полководческих талантов. Она согласилась на предложение графа Триполи, только потребовав взамен клятву баронов в том, что они признают сувереном того, кого она выберет. Условия были улажены, получен развод, и состоялась церемония ее коронации. Как только она была коронована, гордо повернувшись к мятежным лордам, она возложила диадему на голову Лузиньяна, приветствовала его как своего мужа, преклонила перед ним колени как перед королем и властным голосом громко воскликнула: “Те, кого Бог соединил вместе, не позволяйте человеку разъединять”. Простая правда и привязанность королевы, а также величие зрелища привели собрание в благоговейный трепет, и изумленные бароны подчинились безропотно.

Примерно в то же время знаменитый Саладин начал свою завоевательную карьеру на Востоке. Тиберий, Акра, Яффа, Кесария и Берит были трофеями его побед. Сто тысяч человек, спасаясь от меча турок, столпились в Иерусалиме, и слабый гарнизон не смог их защитить. Саладин, не желая обогатиться человеческой кровью место, которое почитали даже мусульмане, предложил жителям мир при условии сдачи города, а также денег и земель в Сирии; но христиане заявили, что они не уступят неверным место, где пострадал и умер Спаситель. Возмущенный отклонением его предложения, Саладин поклялся, что войдет в город с мечом в руке и отомстит франкам за резню, которую они учинили во времена Годфруа де Булонь. В течение четырнадцати дней битва за стены бушевала с почти беспримерной яростью. Мусульманский фанатик бесстрашно подвергал свою жизнь опасности, ожидая, что смерть сразу же даст ему испытать райских вод, — христианин, надеясь обменять земной Иерусалим на небесный, пролил свою кровь, защищая Гроб Господень. Когда было обнаружено, что стена у ворот Святого Стефана подорвана, все дальнейшие попытки обороны были оставлены; духовенство молилось о чудесном вмешательстве небес, а солдаты бросали оружие и столпились в церквях. Саладин снова предложил выгодные условия мира. Несчастные жители провели четыре дня, посещая священные места, оплакивая Гроб Господень и обнимая его, а затем, с грустью

покинув священные пределы, прошли через вражеский лагерь и безутешно направились к Тиру, последнему оплоту латинян в Палестине.

Таким образом, по прошествии почти столетия Священный город, стоивший Европе стольких крови и сокровищ, снова стал собственностью неверных. Большой крест был снят с церкви Гроба Господня и проташен по уличной грязи, колокола церковей были расплавлены, в то время как полы и стены мечети Омара, очищенные дамасской розовой водой, были снова освящены для поклонения лжепророку. Печальная весть об этом событии вызвала величайшую сенсацию во всем христианском мире. Престарелый понтифик скончался от разрыва сердца. Муж Иоанны надел вретище и поклялся принять крест. Генрих, Филипп, новый король Франции, графы Фландрии и Шампани, а также множество рыцарей и баронов решили объединить свои силы для освобождения Святого Города.

Сразу же после смерти Розамонд Генри сделал все, что было в его силах, чтобы возместить ущерб ее пострадавшему имени, признав ее детей и отправив их учиться в Вудсток к своему сыну Джону. Мальчики повзрослели и развили в себе совершенство личной элегантности и силы характера, более подобающее сыновьям короля, чем кому-либо из детей Элеоноры. Он продвинул их на почетные и пользующиеся доверием должности и сделал Джеффри канцлером королевства.

Теперь все было готово к отъезду короля. На общем совете, состоявшемся в Нортгемптоне, было постановлено, что каждый человек, не присоединившийся к крестовому походу, должен уплатить в счет экспедиции одну десятую часть всего своего имущества; и евреи были оштрафованы с той же целью на одну четвертую часть своего личного имущества. Генрих написал письма императорам Германии, Венгрии и Константинополя, требуя свободы проезда через их владения, и, получив благоприятные ответы, отправился во Францию, чтобы завершить соглашение с Филиппом, когда весь план потерпел крах из-за требования этого монарха выдать его сестру Алису за Ричарда и чтобы англичане присягнули на верность принцу как предполагаемому наследнику престола. Генрих отказался, и его сын Ричард на публичной конференции, преклонив колени у ног французского монарха, вручил ему свой меч, сказав: “Вам, сэр, я поручаю защиту своих прав, и вам я теперь приношу дань уважения владениям моего отца во Франции”.

Король, пораженный этим новым актом мятежа, поспешно покинул совет и с некоторой долей своей прежней живости приготовился отразить заговор против него. Но Удача, которая до сих пор улыбалась ему, казалось, теперь покинула его. Он терпел поражения в каждой битве, его гнали из города в город, его здоровье пошатнулось, дух пал, и, наконец, он подчинился всем требованиям своих врагов, согласившись выплатить Филиппу двадцать тысяч марок, позволить своим вассалам засвидетельствовать почтение Ричарду и, прежде всего, отказаться от Алисы, причины стольких семейных невзгод.

Он оговорил только список недовольных баронов, перешедших на сторону французского короля. Первое имя, которое бросилось ему в глаза, было имя Джона, обожаемого ребенка его преклонных лет. Он не стал читать дальше, но, отбросив газету, впал в один из тех неистовых пароксизмов ярости, которым в последние годы так часто подвергался. Он проклял день своего рождения, обрушил проклятия на своих неестественных детей и их вероломную мать, бросился

на кушетку, зубами сорвал покрывало, вцепился в волосы на голове и потерял сознание в порыве гнева и горя. Последовала свирепая лихорадка; но в моменты просветления он руководил художником, который по его команде нарисовал на холсте изображение молодого орленка, выковыривающего глаза орлицы. День за днем монарх медлил и страдал от пароксизмов боли и горя, а также от периодов вялости и бесчувственности; и когда другие покидали его постель в изнеможении или тревоге, Джеффри, не подозревая о сонливости или переутомлении, терпеливо наблюдал за своим умирающим отцом. Слабый монарх распознал в голосе этого сына те интонации, которые его ухо любило в юности, и повиновался малейшему его зову; и единственное облегчение от своих мук он находил, глядя на лицо, оживлявшее образ его потерянной Розамунды. Сняв с пальца перстень с печаткой, он надел его на руку Джеффри. “Ты мой верный и преданный сын”, - сказал он. Да пребудет с тобой благословение небес за твою сыновнюю службу твоему виновному отцу. Передай меня твоему брату Уильяму и его прекрасной невесте. Что касается остальных, передай им эту притчу, - он указал на изображение орла, - с моим вечным проклятием”. Он склонил голову на грудь своего сына и, поддерживаемый им на руках, испустил дух.

Элеонора пережила своего несчастного супруга более чем на двадцать лет и за это время немного загладила вину за безумства и пороки своей юности. Первым шагом ее сына Ричарда по восшествии на престол было освобождение его матери из заточения и назначение еерегентшей королевства. Она использовала свою свободу и свою власть в актах милосердия и благотворительности, продвигаясь по королевству и освобождая всех лиц, арестованных за нарушение законов о лесах и другие незначительные правонарушения, и возвращая объявленных вне закона в их дома и семьи. Во время отсутствия Ричарда в Святой Земле она управляла государством с благоразумием и осмотрительностью, а после восшествия на престол Иоанна вновь приняла скипетр своих владений, медленно и мучительно собирая в преступлениях и несчастьях своих детей плоды дурных советов, которые она давала им в детстве. В возрасте восьмидесяти лет она удалилась в монастырь Фонтевро, а три года спустя умерла от горя, когда пэры Франции заклеили ее сына Джона как убийцу Артура.

БЕРЕНГАРИЯ НАВАРРСКАЯ.

Беренгария Наваррская.

ГЛАВА I.

“Что такого хорошего, что не могло бы принести вреда?
Разве быть счастливым - опасная вещь?”

“Не пой больше, ибо твоя песня утомляет меня”, - воскликнула нетерпеливая дочь Наварры, ворочаясь на своем ложе с тяжелым беспокойством человека, который ищет сна, когда природа требует физических упражнений. Мавританская девушка, привыкшая к капризности

прекрасной Беренгарии, поднялась со своей подушки и, отложив в сторону лютню, уныло пробормотала: “Верно говорит пословица: ‘Не радуется тот, кто недоволен собой’. Оставив дальнейшие попытки успокоить свою госпожу, служанка удалилась в дальний конец длинного помещения и безучастно выглянула из окна. “Тебе досадно, что моему уху не понравились звуки твоей лютни, капризное дитя?” - спросила юная принцесса. “Загадай мне загадку или расскажи чудесную историю о гениях, какую ты узнал в своей южной стране. С видом человека, который выполняет привычную работу, когда его мысли витают далеко, девушка вернулась на свое место и продекламировала

СКАЗКА ОБ АРАВИИ.

Давным-давно три гения, возвращаясь со своих миссий к смертным, отдыхали у колодца Земзем. И когда они сидели, рассказывая друг другу о том, что они видели, вот, они разговорились о Вечном (да будет превознесено имя его), о судьбах, которые правят судьбами людей, об особенностях мира и о несчастьях и катаклизмах, которые случаются со всеми, как с праведными, так и с нечестивыми. И один сказал другому: “Объяви нам теперь, каково твое мнение и что ты знаешь об этом деле. Что это такое, рассеянное в воздухе, растворенное в воде или скрытое в земле, тонкая эссенция которого, будучи дарована человеку человеческого облика, приблизит его к трону Аллаха, (да будет благословенно его имя), и даст ему право вкушать от дерева, которое растет на седьмом небе рядом с садом Вечной Обители?” И первый сказал: “Это Красота”, и второй: “Это Любовь”, и третий: “Это Счастье”. И между ними возник спор; и когда они обнаружили, что ни один из них не может убедить других, они согласились отправиться каждый своим путем, чтобы исследовать элементы всех вещей в поисках той гармоничной смеси, которой он наплат бы человеческую душу для бессмертия. И они пошли своей дорогой. И по прошествии цикла лет они вернулись снова и сели у колодца Земзем. И каждый держал в руке флакон чище хрусталя, запечатанный печатью Соломона мудрого, великолепного. Тогда заговорил первый, говоря: “Земля не имеет формы красоты, начиная от блеска бриллианта, спрятанного в ее глубочайших пещерах, сквозь все сверкающее разнообразие драгоценных камней и золотых песчинок; нет тонкого рисунка карандашом, от первого слабого оттенка на щечке бутона розы до великолепных красок цветов и фруктов, украшающих Кашемировую долину; вода не имеет оттенка цвета морской волны в ее коралловых пещерах до великолепных переливов ее жемчужных раковин; воздух не имеет оттенка девственных звезд, ни луча рассеянного света; пар не имеет цвета воды”. нет красоты в его утренних облаках и радужных оттенках, из которых я не черпал бы тончайшего источника. Любая форма Красоты, которая может стать очевидной для органов чувств, будь то дыхание аромата, сладость звука или грация движения, возвышенная до своего чистейшего элемента, заключена здесь для дарования того, кого мы выберем”. И он поднял флакон, и о чудо! в нем была жидкость, имеющая слабый оттенок розы.

Затем заговорил второй и сказал: “Всемогущий (да будет он благословен) дал мне ту таинственную силу, с помощью которой я читаю мысли и намерения людей, подобно тому, как Святой Пророк (да благословит его аллах и приветствует) имел обыкновение читать “Книгу Жизни”.

“Из сердца ребенка, которое всегда поворачивается, чтобы следить за движениями своей матери, из сердца служанки, ищущей благосклонности своей госпожи, из сердца сестры,

которая с гордостью ликует при виде славы своего брата, из сердца девушки, которая робко и нежно трепещет при звуке шагов своего возлюбленного, из сердца жениха, который страстно желает свою невесту, из сердца отца, которое расширяется от полноты радости при виде своего первенца, из сердца матери". сердце матери, которая всегда следит за шагами своего ребенка, резвится ли он в невинности рядом с ней или блуждает с пороком в чужих краях; Я собрала самую сладкую, чистую и верную мысль о Любви. Его неосязаемая сущность скрыта в этом флаконе", - и он поставил его перед ними. И вот! казалось, он был наполнен паром, который в их глазах окрашивался в оттенок зари.

Затем заговорил третий и сказал: "Мне, слуге Ифразы Неведомого, не позволено объявлять вам, в каких внешних проявлениях человеческой надежды или желания, в какой внутренней работе мыслей и чувств я обнаружил и заключил в тюрьму неуловимый дух Счастья", - и он поднял перед ними свой флакон. И в один голос они воскликнули: "Он пуст". И они высмеяли его до презрения.

Тогда заговорил он в гневе и сказал: "Воистину, глупец исходит из вероятности, а мудрец требует доказательств". И они ответили: "Идите прямо сейчас, мы примем доказательство".

И тотчас же они отправились в страну Суристан. И когда они проходили мимо источника Израиля, Бен-Изака (да пребудет с ним мир), они увидели девушку, несущую кувшин с водой. И первый сказал: "Вот, теперь бессмертие дано мужчине Всемогущим Вершителем судеб (да возвысится имя его), но женщине оно дано только потому, что ее красота должна радовать сердце мужчины". Но второй сказал: "За исключением того, что любовь дает ей место у Источника Жизни"; а третий: "За исключением того, что счастье приведет ее в Рай". Тогда первый сказал: "Давайте больше не будем спорить, но давайте возьмем эту девицу и преподнесем ей, каждый из нас по отдельности, и она будет знамением и свидетельством относительно этих вещей". И так они договорились вместе.

И когда девушка удалилась на свое ложе, и ангел сна коснулся пальцем ее век, первый гений, призвав имя Бога Всесовершенного (да будет он благословен), сломал печать своего флакона и вылил часть жидкости ей на губы. И три гения наблюдали за ее сном до рассвета; и так они делали вечер за вечером. И они увидели, как ее прелестная фигура развивается, высокая и прямая, как ладонь, но гибкая и податливая, как изгибающаяся ветвь восточной ивы. Ее плавно округлые руки блестели, как полированная слоновая кость, под складками прозрачного изара, а кончики розовых пальцев были тронуты блеском хны. Ее губы имели оттенок коралла, когда они намокли от морских брызг, зубы были как жемчужные нити, а тающая полнота щек отливала мягким налетом персика. В ее глазах был свет звезд, а веки были подведены тушью. Ее волосы были блестящими и черными, как оперение ворона, и когда она накрыла их вуалью, ее лицо сияло, как полная луна, блуждающая во тьме ночи. Ее речь была подобна журчанию водопада и чистым переливам иорданских соловьев. Она была чудом для себя и для своих соседей. Ее походка была легка, как у газели, и грациозна, как у лебедя; и когда она выходила на улицу, глаза, созерцавшие ее красоту, восклицали: "Слава тому, кто создал ее, довел до совершенства". Но гении с печалью и унижением увидели, что она стала тщеславной, и что в ее сердце зародились глупые мысли; так что о ней было сказано: "Неужели Бог Высокий, Великий вложил злого духа в совершенство красоты?" Тогда сказал второй гений: "Ты увидишь, что сделает эликсир любви". И он вошел в ее комнату и сломал мистическую печать, которая была печатью Соломона Бен Давида (да пребудет мир с ними обоими), и по комнате

распространился сладкий запах. И губы спящей шевельнулись как бы в приятной улыбке, и на лице ее засияло то безымянное очарование, которым гурии наполняют восторгом обитателей Сада Вечности. И было так, что все, кто смотрел на нее, любили ее и говорили: “Среди сотворенных нет никого, подобного ей по совершенству красоты или очарованию характера. Да будет превознесено совершенство Создателя человечества”. И они спорили друг с другом, кому из них достанется бесценное сокровище. И между ними ежедневно возникали раздоры; и сердце ее склонялось ко всем, и она боялась объединиться с кем-нибудь, чтобы не последовали жестокие войны. Поэтому душа ее была полна горя, и она не переставала плакать ни днем, ни ночью, и слезы текли по ее щекам. Тогда сказал третий гений: “Смотри, скорбь земная, и красота и любовь, которыми ты одарил, собрали с собой пагубные принципы, вплетенные в основу человеческих поступков. Вы узрите силу счастья”. Затем он взял бесцветный флакон и сломал на нем печать, призывая имя Иффраза Неведомого, и вот, час за часом невидимый, неосязаемый эликсир, казалось, проникал в ее существо, и свет ее глаз превратился в священный луч, румянец побледнел на ее щеках, и живость любви уступила место безмятежности удовлетворения. И когда она вышла вперед, сладострастный и мудрый сказал: “Смотри, она слишком чиста для земли, Разрушитель наслаждений и Разделитель спутников скоро позовет ее. Да будут превознесены совершенства Вечного, в чьей власти их отменять и утверждать”.

И когда два гения увидели, что Красота и Любовь бесполезны, их охватила зависть, и они схватили девицу и унесли ее в волшебную пещеру. И третий гений, охваченный горем и разочарованием, разбил флакон, и то, что осталось от эликсира Счастья, вернулось к своему первобытному источнику и снова вошло в состав человеческих вещей. Но когда печать была сломана, смертным стало известно, что эликсир Жизни существует в элементах, и, следовательно, те, кто сведущ в тайнах природы, исследовали его великую тайну с помощью могущественных средств алхимии и пытались гениев заклинаниями, чтобы вырвать у них могущественную тайну.

Беренгария выслушала рассказ с непривычным интересом, а когда он закончился, вскочила со своего ложа и нетерпеливо спросила: “Каков результат? Открыли ли они долгожданный принцип? Я слышал удивительные истории об этих алхимиках. Люди говорят, что они занимаются черной магией; но если бы в Наварре был такой человек, я бы отважился на обвинение в колдовстве и расспросил его об эликсире красоты. - Мавританский врач живет в пригороде Пампелуны, - ответила Эльзибеда, робко взвешивая слова. - Я часто видела его на проселках, он собирал травы, говорят, он читает судьбы смертных по звездам.

- Пойдем к нему, - воскликнула принцесса. - принеси мне мою пелерину и вуаль.

Девушка повиновалась с дрожащим рвением, которое менее занятому наблюдателю выдало бы, что экспедиция была неожиданным осуществлением давно вынашиваемого желания.

- Сюда, - сказала Эльзибеда, уводя свою госпожу с людной улицы, которая теперь начала заполняться возвращающимися с работы рабочими, - алхимик не потерпит дерзкого вторжения, и мы должны остерегаться, чтобы ни назойливый слуга, ни любопытный слуга не нашли место его обитания. Молча и быстро две девушки свернули в узкий переулок, ведущий через малолюдную часть города, поворачивая и петляя среди зданий, все более и более удаленных друг от друга, пока он не закончился на травянистой пустоши, окружающей полуразрушенный особняк. . Солнце уже село, и Беренгария, никогда не отличавшаяся особой

храбростью, начала дрожать от одиночества этого места. С инстинктивным страхом она, дрожа, вцепилась в руку своего решительного подчиненного, шепча: “Куда ты ведешь меня? Здесь нет никаких признаков человеческой жизни. Давайте вернемся.” Но энергичная рабыня подчинила слабую волю госпожи своей цели; и, попеременно заверяя в безопасности и разжигая любопытство, она направилась к задней части разрушенного здания, где, спустившись по каменной лестнице, трижды постучала в низкую дверь. Послышался скрежет ржавых засовов, дверь осторожно приоткрылась, и Беренгария внезапно почувствовала, что ее затягивает внутрь портала. Яркий свет ослепил и сбил ее с толку, а удушливый пар усилил ее прежний ужас, почти лишив чувств.

Голос Эльзибеды несколько успокоил ее, и когда ее глаза привыкли к свету, она оглядела открывшуюся перед ней сцену. Апартаменты, по-видимому, изначально были кухней замка, один конец которой занимал широкий, большой дымоход, теперь построенный за исключением центра, где печь, покрытая тиглями, источала самый сильный жар. Белая ширма с маленьким темным экраном перед ней почти скрывала одну сторону квартиры, в то время как с другой стороны от трех змеевидных трубок, соединенных через стену ретортами, поблескивали языки цветного пламени. Различные галлипоты, перегонные кубики, часовые книги, диаграммы и пыльные рукописи были расставлены на полках по углам стены.

Главным обитателем был худощавый, изможденный мужчина, согнутый не столько возрастом, сколько тяжелым трудом и лишениями. Несколько черных, нечесаных прядей, выбивающихся из складок тюрбана, когда-то белого, а теперь покрытого дымом и пылью, спадали на смуглый лоб, испещренный морщинами, вызванными напряженными раздумьями и безуспешными размышлениями. Он был одет в мавританскую одежду с рукавами, засученными выше локтей, открывая его истощенные руки, в то время как его похожие на когти пальцы сжимали огромный треугольный кристалл, через который он отбрасывал преломления на экран. Его глубокие, как пещеры, глаза, казалось, горели огнем безумия, но говорил он тоном глубокой абстракции, хотя и с чем-то похожим на нежность в голосе. - Не мешай мне, дочь моя, но отойди в сторону, пока я не завершу свой эксперимент. Девушки молча остались у двери, и у Беренгарии было время понаблюдать за движениями карлика-африканца, который усердно раздувал мехи печи, закатывая глаза и приветствуя дам улыбками, которые одновременно демонстрировали его белые зубы и удовлетворение от того, что его прервали.

Несмотря на ее опасения оказаться в столь странной ситуации, любопытство Беренгарии было настолько возбуждено новизной происходящего, что она терпеливо ждала, пока философ экспериментировал сначала с одним источником света, затем с другим, пока, очевидно, оставшись неудовлетворенным результатом, он не попытался изменить положение трубок. Едва его цель была достигнута, как воздух сотряс оглушительный взрыв, за которым последовали звуки, похожие на падение обломков над головой. Наступила глубокая тьма, и стоны раненого алхимика смешались с демоническим смехом африканца, а эхо ее собственных криков усилило ужас принцессы почти до агонии. Одна Эльзибед сохранила хоть какую-то долю самообладания. “Свет, свет, Саламан”, - воскликнула она. Мгновенно линия синего пламени поползла по стене, и крошечный факел в руке карлика таинственным образом загорелся, снова осветив его злобную физиономию и бросив его уродливое и увеличенное изображение в полном объеме на экран. Запах серы, который, казалось, сопровождал видение, не развеял опасений Беренгарии. Эльзибед на этот раз забыла о своей госпоже. Поспешно выхватив факел у негра, она зажгла лампу и, подняв отца с каменного пола, начала осматривать его раны. Кровь

сочилась из ушиба на его затылке, одна сторона лица была сильно обожжена, а правая рука лежала совершенно бессильно. Торопливо отдавая распоряжения на мавританском ухмыляющейся Этиопе, Эльзибеда с его помощью уложила отца на кушетку за ширмой и промыла болезненные раны ароматной жидкостью из одного из пыльных флаконов, сопровождая свои успокаивающие действия мягкими выражениями привязанности. Их язык был чужд уху Беренгарии, но по тону отца и слезам дочери она поняла, что он упрекает ее как причину своего несчастья. Наконец, подавленная его упреками, Эльзибеда достала из-за пазухи шелковый кошелек, достала оттуда драгоценный камень, горячо поцеловала его и, как человек, отказывающийся от своего последнего сокровища по зову долга, вложила в его протянутую руку. Чернокожий тем временем приготовил сердечный напиток, который, как он намекнул, скоро даст ее отцу покой. Алхимик жадно проглотил зелье и вскоре погрузился в тяжелый сон.

Беренгария, чье нетерпение едва терпело отсрочку, необходимую для этого счастливого завершения, поторопила сопротивляющуюся Эльзибеду уйти. “Я не знала, Элиси,” сказала она, когда они отошли на безопасное расстояние от развалин, “что твой отец жил в Пампелуне. Я думал, ты сирота, когда мой отец, тронутый твоей красотой и горем, выкупил тебя у грубого кастильца. Расскажи мне свою историю.

- Мой отец,” ответила Эльзибеда, “в молодости был врачом мавританского принца и занимался тем, что отделял скрытые достоинства природы от нечистот, с которыми они сочетаются. Отправляясь за границу собирать растения для проведения своих исследований, он каждый день встречал молодую цветочницу, несущую свои благоухающие изделия во дворец Альгамбра. Привлеченный ее красотой, он купил ей цветы и заинтересовался ее историей. Он узнал, что она принадлежала к банде сарацин или цыган, которые недавно обосновались в Гренаде. Он любил ее, и она стала его женой.

“Я был их единственным ребенком. Моя юность прошла в слушании чудесных восточных сказаний, которыми восхищала меня моя мать, или в постижении азов науки вместе с моим отцом. Внезапная болезнь и смерть моей матери разрушили все мое счастье. Мой отец снова занялся самыми трудными исследованиями, проводил целые ночи, наблюдая за звездами, практиковал заклинания, обращенные к духам воздуха, и, постоянно размышляя о тайне смерти, начал поиски того могущественного принципа, который, как говорят, продлевает существование человека. При этом его взору открылись многие чудесные тайны природы; но он стал таким печальным и мрачным, а его глаза, устремленные на меня, светились таким необычным огнем, что я испугался, как бы горе не свергло ангела разума. Чтобы отвлечь его, я начал выводить его на привычные прогулки. Однажды, когда мы задержались несколько дольше обычного за стенами Гренады, на нас напал отряд вооруженных кастильцев и увел нас пленниками. Благородный Санчо нашел меня поющим песни для моего жестокого хозяина и спас от моей участи.

“А что стало с твоим отцом?” спросила Беренгария. “Некоторые из его лекарств позволили ему излечить давнюю болезнь своего похитителя и таким образом получить свободу, после чего в течение нескольких месяцев он скитался по Испании в поисках своего потерянного ребенка”. “И зачем ты передал умирающему драгоценный камень, который я видел в твоей руке?” Слезы Эльзибеды начали быстро литься, и задыхающимся голосом она ответила: “Не спрашивай меня, я умоляю тебя. О, моя госпожа, что касается кольца, то в другой раз я расскажу тебе все”.

Тронутая инстинктивным почтением, которое природа всегда проявляет к искреннему горю, принцесса воздержалась от дальнейших расспросов, и две девушки завершили прогулку в молчании.

Ужас, который пережила Беренгария, отбил у нее всякое желание продолжать расспросы у алхимика, но на следующий день она с необычной осторожностью отпустила Эльзибеду рано утром, разрешив ей провести ночь с отцом. Бедная девушка вернулась утром, убитая горем. Алхимик был мертв. Из ее самобичеваний и причитаний Беренгария узнала, что в своих научных изысканиях он израсходовал все свое имущество и переплавил все ценные вещи, принадлежавшие его дочери, за исключением кольца ее матери. Этот драгоценный камень она упорно отказывалась отдать ему, как из-за того, что он был памятным подарком и амулетом, так и из-за того, что провал его эксперимента со смертельным исходом он в свой смертный час приписал недостаточной силе драгоценного камня. Терзаемая угрызениями совести, Эльзибед заявила, что если кольцо не может спасти жизнь ее отцу, оно должно, по крайней мере, обеспечить ему могилу, и, сказав своей госпоже, что она никогда больше не сможет смотреть на драгоценный камень без содрогания, умоляла ее принять его и помочь ей похоронить его по обрядам мусульманской религии. В католической Наварре это было почти невозможно, но благодаря щедрости принцессы и изобретательности Саламана тело было тайно перевезено на мавританское кладбище в Гренаде.

ГЛАВА II.

“О, такой день,
за который так боролись, за который так следили и который был так честно выигран,
Наступил только сейчас, чтобы достойно оценить времена”.

Это был торжественный день в Наварре. Санчо Сильный, доблестный брат Беренгарии, объявил турнир в честь своего друга Ричарда Плантагенета, графа Пуату. Во внутренних войнах, которые раздирали юг Франции после брака Элеоноры Аквитанской с Генрихом Анжуйским, эти доблестные юноши сражались бок о бок и благодаря дружбе, скрепленной близостью, а также сходством вкусов и занятий, стали *fratres jurati*, или названными братьями, согласно обычаям того времени. Оба были известны своими рыцарскими достижениями и искусством разбираться в провансальской поэзии, и каждый доказал доблесть другого в рыцарских поединках и пробудил гений своего друга в изысканных состязаниях менестрелей и песен. Храбрый Санчо организовал ристалище, отдав своему другу первое место в качестве претендента на рыцарское звание, оставив второе за собой, а третье - их брату по оружию, молодому графу Шампани. Были установлены веселые павильоны, собралось великолепное сборище, и Беренгария, провозглашенная королевой Красоты и Любви, приняла свой царственный вид в сопровождении всех красавиц Наварры, когда, к бесконечному разочарованию и огорчению принца, прибыл граф Раймонд Тулузский, чтобы сообщить, что Ричард, получив письма от своей матери, счел необходимым внезапно отбыть в Англию; но чтобы торжество дня не было омрачено его отсутствием, он умолял, чтобы податель послания, граф Раймонд, мог занять свой павильон, оседлав своего военного коня. оседлай коня и соверши его обряд на ристалище. С учтивостью, плохо скрывавшей его огорчение, благородный Санчо принял замену и, проводив

его в сверкающий зеленью и золотом шатер, поручил его заботам оруженосцев, а сам отправился ознакомить сестру с прискорбным фактом, что зрелищу, к которому они готовились с таким восторженным предвкушением, все же не хватало той коронной чести, которую ожидало присутствие этого цветка рыцарства, Ричарда Плантагенета.

Чтобы скрыть от зрителей известие об этом неприятном событии, их отец, Санчо Мудрый, занимавший почетный пост судьи поединка, решил, что граф Раймонд Тулузский должен принять герб Ричарда и представлять его на ристалище. Когда эти предварительные приготовления были успешно проведены, вперед выехали герольды и провозгласили правила турнира, и игры продолжились. Граф Шампанский и королевский Санчо, более опытные в обращении с копьем, чем противостоявшие им испанские кавалеристы, заслужили аплодисменты всех зрителей; но толпа, казалось, получала особое удовольствие от доблести графа Раймона, выкрикивая при каждом отважном выпаде и каждом искусстве верховой езды: “Ричард, Ричард! Плантагенет!” Несмотря на неблагоприятную атмосферу, под которой начинался турнир, спортивные состязания того дня были настолько веселыми и оживленными, насколько могли надеяться самые оптимистичные. Трое претендентов одержали верх над всеми соперниками. С сердцем, трепещущим от гордости и удовольствия, юная Бланш Наваррская видела, как ее сестра вручила золотую корону графу Шампани, а Санчо также получил от Беренгарики венок в честь своих рыцарских достижений. Но первым по чести, как и по месту жительства, был воин, олицетворявший Ричарда. Однако, когда он снял забрало, чтобы принять заслуженный лавр в качестве лидера победителей, толпа обнаружила, что герой, которого они приветствовали такими восторженными аплодисментами, был граф Раймонд Тулузский, и новые взрывы приветствий сотрясли воздух, в то время как маршалы, оруженосцы и герольды, забыв на мгновение о своих обязанностях, собрались вокруг трона Любви и Красоты, чтобы обменяться поздравлениями с польщенным графом.

В общем возбуждении никто не заметил появления *рыцаря-искателя приключений*, одного из тех странствующих кавалеров, которые, чтобы совершенствоваться в ратных подвигах, путешествовали из провинции в провинцию, бросая вызов мастерству всех желающих в рыцарском бою. Внешность этого странствующего рыцаря была такова, что привлекала к себе все взгляды. Он восседал на гнедом коне, отличавшемся силой духа и отвагой, которая с трудом поддавалась сильным поводам; его шлем был увенчан гребнем в виде рыжей гончей, в то время как его прямая фигура была закована в коричневые доспехи, а твердость, с которой он держался в седле, придавала ему вид бронзовой статуи, которую несли в процессии. Не обращая внимания на признаки того, что исход дня уже предрешен, незнакомый рыцарь подъехал прямо к шатру, украшенному гербом Ричарда, и с такой силой ударил копьем по щиту, что немедленно призвал слуг к исполнению своих обязанностей.

“ Кто это у нас тут? ” воскликнул Санчо с искренним смехом. “ Клянусь Пресвятой Богородицей, граф Раймонд, солнце этого дня не сядет, пока языческая собака на гербе вашего рыцаря-крестоносца не превратится в пыль. Прости, я почти завидую твоей удаче сразиться с таким прекрасным врагом. Об интересе, который этот новичок проявлял к набирающим обороты видам спорта, свидетельствовали нетерпеливые расспросы и торопливый шепот, пронесшийся среди зрителей. Воцарилось затаившее дыхание молчание, когда граф Раймонд поднял копье и двинулся вперед, навстречу своему странному противнику. “ Раймонд! Раймонд! ” закричала толпа, когда двое сражающихся бросились друг на друга.

“Долгих лет жизни Красному рыцарю”, “Успеха крестоносцам” были подхвачены непостоянной толпой с возрастающим удовлетворением, когда герой Тулузы, поверженный сильным ударом, бился под своим поверженным конем, в то время как незнакомец, пустив в ход поводья и шпоры, заставил своего доблестного скакуна одним прыжком перепрыгнуть через расprostертую лошадь и всадника, затем ловко заставил животное грациозно покружиться перед галерой королевы, и, опустив копьё, рыцарь-победитель учтиво поклонился, как будто хотел, чтобы его конь был повержен. возлагая свои почести к ногам Любви и Красоты. Призы за этот день были уже вручены, но восторженная Беренгария сочла невозможным оставить такую доблесть без награды. Поспешно развязав свой шарф, она прикрепила его к концу его копыа, и крестоносец с развевающимся на копые гербом Наварры медленно и гордо выехал с ристалища.

Оруженосцы тем временем вытащили поверженного Раймонда из его опасного положения и отвели в палатку, где обнаружили, что его ушибы требуют умения пиявки. Все были заняты догадками относительно неизвестного, многие мудрые предположения, весьма далекие от истины, были высказаны теми, кто лучше всех знаком с геральдическими символами, и споры быстро перерастали во враждебность, когда легкий звон колокольчика снова привлек внимание собравшихся.

“ Чемпион! Чемпион! - снова воскликнули они, когда на арену вышел второй рыцарь, сильный и широкоплечий, облаченный в сверкающие черные доспехи. Сквозь острые прутья его визора были видны проблески румяного лица и сверкающих глаз, а на его шлеме восседал ворон с гладким и блестящим оперением, открытым клювом и колокольчиком, подвешенным к шее. Его угольно-черный скакун был боевым конем мощного телосложения, с широкой грудью и мощными конечностями; его красные ноздри раздувались от жгучего нетерпения и пылали, как угли в печи, в то время как рука в перчатке, которая с несравненным мастерством управляла его скоростью, выглядела так, словно могла принадлежать великану древности. Стремительность черного рыцаря не заставила зрителей долго сомневаться в его предназначении. Граф Генрих Шампанский был вызван, чтобы вновь надеть свои доспехи и подтвердить свои права на недавно завоеванные лавры. “Молю небо, чтобы твой глаз и рука не дрогнули, граф Генрих”, - воскликнул Санчо, лично осматривая доспехи своего друга и приказывая оруженосцам следить за тем, чтобы каждое кольцо и пряжка были надежно застегнуты. “Исход этого боя должен зависеть от твоей собственной правой руки, а не от слабого прыжка или неосторожности оруженосца”. Вежливость черного рыцаря, казалось, соответствовала его силе и мастерству. Направив свою лошадь влево, он предоставил графу полное преимущество в ветре и солнце, и вместо того, чтобы встретить его во весь опор, уклонился от удара, парировал его выпады с самой грациозной легкостью и объехал его, как опытный рыцарь, выполняющий упражнения на ристалище таким образом, чтобы развить и продемонстрировать доблесть честлюбивого оруженосца; и когда, наконец, граф Генри потерял седло, это было скорее следствием его собственной опрометчивости, чем каких-либо явных намерений его противника; ибо до последней степени разозленный тем, что его лишили седла. поиграв таким образом, он отступил к краю ристалища, пустил свою лошадь во весь опор и бросился на своего противника. Черный рыцарь, поняв замысел этого маневра, сразу же привел своего хорошо обученного скакуна в состояние совершенного покоя и, сидя неподвижно, как железный столб, принял полный удар на свой непробиваемый щит. Лошадь графа, отшатнувшись от страшного столкновения, опустила задние лапы, и, порвав подпругу, всадник покатился в пыль. Что-то похожее на сдавленный смех вырвалось из-под решетки забрала незнакомца, когда он объехал

своего поверженного врага и протянул руку, словно приглашая его подняться. Но его поведение было серьезным и исполненным достоинства, когда он предстал перед восхищенной Беренгарией, которая за неимением лучшего венка сняла со своей крошечной ручки белоснежный покров и вручила вышитую перчатку в качестве гербового знака своего мастерства. “Мы так скоро расстаемся, сэр рыцарь?” спросил Санчо, натягивая поводья, чтобы не отставать от своего неожиданного гостя. “Я был бы рад выставить копье против такого прекрасного врага”. Не удостоив рыцаря ответом, он пришпорил своего коня и, перескочив через заграждения, исчез в лесу. Присоединившись к двум своим друзьям в павильоне, которые выражали друг другу соболезнования по поводу их бесславного поражения, Санчо разразился потоком брани. “Неблагодарные трусы,” воскликнул он, “ропщущие на милость небес! Я бы отдал самую яркую драгоценность в короне Наварры за разрешение выставить копье против любого из этих доблестных рыцарей. “Тебе должны были быть очень рады”, - воскликнул Раймонд, кладя руку на свою раненую конечность. “Богоматерь даруй отныне, чтобы госпожа Фортуна посылала тебе все подобные милости, - и он рассмеялся, несмотря на свое замешательство. Оглушительный звук, донесшийся из леса, прервал беседу, и граф Раймонд раздраженно воскликнул: “Мне кажется, в лесу собрались мерзкие изверги! Это звук последней трубы”.

“Да, воистину,” ответил граф Генрих, выглядывая из дверей павильона, “а вон и Смерть на бледном коне. Принц Санчо, твой час пробил, готовься встретить свое окончательное поражение”. Казалось, в этих словах заключался ужасный смысл, ибо на белоснежном коне, грива и хвост которого почти касались земли, только что выехавшем на ристалище, был замечен рыцарь, одетый в доспехи такого сияющего блеска, что почти ослепляли глаза зрителей. На его гербе был изображен белый голубь с распростертыми крыльями, а на правом плече виднелся кроваво-красный крест. У него не было ни копья, ни копыеносца, но огромный боевой топор висел у луки его седла. “Клянусь честью,” сказал Санчо, “будь он самым ангелом смерти, я оспорю его империю, даже если он приведет за собой двенадцать легионов своих таинственных слуг. Никто не скажет, что рыцарство Испании, да и Франции в придачу,” он бросил взгляд на своих друзей, павших с гербами, “всего лишь трофеи доблести этих неизвестных полубогов. “Дай Бог, чтобы ты смог оправдать свое хвастовство, ибо воистину эти полубоги не владеют оружием смертных”, - сказал граф Раймонд с горькой улыбкой, когда принц, предвкушая вызов, выехал навстречу белому воину. Неопытный в обращении с булавой, Санчо, чей гнев был полностью разожжен при виде того, как почести дня уносят незнакомцы, пренебрег законами турнира (которые требовали, чтобы претендент пользовался тем же оружием, что и его противник) и, схватив копье, атаковал своего противника с яростной энергией, которая показывала, что он сражался для смертельного боя, а не для испытания мастерства в рыцарской вежливости. Блестящая фигура при первом же броске склонила голову, пока оперение голубя не смешалось с развевающейся гривой его скакуна, и позволила животному отклониться вправо, тем самым вынудив принца в его дальнейшей карьере сделать такой же произвольный поклон в результате его безрезультатного выпада. Завершив демивольт, два чемпиона снова вернулись к атаке; и теперь булава белого рыцаря, описывая сверкающие круги вокруг его головы, приняла на острие копье принца, разрубила крепкое дубовое древко на части и отправила наконечник копья, вращаясь в воздухе, почти к ногам зрителей. Второе, третье и четвертое копья постигла та же участь. Зал огласился аплодисментами зрителей. “Браво, сэр белый рыцарь!” “Слава Красному Кресту!” “Честь крестоносцу!” “Смерть пейнимам” сопровождалась звуком труб и криками герольдов, которые вместе с развевающимися

вымпелами и сигнальными движениями с галерей дам демонстрировали захватывающий интерес к происходящему. Наконец воин с голубиным хохолком искусным маневром приблизился настолько, что смог одним ударом сорвать шлем с головы своего противника; однако в тот же момент он протянул руку и не дал принцу без шапки упасть ничком под ноги его лошади. Доблестный Санчо, вынужденный таким образом уступить, с рыцарской грацией сопровождал своего победителя к трону Беренгарии. “Твой лучший гердон, сестра моя, для победителя твоего брата, - сказал он. “Я думал, что, кроме руки Ричарда Плантагенета, в христианском мире нет другого человека, который мог бы сломать решетку моего забрала и оставить мой череп невредимым. Почему ты медлишь?” воскликнул он, заметив ее смущение. - Дочь Санчо Мудрого не имеет обыкновения медлить, когда ее призывают почтить храбрых. Неужели тот же самый удар, который до сих пор заставляет кровь танцевать в мозгу твоего брата, парализовал твою руку?” “Нет,” сказала Беренгария, и яркий румянец залил ее щеки, “но я хотела бы увидеть лицо храброго рыцаря, который отнимает боевые почести у такого соперника. - И, сняв с пальца кольцо Эльзибеды, она вручила его победителю. Поднявшись с колен, рыцарь учтиво склонился перед оруженосцами, которые с быстротой, вызванной любопытством, расшнуровали его шлем и горжетку, открыв лицо Ричарда Плантагенета, сияющее красотой и румянцем из-за обрамлявших его ярко-желтых кудрей, и глаза, которые сверкали от полного понимания удивления и веселья, вызванных его неожиданным появлением. “Дорогой брат,” воскликнул Санчо, хватая его за руку, “я побежден Ричардом, значит, я победитель. Порадуйте меня, рыцари, дамы и оруженосцы. Герольды подхватили слово и разнесли новость по полю, в то время как зрители кричали: “Ричард! Ричард! Да здравствует доблестный Плантагенет!” Графы Тулузский и Шампанский с помощью своих слуг поспешили на место происшествия и, обнаружив шарф и перчатку Беренгарии, лежавшие под расстегнутой кольчугой, узнали каждого своего победителя и нашли в этом обстоятельстве большой бальзам для своей уязвленной гордости, чем все их ушибы, полученные от умиротворяющих средств пиявочного искусства. Рыцари-претенденты, таким образом, все побежденные одной рукой Ричарда, покинули поле боя с чувством величайшего удовлетворения, а находчивый ум их чемпиона руководил вылазками и руководил весельем последовавшего банкета, который продолжался до глубокой ночи.

ГЛАВА III.

“Закрой свои глаза,
Они взглянули на меня и разделили меня;
Одна половина меня твоя, другая половина твоя,
И так все твое”.

Во всеобщем волнении, вызванном обнаружением Ричарда и прекращением турнира, Беренгария заметила волнение Эльзибеды и воспользовалась первой возможностью узнать причину. “Откуда ты знаешь графа Ришара?” - спросила она тоном притворного безразличия. “Я никогда не видела его до сегодняшнего дня”, - ответила служанка. “Но ты вздрогнул и побледнел, когда Белый Рыцарь открыл черты Плантагенета?” “Да, потому что я видел, как моя госпожа навлекла проклятие на его голову”. “Проклятие на него? Что ты хочешь этим сказать, глупое дитя? ответила принцесса, в свою очередь побледнев. “Простите, моя дорогая госпожа,

” продолжала Эльзибеда, падая на колени, “ я должна была сказать вам, что кольцо, подаренное рыцарю, - это роковой дар”. “И почему фатальный?” - спросила Беренгария, испытывая некоторое облегчение оттого, что у нее не было большего повода для беспокойства. “Я не знаю почему. Драгоценный камень в кольце находился в владении племени моей матери на протяжении многих поколений, и всякий раз, когда человек называл его своим, за ним следовали печаль и огорчение, пока эта традиция не вошла в пословицу.

- Это расстроит его желание и сломит его репутацию,
Выдаст его злейшему врагу
И утопит в море.

“ Ты слишком суеверна, ” сказала Беренгария, когда ее служанка произнесла проклятие с видом глубочайшего осознания его реальности. - но, чтобы доставить тебе удовольствие, глупое дитя, я верну игрушку. Беренгария тайне решила, не теряя времени, освободить Ричарда от его опасной собственности и, соответственно, не упускала случая побеседовать с принцем; но, хотя он обращался с ней с самой изысканной вежливостью, срок его визита в Наварру истек прежде, чем их знакомство переросло в близость, которая позволила бы ей отважиться на деликатную задачу вернуть свой подарок. Прошли месяцы, прежде чем Беренгария снова увидела рыцаря, который произвел такое впечатление на ее юное воображение, и она начала опасаться, что кольцо на самом деле привело его к предназначенной ему морской могиле, когда ее брат Санчо, вернувшись из путешествия по Франции, принес известие самого приятного характера. “Помнишь ли ты, сестра моя, - сказал он, - доблестного Плантагенета, который так доблестно снес почести нашего турнира?” “Да, истинно так”, - ответила принцесса, опустив глаза. “ Он странствовал по Германии, вызывая всех истинных рыцарей на рыцарский поединок, и пережил много странных приключений, ” продолжал Санчо. “ Перескажи их, ” сказала Беренгария. - Я слушаю со вниманием. “ Ты, которая наградила его за доблесть в качестве красного, черного и белого рыцаря в один день, можешь хорошо оценить его пристрастие к маскировке, ” продолжал ее брат. “ и, похоже, что во время этой экспедиции одна из них едва не стоила ему жизни. Проезжая через владения короля Алмейна, он переоделся паломником, но, будучи обнаруженным, был брошен в тюрьму. Ардур, сын короля, узнав, что рыцарь недюжинной силы и доблести заключен в темницу, вывел его наружу и пригласил устроить фуршет. Ричард принял вызов и получил удар, который поверг его ниц. Придя в себя, он нанес ответный удар с такой силой, что сломал скулу своему противнику, который рухнул на землю и мгновенно испустил дух. Король, охваченный новым приступом ярости из-за потери своего сына, приказал крепко заковать пленника в кандалы и вернуть в самое нижнее подземелье замка. Но у монарха была еще и дочь, принцесса необычайной красоты, которая чрезвычайно заинтересовалась человеком, так ловко убившим ее брата. Узнав, что разрабатывается план сделать храброго рыцаря добычей льва, она нашла способ проникнуть в его камеру и сообщить ему об опасности. Смелое сердце Плантагенета не подвело его в этой крайности. Вознаградив заботу нежной Марджери поцелуем, он пожелал, чтобы она отправилась к нему вечером, принесла сорок локтей белого шелка и ужин с большим количеством хорошей говядины и эля. Укрепившись таким образом во внешнем и внутреннем человеке, он спокойно ожидал своей участи. На следующий день, как только послышался рев чудовища, он обернул свою руку шелком и, увернувшись от прыжка животного, нанес ему такой удар в грудь, что чуть не свалил его наземь. Лев хлестал себя хвостом и, разинув свои ужасные пасти, издал самый отвратительный вопль; но герой внезапно бросился на зверя, вонзил руку в горло и, схватив сердце, вырвал его через пасть и прошептал со своим трофеем, еще трепещущим от жизни, в большой зал дворца, где король

в окружении великолепной компании герцогов и графов ел мясо. Выжав кровь из вонючего сердца, принц Ричард обмакнул его в соль и предложил лакомый кусочек собравшимся. Лорды встали из-за стола и, заявив, что со времен Самсона ни один смертный не совершал столь замечательного подвига, тут же окрестили его Львиным кером. Варвар, сочтя невозможным дольше удерживать пленника, который, казалось, пользовался особой благосклонностью Провидения, одарил его подарками, посадил на резвого коня и с великой радостью проводил его до отъезда. Сегодня утром прибыл герольд с известием, что он направляется сюда; поэтому приготовься, сестра моя, принять принца с львиным сердцем с подобающими ему новыми почестями.

Беренгарии не понадобилось повторных уговоров. Доблестный Плантагенет интересовал ее уже больше, чем она осмеливалась признаться даже самой себе, в то время как поведение Ричарда по прибытии в Наварру ясно указывало на привлекательность, которая привлекла его в Наварру, а лестное внимание, с которым относились к нему старший и младший Санчо, обещало довольно быстрое сватовство. Он чрезвычайно любил шахматы, и эта игра служила развлечением для многих часов, когда погода не позволяла заниматься более активными видами спорта. Несмотря на опыт, Ричард часто был неосторожным игроком, и его прекрасная соперница получала перед ним много преимуществ, в то время как он упрямо заявлял, что побежден ее красотой, а не мастерством. Легкий румянец, появлявшийся после его комплиментов, давал повод для новых выражений восхищения, и часто в разгар триумфа победительница обнаруживала, что ее охватывает смущение. Многие приборы незначительной ценности были потеряны и выиграны между дружелюбными соперниками, но только после неоднократных поражений Ричард начал подозревать, что в его распоряжении был какой-то предмет, который его прекрасный противник особенно стремился заполучить. Он в шутку предложил поставить свою голову на кон против пряди ее волос, а когда проиграл партию, серьезно осведомился, примет ли она фант в соответствии с его естественной принадлежностью или, подобно мстительной дочери Иродиады, потребует, чтобы его принесли на подносе, как голову Иоанна Крестителя. Переставив фигуры, прежде чем она успела возразить, он объявил, что теперь на кону должно быть его сердце против ее руки. Игра была окончена в его пользу. Галантно схватив ее руку и прижавшись к ней губами, он возразил, что за все свои турниры никогда не выигрывал такого прекрасного приза; затем внезапно воскликнул: “Что это за волшебная игра, в которой человек может как проиграть, так и выиграть?” Он приложил свою широкую ладонь к боку и с видом глубокой озабоченности продолжил: “Клянусь пресвятой матерью, мое сердце определенно ушло; и я должен возложить на тебя ответственность за его восстановление”.

Сделав над собой усилие, чтобы восстановить самообладание, Беренгария заявила, что она не проиграла и не выиграла партию, поскольку он несправедливо расставил фигуры и продолжил захват ее королевы почти без ее ведома и, конечно же, без ее согласия.

Спортивная беседа, наконец, закончилась компромиссом, Ричард согласился с тем, что дело можно было бы уладить, если бы Беренгария поставила свое сердце на кон против его руки, а она игриво признала, что такой беспринципный игрок мог бы потерять и тело, и душу, если бы он не передал условия более честному игроку. Проницательный глаз Плантагенета вскоре обнаружил, что эта игра представляет для его прекрасной соперницы интерес гораздо больший, чем предыдущие, и, сомневаясь, вызвано ли это ее стремлением заполучить его руку, или ее желанием деликатно заверить его, что он никогда не сможет завоевать ее сердце, он

позволил себе потерпеть поражение. Результат только усилил его замешательство, ибо принцесса, хотя и была явно в восторге от своего успеха, всерьез намеревалась отказаться от своих притязаний на его руку из-за кольца, которое блестело у него на пальце. Слишком заинтересованный, чтобы продолжать игру, Ричард отодвинул шахматную доску и, устремив на нее взгляд, спросил: “Зачем тебе кольцо?”

Принцесса, более чем когда-либо смущенная серьезностью его голоса и манер, пробормотала: “Драгоценный камень - это талисман”. “Верно, - сказал Ричард с неподдельной теплотой, - все подарки Беренгарии - это талисманы”. “Нет, нет!” воскликнула она с неудержимым трепетом. — Я хочу сказать... я хочу сказать... это роковое владение.” Чему я являюсь самым несомненным свидетелем, ” перебил он, “ поскольку под его влиянием я потерял голову, сердце и руку. “ Кончай эти пустые шутки и послушай меня, ” серьезно сказала Беренгария. “ Это расстроит твоё самое заветное желание и выдаст тебя твоему злейшему врагу. “ Никто, кроме Беренгарии, не может помешать моему заветному желанию, - сказал Ричард, пристально глядя на нее. “ и от моего злейшего врага, - добавил он с вызывающим жестом, - эта здоровая правая рука - достаточная защита. В глазах Беренгарии заблестели слезы, и она добавила: “Почему ты меня не понимаешь? Говорю тебе, это сломит твою репутацию”. “Пресвятая Богородица дарует это”, - ответил он с ликующим возгласом. “С того дня, как я впервые получил это, я не переставал настаивать на том, чтобы король Генрих расторг мою помолвку с Алисой Французской”. Сбитая с толку принцесса, не имея больше никаких средств, разрыдалась. - Нет, не плачь, моя сладчайшая Беренгария, - нежно сказал Ричард, - этот камень действительно талисман, поскольку только с его помощью я смог найти сокровище, которое ты так успешно скрывала от моих тревожных поисков. Не бойся зла с моей стороны, моя бедная жизнь имеет двойную ценность с тех пор, как ты проявил интерес к моей судьбе”. Он наклонился, чтобы поцеловать смахнуть слезы с ее щеки, и, сняв цепочку с бриллиантовым крестиком с ее шеи, оставил ее одну, чтобы она пришла в себя.

ГЛАВА IV.

“Ах, я! из всего, что я когда-либо читал,
что я когда-либо слышал в сказках или историях,
Путь настоящей любви никогда не был гладким ”.

“Долгая и тайная помолвка, полная отложенных надежд, была судьбой Ричарда Львиное сердце и прекрасного цветка Наваре”. Изнурительные войны, в которые Элеонора Аквитанская постоянно вовлекала своего мужа и детей, вовлекали Ричарда в сражения более опасные, чем турнирные. Сердце Беренгарии часто сжималось от страха за свою безопасность. Она также была вынуждена отклонять обращения многочисленных женихов, привлеченных ее красотой и богатством, и таким образом подвергла себя обвинению в капризе и неудовольствию своего отца, когда ее мысли были отвлечены слухами о том, что Ричард собирается заключить брак с Элис. Случайный трубадур, воспевавший подвиги ее доблестного возлюбленного, иногда вселял новую жизнь в ее угасающие надежды, и снова, когда по прошествии долгого времени не было никаких известий, она горько упрекала себя за то, что позволила ему сохранить амулет, который, как она была уверена, изменит течение его чувств; и, несмотря на общую

откровенность его характера и неподдельную серьезность его манер, которые больше, чем его слова, убедили ее в его правдивости; ее часто мучило подозрение, что Ричард только забавлялся бесхитростностью его слов. о глупой девчонке и не имел намерения требовать ее от своего отца. Ее единственным доверенным лицом в этом деле был ее брат Санчо Сильный, который утешал ее, яростно упрекая за несправедливое подозрение и решительно отстаивая честь своего отсутствующего друга. В то время как разум Беренгарики таким образом безжалостно метался между надеждой и страхом, ее сестра Бланш была выдана замуж за Тибо, брата графа Генриха Шампанского. На празднике Ричард сопровождал жениха: и когда Беренгарики еще раз прочла восхищение и любовь в каждом взгляде его говорящих глаз и выслушала его восторженные заверения в преданности, и, прежде всего, когда она услышала его гневные проклятия в адрес тех, кто вмешивался в притязания Алисы, она удивилась, как она могла когда-либо сомневаться в искренности его заявлений. Но хотя таким образом ее сердце успокоилось, первое известие, которое она получила от Шампани через Бланш, наполнило ее новыми опасениями. Утверждалось, что между Ричардом и Филиппом, молодым королем Франции, был заключен союз, чтобы вырвать Алису из-под опеки Генриха, и что два принца, чтобы доказать, что они смотрят друг на друга как братья, поменялись одеждой, ели за одним столом и занимали одну комнату. Самоуверенный Санчо Эвен был несколько потрясен этим сообщением, особенно после того, как гасконские подданные Ричарда начали готовиться к войне. Подстрекаемый собственными сомнениями, но в особенности немymi мольбами заплаканных глаз Беренгарики, Санчо отправился на север, чтобы доказать вину или невиновность своего друга. В Бордо он узнал, что Ричард уехал в Пуатье. В Пуатье сказали, что его можно найти в Туре. В Туре подтвердился слух, что Ричард передал свою верность от Генриха Филиппу, и что Генрих, вследствие мятежа своего сына, заболел в Шиноне, и что Ричард был вызван туда, чтобы присутствовать на смертном одре монарха. Поэтому без промедления Санчо отправил команду вперед, к Шинону. Когда он поднялся на возвышенность, откуда на некоторое расстояние открывался вид на дорогу, он увидел отряд вооруженных всадников, ехавших впереди него, и ему показалось, что он различил в авангарде герб Ричарда Львиного Кера. Пришпорив своего коня, он присоединился к арьергарду кавалькады, которая оказалась похоронной процессией Генриха II, которую его заблудший сын вел в аббатство Фонтевро. Скорбный звон колокола смешивался с лязгающей поступью облаченных в кольчуги дворян, которые торжественно и медленно следовали за принцем по длинному проходу церкви. Воздух был тяжел от запаха горящих благовоний, а яркий и красноватый свет погребальных факелов с пугающей отчетливостью высвечивал глубокие борозды, оставленные возрастом, заботами и горем на благородных чертах покойного монарха. Стены, задрапированные собольими одеяниями скорби, отзывались приглушенными звуками органа, в то время как поникшие знамена, украшавшие носилки, затряслись, словно от предзнаменования, при приближении воинского обоза. Один одинокий скорбящий преклонил колени перед алтарем, светловолосый юноша, черты лица которого отличались классической чистотой, казалось, позаимствовали выражение покоя у ужасного присутствия перед ним. Это был Джеффри, младший сын Розамонд. Торжественное пение мессы смолкло, и пораженные священники в благоговейном страхе затаили дыхание, когда тяжелые рыдания вырвались из огромного сердца Львиного Кера и сотрясли стальной корсет, которым была подпоясана его грудь. Джеффри молча поднялся и, подойдя к изголовью гроба, оставил почетное место своему раскаявшемуся брату. “ Отец мой! ” воскликнул Ричард, склоняясь над мертвым и поднимая парализованную руку. “ Отец мой! о, неужели ты не можешь простить? Он остановился в

безмолвном ужасе, потому что *кровь* потекла из липких губ, которые до сих пор всегда откликались на зов любви.

Чувствительное сердце Санчо, терзаемое родственной болью, не могло больше выносить этого ужасного зрелища. Он покинул аббатство, и за ним последовали то один, то другой из толпы, пока обвиняющий себя в отцеубийстве не остался наедине с телом своего отца.

Когда принц Наваррский вернулся в Пампелуну, он воздержался от того, чтобы ранить сердце своей сестры рассказом о печальных обстоятельствах, которые так повлияли на его собственное, но он передал ей заверение, что *Ричард женится только на Беренгари*, запечатанное таинственным драгоценным камнем, который теперь является печаткой короля Англии. Он описал великолепную коронацию своего друга, богатство его нового королевства и восторженный восторг, с которым его новые подданные приветствовали его восшествие на престол. Он также сообщил ей, что Ричард незадолго до смерти своего отца принял крест за Святую Землю и что все его время и мысли теперь заняты улаживанием дел королевства с этой целью; и что союз с Филиппом, который вызвал у нее столько беспокойства, был заключен не для женитьбы на Алисе, а для участия с французским монархом в *Третьем крестовом походе*.

Перспективы ее госпожи пробудили весь энтузиазм Эльзибеды. Она видела сны по ночам и пророчествовала днем о долгих путешествиях верхом и по морю и перемежала свои предсказания приятными историями о попавших в беду девушках, похищенных неверующими африкатами, и чудесных спасениях от кораблекрушения благодаря вмешательству добрых Духов. Но хотя ее язык был так занят, руки ее не бездействовали. Она привела в движение все домашние пружины, чтобы придать гардеробу своей госпожи и себе самой подобающий блеск, и позабавила рукодельниц такими рассказами о восточном великолепии, что они начали считать дорогие ткани, для пошива которых они использовались, едва ли достойными внимания.

В начале осени 1190 года королева Элеонора прибыла ко двору Наварры, чтобы потребовать у своего друга Санчо Мудрого руки его дочери для своего сына Ричарда. Король с готовностью принял это предложение, поскольку помимо того, что доблестный Плантагенет был любовником Беренгари, он был самым образованным, если не самым могущественным монархом Европы. Под эскортом вдовствующей королевы королевская невеста отправилась в Неаполь, где, к своему огорчению и тревоге, узнала, что ее суженый еще не освободился от притязаний Алисы и что властители, собравшиеся для крестового похода, ежечасно ожидали увидеть вооруженные силы христианского мира втянутыми в кровопролитную войну за ее право на супружескую корону Англии.

Дурные предчувствия Эльзибеды не прибавили ей хладнокровия. “Это все дело рук рокового кольца”, - сказала суеверная девушка. “Разве я не говорила тебе, что это нарушит его самое заветное желание?” Беренгария смогла ответить только слезами. Другие обстоятельства заставляли ее опасаться за судьбу экспедиции. Император Фридрих Барбаросса был одним из первых, чья скорбь переросла в негодование из-за падения Иерусалима. Он писал письма Саладину с требованием вернуть город и угрозой мести в случае невыполнения. Учтивый неверный ответил, что, если христиане уступят ему Тир, Триполи и Антиохию, он вернет им кусок дерева, взятый в битве при Тивериаде, и разрешит жителям запада посещать Иерусалим в

качестве паломников. Рыцарство Германии было разгневано этим надменным ответом, и император, хотя и преклонного возраста, вместе со своим сыном герцогом Швабии, герцогами Австрии и Моравии, шестьюдесятью восемью светскими и духовными лордами и бесчисленным воинством крестоносцев, набранных из всех сословий, от благородного рыцарства до самого низкого вассалитета, отправился из Ратисбона на Восток. Добродетельный Барбаросса руководил походом с благоразумием и гуманностью. Избегая, насколько это было возможно, территорий робкого и вероломного греческого императора Исаака Ангела, он пересек Геллеспонт, прошел через Малую Азию, разбил турок в генеральном сражении при Икони и достиг хребта Тавр, завершив трудное путешествие с большей честью, достоинством и успехом, чем выпадало на долю любых предыдущих крестоносцев.

Когда армия подошла к реке Кидн, доблестный Фредерик, подражая примеру Александра, пожелал искупаться в ее водах. Его слуги пытались отговорить его, заявляя, что это место с древних времен было отмечено роковой судьбой; и, чтобы придать вес своим аргументам, указали на надпись на соседней скале: “Здесь погибнет величайший из людей”. Но смирение монарха помешало ему прислушаться к их советам. Ледяной холод ручья охладил слабое течение в его престарелых венах, и сильные руки, которые столько лет боролись с неблагоприятными волнами судьбы, теперь были бессильны спасти его от набегающего прилива. Служители вытащили его, но искра жизни в нем погасла.

Весть об этом печальном событии дошла до Беренгарии, когда ее сердце было взволновано не только сложностью ее собственного положения, но и известием о том, что флот Ричарда потерпел крушение у Лиссабонского порта и что он сам был вовлечен в военные действия с Танкредом. Львиный кер действительно был справедливо разгневан узурпатором владений своей сестры. После первых известий о падении Иерусалима Вильгельм Добрый приготовился присоединиться к крестовому походу со ста галерами, снаряженными и снабженными провизией на два года, шестьюдесятью тысячами мер вина, шестьюдесятью тысячами пшеницы, таким же количеством ячменя, а также столом из чистого золота и шатром из шелка, достаточно вместительным, чтобы вместить двести человек. Будучи поражен смертельной болезнью, он оставил эти предметы по завещанию Генриху II и, назначив своей возлюбленной Джоанне княжеское приданое, доверил ей управление островом. Как только он умер, Танкред, незаконнорожденный сын Рожера Апулийского, завладел наследством и бросил прекрасную вдову в тюрьму. Рев приближающегося льва заставил Танкреда оторваться от своего преступного укрытия, и он, не теряя времени, снял засов с тюремных дверей своего царственного пленника. Но Ричард потребовал полной компенсации и подкрепил свои требования мечом. Он ухватился за Мессину, но в конце концов, благодаря вмешательству французского короля, уладил дело, приняв сорок тысяч унций золота в качестве наследства своего отца и приданого своей сестры. Он также обручил своего племянника Артура Бретонского с дочерью Танкреда, сицилийского принца, согласившегося со своей стороны снарядить десять галер и шесть конных транспортов для крестового похода. Полностью примирившись с английским королем, Танкред в минуту доверия показал ему письма, в которых Филипп вызывался помочь в военных действиях против Ричарда. Это предательство со стороны Филиппа привело к кризису. Воспользовавшись доказательствами вероломства, Ричард направился к французскому лагерю и, сверкая глазами от ярости, страшным властным голосом упрекнул его в низости. Филипп решительно настаивал на своей невинности и объявил письма подделкой, простой уловкой Ричарда, чтобы получить предлог для разрыва романа с его сестрой. Другие лидеры вмешались и пристыдили Филиппа, заставив его согласиться с

желанием Ричарда расторгнуть помолвку с Алисой. Через несколько дней после этого французский король отплыл в Акко.

Но, хотя рука королевского Плантагенета, таким образом, была свободна, долгожданная свадьба все еще откладывалась. Это был период великопостного поста, когда ни одному набожному католику не разрешается вступать в брак. Элеонора, посчитав невозможным больше оставлять свое регентство в Англии, увезла Беренгарию в Мессину и поручила ее заботам королевы Джоанны, которая тоже готовилась к путешествию. Английский флот, считавшийся потерянным, прибыл в гавань Мессины примерно в то же время, и были быстро приняты меры к отплытию. Поскольку этикет запрещал влюбленным плавать вместе, Ричард посадил свою сестру с ее драгоценной подопечной на борт одного из своих лучших кораблей под опеку благородного Стивена де Тернхэма, а сам возглавил конвой на своей любимой галере "Тренк-мер" в сопровождении двадцати четырех рыцарей, которых он организовал в честь своей помолвки, пообещав, что они вместе с ним взберутся на стены Акко. Из-за их значка, нашивки из синей кожи, их называли рыцарями Голубых Ремешков.

Так со ста пятьюдесятью кораблями и пятьюдесятью галерами Ричард с львиным сердцем и его невеста подняли паруса к Земле Обетованной, этому Эльдорадо средневековья, Утопии каждого энтузиаста завоеваний, романтики или религии.

ГЛАВА V.

“Борьба демонов - в сражающихся облаках,
Сияние ада - в этих сернистых молниях;
Это не земная буря”.

Доверчиво и весело, как Младенчество вступает в неизведанный океан существования, влюбленные покинули гавань Мессины и двинулись со своим великолепным кортежем в открытое море. Днем галера "Беренгари" преследовала летящие тени доблестного "Тренк-мер" вдоль побережья Греции или следовала за ним в колышущейся кильватерной струе среди зеленых островов Киклад; ночью, подобно морским птицам, складывающим свои сверкающие крылья, корабли сворачивали свои белоснежные полотнища и серебряными ножками, отбивающими ритм волнам, танцевали по стеклянному дну голубого Средиземного моря, подобно очарованной невесте, слушающей звуки свирели и шалмо, сопровождавшие непринужденный куплет, которым королевский трубадур исполнял песню. добивался ее послушного уха.

Предательское спокойствие, царившее в начале их путешествия, наконец начало уступать место переменчивым настроениям бурного равноденствия, которое, подобно жестокому охотнику, играло надеждами и страхами своей беспомощной жертвы. Облака и солнечный свет попеременно неслись по небу. Порывистые порывы ветра вздымали волны в воздух или срывали ванты с кораблей и уносились прочь, завывая и стоная среди вод. Затем наступил штиль — и тогда — с сводящим с ума ревом собравшиеся потоки призвали на помощь свои боевые силы, чтобы встретить набирающие силу ветры, которые, вырвавшись из своих пещер, обрушились на море со страшной силой.

Женщины, дрожа, поползли к своим ломам, у них кружилась голова от боли и они теряли сознание от страха. Болезнь Беренгарии усилилась до того бесчувственного состояния, при котором тело, парализованное агонией, способно лишь помогать разуму превращать все внешние обстоятельства в ужасные видения. Она снова была в камере алхимика; видела зловещее пламя, слышала оглушительные взрывы, с неземными воплями и стонами, исходящими от мириад демонов, которые толпились вокруг нее со зловещими словами и насмешливыми ухмылками. Она чувствовала, что ее неудержимо несет все дальше, дальше, со все возрастающей скоростью, и это не поддавалось никакому спасению, и вместе со всем этим было ужасающее ощущение падения, вниз, вниз, вниз, в бесконечные глубины.

Фантазия иногда менялась на нее саму, но всегда на более дорогое ей "я". Ричард, ведший могучую, но безрезультатную борьбу с неумолимыми Гениями, мчался перед ней по непостижимым водам, роковое кольцо сверкало сквозь все их отвратительные формы перед ее больным взором; и сбивчивый гул странных звуков, которые кружились в ее головокружительном мозгу, никогда не мог заглушить бесконечные вибрации произносимых шепотом слов,

- Это расстроит его желание и сломит его репутацию,
Выдаст его злейшему врагу
И утопит в море.

Наконец капризные ветры возвестили о перемирии между противоборствующими стихиями. Сбитые с толку облака, словно отступающий враг, время от времени выпускающий стрелы из своих истощенных колчанов, поспешили прочь в диком смятении, в то время как торжествующее море, чья вздыбленная поверхность все еще была взволнована грандиозным сражением, издавало угрюмый рев гордого вызова.

Принцесса Наваррская, освобожденная от рабства воображаемых ужасов, осознала реальную опасность, с которой столкнулся флот. Напрасно вмешивались встревоженные слуги, она настаивала на том, чтобы ее вывели на палубу, откуда тоскующими глазами она смотрела во все стороны в поисках коры своего возлюбленного. Поблизости не было видно ни одного судна. Дикая водная пустошь насмехалась над ее тревожным вниманием. Ее собственная галера была настолько выведена из строя, что моряки с большим трудом привели ее в Лимузу, столицу Кипра, и не успели они бросить якорь, как Исаак Комнин, правитель острова, атаковал незнакомый барк с такой яростью, что они были вынуждены снова грести со всей скоростью, чтобы отплыть. Пока корабль лежал, отданный на милость волн, мимо проплывали разобранные обломки затонувших судов, сломанные мачты и рангоуты боролись с водой, словно заблудившиеся моряки, борющиеся за жизнь.

В то время как Беренгария предавалась мучительному убеждению, что "Тренк-мер" с его драгоценным грузом затонул во время шторма, Ричард, чей корабль был загнан на Родос, собирал свой рассеянный флот и прочесывал море в поисках потерянных сокровищ. Прибыв с Кипра, он увидел королевскую галеру и, узнав, что безжалостный деспот выгнал ее из гавани, в великом гневе высадился на берег и отправил послание Исааку, предлагая призвать своих подданных оторваться от работы по разграблению затонувших кораблей и совершить обряд гостеприимства.

Высокомерный киприот ответил, что “какие бы товары ни выбросило море на его остров, он должен брать, ни у кого не спрашивая разрешения”. “Клянусь Иисусом, царем Небесным, они будут куплены дорогой ценой”, - возразил Ричард и, схватив свой боевой топор, повел своих крестоносцев на выручку и вскоре загнал самозваного императора вместе с его мирмидонцами в горы. Не теряя времени, Ричард погнался за ним туда и, ведомый цаплей из полированного золота, которая сверкала на императорском шатре, в темноте проник в лагерь, устроил большое побоище врагу и унес все сокровища; Исааку снова удалось спастись с большим трудом. Два прекрасных арабских скакуна, Фануэль и Лейярд, выпали на долю завоевателя.

“В мире не было им равных,
ни Верблюда, ни дестрера”.

С этой великолепной добычей вернулся король Ричард и, овладев столицей своих врагов, подал сигнал к заходу галеры, которая так долго неохотно находилась на карантине вне порта. Беренгария, почти сломленная усталостью и страхом, трепещущая от радости, была поднята на берег сильными руками победоносного Львиного кера. Когда он сопровождал ее дрожащими шагами ко дворцу, киприот нищенского вида бросился перед ними на колени и поднес их изумленным глазам кольцо-талисман! Ричард почувствовал, как его легкая ноша еще тяжелее легла на его руку, и увидел по ее бесцветному лицу, что все ее опасения вновь пробудились. Нежно прошептав ей слова ободрения, он повернулся к незнакомцу и, разразившись сердечным смехом, воскликнул: “Ха! негодяй, откуда у тебя эта безделушка? Есть новости о моем канцлере? Нищий ответил, что на берег выбросило несколько тел и что с руки одного из них он снял это кольцо, которое принес английскому монарху в надежде выкупить его жену и семью, взятых в плен. Ричард, обрадованный возвращением драгоценного камня, с готовностью удовлетворил просьбу просителя, добавив в качестве награды большой кусок золота. Надев печатку на палец, он повернулся к своей прекрасной подопечной со словами: “Ободришься, милая, твое кольцо исполнило свое предназначение. Бедный канцлер ”утонул в море”, и отныне ты можешь смотреть на это с благосклонностью, ибо сегодня это *исполнит* мое "заветное желание", поскольку добрый епископ ждет момента, чтобы короновать тебя королевой Ричарда.

Почувствовав облегчение от того, что кольцо, в конце концов, не предвещало Ричарду ничего дурного, и успокоенная его словами, Беренгария поддалась сладостным чувствам, переполнявшим ее сердце, и с радостью позволила ему отвести себя в присутствие архиепископа, который вместе с рыцарями и знатью ожидал их прибытия. “И там, ” согласно древнему писателю, “ в радостный месяц май 1191 года, на цветущем и просторном острове Кипр, прославленном как обитель богини любви, король Ричард торжественно взял в жены свою возлюбленную леди Беренгарию”. Союзные крестоносцы, с согласия киприотов, настояли на том, чтобы Ричард был коронован королем Кипра, и двойная корона из драгоценных камней и лилий была возложена на голову невесты как королевы Кипра и Англии. Дочь Исаака вскоре после этого пришла просить милости новых государей, и отец, отказавшись от своих владений, был закован в серебряные цепи и передал пленницу Беренгарию.

Было уже начало лета, и флот Ричарда, переоборудованный и перегруженный из богатых гаваней Кипра, снова отплыл в Акру. Приблизившись к бухте, они заметили большой корабль, нагруженный до отказа, и послали легкое судно узнать, куда оно направляется и каков его груз.

Переводчик ответил им, что судно прибыло из Апулии и везет провизию для французской армии. Заметив только одного человека, они настояли на том, чтобы увидеть остальных членов экипажа. Внезапно на палубе появилось множество сарацин, которые ответили общим криком неповиновения. Ричард немедленно отдал приказ подняться на борт незнакомца. Офицеры легковооруженных галер почувствовали некоторую нерешительность, атакуя высокие борта турецкого судна. “Я распну всех своих солдат, если она сбежит”, - закричал Плантагенет. Его люди, страшась гнева своего повелителя больше, чем всех вражеских стрел, изо всех сил налегли на весла и вонзили острые клювы своих галер в борта врага. После короткого сражения неверные сдались, и англичане нашли на трофее большое количество провизии, бочонки с греческим огнем, оружие и сокровища из золота и серебра, которые они едва успели разгрузить, когда судно, затопленное отчаявшейся командой, затонуло, как свинец в могучих водах.

Воодушевленные этим важным захватом, христиане продолжили свой путь. Сразу за портом Акко их встретил шпион, который сообщил, что гавань стала недоступной из-за огромной железной цепи, которую сарацины натянули поперек входа. Это непреодолимое препятствие придало новую силу руке Ричарда. Выбрав самую большую и крепкую галеру во флоте, он наполнил ее самыми отважными гребцами, занял свое место на носу судна, приказал направить ее против середины цепи и, дождавшись момента наибольшего напряжения, с такой силой ударил по ней своим боевым топором, что она сломалась, и весь флот с триумфом вошел в гавань.

ГЛАВА VI.

ВЫБРАНО ИЗ ХРОНИКИ ВИНСОФА, 1191 ГОД.

“В субботу перед праздником блаженного апостола Варнавы, на неделе Пятидесятницы, король Ричард высадился в Акко со своей свитой, и земля содрогнулась от возгласов ликующих христиан. Народ выражал свою радость приветственными криками и звуком труб; этот день отмечался как юбилейный, и повсюду царило всеобщее веселье в связи с прибытием короля, которого так долго ждали все народы. Турки, с другой стороны, были напуганы и повержены его появлением, ибо они поняли, что всякому бегству и возвращению придет конец из-за множества королевских галер. Два короля проводили друг друга из порта и оказывали друг другу самое подобострастное внимание. Затем король Ричард удалился в палатку, заранее приготовленную для него, и немедленно приступил к приготовлениям к осаде, ибо его больше всего заботило выяснить, с помощью каких средств, хитростей и машин они могли бы захватить город без потери времени.

“Ни одно перо не может в достаточной степени описать радость народа по случаю прибытия короля, ни один язык не может подробно описать ее. Считалось, что само спокойствие ночи улыбается им вместе с более чистым воздухом; звучали трубы, рожки, и пронзительные интонации свирели и более глубокие ноты тимпана и арфы ласкали слух; и звучали успокаивающие симфонии, словно разные голоса сливались в один; и не было человека, который на свой манер не предавался радости и восхвалению; либо распевая популярные баллады, чтобы засвидетельствовать радость своего сердца, либо перечисляя деяния древних,

возбуждая своим примером дух современников. . Некоторые пили вино из дорогих кубков за здоровье певцов; в то время как другие, смешавшись, высокие и низкие, провели ночь в постоянных танцах.

“И их радость была еще больше усилена покорением острова Кипр королем Ричардом - места, столь полезного и необходимого для них, которое могло бы сослужить огромную службу армии. В качестве еще одного доказательства ликования их сердец и для того, чтобы рассеять ночную тьму, восковые факелы и пылающие огни сверкали в изобилии, так что ночь, казалось, была захвачена яркостью дня, и туркам показалось, что вся долина охвачена огнем ”.

ГЛАВА VII.

“Долой этого дурака! Иди, утешай
духов, таких же ручных и жалких, как ты сам;
Они сводят меня с ума!”
Бейли.

От порта Акко великая равнина Ездразлон простирается на восток до Геннесаретского озера, разделяя страну на две части. Эта равнина была Акелдамой народов, воевавших в Палестине. Там звезды на своем пути сражались против Сисары, там Саул и его сыновья бежали и пали убитыми перед филистимлянами, там добрый царь Иосия был побежден египтянами, и там христиане и мусульмане со смертельной враждой боролись за суверенитет Святой Земли. Город Акко был владением неверных. Вокруг него бесчисленными толпами расположились осаждающие, представляющие все нации Европы; великолепные шатры, великолепные знамена, сверкающее оружие и гербовые доспехи всех оттенков и форм, какие только могли предложить индивидуальные фантазии и национальные особенности, усеивали равнину всеми разнообразными красками, которые свет окрашивает в изменчивую текстуру осенней листвы. За осаждающими войсками расположились лагерь сыны ислама, турки, татары, египтяне и бедуины, покрыв горы, долины, возвышенности и равнины белыми и сверкающими шатрами, в то время как черное знамя Саладина реяло над всем этим, гордо бросая вызов алому знамени с крестом. Прибытие англичан увеличило лагерь крестоносцев, так что он растянулся полукругом вокруг Акры, от моря до моря, исключив всякое сообщение между султаном и городом, в то время как пизанцы на своих легких галерах перекрыли все поставки по морю.

Ричард на деньги, которые он привез с Кипра, щедро вознаграждал доблесть солдат и вселил новую отвагу в войска. Король Англии, живший на побережье Палестины, не признавал себя вассалом короля Франции. В совете вождей он имел равное, если не большее влияние, и в вопросах, представляющих общий интерес, соперничающие монархи обычно оказывались по разные стороны баррикад. Сибилла, жена Ги де Лузиньяна, была мертва. Конрад Монсерратский, принц Тирский, женившись на ее сестре Изабелле, претендовал на идеальную корону Иерусалима. Филипп поддерживал притязания Конрада, в то время как Ричард оказал свою могущественную помощь Лузиньяну. Генуэзцы и тамплиеры встали на сторону Филиппа, пизанцы и госпитальеры - на сторону Ричарда. Филипп стремился соблазнить вассалов Ричарда по праву своего сюзеренитета и предлагал по три золотых в месяц каждому из

нормандских рыцарей, которые присоединятся к его штандарту, в то время как Ричард, более богатый и менее скупой, предлагал по четыре золотых тем французским феодалам, которые захотят сражаться под знаменами Англии.

Эти фракции разрушали единодушие, столь необходимое для успеха, и ставили под угрозу любое предприятие. При таком положении дел на обоих монархов напала лихорадка, связанная с климатом, и, таким образом, хотя гарнизон Акко страдал от голода, осаждающие были не в состоянии использовать свое преимущество.

Король Ричард метался на своем ложе, снедаемый лихорадкой и нетерпением, и едва терпел нежные попытки своей любимой королевы отвлечь его от неприятных мыслей, нарушавших его покой. - Выпейте, милорд, - сказала Беренгария, протягивая ему охлаждающий напиток, - и приготовьтесь отдохнуть. Пиявка говорит, что сон - лучшее лекарство от этих сирийских болезней”.

“Говори о сне коню, который слышит боевой клич, но не говори об отдыхе и тишине Ричарду, пока знамя ислама реет над христианским лагерем. Если бы не эта проклятая лихорадка, я стоял бы рядом с благородным Альбериком и моими доблестными рыцарями Голубого Пояса на стенах Акры.

Беренгария подавила произвольную дрожь. “Нет, тогда я должен благодарить Бога за лихорадку, поскольку в противном случае нам пришлось бы этой ночью оплакивать не только потерю французского графа, но и разрушение оплота христианского мира”.

“Ты рассуждаешь как женщина, такая, какая ты есть, ” сказал Ричард раздраженным тоном. - Думаешь, английская секира не лучшее оружие, чем гасконское копье?

“Мой женский разум следует страхам моего женского сердца, - сказала королева, и глаза ее наполнились слезами, - и учит меня, что, если бы Ричарда не стало, и Палестина, и Беренгария оказались бы во власти французского короля”.

“Клянусь моим хэлидомом, ты говоришь правду, - сказал Ричард, беспокойно ворочаясь с боку на бок. - Поэтому мне неприятно лежать здесь без дела, опасаясь, как бы коварный Филипп первым не водрузил свой штандарт на башнях Акры.

Чувствуя свою полную неспособность выбирать темы, в которых вспыльчивый монарх не нашел бы причин для раздражения, Беренгария вызвала своего любимого Блонделя с лютней. Но едва Ричард согласился послушать провансальскую песенку, как вошел граф Солсбери.

“На! Дальний Меч, - воскликнул монарх, - у тебя вести от предводителей христианского воинства”.

При первом появлении воинственного брата Ричарда Беренгария удалилась, чтобы быть невидимой для своего повелителя, и жестом призвала его к тишине. Поспешно ответив на приветствие Ричарда, Уильям несколько минут совещался отдельно с королевой и Джоанной.

“Болезнь усиливается, ” сказала она в сильном волнении. “Умоляю тебя, не огорчай его дурными вестями. Лихорадка уже доводит его до безумия. Жизнь зависит от его спокойствия ”.

“О чем вы шепчетесь?” - воскликнул Львиный кер, поразив их своей энергией. “Говорю вам, я узнаю все. Длинный Меч, позоришь ли ты кровь Плантагенетов, советуясь с женщинами и пиявками? Говори, человек, я приказываю тебе.

Не смея больше раздражать властного инвалида, сын Розамонды выступил вперед и заявил, что турки, видя, что христианская армия очень удручена потерей графа Альберика и его штурмового отряда, послали просить перемирия на восемь дней, обещая в то же время, если султан не пришлет им скорейшей помощи, сдать город при условии, что всем туркам будет позволено уйти со своим оружием и имуществом. Вследствие тяжелого недомогания Ричарда вожди сочли благоразумным не беспокоить его по этим вопросам; и поэтому король Франции и герцог Австрии взяли на себя ответственность дать благоприятный ответ на это предложение.

“Клянусь душой моего отца,” воскликнул Ричард, - сын Франции более труслив, чем я думал. Не стоит и думать о том, чтобы отказаться от награды, когда она у нас в руках. Отправьте послов ко мне. Они поймут, что Львиный кер не променяет славу на покинутый город. Ступай, - добавил он, заметив нерешительность Длинного Меча, - и не смей больше появляться в моем присутствии без посланцев.

“Но пиявка сказала—” вмешалась Беренгария. “Проклятие святого Иисуса на пиявке! Неужели я должен подчиняться нянькам, пичкать лекарствами и убаюкивать колыбельными, как ребенка-мула? Прочь! или мой камергер заставит тебя уйти, - сказал он, бросив первый сердитый взгляд на свою дрожащую королеву.

Сочтя все увещевания напрасными, смущенные женщины уступили его порывистости, лишь удостоившись чести присутствовать при собеседовании. Несмотря на то, что монарх был болен, он был облачен в парадную мантию и с пылающими от лихорадки щеками и глазами, сверкающими непривычным блеском, лежал на подушках на скамье, наспех сооруженной в соответствии с назначением трона. Едва были улажены эти предварительные приготовления, как камергер ввел Длинного Меча в сопровождении послов. Смуглый египтянин Месток в своем великолепном кафтане и белом тюрбане особенно вызывал восхищение молчаливых женщин и, казалось, обладал завораживающей властью над Эльзибете, которая вглядывалась в его лицо, как будто различала в нем знакомые черты друга.

Гнев, который Ричард выказывал по отношению к своим слугам, сменился надменной вежливостью, когда он беседовал с благородными сарацинами. Он сразу же прекратил все переговоры относительно предложения разрешить туркам покинуть город без выкупа, но милостиво согласился на перемирие. Беренгария с ужасом заметила, что, хотя Карасуа проявлял настолько живой интерес к переговорам, насколько позволяла серьезность турок, Месток, казалось, был больше занят изучением личности монарха и с удивлением и любопытством рассматривал печатку, поблескивавшую у него на пальце.

Едва закончилось совещание, как Ричард откинулся на спинку стула, бледный и измученный недавним напряжением, и срочно вызванный лекарь настоял, чтобы король остался с ним наедине до конца ночи. Приготовив снотворное и почти насильно влив его в горло своему упрямому пациенту, он перенес лампу в переднюю часть палатки и, отдав камергеру строгий приказ никого не впускать под каким бы то ни было предлогом, сел наблюдать за действием своих снадобий. После нескольких беспокойных ворочаний и невнятных восклицаний досады и беспокойства монарх погрузился в тяжелый сон, прерываемый лишь редкими проклятиями в

адрес неверных, с которыми он сражался во сне с враждебностью, которая сделала бы честь его мести наяву.

Когда сумерки сгустились во тьму, прохлада сирийского вечера пролила благодатную росу сна на усталые веки тех, кто откликался на постоянные просьбы королевского инвалида, и принесла счастливоезабвение покоя тем, кто выполнял более воинственные обязанности арблуста и мангонеля. Звуки жизни постепенно стихли, и глубокая тишина воцарилась во всем христианском лагере, нарушаемая лишь поступью патруля, который совершал свой утомительный обход аванпостов, подобно часовому осажденного города.

В своих длительных попытках успокоить рыдающую королеву Эльзибеда узнала любопытный и необъяснимый факт, а именно, что чрезмерно возбужденные чувства чувствительной жены оказывают большее воздействие на терпение и энергию сиделки, чем реальные желания самого больного. Таким образом, пиявка долго дремал на своем посту, прежде чем встревоженная мавританская девушка сочла возможным отойти от постели своей госпожи. Наконец непрекращающиеся призывы к ее сочувствию перешли во вздохи, которые постепенно сменились ровным дыханием здоровогосна, и нетерпеливый слуга, бесшумно выскользнув из комнаты, стал искать среди слуг коварного Саламана.

“Проснись, Саламан, ” тихо прошептала она. Чернокожий мгновенно поднялся, не поздоровавшись и не сказав ни слова, и встал перед ней, закатывая глаза с совершенным самообладанием, как бы для того, чтобы отвести подозрение, что человек с его активной бдительностью мог быть обнаружен в слабой дремоте. Приложив палец к губам, Эльзибеде прошла между спящими стражниками к небольшому ограждению перед палаткой. “Принеси мне, - сказала она, - перстень с печаткой с руки короля”. Саламан, который долгое время страдал от галлюцинации, что ни один подвиг не может быть выше его сил, выглядел абсолютно трезвым при виде этого неслыханного предложения, воскликнув: “Это значит сунуть голову в пасть льву!” но, мгновенно обретя самодовольство, он добавил: “Нет ничего проще. Оставайся здесь, пока я не приду. Умело обходя веревки шатра, он проскользнул под складками павильона во внешние покои, где мелодично храпели камергер и стражник, и, осторожно приподняв занавес, вошел в королевское присутствие. Но сквозь царившую темноту он не мог с легкостью разглядеть точное расположение ложа монарха. Крадучись по полу, он сначала положил руку на ногу врача, который инстинктивным пинком предупредил его об опасной близости. Наконец, когда его глаза привыкли к темноте, он заметил сверкание драгоценного камня на руке монарха, свисавшей с края кровати. Снять кольцо с несколько ослабевшего пальца было делом одного мгновения, но прикосновения, каким бы легким оно ни было, было достаточно, чтобы потревожить дремлющего льва. “На! мерзкий дьявол! ” воскликнул мечтатель, вцепившись в лохматые волосы негра. “Талисман в безопасности, Беренгария, будь здорова— - последовали нечленораздельные звуки, которые, наконец, затихли в тишине; когда Саламан с привычной осторожностью высвободил свою голову из лапы льва и таким же незаметным и утомительным способом удалился. Эльзибед ждала его прихода с мучительным нетерпением. Схватив кольцо, она закрыла лицо вуалью, которую обычно носили женщины Востока, и, попросив его следовать за ней, направилась в город. Луна, только что окунувшая свой серебряный ободок в Средиземное море своим прощальным лучом, отбросила удлинившуюся тень патруля полностью поперек их пути. Съежившись за пологом палатки, они остановились, затаив

дыхание и охваченные ужасом, в то время как часовой, повернувшись лицом к Иерусалиму, прокричал над их головами голосом, отчетливым и пугающим в ночной тишине: “Помогите! Помогите! Помогите во имя Гроба Господня!” Ближайший часовой подхватил крик, повторяя слова своего соседа, который передал лозунг дальше, пока “Помогите! Помогите! Помогите Гробу Господню!” - эхом прозвучало на всех языках Европы, достигло ушей каждого спящего в христианском лагере. Когда звуки затихли вдали, патруль продолжил свой обход. Ужас Эльзибед бесконечно забавлял Саламан, чей неудержимый смех усиливал ее страх быть обнаруженной и усиливал ее тревогу.

После этого приключения они продолжили свой путь с удвоенной скоростью и беспрепятственно добрались до заставы, где охрана остановила их продвижение. Эльзибед предъявила монаршую печатку со словами: “Не откладывайте наше поручение”, и стражник, пробормотав: “В светлой головке королевы всегда есть какая-нибудь женская шалость”, позволил им пройти. Когда они в одиночестве брели между лагерем и стенами Акко, Саламан осмелился спросить: “Куда ты идешь, Эльзибед?”

“Я едва ли знаю, - ответила девушка хриплым голосом, - но этим вечером перед королем Ричардом предстал тот, кто смотрел на меня глазами моей матери; и, покидая шатер, он прошептал мне на языке цыган: ”Встретимся на закате луны в башне Маледикта“.

“ В этой стороне находится башня, ” сказал Саламан, увлекая ее вправо. Теперь они приблизились к черным и хмурым стенам Акко и, повернув за угол, вплотную подошли к небольшому отряду турок, спавших на земле, и их окликнули на мавританском языке. Саламан с готовностью ответил на том же языке. Месток немедленно подошел и, взяв Эльсибеду за руку, отвел ее в сторону, и завязался долгий и серьезный разговор.

Когда она вернулась к Саламану, по ее щекам текли слезы, и, спрятав лицо в вуали, она не сказала ничего другого, кроме: “Он брат моей матери”, - и направилась обратно к королевскому шатру. “Поторопись”, - сказала она, вкладывая кольцо ему в руку. “Если принц проснется, мы пропали”. Саламан поспешил выполнить свое поручение и с успехом повторил свое опасное приключение. Не осмеливаясь, однако, надеть кольцо на палец монарха, он положил его на покрывало рядом со своей рукой и отступил до приемной, где, к несчастью, споткнулся о скамью, на которой отдыхал стражник. Камергер мгновенно вскочил на ноги, а Саламан быстро, как мысль, выключил фонарь и убежал в спальню простых слуг, но здесь его продвижение было остановлено наполовину проснувшимся солдатом, который схватил его за лодыжку и крепко держал. Сюда, как только удалось снова зажечь лампу, за ним последовал камергер, но такова была неразбериха между бормотанием тех, кто не желал, чтобы их беспокоили, и промахами тех, кто воображал, что не спит, таковы были проклятия дьявола, турка и неверного, что никто не имел ни малейшего представления о том, что произошло. Едва гофмейстер обратил свой взор на настоящего преступника, как с сердитым и важным видом ответственного лица, которого самым бесцеремонным образом разбудили, вошла Эльзибед и, подойдя прямо к Саламану, схватила его и начала трясти с величайшей силой, освободив таким образом из рук стражника. “Проснись, прислужник, - сказала она, - проснись, я говорю. Что за авантюры ты опять затеял во сне? Ручаюсь, у тебя беспокойная совесть. Моя госпожа отстранит тебя от своей службы, если ты не признаешься в своих грехах и не покоишься с миром”. Негр протер глаза и, спотыкаясь, как человек, еще не проснувшийся, добрался до своего тюфяка и радостно устроился под одеялом.

“ Ты видишь, ” сказала Эльзибеда, поворачиваясь к камергеру, “ этот негодяй умеет ходить во сне. Прикажи им вести себя тихо, потому что я не хотела бы, чтобы мою госпожу беспокоили. Сказав это, она вышла из комнаты.

“ Он, конечно, умеет ходить, ” проворчал камергер, “ но спит или бодрствует, я в этом сомневаюсь. Уродливый неверующий не может принести ничего хорошего в христианскую семью”.

В королевском шатре поднялся еще больший шум. Монарх, разбуженный первым неудачным шагом Саламана и оказавшийся в темноте, громко закричал, требуя света; но, не получив ответа, разгневался и, схватив чашку с лекарством, как самый меткий снаряд, швырнул ее в сторону храпящего врача. Серебро, соприкоснувшееся с черепом доктора, оживило его до замечательной степени; в темноте и от боли он метался по комнате, сам не зная с какой целью, пока не упал ниц поперек ложа короля, который, приняв его за вторгшегося турка, страшно избил его подушками и, требуя меч, копье и боевой топор, во имя всех святых в календаре вызвал его на смертный бой.

В этот момент вернулся камергер со светильником и, увидев, что король, таким образом, вершит правосудие над пиявкой, несмотря на собственную досаду, разразился искренним смехом, к которому Ричард, уже израсходовавший избыток своей желчи, как только понял, в чем дело, присоединился с величайшим ликованием. Врач тем временем не понял смысла шутки и, потирая голову, заявил с профессиональным авторитетом, что для пациента не может быть ничего хуже таких неумеренных упражнений и смеха. Взяв чашу, он с печальным выражением лица смешал свежее зелье, которое шутливый монарх выпил за его здоровье и таким образом снова приготовился к отдыху.

Львиный кер принял свое кольцо, когда его нашли на полу, без малейших признаков удивления и с готовностью объяснил его потерю, сказав: “Наша королевская печать вряд ли будет в безопасности на этой исхудалой руке, особенно учитывая, что мы можем сражаться за христианский мир без латных перчаток или меча”. Выговор, которым он наградил доктора, привел его в такое приподнятое настроение, что он с большой легкостью проглотил необходимые лекарства, и достойный пиявка, полностью оценив эту часть шутки, воспользовался непривычной снисходительностью короля, чтобы ввести те тошнотворные средства, от которых монарх прежде упорно отказывался.

ГЛАВА VIII.

“Ах, никогда земля не забудет,
Как лилась живая кровь храбрецов,
Еще теплая от надежды и мужества,
На землю, за спасение которой они сражались”.
Брайант.

Восьмидневное перемирие закончилось, и Филипп, оправившийся от болезни, снова повел штурм стен Акры. Ричарда, также медленно выздоравливающего, доставили на место

конфликта, где он руководил работой своих воинственных машин, предлагая награду за каждый камень, который солдаты выбьют из башни Маледиктум. У французов была мощная машина, которую они называли “Плохим соседом”, а турки, со своей стороны, противопоставили ей аналогичную машину под названием “Плохой брат”. Эти двигатели работали днем и ночью, и башня стала ареной всевозможных ожесточенных атак и решительной обороны, как в одиночном бою, так и объединенными усилиями. Однажды утром гигантский турок, одетый в доспехи графа Альберика, показался на стене в вызывающей позе, когда Ричард, который уступил представлениям вождей настолько, что воздержался от личной встречи, схватил арбалет и послал стрелу, несущую смерть, в сердце неверного. Разъяренные турки сбежались, чтобы отомстить за его падение. Христиане встретили их с такой же готовностью, и последовала резня, которая продолжалась до тех пор, пока ночная тьма не разделила сражающихся.

Христиане начали подрыв башни и продвинулись на некоторое расстояние под стену, когда наткнулись на отряд турок, которые готовились к отступлению в противоположном направлении. Шум копания и неверный свет мешали друг другу обнаружить друг друга, пока земля внезапно не разверзлась между ними, и враги не оказались лицом к лицу с мотыгами и лопатами в руках. Но когда изумленные турки увидели, что они таким образом помогли христианам войти в город, они бросились бежать с большой поспешностью и сразу же заделали вход. В ту ночь часть башни Маледиктум пала, и сарацины, поняв, что всякое дальнейшее сопротивление будет тщетным, предложили условия мира. Они согласились отдать город Акко со всеми содержащимися в нем сокровищами, как деньгами, так и оружием и одеждой, выплатить более двухсот тысяч сарацинских талантов и вернуть истинный крест, который был взят мусульманами в битве при Тивериаде. После долгих дебатов совет вождей согласился с этими предложениями, и все пейнимские дворяне в городе были переданы в качестве заложников до тех пор, пока условия не будут выполнены. После того, как все было подготовлено, ворота распахнулись, и турки с серьезными, но жизнерадостными лицами и неустрашимым поведением вышли из города через христианский лагерь в направлении Тверии.

ВЫБРАНО В VINESAUF.

“Наконец, когда все турки ушли, христиане с двумя царями во главе беспрепятственно вошли в город через открытые ворота с танцами, радостью и громкими криками, прославляя Бога и благодаря Его за то, что Он возвеличил Свою милость к ним, посетил их и искупил Свой народ. Затем знамена и различные штандарты двух королей были подняты на стенах и башнях, и город был поровну разделен между ними. Они также пропорционально разделили оружие и провизию, которые нашли; и все количество пленников, подсчитанное ими, было разделено по жребию. Благородный Каракуа и еще множество других достались на долю короля Франции; а королю Ричарду достался на свою долю Месток и все остальное. Более того, королю Франции достался на свою долю великолепный дворец тамплиеров со всеми его принадлежностями; а королю Ричарду достался королевский дворец, куда он отправил королев с их девицами и служанками; таким образом, каждая получила свою долю в мире. Армия была распределена по городу и после затаянного сражения и столь долгой осады позволила себе расслабиться и подкрепилась всем необходимым”.

Как только крестоносцы обосновались в городе, возникли новые смуты. Леопольд, герцог Австрийский, будучи родственником Исаака Комнина, присоединившегося к тамплиерам, настаивал на том, чтобы киприотка была передана под его опеку; но Беренгария, нежно привязавшись к ней, отказалась выдать ее. Ссора разгорелась, и разгневанный Ричард в порыве гнева сорвал знамя Австрии со стен Акко. Это унижение породило смертельную вражду, которая препятствовала вооружению и мешала советам круазов в течение всей кампании. Христиане, однако, восстановили разрушенные стены и жилища города, духовенство восстановило и освятило алтари, а армия, следившая за выполнением обещаний Саладина, отдыхала от усталости, наслаждаясь безопасностью и роскошью. Перед истечением срока, предоставленного для выкупа заложников, Филипп Август, симулируя болезнь, но на самом деле страдая от всепоглощающей ревности к превосходству своего соперника, заявил о своем намерении вернуться в Европу. Вожди, собравшиеся на совет, протестовали против этого недостойного отступления от общего дела, поскольку Саладин, подавленный падением Акры, был не в том положении, чтобы оспаривать их путь на Иерусалим. Когда Ричард услышал о решимости Филиппа, он превзошел самого себя в проклятиях, которые он обрушил на непокорного принца, и категорически отказался поддерживать какие-либо контакты на эту тему: но, наконец, исчерпав силу своего гнева, он пошел на компромисс, дав свое согласие на эту меру при условии, что герцог Бургундский и большая часть французов останутся в Сирии, и что Филипп поклянется беспрепятственно покинуть английское королевство в течение сорока дней после того, как Ричард сам вернется в свои владения. Затем французский монарх покинул Акко под свист и проклятия зрителей. Он остановился в Тире и, уступив Конраду свои права на завоеванный город и выкуп турецких пленников, отплыл в Европу. Срок, установленный для выкупа заложников, почти истек, а Саладин все еще заявлял о своей неспособности найти истинный крест и под разными предложениями уклонялся от выкупа пленников.

Дворец эмира в Акко с его крытыми верандами, охлаждающими фонтанами и богато ухоженными садами представлял собой восхитительную резиденцию для семьи Кер де Лион. Эльзибете, в которой это оживило воспоминания о детстве в Альгамбре, наслаждалась роскошью, каждая из которых вызывала у нее счастливые ассоциации.

Обеспечив таким образом своему нежному подопечному безопасное отступление, Ричард, намереваясь как можно скорее отправиться в Иерусалим, приказал собрать петрарии, мангонели и другие боевые машины для транспортировки. Он также отправил гонцов к Конраду, принцу Тирскому, требуя, чтобы тот отправился со своими заложниками и армией в Акру, получил свою долю выкупа и был готов выступить против неверных. Маркиз отказался, заявив, что он не осмеливается появляться в присутствии Ричарда и что, если истинный крест когда-нибудь будет найден, он получит половину его для короля Франции, а до тех пор не должен выдавать заложников.

По истечении более длительного срока, чем тот, который был назначен для заключения договора, был созван совет вождей, чтобы обсудить судьбу пленников. Оставить три тысячи пленных без достаточной охраны означало бы снова сдать город туркам. Попытка переправить их с армией была бы немыслимым бременем, сопряженным с бесконечной опасностью. Обеспечивать такое множество людей, будь то в городе или лагере, было бы невыносимым налогом на быстро истощающиеся финансы; а освободить их означало бы пополнить ряды бдительного врага таким количеством активных воинов и, таким образом, подорвать экспедицию в самом конце. Поэтому было решено, что заложников на следующий день следует

вывести на соседний холм и казнить для смущения мусульман и назидания всем истинным христианам.

Благородный Месток, считавшийся одним из самых важных и ценных заложников, получил знаки отличия. Он был помещен в соответствии со своим рангом и пользовался свободой, превышающей ту, которая распространялась на других заключенных, и таким образом Эльзибеде добивался частых бесед, не вызывая подозрений об отношениях между ними.

Вечером, во время совета вождей, Саламану удалось с помощью средств, известных только ему самому, услышать все, что произошло, о чем он добросовестно доложил Эльзибеде.

Следующей ночью, когда Месток спокойно почивал, не подозревая о судьбе, угрожавшей турецким пленным, он был удивлен визитом своей племянницы, которая, сообщив ему о намерениях христиан, умоляла его совершить побег под заранее приготовленной для этой цели маской.

Благородный египтянин отказался, но, тронутый ее мольбами, сказал ей: “Если бы у тебя был гонец, через которого я мог бы передать знак Султану— Но нет, серая ночь уже предвещает рассвет. Слишком поздно. Если бы султан оценил слабые услуги своего слуги, он не оставил бы его умирать от руки христианской собаки. Хвала Аллаху, Смерть - это ключ, открывающий врата Рая”.

Сочтя дальнейшие настойчивые просьбы напрасными, Эльзибеде со слезами на глазах отклонялась, прокручивая в уме другие способы добиться освобождения.

Рано утром пленников провели скорбной процессией через городские ворота в сопровождении великого множества самых набожных и воинственных христиан, которые, по словам современного писателя, “с восторгом двинулись вперед, чтобы отомстить с согласия Божественной Милости тем, кто уничтожил так много христиан метательными снарядами, луками и арбалетами”.

Среди солдат распространился слух из неизвестного источника, что от Саладина были получены новые обещания выкупа и что, если казнь удастся отложить до вечера, придут гонцы с сокровищами. Благодаря этой уловке главные эмиры продержались далеко за полдень. Но никаких признаков спасения тогда не появилось, и те, кто ожидал падения мусульманства путем полного уничтожения его последователей, привели к продолжению дела возмездия.

Спокойное безразличие, с которым турки относились к ужасающим приготовлениям к их казни, вызвало даже восхищение христиан. Не в сердце такого благородного рыцаря, как Ричард, было равнодушно смотреть на гибель своих храбрых и доблестных врагов. “Клянусь святыми угодниками, - воскликнул он, - это работа палача. Этого было бы достаточно, чтобы вынуть меч христианского рыцаря из ножен, чтобы увидеть, как ваши воины с львиными сердцами будут зарезаны, как стадо глупых овец, которых держат на прилавках мясника. Если бы у них не было креста на плечах, я скорее причислил бы их к своим последователям, чем к тупым мужланам Австрии или дерзким оруженосцам Франции. Длинный Меч, призови нашего доброго епископа Солсберийского с символами нашей святой религии. Может быть, Божественная Благодать обратит сердца этих храбрых людей к признанию истинной веры”.

Повинуясь приказу короля, епископ вышел вперед и, подняв крест, провозгласил жизнь и свободу всем тем, кто откажется от своих языческих суеверий и будет благоговеть перед святым символом. Ни один голос не откликнулся на предложение о помиловании, и когда священник, сопровождаемый палачом, подобно ангелу-разрушителю пасхи, прошел между рядами обреченных и поднес распятие, каждый человек, отвечая: “Бог есть Бог, а Магомет - его пророк”, - склонил голову для смертельного удара, пока из всего числа не остался один благородный Месток. Король Ричард посмотрел на него встревоженным взглядом, когда священник приблизился, и невольно поднял руку, чтобы отразить удар. Палач сделал паузу; и солдаты, смотревшие в безмолвном изумлении, с сомнением перевели глаза со своего повелителя на его пленника, который неподвижно стоял среди обезглавленных тел героического отряда, который вместе с ним защищал город до последнего предела, а теперь лежал, распростертый вокруг него, кровавый холокост на алтаре чужой веры.

Воцарившуюся гробовую тишину нарушил слабый звук трубы, и вдалеке было видно, как развевается флаг перемирия, который нес герольд, мчавшийся во весь опор. Гонец прибыл на кровавое поле, поспешил к царю и вручил письмо. Король разрезал шелк своим мечом, быстро пробежал глазами по содержимому, а затем, подойдя ближе, откровенно протянул руку спасенному Местоку, сказав: “Твой султан наконец выполнил условия твоего выкупа. Я сожалею, что он так мало ценил жизни твоих храбрых товарищей. Его запоздалые меры вынудили меня совершить злое дело. Дай бог, чтобы однажды я лично смог отомстить за их смерть”. Затем, приказав оруженосцам приготовить кипрских лошадей, он придержал стремя, в то время как доблестный эмир с тем же серьезным и безмятежным видом, который был присущ ему на протяжении всего этого богатого событиями дня, вскочил на Лайара, а сам, вскочив в седло прекрасной Фануэллы, направился во дворец.

ЭКСТРАКТ ИЗ ВИНОГРАДНОГО СОКА.

Итак, на следующий день после Святого Варфоломея, в воскресенье, армия была выстроена ранним утром, чтобы выступить вдоль морского побережья во имя Господа. О, какими прекрасными солдатами они были! Вы могли бы там увидеть избранный отряд добродетельной и храброй молодежи, равных которой было бы трудно встретить, яркие доспехи и выпелы с их сверкающими эмблемами; знамена различных форм; копья с блестящими наконечниками; сверкающие шлемы и кольчуги; армию, хорошо организованную в лагере и страшную для врага! Король Ричард командовал авангардом и держал передовую охрану. Норманны и англичане защищали знамя, герцог Бургундский и французы замыкали тыл и своими запоздалыми движениями и длительной задержкой понесли серьезные потери.

Армия выступила маршем с берега моря, который находился справа от нее, и турки наблюдали за ее передвижениями с высот слева. Внезапно облака потемнели, небо потревожилось, когда армия достигла узких дорог, непроходимых для обозов с провизией; здесь, из-за узости пути, порядок марша был нарушен, и они продвигались растянутой линией без дисциплины.

Сарацины, заметив это, внезапно набросились на вьючных лошадей и нагруженные повозки, в одно мгновение перебили и лошадей, и людей, и разграбили большую часть багажа, смело атаковав и рассеяв тех, кто им противостоял, до самого берега моря. Затем произошел ожесточенный и упорный конфликт; каждый боролся за свою жизнь. О, как ужасно тогда пришлось нашим людям! ибо брошенные в них дротики и стрелы проломали головы, руки и

другие члены нашим всадникам, так что они согнулись, прикованные к лукам своих седел; но, быстро воспрянув духом и восстановив свои силы, и жаждая мести, подобно львице, когда у нее крадут детенышей, они атаковали врага и прорвались сквозь них, как через сеть. Тогда вы могли бы увидеть лошадей со смещенными седлами, турок, убегающих и возвращающихся, и битву, бушующую яростнее, чем прежде; одна сторона старалась сокрушить, другая - отразить; обе прилагали свои силы с предельной яростью, пока король Ричард, услышав, что в арьергарде царит сильное замешательство, на полном скаку не бросился им на помощь, молниеносно разя турок направо и налево своим мечом. И быстро, как в былые времена филистимляне бежали от Маккавея, так и турки теперь были разбиты, и так же быстро они бежали от лица короля Ричарда и устремились в горы; но некоторые из них остались среди нас, потеряв головы”.

Этот отрывок представляет собой краткое описание всех возможностей и перемен, которые произошли с христианами при их переходе из Акко в Яффо.

ГЛАВА IX.

“Тот, в ком есть природа, должен быть благодарен;
Это главный великий закон Творца,
Который связывает цепь существ друг с другом”.

В Яффо возник новый конфликт. Французские бароны, утомленные маршем и бесплодными перестрелками, выступали за то, чтобы остаться на некоторое время в городе и восстановить его укрепления; в то время как Плантагенет, стремясь закрепить свое преимущество, желал отправиться в Аскалон. Солдаты, с сожалением вспомнившие о “хлебах и рыбах” из Акры, склонились к совету герцога Бургундского, и Ричард был вынужден подчинить свое лучшее суждение единодушному голосу своих сторонников.

Напрасно король призывал солдат к скорейшему завершению работ. Лето сменилось осенью, а укрепления все еще были незавершены. Мусульмане начали собираться в окрестностях Яффы, и все христианские отряды, будь то на фуражировку или соколиную охоту, часто подвергались внезапным нападениям. Однажды отряд тамплиеров попал в засаду турок, и Ричард, услышав об опасности, бросился с небольшим отрядом им на помощь. Конфликт был ужасным. Орды неверных обрушились на маленький отряд, который, сражаясь в гуще своих врагов, с большими потерями проложил себе путь к городу. По возвращении Уильям Длинный Меч сделал монарху замечание за это бесполезное выставление жизни напоказ, на что великодушный Львиный кер, покраснев от негодования, ответил: “Ричард Плантагенет не ведает благоразумия, которое ставит безопасность выше славы, а в остальном долг короля - защищать своих подданных, а дело крестоносца - уничтожать врагов креста”.

Когда оборона Яффы была завершена, Ричард энергично приготовился к продолжению войны. Покинув город с небольшим гарнизоном, он довел свои войска до Рамулы и разбил их лагерь на кровавом поле, где Стефан, граф Блуа, получил смертельную рану. Зима, выдавшаяся на редкость суровой, усугубила их тяготы. Ветры сорвали палатки, а от дождя испортились припасы и заржавело оружие. Сквозь кружащие мириады сарацин христиане прокладывали себе путь почти на виду у Иерусалима. Ричарда одушевляло самое горячее ожидание. Но тамплиеры,

госпитальеры и пизанцы олицетворяли невозможность захвата города с их армией в ее нынешнем состоянии, невозможность размещения в нем гарнизона против турок по соседству и уверенность в том, что солдаты, как только гробница будет найдена, вернутся в Европу, оставив остальную Палестину в руках неверных. Под влиянием этих неопровержимых аргументов разочарованный король отдал приказ отступить к Рамуле и продолжил отступление со своей ропщущей и недовольной армией к Аскалону, городу большого значения, являющемуся связующим звеном между турками в Иерусалиме и турками в Египте. Боли и опасности этого обратного похода затмили все прежние страдания, и когда разрушенные стены Аскалона наконец приняли их, Голод уставился на них своими ввалившимися глазами, а Фракция своими острыми клыками разорвала оставшиеся веревки, которые связывали воедино истощенное тело круазов. Герцог Бургундский покинул знамена Ричарда, часть французских солдат отступила в Яффу, другие - в Акко, третьи - в Тир; и в то время как самые гордые дворяне и самые достойные представители духовенства были заняты, как самые ничтожные вассалы, ремонтом разрушенных укреплений, Леопольд, охваченный надменным эгоизмом, с презрительной усмешкой наблюдал за работами и заметил: “Отец Австрии не был ни плотником, ни каменщиком”.

Турецкий солдат, зная о бедственном положении своих врагов, считал войну близкой к концу и распустил часть своих войск. Он даже оказал доблестному Ричарду любезность цивилизованной жизни, сервировал его стол дамасскими грушами, персиками и другими деликатесами и щедрой рукой снабдил ливанский снег для охлаждения его вин.

Главные эмиры, которые, привлеченные любопытством или восхищением, посещали двор Британского Льва, возвращались с самыми преувеличенными рассказами о вежливости и доблести доблестного “Мелех Рика”.

Однажды утром, на час раньше, чем обычно, Ричард был удивлен визитом Месток в сопровождении женщины, плотно закрытой вуалью. “Добро пожаловать, мой благородный мавр”, - воскликнул король, когда сарацин приблизился и поклонился с церемонной восточной учтивостью. “Да благословят небеса случай, приведший тебя сюда. Помимо верного друга, Плантагенет почитает достойного врага.

Сарацин серьезно ответил: “Мелех Рик нарушает поручение своего слуги, если не распознает в своем выкупленном пленнике того, кого он сделал своим другом”.

“Я не сомневаюсь в правдивости твоих слов, - ответил король, - поскольку разум и опыт учат, что неблагодарность несовместима с истинным мужеством”.

- Вождь египтян, несомненно, твой друг, - продолжал Месток, - но будь он даже дважды твоим врагом, он приносит паспорт в сердце царя, ибо “с места возлюбленной подул зефир, и ты видишь ту, чье присутствие подобно дыханию гелиотропа”. Повернувшись к своей спутнице, он приподнял ее покрывало, и открылись черты Эльсибеды.

“Эльзибеда! - воскликнул монарх в изумлении и тревоге. “Что с моей королевой? с Джоанной? из Англии?”

“Моя царственная госпожа пребывает в здравии, - ответила Эльзибеда, - и этим знаком, - она протянула ему шкатулку, - выражает свою любовь своему отсутствующему господину, и мир да пребудет в доме”.

“А зачем ты пришел сюда? и почему под таким конвоем? - осведомился Ричард.

- Поручение моей госпожи требовало верного гонца, и вождь объяснит вам тайну моего прихода, - ответила девушка.

С озадаченным видом Ричард повернулся к Месток. “Возможно, принцу запада неизвестно, - сказал вождь, - что эта девушка, Эльзибеда, дочь моей сестры”.

“Как?” воскликнул Ричард, с изумлением глядя на мавританку. “Наша прекрасная королева долгое время закрывала нам глаза на другую красоту, иначе мы увидели бы то, что не смог бы не заметить самый неосторожный наблюдатель, - у нее лицо и осанка принцессы”.

“Семья Пророка, да будет он благословен, - сказал Месток, и его смуглые щеки покраснели от гордости, - не может похвастаться более благородным происхождением, чем рабыня франкской королевы Гиптиано”.

- Но каким образом она открылась тебе в этой чужой стране? - спросил Ричард.

“Что говорит пословица?” - спросил сарацин. “Сердце трепещет при звуке голоса родственника’. Когда Мелех Рик давал аудиенцию послам Саладина, мой взгляд приковало кольцо на его пальце, некогда талисман нашего племени; но глаза девушки, более яркие, чем драгоценный камень, побудили меня заговорить с ней на египетском языке. Она поняла мои слова и встретилась со мной той ночью в башне Маледиктум, где я узнал ее историю и познакомил ее с родней. Она навестила меня в тюрьме, а когда я отказался бежать, отправила Саламана к султану умолять о моей жизни. В остальном, ты знаешь, что я благодарен храброму предводителю франков не меньше, чем за своевременный выкуп за мое спасение. Прежде чем покинуть лагерь латинян, я дал ревностной Этиопе паспорт, приказав всем истинным мусульманам доставить его, где бы он ни был, в целости и сохранности в мое присутствие. Поэтому, когда твоя королева, огорченная врагами в твоём собственном доме, искала средства связаться с тобой, Саламан привел Эльсибеду в мой шатер; и я поспешил передать ее моему избавителю. Ибо что говорит пословица? ‘В небе написано, на страницах воздуха, что тот, кто совершает добрые поступки, испытает подобное’. Тем не менее, прошу тебя, позволь девице удалиться со мной; в шатре моих женщин за ней будет тщательный присмотр. Если ты пожелаешь посоветоваться с ней, хитрая Изоп знает место ее упокоения. Ричард согласился, и сарадины удалились.

Письма королевы содержали сведения самого поразительного характера. Генуэзцы и пизанцы, соперничавшие за торговлю с Востоком, сделали Акко своим морским портом и, чтобы придать достоинство своей коммерческой вражде, поддержали, один из них, партию Конрада, другой - Ги де Лузиньяна. Их вражда держала жителей города в постоянном напряжении, и Беренгария умоляла своего господина вернуться в Акко или приказать немедленно перевезти ее в Яффу. В том же пакете были депеши из Англии, не менее тревожного характера. Как только Филипп достиг Италии, он обратился к папе Целестину с просьбой освободить его от своей клятвы спокойно покинуть владения Ричарда. Когда эта просьба была отклонена, он тайно отстранил принца Джона от присяги, пообещал ему Алису в жены и предложил сделать его лордом всех владений Ричарда во Франции. Оперативные меры королевы Элеоноры в какой-то степени воспрепятствовали этому замыслу. Запретив Джону, под страхом материнского проклятия, посягать на права его брата, она отправила несчастную Алису в укрепленный замок Руан, где подвергла ее заключению более строгому, чем то, которому она сама подверглась в

Винчестере. Главные бароны объединились с Джоном или против него, и все королевство находилось в состоянии брожения.

Политические проблемы Англии, предательство французского короля, беспокойство его прекрасной королевы и сомнительные перспективы крестового похода вызвали в голове короля смятение тревожных мыслей, и он провел ночь в состоянии бессонного возбуждения. Едва дождавшись рассвета, он вызвал Саламана и отправил его в Месток. Побуждаемый неотложными обстоятельствами дела, он доверил великодушному врагу осознание затруднительности своего положения и умолял его оказать ему добрые услуги в достижении соглашения с Саладином, оговаривая только овладение Иерусалимом и восстановление истинного креста. Сарацин взялся за это поручение и через три дня вернулся с ответом. С величавой восточной официальной мусульманин заявил о своем сильном желании мира и о своем восхищении мужеством и способностями Плантагенета; но он утверждал, что никогда не сможет отказаться от Иерусалима, поскольку священный город так же дорог мусульманам, как и христианскому миру, и что принципы его религии запрещают ему потворствовать идолопоклонству, разрешая поклоняться куску дерева. Потерпев неудачу в этих переговорах, Ричард снова нанял Местока, чтобы предложить консолидацию христианских и мусульманских интересов путем создания правительства в Иерусалиме, частично европейского, частично азиатского, которое должно было обеспечить паломникам свободный доступ к Гробу Господню и феодальные права всем христианам, которые решат поселиться в Палестине. Месток вернулся из этого посольства в сопровождении молодого эмира по имени Сафадин, брата турецкого императора. Предложение о Львином дворе было благосклонно воспринято мудрым Саладином, но, предвидя, что для объединения двух наций потребуются более прочные узы, чем политический союз, он добавил к статьям предложение о союзе между своим братом и прекрасной сестрой Мелех Рик. Сафадину также было поручено безопасно доставить английского короля и его сторонников в Акко.

ГЛАВА X.

“Ручка—для регистрации; ключ,
Который проходит через тайные палаты;
Хорошо запоминаются
аллегорическими бардами”.

Когда Ричард прибыл в Акко, он застал дела в величайшем замешательстве. Разногласия между соперничающими партиями переросли в открытые военные действия, из Англии поступили более настоятельные послания, призывающие к его возвращению, и он был вынужден прийти к выводу, что без каких-либо уступок с его стороны весь крестовый поход потерпит полный провал. Военные способности Гая уступали таковым у Конрада. Таким образом, Ричарду было легко удовлетворить его притязания, даровав ему богатый и красивый остров Кипр, в то время как он умиротворил генуэзцев, согласившись на коронацию маркиза Тирского.

Таким образом, уладив разногласия между ревнивыми наемниками, король вернулся к первоначальному проекту объединения интересов востока и запада путем объединения

наследника тысячи колен с дочерью Генриха Плантагенета. Но Джоанна, менее восприимчивая к романтическому энтузиазму, чем ее мать, решительно отвергла предложение своего возлюбленного-пейнима, и епископ Солсберийский вместе с другими ревностными священниками поддержал ее решение, и львиный кер, подавленный их криками, был вынужден отказаться от своего заветного проекта. В качестве некоторой компенсации разочарованному Сафадину он даровал ему рыцарское звание и отпустил с самыми сильными изъявлениями благосклонности. Затем львиный кер отправил отряд дворян, чтобы доставить Конрада, новоизбранного короля, со всеми подобающими почестями в Акко.

В восторге от своих блестящих перспектив, Конрад приказал сделать великолепные приготовления к церемонии коронации и предался самому экстравагантному веселью. Но однажды, возвращаясь с приема, устроенного епископом, он был внезапно схвачен и заколот двумя убийцами, последователями Горного Старца.

Его внезапная смерть снова привела дела в замешательство. Французы, стоявшие лагерем за пределами Тира, численностью в десять тысяч человек, призвали вдову сдать город на службу королю Филиппу. Этого она упорно отказывалась делать, заявляя, что ее господин перед смертью приказал ей не уступать его никому, кроме Ричарда, или того, кто будет избран королем Палестины. Французы немедленно начали военные действия, и осада города продолжалась уже некоторое время, когда в лагерь прибыл граф Генрих Шампанский. Он был одним из самых могущественных вассалов короля Франции; его мать приходилась сводной сестрой Ричарду и Филиппу; его отец дважды посещал Святую Землю, и он сам был верен интересам крестового похода и всеобщим любимцем воинов. Французские лидеры умоляли его принять корону королевства, жениться на вдове маркиза и уладить разногласия, которые мешали движениям круазов. Согласие Ричарда на эту меру было легко получено.

Бракосочетание было отпраздновано с королевской пышностью, и новый король немедленно опубликовал эдикт, призывающий всех своих подданных вооружаться для предстоящей кампании и присоединиться к английским войскам в Акко. Прежде чем они были готовы отправиться на окончательное завоевание Святого Города, из Англии поступили новые сообщения о растущем могуществе принца Иоанна и предательстве Филиппа Августа, но Ричард, проигнорировав эти настоятельные призывы, решил нанести еще один удар по Гробу Господню. Гимны и благодарения свидетельствовали о всеобщей радости, и солдаты были так воодушевлены скорым исполнением своих желаний, что взяли с собой провизии всего на месяц. Когда они добрались до Вифлеема, летняя жара уже началась, и Ричард начал чувствовать, что его сил недостаточно, чтобы выдержать тяготы осады и поддерживать сообщение с припасами на побережье. Поэтому было решено созвать совет, состоящий из двадцати человек: пяти тамплиеров, пяти госпитальеров, пяти французских дворян и пяти коренных христиан Сирии, для принятия решения о мерах, которые должны быть приняты. Они убедились, что турки разрушили все водоемы в радиусе двух миль от города, что воды Силои будет недостаточно для использования армией, и поскольку осада, следовательно, была совершенно невыполнимой, они единодушно пришли к выводу, что наиболее подходящим планом было бы наступление непосредственно на Вавилон. Французы решительно выступили против этого проекта, заявив, что они не пойдут ни на что иное, как на осаду Иерусалима. Дебаты стали настолько жаркими, что герцог Бургундский отвел свои войска от основных сил армии и занял отдельную позицию.

Измученный догадками о положении своих английских подданных, обескураженный недовольством своих солдат, опечаленный видом страданий, которые он не мог облегчить, и подавленный перспективой окончательного провала своего предприятия, Ричард вышел из лагеря на вершину соседнего холма. Погруженный в печальные и мрачные размышления, он шел, уставившись в землю, не замечая обширной перспективы, расстилавшейся перед ним, и не сознавал, что находится рядом, пока Уильям Длинный Меч, взяв его за руку, не нарушил его задумчивость, сказав: “Сюда, сир, оттуда видно, как заходящее солнце золотит башни Иерусалима”. Инстинктивно монарх с львиным сердцем поднял свой широкий щит, чтобы заслониться от этого зрелища, в то время как слезы брызнули из его мужественных глаз. “Нет, брат мой, ” сказал он, “ поскольку Бог запрещает моей недостойной руке восстанавливать его Святой Гроб, я не могу осчастливить себя видом его священного города”. Он отвернулся и молча пошел обратно по своим следам.

Той ночью, когда он ворочался на своем диване, не в силах заснуть, его застал врасплох тайный визит Саламана. Услужливый блэк получил разрешение Местока отвести короля в келью отшельника, который обитал в одной из скалистых пещер, которыми изобилует Иудейская пустыня. Этот благочестивый человек, чье почтенное лицо и торжественный вид служили надежной гарантией правдивости его слов, принял короля с глубочайшим уважением и объявил ему, что давным-давно он спрятал частицу Святого Креста, чтобы сохранить ее до тех пор, пока Палестина не будет освобождена от неверных. Он заявил, что Саладин часто приставал к нему с самыми тщательными расспросами относительно нее, но он добросовестно хранил тайну и теперь передал драгоценную реликвию королю Англии для поклонения тем храбрым людям, которые так доблестно сражались в защиту христианской веры. Благоговейно завернув его в золотую ткань, Ричард отнес в лагерь, и на следующий день всей армии было разрешено прикоснуться губами к священному дереву.

Затем войска получили приказ отступить в сторону Яффы, но гражданская вражда и ожесточенные разногласия в войсках достигли такой степени, что удалось сохранить лишь незначительную дисциплину или порядок. Когда они добрались до этого места, то обнаружили, что оно плотно осаждено сарацинами и вот-вот сдастся. Последовавший конфликт был самым ожесточенным из всех, произошедших во время Третьего крестового похода. Ричард проявил чудеса доблести. Его боевой топор сверкал повсюду в авангарде сражения, открывая для его сторонников кровавые пути через центр турецких дивизий. Доблестная Фануэлла, прокладывая себе путь сквозь сомкнутые ряды, гордо несла его вперед, в то время как стрелы и дротики сарацин лениво стучали по его железному жилету, пока, наконец, поверженный враг не пронзил копьем грудь своего любимца, и под ликующие крики варваров лошадь и всадник не упали наземь. Мгновенно вскочив на ноги, он выхватил свой меч и, как и прежде, неустрашимо продолжил бой. Великодушный Сафадин, издали наблюдавший за доблестью доблестного европейца, отправил ему на выручку конюха с великолепной арабской бородкой. Снова сев в седло, Ричард продолжил состязание до захода солнца, когда темнота разделила сражающихся. Яффо был спасен, и радость от этой знаменательной победы в какой-то мере компенсировала англичанам их горькое разочарование от оставления Иерусалима. Проведя смотр своим войскам, Ричард увидел по их уменьшившейся численности полную безнадежность попыток каких-либо дальнейших завоеваний, и это печальное убеждение усилило мотивы, побудившие его вернуться в Европу. Его недавний успех дал ему преимущество в стремлении заключить почетный мир с султаном, который теперь, когда Ричард готовился к

отъезду, был способен лучше оценить рыцарские качества и героическую отвагу, отличавшие его карьеру в Святой Земле.

Император Саладин и Ричард Плантагенет, каждый с блестящей свитой приближенных, встретились близ горы Фавор, чтобы обсудить важные интересы, которые группировались вокруг Святого Города, и договориться о длительном перемирии. Предварительные приготовления заняли несколько дней. Сарацины настаивали на разрушении форта Аскалон, христиане вели переговоры о восстановлении Иерусалима. Наконец было решено, что Иоппия и Тир и территория между ними должны быть переданы Генриху, графу Шампани, что Аскалон должен быть разрушен и что христиане должны иметь свободный доступ к Гробу Господню без притеснений и податей. Присутствие Местока и Сафадина внесло немалый вклад в гармоничное урегулирование этих запутанных дел. Мирный договор должен был оставаться в силе три года, три месяца, три недели, три дня и три часа, что являлось некой таинственной неприкосновенностью для народов Востока и периодом, который Ричард считал достаточным для того, чтобы собрать фракции в Англии и вернуться, чтобы завершить завоевание Палестины.

Со времени своей экспедиции в Яффо Эльсибеда оставалась на попечении своего дяди; и теперь Ричарду сообщили, что Сафадин, разочаровавшись в своем уходе за леди Джоанной, перенес свою привязанность на очаровательную Джиптиано. Кресты, которые львиный кер нес в крестовом походе, несколько умилили властность его характера и научили его политике кажущегося молчаливого согласия с неизбежной необходимостью; и поэтому, хотя он был под сильным впечатлением от того, что Беренгария будет хмуриться, он изящно согласился на просьбу Местока и подарил мавританскую девушку и ее смуглую служанку своему благородному другу.

Султан с величайшим великолепием обустроил шатер христианского монарха на южной оконечности лагеря, в то время как его собственный шатер из соболей был разбит напротив, на севере. Ближе к концу яркого сирийского дня, когда Ричард сидел, прислушиваясь к звукам, которыми Блондель скрашивал скуку вялых часов, вошел его камергер, чтобы доложить об императоре. Прославленный Султан прибыл без обычных сопровождающих его ранга, и Ричард, удивленный и не обиженный этим знаком дружеской фамильярности, принял его с откровенным радушием, характерным для его натуры. Лицо благородного курда выражало серьезность, которая казалась скорее результатом размышлений, чем обычной серьезностью его нации и религии, и Ричард с инстинктивной деликатностью отпустил менестреля и в безмолвном изумлении стал ждать, что скажет его почетный гость. Но каково же было его удивление, когда одаренный сарацин, вместо того чтобы пользоваться обычным языком общения, легко и бегло обратился к нему на жидком провансальском. “Мелех Рик, - сказал он, - удивляется, услышав свой родной язык в чужой стране, но для тебя мои слова не более странны, чем для меня. Сорок три раза описали созвездия свои круги в небесах с тех пор, как мои губы произнесли этот язык; но твое присутствие было в моем сердце подобно лучам восходящего солнца, заставляющим говорить статую Мемнона”.

Изумление помешало ответить, но каждая черта Лионского двора свидетельствовала о сильнейшем любопытстве. “Знай же, ” сказал Саладин, отвечая на немой вопрос, “ что как тепло нашего восточного климата придает винограду более глубокий оттенок, чем на умеренном севере, так и он раньше пробуждает и усиливает страсти в человеческой груди. Поэтому, будучи всего лишь юношей, я увидел и полюбил прекрасную дочь Франджистана. Ее

глаза — Бог сказал им: "Будь" — и они были, воздействуя на мое сердце силой вина. Ее голос — он заставил меня забыть о духах, стоящих у трона Аллаха (да будет благословенно его имя), и если бы Пророк не повелел внезапно оторвать ее от меня, я мог бы обратиться в веру Назарянина”.

- Молю небеса, чтобы ты это сделал! - воскликнул Ричард. - ибо Готфрид Булонский не мог бы более достойно занять трон Иерусалима.

Казалось, не замечая энтузиазма Ричарда, сарацин медленно развязал шарф, которым был повязан его кафтан, и продемонстрировал вышитый аквитанский крест.

- В глубине души ты христианин, - сказал Ричард, вскакивая при виде султана и хватая его за руку. “Это разгадывает тайну твоих побед. Я знал, что ни один некрещеный неверный не смог бы так одолеть армии Господа”.

“Нет, — сказал мусульманин, серьезно улыбаясь, - не думай, что князь тысячи племен поклоняется символу, как это делают франки, хотя в память о той, чьи тонкие пальцы сотворили эмблему, я иногда сохранял жизнь тем, кого наши законы считают проклятыми, - но нет Бога, кроме единого Бога, и Магомет - его Пророк”.

Несколько смущенный Ричард сидел, держа шарф в руке и бормоча вполголоса: “Провансальский язык; крест Аквитании; дочь Франжистана”. Затем, подняв глаза, он сказал с выражением болезненного смущения: “Благородный Саладин, твой великодушный интерес к английскому крестоносцу достаточно объясним. Прошу тебя, не разрушай благодарность сына Элеоноры, намекая на безрассудство матери”.

“ Нет, ” сказал Саладин, довольный тем, что правильно истолковал наследственные особенности, которые его наблюдательный глаз заметил у Ричарда, “ имя возлюбленной не подвергнуто порицанию; но моя память все еще хранит ее такой, какой она была, и я хотел бы научить свое воображение рассматривать ее такой, какая она есть. Обитает она в трепещущем шатре веков? или ангел Азраил опустил вокруг ее безмолвного ложа занавес вечной ночи?”

“ Она жива, ” гордо отвечает Ричард, “ регент моего благородного королевства. Тысячи людей получают блага из ее рук, которые, как говорит твой поэт, ”являются ключами к запасам Провидения”.

“Я доволен”, - ответил сарацин. Что касается остального, то до сих пор я хранил свою тайну в доме с замком, ключ от которого потерян, а дверь опечатана. Так что пусть это впредь останется между нами. Мир Аллаха да пребудет с Мелехом Риком, и пусть он умрет среди своих сородичей”. Когда он встал, чтобы выйти из палатки, по лагерю разнесся голос муэдзейна, призывающий “К молитве, к молитве”. Благородный вождь остановился на пороге и, повернувшись лицом к Мекке, приклонил лоб к пыли и благоговейно повторил мусульманское благословение.

Рано утром следующего дня латиняне приготовились к отъезду, и оставались только последние формальности по ратификации договора. Когда два монарха, пренебрегая общим обязательством присяги, вышли на середину этого прекрасного цветущего луга и простерли руки над пергаментом, они казались представителями мусульманского суеверия и христианского энтузиазма, и пророческий взор мог бы прочесть во внешности этих лидеров

воюющих держав то, что в течение столетия заставляло землю дрожать под их поступью, характер и судьбу народов, которые они представляли. Фигура и выражение лица сарацина, прямые и спокойные, но гибкие и настороженные, с неким видом величия и покоя, указывали на сознание упадка юношеской энергии, но, тем не менее, на чувство компенсации за ресурсы мудрости и умения, припасенные в хранилище опыта для удовлетворения потребностей преклонных лет. В компактном и мускулистом телосложении и сверкающих глазах Ричарда выражался тот безрассудный дух преследования, тот пыл страсти, энтузиазм любви, романтики и религии, та непоколебимая уверенность в себе, рожденная сознательной силой и неукротимой волей, которые характеризовали растущие нации Европы и в конце концов дали господство над миром англосаксонской расе. Пожав друг другу руки, эти два представителя восточной тактики и европейского рыцарства взаимно поклялись в верности договору и расстались не столько смертельными врагами, сколько верными друзьями, которые надеялись встретиться снова.

ГЛАВА XI.

“Тот, кто может вытерпеть,
Чтобы с верностью следовать за падшим лордом,
побеждает того, кого победил его учитель,
И заслуживает места в”Истории”.

По прибытии в Акко Ричард узнал, что друзья Конрада обвинили его как зачинщика убийства и что в Европу были разосланы сообщения, ставящие под сомнение его честь как короля и его славу воина. Сочтя небезопасным пытаться плыть по Тренк-мер, он снова передал Беренгарию и ее фрейлин на попечение Стивена де Тернхэма и его верного Блонделя и проследил, как они благополучно отплыли в Наварру 29 сентября 1192 года. В следующем месяце, позаботившись о благополучном возвращении солдат и паломников, сопровождавших его в его бесплодной экспедиции, он сам последним, переодевшись тамплиером, отплыл из порта Акко. Когда скалистые высоты Ливана и величественная вершина Кармила скрылись из виду, он простер руки к удаляющимся берегам и, пока слезы текли из его глаз, громко помолился: “О Святая Земля, я вверяю тебя Богу; и, если его небесная милость дарует мне так долго жить, я верю, что вернусь по его благоволению и освобожу тебя от всех твоих врагов”.

Путешествие оказалось более катастрофическим, чем это было обычно, даже в те дни неопытного мореплавания. Многие английские суда потерпели крушение у берегов Африки, другие, к счастью, достигли дружественных портов, откуда воины вернулись по суше в Британию. Через шесть недель после его отъезда из Акко судно Ричарда столкнулось с пиратским кораблем у берегов Берберии. Узнав от командира, что о его несчастьях стало известно и что французские лорды готовы схватить его, как только он высадится в Марселе, он решил, поскольку его корабль был уже немореходен, пройти Адриатическим морем и пробраться через Германию. Высадившись недалеко от Венеции с шестью спутниками, он продолжил свой путь на север. Но известие о рассеянии его флота уже достигло Германии, и был отдан приказ тщательно допрашивать всех путешественников. Его спутники были арестованы, но монарх бежал в сопровождении только мальчика, который понимал язык страны

и водил его по увеселительным домам, редко посещаемым высокопоставленными лицами. Таким образом, отдыхая днем и путешествуя ночью, они достигли границ Дуная. Уверенный в своей маскировке, король начал наслаждаться откровенным весельем и радушием трактирной кухни и с добродушием, соответствующим его предполагаемому характеру, помогал в приготовлениях к вечернему ужину. Слоняющийся без дела шпион, заметивший драгоценный камень на пальце мнимого монаха, немедленно доложил о подозрительном обстоятельстве губернатору. Для его ареста была немедленно отправлена рота солдат, командиром которой был австриец, служивший под его началом в Палестине. В доме был проведен обыск, и домовладелец подвергся тщательной проверке по поводу укрывательства человека, по описанию похожего на преследуемого монарха. “Здесь нет такого человека”, - возмущенно воскликнул хам, - “если только это не Тамплиер, который жарит на кухне курицу”. Офицеры немедленно поняли намек и застали врасплох вымышленного палмера с вертелом в руке. Австрийский кавалер сразу узнал геркулесову фигуру и румяное лицо короля. “Это он. Схватите его”, - крикнул он своим приспешникам. Несмотря на доблестное сопротивление, Ричард был побежден численностью и доставлен в замок Тенебрез, где на несколько месяцев все следы его были потеряны.

Тем временем судно с принцессами благополучно прибыло в Неаполь, откуда они отправились в Рим. Враждебность Филиппа и смутные слухи о кораблекрушении ее мужа так напугали Беренгарию, что она оставалась здесь под защитой папы до следующей весны. Во время карнавала услуги придворных дам были востребованы для проведения блестящего маскарада. В связи с необычным спросом на бижутерию королева нашла немало развлечений в том, чтобы обыскивать магазины ювелиров в поисках подходящих украшений. Во время одной из таких экскурсий ее внимание привлекло появление мальчика, одетого в убогую одежду, который предлагал на продажу ценный драгоценный камень. Нетерпение и подозрительность, с которыми продавец рассматривал его, возбудили ее любопытство, и, шагнув вперед, она узнала перстень с печаткой Ричарда. Поспешно купив драгоценный талисман, она приказала юноше следовать за ней, намереваясь подробнее расспросить его о его хозяине; но когда она добралась до своих покоев, он исчез. Она разослала гонцов во все стороны и устроила самые тщательные расспросы, но все было напрасно; его нигде не могли найти. Ее тревога за судьбу Ричарда нашла выход в бесплодных усилиях и потоках слез. Таинственные обстоятельства вновь пробудили все ее суеверные опасения. Она была убеждена, что роковое кольцо, которое она так глупо отдала и так слабо позволила ему сохранить, наконец исполнило его предсказание, “предав его самому страшному врагу или утопив его в море”. В какой-то момент она оплакивала его как мертвого, в следующий - упрекала своих друзей за то, что они не вызволили его из темницы, в которую, она была уверена, его заточил герцог Австрийский. Блондель, чья преданность своему царственному другу равнялась ее собственной, сразу же отправилась под видом странствующего менестреля на поиски своего хозяина.

Наконец папа, тронутый горем Беренгари, отдал ее под сопровождение графа Раймона Тулузского, героя турнира, который в сопровождении сильной охраны провел королев через всю страну в Наварру. Доблестному Раймонду вскоре показалось более легкой и приятной задачей успокоить прелестную Джоанну, чем выслушивать бесплодные жалобы отчаявшейся

Беренгарии, и он настолько смирился со своими благодарными обязанностями, что еще до того, как они достигли конца своего путешествия, он стал кандидатом на должность при жизни сочувствующего и защитника.

В радости приветствовать свою младшую дочь королева Элеонора забыла о своей наследственной вражде к кузине Тулузской, и граф Раймон получил руку Иоанны, отказавшись от оспариваемых прав на это великолепное поместье, которое так долго наполняло юг Франции раздорами и кровопролитием. Лишенная общества спокойной и внимательной Джоанны, Беренгария была более чем когда-либо одинока и безутешна, а смерть ее отца, Санчо Мудрого, вскоре после этого, добавила еще один груз к угнетавшему ее горю.

Задержание принцессы Алисы Элеонорой вызвало в Нормандии яростное вторжение Филиппа Августа, и благородные владения могли бы пасть жертвой его алчности, если бы Санчо Сильный, тронутый мольбами своей сестры, не пересек Францию с отборным отрядом рыцарей и не вынудил своего алчного государя отказаться от осады Руана.

Тем временем верный Блондель преодолевает множество утомительных миль в поисках короля с львиным сердцем. Благодаря своей арфе он всегда готов войти в замки великих и хижины ничтожеств. Воины смешивают свои грубые голоса с хором его волнующих душу мелодий, а беззаботные девушки плачут от жалости при звуках его нежных жалоб. Суровые тюремщики, подобно Фуриям, охранявшим пропавшую Эвридику, оставляют свои мрачные занятия и “толпятся рядом с милым музыкантом”. Лира Орфея отодвигает ржавые засовы и широко распахивает тяжелые двери, и многие несчастные узники очарованы звуками света и любви, которые годами посещали их только в мечтах.

Но Ричарда нет среди менестрелей; его голос не отдается эхом в хоре воинов; его печальная жалоба не слышна среди стенаний пленников. Трубадур разочарованно отворачивается от каждого нового испытания, но неугомонная привязанность побуждает его к повторным попыткам, а эфемерные надежды постоянно ведут его вперед.

Он бродит по берегам Дуная, он сидит в темной тени Тенебрезе, из дверей которого еще ни один выкупленный пленник не выходил на свободный дневной свет. Он пробует свои самые волнующие мелодии, но стражники, бесчувственные, как гранитные изваяния, которые хмуро взирают на него с высоких башен, остаются невозмутимыми. В отчаянии он бросает свою лиру, и горячие слезы хлещут из его глаз. Образ Беренгарии проплывает перед ним, ее щеки пылают надеждой, а глаза сверкают любовью. Он видит, как она зачарованно склоняется над бортом судна, прислушиваясь к голосу своего царственного возлюбленного, в то время как ветер волшебными пальцами исполняет дикую симфонию в натянутых снастях галантного Тренк-мер. Вместе с воспоминаниями приходят давно забытые эмоции того блаженного времени года. Инстинктивно его рука хватается за арфу; его дух воспламеняется вдохновением; в тихом воздухе раздается мелодичная прелюдия, и он поет:

“На вашу красоту, прекрасная леди,
никто не смотрит без восторга;
Но все еще такой холодный воздух, что
никакая страсть не может возбудить.

И все же я терпеливо вижу это,
В то время как все избегают меня”.

Это голос надзирателя сливается с его собственным в заключительной мелодии, или его восторженная фантазия научила эхо насмехаться над его нетерпением любимыми интонациями королевского трубадура? Он делает паузу — Это не воспоминание и не фантазия. Из одинокой башенки и плотно зарешеченных оконных проемов льется жидкая мелодия, и его любящее ухо снова впитывает чистые звуки, которые отвечали его собственным, когда в гармоничном соперничестве каждый добивался богатой награды в виде улыбки Беренгари.

“Ни одна нимфа не сможет ранить мое сердце,
Если она разделит благосклонность,
И улыбнется всем вокруг,
Не желая решать:
Я лучше буду терпеть ненависть
, Чем разделять любовь с другими”.

Это голос Плантагенета!! Песня, мотив принадлежат ему! Он жив! Его еще можно выкупить.

Грубая рука ложится на плечо менестреля, и угрюмый голос приказывает ему: "Убирайся!" Он уходит, не задав ни вопроса, ни ответа. Он не подвергает себя опасности, ибо от его безопасности зависит жизнь его друга. Вялая походка арфиста сменяется быстрым твердым шагом того, кто спешит к достижению достойной цели. Он избегает многолюдных городов и не задерживается в улыбающихся деревнях. Он достигает морского побережья - он находит судно — он высаживается в Англии - он получает аудиенцию у королевы-регентши. Та, кто подписывается “Элеонора, гневом Божиим королева Англии”, заставляет всю Европу звенеть от позора тех принцев, которые объединились, чтобы держать ее сына в цепях. Вывают к власти папы римского, вывают к милосердию пресвятой богородицы. Император Генрих VI. требует королевского пленника от рук Леопольда. Ричард предстает перед сеймом в Вормсе, чтобы ответить за свои преступления.

Его обвиняют в заключении союза с Танкредом, в том, что он обратил оружие крестового похода против христианского короля Кипра, в том, что он оскорбил герцога Австрийского перед Акко, в том, что своими ссорами с королем Франции воспрепятствовал продвижению Крузе, в убийстве маркиза Конрада, принца Тирского, и в заключении перемирия с Саладином и оставлении Иерусалима в руках сарацинского императора.

Благородный Плантагенет предстает во всем величии своей невинности и, “подобно льву, стряхивающему капли росы со своей гривы”, рассеивает ложные обвинения своих врагов. Красноречие истины вселяет непреодолимую уверенность в сердца собравшихся князей. Они громко возмущаются поведением императора, папа угрожает ему отлучением от церкви, и упрямый Генрих вынужден со стыда согласиться на освобождение пленника. Но требуется крупный штраф, и монарх остается в плену до тех пор, пока сумма не будет выплачена. Каждый вассал в Англии и Нормандии облагается налогом для получения выкупа за своего господина. Церкви и монастыри переплавляют свою посуду, епископы, аббаты и знать вносят часть арендной платы, низшее духовенство - десятую часть своей десятины, а Элеонора переправляет сокровища в Германию и возвращает своего давно потерянного сына!

ГЛАВА XII.

“Тебе нравится читать письма? Если ты это сделаешь, у меня есть около двадцати дюжин очень хороших: веселых, трезвых, восторженных, серьезных, *очень правдивых*, И очень лживых, глупых и остроумных”.

ПИСЬМО РЫЦАРЕЙ СВЯТОГО ИОАННА РИЧАРДУ.

“Ричарду Плантагенету, милостью Божьей, королю Англии, вашим бедным и недостойным слугам из Госпиталя Святого Иоанна, смиренно изложите все это. Мы помним, что, когда великому Ричарду было угодно покинуть Палестину, оставив Святой Город все еще в руках мусульман, он поклялся честью рыцаря вернуться, когда беды в его собственном королевстве будут улажены, и снова сражаться за дело святых.

“По мере наших скудных возможностей мы соблюдали условия договора, и земля отдыхала от войны. Могущественный султан Саладин тогда сохранил свои владения в мире. Но Бог призвал его на суд, чтобы он ответил за свои преступления против христианских народов. Его брат Сафадин узурпирует трон Иерусалима, а его сыновья стремятся разорвать королевство на части, чтобы каждый мог получить свою долю.

“Итак, в Писании ясно сказано: 'Дом, разделившийся сам в себе, не устоит', и исполнение этого показано в том, что они начинают делать. Нехватка продовольствия истощает их силы, и христианской армии, пока она раздираема фракциями и ослаблена голодом, было бы легко пройти маршем вдоль и поперек страны и захватить укрепленные пункты в свои руки. Но сил монахов-воинов недостаточно для благочестивой работы; поэтому мы обращаем наши взоры к Европе, мы обращаем наше внимание на морские острова и, воздев руки к Небу, молимся, чтобы монарх с львиным сердцем и его доблестные рыцари еще раз 'пришли на помощь Господу против сильных мира сего'. Пусть Бог и его святые склонят ваше сердце к божественному начинанию, и пусть советы Господни восторжествуют. Аминь.

“Написано из Палестины в 1195 году нашей эры”.

ЭНЦИКЛИКА ЦЕЛЕСТИНА III.

“Самым Могущественным Государям Европы, принцам, дворянам и баронам, которые по милости Божьей держат власть над владениями и вассалами нашего Господа и Спасителя — кардиналам, епископам, прелатам и другому духовенству, управляющему Церковью Божьей, папе Целестину III. призванный быть наместником Христа и в силу своей должности наследник Апостольского престола, шлет приветствие.

“Братья мои, нам было показано, что Иерусалим, город жизни и страстей Спасителя, все еще находится в руках мусульман, что неверные насмехаются над обрядами нашей святой религии даже на земле, где впервые были учреждены священные мистерии, и что христиане Сирии призывают к братьям Запада о помощи. А потому мы повелеваем всем вам снова расправить алое знамя креста и выступить против гонителей веры. Властью благословенного Святого Петра, у

которого мы держим ключи от Царства Небесного, посредством которого мы открываем, и никто не может закрыть; мы закрываем, и никто не может открыть; мы предписываем, чтобы все те, кто сердцем и истиной повинуются этому нашему святому повелению, имели право на те индульгенции, необходимые для плоти в этой тяжелой борьбе; отпущение тех грехов, которые они совершали до сих пор или в которые они впадут впоследствии: — и мы предлагаем им множество почестей в этой жизни и в жизни грядущей, жизни вечной.

“Дано в Риме, под нашей рукой и печатью, на десятый день после Богоявления, в 1196 году от Рождества Христова”.

ПИСЬМО ЭЛЬЗИБЕДЫ БЕРЕНГАРИИ.

“Посвящается высокочтимой королеве Беренгарии. Моя благородная госпожа простит жену Саифа Аддина, если она потратит свое милостивое внимание на рассказ о переменах, произошедших с той, кого Аллах (да будет благословенно его имя) возвысил из низкого положения служанки до достоинства единственной жены монарха Востока. Хотя голос любви ласкал мой слух и заставлял мое сердце трепетать от сладостного восторга, все же слезы наполнили мои глаза, когда мне сказали, что я больше не увижу лица той, чья забота поддерживала мою юность и привела меня в страну моих сородичей. Моя возлюбленная госпожа и ее доблестный господин отбыли в свою страну, но я все еще слышу, как их имена эхом разносятся от подножия Кармила до Дамаска, сада наслаждений. Арабский всадник угрожает своему скакуну тяжестью руки короля Ричарда, сарацинская мать успокаивает своего младенца в страхе перед Мелехриком и благословляет свою дочь словами: "Аллах сделает тебя прекрасной, как Беренгария". Но "Силамогущественных и очарование прелестных ни к чему не приводят, поскольку смерть, разрушительница наслаждений, поджидает у порога каждого жилища". Едва корабли, на борту которых были круазы, достигли берегов Франжистана, как Болезнь, более могущественная, чем даже меч Плантагенета с львиным сердцем, коснулась Саладина Могущественного, Прославленного, и его жизнь оборвалась под ее обжигающим прикосновением. Тогда черное знамя, которое внушало тебе ужас при первом взгляде на Палестину и которое так часто, подобно крылу Азраила, развевалось над полями убитых, по его последнему приказу было повергнуто в прах, и саван, которым предстояло обернуть его тело в могиле, был поднят на глазах у его народа, в то время как имамы и муэдзины громко восклицали с необычайной горечью: "Узрите все, что осталось могущественному Саладину, князю тысячи племен, визирю Египта, завоевателю Сирии, королю Израиля". император Востока. Узри, о человек, и приготовься умереть!"

“До своей смерти добродетельный Султан верно соблюдал мир, заключенный с Мелехриком, и это было желанием его брата, моего господина Саифа Аддина, которому эмиры и атабеки даровали королевство Сирия, по-прежнему сохранять веру и перемирие с христианами, но, как сказано в вашем священном писании, ‘Врагами человека будут его собственные домочадцы’, именно так это случилось с моим господином. Непокорные сыновья Саладина захватили Алеппо, Дамаск и Египет. Они обнажили боевой меч, и наша земля снова стонет от страданий войны. Из-за всего этого случилось так, что некоторые робкие христиане, опасаясь возобновления всех тех страданий, от которых они отдыхали в течение трех лет, снова обратились за помощью к своим братьям в Европе. И вот пришел большой отряд германских крестоносцев, жестоких и кровожадных, чтобы вырвать территорию Палестины из рук суверена.

Когда латиняне из Акко увидели, что это за люди, они рассказали им о добродетелях и умеренности благородного Саифа Аддина и умоляли, чтобы у христиан Святой Земли было пространство для переговоров и заключения договора до начала военных действий. Но они не захотели слушать, и так снова началась жестокая война.

“Тогда мой господин, готовясь к битве, показал, что дух Саладина сохранился в его брате. Он двинулся на север, чтобы встретиться со своими врагами, и в долине Сидона произошла ужасная резня. Последователи пророка были убиты со всех сторон, и латиняне также были сильно разбиты и укрылись в Тире. Часть германцев направилась к Яффе; там Саиф Аддин преследовал их и после продолжительной осады взял город и предал их всех мечу. В ту же ночь граф Генрих Шампанский, носивший титул, но не корону короля Иерусалимского, погиб при падении, и христиане, оставшись таким образом без господина или правителя, заключили мир с императором. Изабелла, вдова графа Генриха, снова становится женой, ее выдает замуж Альмерик, брат Ги де Лузиньяна.

“Истинно говорит пророк: "Хотя снаружи бушует буря, в шатре может быть мир", и я живу в безопасности за священными стенами Иерусалима. Кор Эддин, мой первенец, уже пытается натянуть лук своего отца, а его маленький брат, уютно устроившийся у меня на груди, только шепелявит имя своего воинственного отца. Прощай. Благословение той, кто была готова погибнуть, да пребудет с тобой и твоими близкими, и да благословит тебя Аллах как Айшу, самую любимую жену пророка, да пребудет с ней мир.

“Написано из Иерусалима в 576 году Хиджры, согласно эре франков, в 1198 году”.

The *Четвертый крестовый поход*, к которому французский монарх относился с безразличием и который король Англии презирал как предприятие своих немецких врагов, закончился, таким образом, без пользы и славы для христианского мира. Военные действия, разгоревшиеся на Святой Земле, продолжали раздражать и волновать Европу еще долго после того, как причины перестали действовать. Император Генрих VI. умер от яда, введенного его женой Констанцией, и папа запретил его погребение до тех пор, пока сто пятьдесят тысяч марок, которые он получил за Ричарда в качестве выкупа, не будут внесены в казну Святого Престола.

Незначительные войны, возбуждающие низменные страсти человеческой природы и развивающие немногие из ее благородных качеств, заняли оставшиеся годы правления двух великих соперников, Ричарда Плантагенета и Филиппа Августа. Принцесса Алиса, наконец, была отдана своему брату и в зрелом возрасте тридцати пяти лет, с запятнанной репутацией и великолепным приданым, была выдана замуж за графа Аумерле. Ричард провел в Англии всего четыре месяца своего правления, а Беренгария ни разу не посетила остров. Они проживали в его герцогских поместьях в Нормандии или проводили время в Анжу и Аквитании. Именно при осаде замка Шалуз, в последней провинции, Ричард встретил свою смерть. Крестьянин, пахавший в поле, притворился, что обнаружил чудесную пещеру, в которой были спрятаны золотые статуи и вазы из драгоценных камней, непревзойденной красоты и ценности. “Живое воображение короля, подогреваемое великолепными вымыслами арабских романов”, сразу же заставило его поверить этому сообщению и решило заполучить заколдованное сокровище. Он немедленно вызвал барона, чтобы тот передал ему, как феодалному сеньору, часть богатой добычи. Кастелян заявил, что не было найдено ничего, кроме горшка с римскими монетами,

которые были к его услугам. Пылкий монарх не мог удовлетвориться таким объяснением случившегося и немедленно начал осаду. Он был пронзен стрелой со стен, и рана, хотя и не смертельная, из-за неумелости врача и нетерпения короля в лечении настолько воспалилась, что стала причиной его смерти. Королева Элеонора в это время находилась в Англии; но Беренгария сопровождала его в последние минуты жизни и, забыв о годах забвения и вспышках дурного нрава, отравлявших ее семейное счастье, наблюдала за ним и плакала над ним с нежнейшей заботой.

Едва он испустил дух, как в Аквитанию прибыла Джоанна, графиня Тулузская. Она приехала умолять монарха о помощи в борьбе с надменными баронами, которые подняли оружие против ее мужа. Но когда она взглянула на царственную фигуру своего любимого брата, распростертого в мертвой тишине; когда она увидела, что тусклые, холодные глаза не загорелись, как прежде, при перечислении ее обид; и когда она подняла бессильную руку, всегда готовую защитить ее, ее испытанное мужество изменило, и она упала в обморок рядом с ним. Тяжесть этого нового горя, добавившегося к ее прежним горестям, давила на ее ослабевшее тело, и на третий день она скончалась, умоляя Беренгарию похоронить ее рядом с ее братом Ричардом. Скорбящая королева перенесла королевские останки своего мужа и сестры для погребения в величественное аббатство Фонтевро и положила их в гробнице их отца Генриха II., а через несколько коротких недель после этого отдала последнюю дань любви своей милой сестре Бланш, жене Тибо, графа Шампанского.

Теперь мир превратился для Беренгариин в пустыню. Она удалилась в свое вдовье поместье Орлеан, где основала благородное аббатство Эспань и провела остаток своей жизни в делах милосердия.

ИЗАБЕЛЛА.

Изабелла Ангулемская.

ГЛАВА I.

“Леди, которую я люблю, скоро станет невестой,
С диадемой на челе;
О, зачем она польстила моей мальчишеской гордости,
теперь она собирается покинуть меня”.

Для тех, кто не знаком с философией мореплавания, является чудом, что корабли могут плыть с одинаковой скоростью в противоположных направлениях под действием силы одного и того же

бриза; и для случайных наблюдателей психических явлений часто является не менее парадоксальным тот факт, что индивиды могут вносить столь же реальный вклад в успех предприятия с помощью закона отталкивания, как и более очевидным проявлением добровольного влияния. Таким образом, Изабелла Ангулемская, которая, возможно, была так же мало занята военными или религиозными планами, как и любая красавица, которая причисляла воинов к числу своих завоеваний, столь же эффективно побудила благородного рыцаря и вождя начать Священную войну, как и Адела, графиня Блуа, все сердце которой было отдано работе.

Изабелла была единственным ребенком и наследницей графа Ангулемского. Ее мать происходила из семьи Кортни, первых лордов Эдессы. В ранней юности Изабелла была помолвлена с Гуго X. де Лузиньяном, маршалом или стражем северной границы Аквитании. Маленькая невеста жила в замке своего господина, польщенная и обласканная каждым вассалом, который надеялся снискать расположение своего господина, в то время как доблестный Хью по фамилии Лебрэн заботился о ее интересах и руководил ее образованием с заботой человека, ожидающего полного раскрытия зрелого очарования и непревзойденной привлекательности той, кто видела в нем своего будущего мужа.

Граф Гуго, как выдающийся пэр Франции, был призван составить один из великолепных кортежей, которые Филипп Август отправил в Испанию, чтобы привезти домой прекрасную Бланш Кастильскую, невесту его сына принца Людовика. Во время его отсутствия родители Изабеллы отправили гонцов в замок Валенс с просьбой о присутствии их дочери по случаю большого праздника в Ангулеме. Прекрасная невеста графа Хью должна была признать короля Англии Иоанна как суверена Аквитании и феодала провинции Ангума.

Одетая в простую белую мантию, с пробором *в стиле фьерри*, падающим на лоб, и ограниченная только золотой короной, обозначавшей ее ранг, она робкой походкой прошла через собрание и, преклонив колени у ног короля, вложила свои крошечные ручки в его, пока дрожащим голосом произносила клятву почтения. Первое представление, которое прелестное дитя получило о большом свете на этом блестящем собрании, где ей отводилась столь заметная роль, опьянило ее юное воображение; и воздействие ее безыскусственной простоты на сердце распутного монарха, уже пресытившегося преклонением придворных красавиц, было подобно тому, какое испытываешь, отворачиваясь от переполненной вазы с безвкусной экзотикой, чтобы созерцать сладость местной фиалки. Вот почему Изабелла, хотя ей едва исполнилось пятнадцать, участвовала во всех планах своих родителей помешать ее возвращению в замок своего нареченного и без сопротивления отдала свою руку человеку, который в течение десяти лет вел безрезультатную борьбу против канонов церкви за обладание своей прекрасной кузиной Авизой, на которой он женился в день коронации Ричарда. Теперь, сраженный чарами Изабеллы, Иоанн немедленно подчинился своим духовным отцам, и архиепископ Бордо, созвав синод для рассмотрения этого вопроса с согласия епископов Пуату, объявил, что для их брака не существует никаких препятствий. Таким образом, бракосочетание было отпраздновано в Бордо в августе 1200 года.

Взбешенный потерей своей невесты, по возвращении из Кастилии доблестный граф Гуго вызвал королевского преступника на смертный бой; но никчемный король, презрев негодование оскорбленного возлюбленного, с триумфом отплыл с Изабеллой в Англию, где они провели зиму в непрерывных пиршествах и сладострастии. Потерпев неудачу в обычном способе

возмещения ущерба, граф Хью обратился к папе римскому, признанному властелину как потентата, так и пэра. Иннокентий III. он сразу же обрушил свои громы на незаконного принца; но поскольку земли, если не сама наследница Аквитании, были собственностью короля Иоанна как ее верховного сеньора, даже Церковь не могла разорвать мистические узы феодального владения, которые ограничивали права графа Лузиньяна.

Разочаровавшись в своих надеждах отомстить здесь, граф внезапно убедился в праве молодого Артура Бретонского на английский трон, и, когда к нему присоединились жители Анжу и Мэна, он внезапно осадил замок Мирабель, где королева Элеонора, которой тогда шел восьмидесятый год, устроила свою летнюю резиденцию. Сын Джеффри с готовностью присоединился к заговору, поскольку у него было мало причин любить бабушку, которая выступала за отказ от его притязаний в пользу притязаний его дяди; а граф Хью намеревался захватить престарелую королеву и обменять ее на свою потерянную супругу.

В эпоху, когда от порядочных людей ожидалось, что они будут заканчивать свой пост рано, в пять часов, король Иоанн был застигнут за завтраком посыльным, который звал его на помощь матери. Пospешно поднявшись в страшном гневе и произнеся ужасную клятву, он опрокинул ногой стол и, оставив свою невесту утешаться, как могла, немедленно отправился в Аквитанию. Прибыв к замку Мирабель, он дал жестокий бой своим врагам. Битва была очень короткой, и на этот раз победа была на знаменах Джона. Несчастный граф Гуго и еще более несчастный Артур с двадцатью четырьмя баронами Пуату были взяты в плен и, скованные по рукам и ногам, посажены в повозки, которые тянулись за Завоевателем, куда бы он ни поехал. Бароны, по приказу короля Иоанна, были заморены голодом в подземельях замка Корф. Судьба несчастного Артура никогда не была точно известна. Многие обстоятельства делают вероятным, что он погиб от руки своего дяди; и двенадцать пэров Франции, собравшихся, чтобы узнать о его судьбе, заклеили Джона как убийцу и объявили нормандское поместье конфискованным у короны. Таким образом, эта важная провинция была возвращена под власть Франции после того, как почти три столетия находилась во владении потомков Ролло.

Единственным наследником мужского пола, оставшимся в настоящее время в Доме Плантагенетов, был вероломный Иоанн; и королева Элеонора, со страшным предчувствием ожидавшая уничтожения своего рода, искала убежища в монастыре Фонтевро, где и скончалась в следующем году.

Несчастный возлюбленный Изабеллы влачил тоскливое существование в донжоне Бристольского замка, и сердце королевы, уже уязвленное жестокостью Иоанна и тронутое состраданием к страданиям Лузиньяна, начало шептать на ухо своему воображению о нежной преданности своей первой любви и противопоставлять ее жалкую, хотя и великолепную судьбу миру и счастью, которыми она наслаждалась в замке Валенс.

Властным духом XIII века был Иннокентий III. “Со времен Григория Седьмого папа заявил права на мировую империю и взял на себя ответственность за ее будущее состояние. Поднявшись на огромную высоту, он еще яснее увидел опасности, которые его окружали. Он занимал шпиль грандиозного здания христианства в средние века, этого собора человеческого рода, и парил в облаках на вершине креста, как тогда, когда со шпиля Страсбурга открывается вид на сорок городов и деревень на берегах Рейна”. С этого возвышения папа Иннокентий обозревал

политику Европы и выдвинул свои требования внести мощь и богатство наций в сокровищницу церкви. Никогда еще не принимались меры, которые в совокупности столь эффективно разжигали страсти пылкой эпохи в направлении, указанном папской властью, как экспедиции в Святую Землю. Людовик и Филипп французские и Генрих Английский обложили налогами своих подданных в пользу крестового похода. Папа Иннокентий пошел еще дальше и придал новый характер священным войнам, обложив аналогичным налогом духовенство. Красноречивый понтифик описал разрушение Иерусалима, триумфы мусульман и позор христианского мира; и, подобно своим предшественникам, пообещал искупление от грехов и полную индульгенцию всем, кто будет служить в Палестине.

Невежественный священник Фульк из Нейи подхватил слово увещевания и с меньшим благочестием, чем Петр Отшельник, и большим рвением, чем святой Бернар, распространил его по городам и весям Франции, публикуя повеление преемника святого Петра.

Положение главных монархов было неблагоприятным для этого благочестивого начинания. Суверенитет Германии оспаривался соперничающими домами Брауншвейга и Швабии, памятными фракциями гвельфов и гибеллинов. Филипп Август был занят планами отнять у короля Англии его заморские владения, а Иоанн был неспособен ни на какие проекты, выходящие за рамки узкого круга его личных удовольствий и предпочтений.

Таким образом, несмотря на власть папы римского и фанатизм Фулька, все дело могло бы сорваться, если бы не высокий энтузиазм потомков Адели, графини Блуа. В каждой экспедиции в Святую Землю не было недостатка в представителях дома Шампань; и Тибо, четвертый граф этого имени, был первым, кто развернул алое знамя в *Пятом крестовом походе*. Молодой Тибо устроил грандиозный турнир в Труа, на который пригласил всех окрестных принцев и рыцарей для испытания в отважных подвигах. Праздничные мероприятия того дня подходили к концу, и победители обменивались поздравлениями и комментировали удачно выигранное поле боя, когда на ристалище появился бесстрашный Фульк и призвал воинов прибегнуть к оружию во имя христианского мира. Жоффрау Вильярдуэн, маршал Шампани, занимавший почетный пост судьи поединка, немедленно уступил место святому человеку, и вожди без шапок окружили его и с почтением слушали, как утонченный священник с временного трона повествовал о страданиях потерянной Палестины.

Воодушевленный примером своих предков, воодушевленный отличием, приобретенным его старшим братом как королем Иерусалима, воспламененный негодованием против неверного, претендовавшего на корону этого брата, и побуждаемый святым честолубием вписать свое имя в списки почетных паломников, благородный Тибо вышел вперед и, обнажив свой меч, положил его к ногам священника, который благословил и посвятил и его, и его самого делу Божьему. Его двоюродный брат Людовик, граф Блуа и Шартра, немедленно перешел на его сторону и совершил аналогичное посвящение. Затем последовали его шурины, граф Балдуин Фландрский, Мэтью де Монморанси, Симон де Монфор, Жоффрау Вильгардуэн и множество других, пока все собрание, проникнувшись духом энтузиазма, не вскочило на ноги и, обнажив мечи, не подняло их к небу и единодушным голосом не поклялось вступить в Священную войну. Впоследствии этот обет повторялся в церквях, подтверждался на турнирах и обсуждался в общественных собраниях до тех пор, пока среди двух тысяч двухсот рыцарей, присягнувших пэрам Шампани, не нашлось едва ли человека, желающего отказаться от своей доли в славном предприятии, оставшись дома.

Поскольку Санчо Сильный умер бездетным, Наварра признала Тибо, мужа Бланш, королем; и отряды отважных гасконцев с обеих сторон Пиренеев стекались под его знамена. Дружинники других воинов-пилигримов, воодушевленные этим славным примером, встали под знамена своих вождей, и толпы прелатов и баронов ждали лишь последних приготовлений к отъезду. Опасности сухопутного пути в Иерусалим часто подвергались испытаниям. Они были таковы, что устрашали самых храбрых и сдерживали порывистость самых пылких.

На оконечности Адриатического моря венецианцы нашли убежище во время темного и штормового периода, последовавшего за падением Римской империи. Там, в заросших осокой берегах островов, которые группировались вокруг Риальто, "Коммерс" в течение длительного периода вынашивания выкормила свой отважный выводок, и теперь белые крылья ее полноценного потомства, подобно альбатросу, скользили по поверхности морей и находили свободный вход в каждую гавань на побережье Средиземного моря.

Венецианская республика была номинально верна греческой империи, но, вступив в борьбу с генуэзцами и пизанцами за торговлю с Европой в начале крестовых походов, она вывесила на своих высоких мачтах знамя креста, одновременно поддерживая дружеские отношения с неверными во всех странах. Священное ополчение решило обратиться к этой алчной, но нейтральной державе с просьбой о пропуске в Святую Землю, и шесть депутатов, во главе которых стоял Вильгардуэн, были отправлены в островной город для урегулирования условий транспортировки.

Послы были приняты с отличием, и было созвано общее собрание, чтобы выслушать их предложения. Величественная часовня и площадь Святого Марка были переполнены горожанами. Дожд и большой совет десяти восседали с торжественным достоинством, пока маршал Шампани излагал таким образом цели посольства.

“Прославленные венецианцы, самые благородные и могущественные бароны Франции послали нас к вам, чтобы умолять вас во имя Бога сжалиться над Иерусалимом, который стонет под тиранией турок, и помочь нам в этом случае отомстить за оскорбление, нанесенное вашему Господу и Спасителю. Пэры Франции обратили свои взоры на вас как на величайшую морскую державу Европы. Они приказали нам броситься к вашим ногам и никогда не менять этой просительной позы, пока вы не пообещаете помочь им вернуть Святую Землю”. Красноречие их слов и слез тронуло сердца людей. По залу прокатились крики: “Мы удовлетворяем вашу просьбу”. Достопочтенный дожДандоло, хотя ему было более девяноста лет и он был почти слеп, посвятил то, что ему оставалось от жизни, благочестивому делу, и множество людей подражали его самоотверженности. Договор был заключен, переписан на пергаменте, заверен клятвами и печатями и отправлен в Рим для утверждения папой. Вильгардуэн отправился во Францию с известием об успехе своего посольства. Доблестный Тибо вскочил с одра болезни, позвал своего боевого коня, созвал своих вассалов и объявил о своем намерении немедленно отправиться в паломничество. Напряжение было слишком велико для его немощного тела; он упал в обморок на руках своих слуг и скончался в момент распределения между своими феодалами денег, которые он предназначил для Священной войны. Затем предстояло выбрать нового лидера, и в конце концов жребий пал на Бонифация Монсерратского, младшего брата знаменитого Конрада, маркиза Тирского.

ГЛАВА II.

“Я буду смеяться и я буду петь, хотя мое сердце может обливаться кровью,
И присоединюсь к праздничной процессии,
И если я выживу, я сяду на своего коня
И снова отправлюсь на войну”.

Весной 1202 года к крестоносцам присоединились войска из Италии и Германии и они прибыли в Венецию. “В воскресенье, перед тем как они были готовы к отплытию, на площади Святого Марка собралось великое множество людей. Это был грандиозный праздник, и на нем присутствовали жители страны, а также большинство баронов и паломников. Перед началом торжественной мессы венецианский дож, которого звали Генри Дандоло, взошел на кафедру и обратился к народу, сказав им: “Синьоры, к вам присоединилась лучшая нация в мире для величайшего дела, за которое когда-либо брались люди; а я человек старый и немощный, и мне следовало бы подумать об отдыхе, а я немощен и страдаю телом. Но я вижу, что никто не может приказывать вам так, как я, ваш господин. Если ты решишь даровать мне осенить себя крестным знаменем, чтобы я мог охранять тебя и наставлять, и чтобы мой сын мог остаться вместо меня и охранять землю, я пойду жить или умру с тобой и паломниками”. И когда они услышали его, они все воскликнули в один голос: ‘Мы умоляем вас во имя Бога даровать это, и сделать это, и пойти с нами’. Тогда великая жалость овладела жителями той страны и пилигримами, и они пролили много слез, думая, что у этого доблестного человека была такая великая причина остаться, ибо он был стар, и у него были прекрасные глаза на голове, но он не видел ими, потеряв зрение из-за раны на темени; чрезвычайно великодушен был он. Поэтому он спустился с кафедры и направился прямо к алтарю, и бросился на колени, жалобно рыдая; и они нашили крест на большую хлопчатобумажную накидку, потому что он хотел, чтобы люди увидели это. И венецианцы начали брать крест в большом количестве и в великом изобилии в тот день, до которого очень немногие брали крест. Наши паломники были тронуты безграничной радостью при виде этого нового крестоносца из-за присущих ему здравого смысла и доблести. Таким образом, дож принял крест, как вы слышали”. Но по странному стечению обстоятельств экспедиция была отклонена от своего первоначального замысла. Исаак Ангел, порочный и деспотичный император Константинополя, был низложен своими подданными, лишен зрения и брошен в тюрьму. Его брат Алексей был облачен в пурпур и, отвергнув имя Ангелус, принял царское прозвище рода Комнинов. Юному Алексею, сыну Исаака, было в то время двенадцать лет. Сбежав от стражи своего дяди под видом простого матроса, он нашел убежище на острове Сицилия. Оттуда он отправился в Германию, приняв приглашение пожить у своей сестры Ирины, жены Филиппа Швабского. Проезжая через Италию, он обнаружил, что цвет западного рыцарства собрался в Венеции, готовый к крестовому походу, и его молодому и пылкому уму сразу же пришло в голову, что их непобедимые мечи могли бы быть использованы при реставрации его отца. Поскольку он происходил по женской линии как из аквитанского дома, так и из королевского рода Гуго Капетингов, он легко завоевал симпатии франков, а поскольку венецианцам предстояло урегулировать длительную задолженность и нанесенный ущерб при византийском дворе, они с нетерпением выслушали историю его прегрешений и решили разделить честь возвращения изгнанного монарха. Изменив таким образом место своего назначения, крестоносцы с радостной поспешностью отправились в путь.

“Подобное вооружение веками не плавало по Адриатике: оно состояло из ста двадцати плоскодонных судов, или *паландеров* для лошадей; двухсот сорока транспортов, наполненных людьми и оружием; семидесяти складских судов, груженных провизией; и пятидесяти крепких галер, хорошо подготовленных к встрече с врагом. Пока дул попутный ветер, небо было безмятежным, а вода гладкой, все глаза с удивлением и восторгом были прикованы к сцене военной и военно-морской помпезности, раскинувшейся на море. Щиты рыцарей и оруженосцев, служившие одновременно украшением и защитой, были расставлены по обоим бортам кораблей; знамена наций и семейств были вывешены на корме; наша современная артиллерия была снабжена тремя сотнями орудий для метания камней и дротиков; тяготы пути скрашивались звуками музыки, а дух искателей приключений поднимался взаимной уверенностью, что сорок тысяч христианских героев равны завоеванию мира”. Когда они пересекли Геллеспонт, их огромный флот был сжат в узком канале, а поверхность вод потемнела от бесчисленных парусов. Они снова расширились в бассейне Пропонтиды и пересекли это спокойное море, пока не достигли европейского берега, у аббатства Святого Стефана, в трех лье к западу от Константинополя. Проезжая мимо, они с восхищением смотрели на столицу Востока, или, как должно было казаться, земли, возвышающуюся на семи холмах и возвышающуюся над континентами Европы и Азии. Вздвигающиеся купола и высокие шпили пятисот дворцов и церквей были позолочены солнцем и отражались в воде; стены были запружены солдатами и зрителями, численность которых они видели, о характере которых они не знали; и у каждого сердце похолодело при мысли, что с начала мира никогда еще такое предприятие не предпринималось такой горсткой воинов. Но мимолетное опасение было рассеяно надеждой и доблестью, и “каждый человек, - говорит маршал Шампани, - обратил свой взор на меч или пику, которые он должен был быстро пустить в ход в славном сражении”. Латиняне бросили якорь перед Халкидоном; на кораблях остались только моряки; солдаты, лошади и оружие были благополучно доставлены на берег; и в роскоши императорского дворца бароны вкусили первые плоды своего успеха.

От мечтаний о власти Алексея пробудило быстрое наступление латинян; и из-за напрасной самонадеянности и абсолютного уныния не было предпринято никаких эффективных мер для защиты. Наконец чужеземцев встретило великолепное посольство. Посланцам было поручено передать, что повелитель римлян, как напыщенно именовал себя Алексей, был очень удивлен при виде этого вражеского вооружения. “Если бы эти паломники были искренни в своей клятве об освобождении Иерусалима, его голосу следовало бы аплодировать, а его сокровищам - способствовать осуществлению их благочестивого замысла; но если бы они осмелились вторгнуться в святилище империи, их численность, будь она в десять раз больше, не защитила бы их от его справедливого негодования”. Ответ дожа и баронов был прост и великодушен. “Во имя чести и справедливости, ” сказали они, “ мы презираем узурпатора Греции, его угрозы и предложения. *Нашей* дружбой и его верностью мы обязаны законному наследнику, молодому принцу, который сидит среди нас, и его отцу, императору исааку, который был лишен своего скипетра, свободы и глаз из-за преступления неблагодарного брата. Пусть этот брат признает свою вину и будет молить о прощении, и мы сами заступимся за то, чтобы ему позволили жить в достатке и безопасности. Но пусть он не оскорбляет нас вторым посланием; наш ответ будет дан с оружием в руках в константинопольском дворце”. Десять дней спустя крестоносцы приготовились атаковать город. Военно-морской флот Греческой империи состоял всего из двадцати кораблей. Таким образом, корабли республики без сопротивления вошли в гавань, и Круазцы с веселым рвением приступили к осаде крупнейшего города мира. Франки разделили

свою армию на шесть батальонов: Балдуин Фландрский возглавлял авангард со своими лучниками, второй, третьей, четвертой и пятой дивизиями командовали его брат Генрих, графы Сен-Поль, Блуа и Монморанси, а арьергард тосканцев, ломбардцев и генуэзцев возглавлял маркиз Монсеррат. Будучи настолько далеки от возможности окружить город, что их едва хватало для блокады одной стороны; но прежде чем их эскадроны смогли обнажить свои копья, семьдесят тысяч греков, подготовившихся к сражению, исчезли из виду. Пизанцы и варяжская гвардия, однако, защищали стены с необычайной доблестью, и победа долгое время колебалась на весах сомнений.

Тем временем со стороны гавани атака была успешно проведена венецианцами, которые использовали все известные и применявшиеся до изобретения пороха средства. Солдаты прыгивали с кораблей, устанавливали штурмовые лестницы и взбирались на стены, в то время как большие корабли, медленно продвигаясь вперед, выбрасывали абордажные приспособления и подъемные мосты и таким образом открывали воздушный проход от мачт к крепостному валу. В разгар сражения достопочтенный дож, облаченный в полные доспехи, стоял наверху на носу своей галеры; большой штандарт Святого Марка развевался над его головой, в то время как угрозами, обещаниями и увещеваниями он убеждал гребцов подогнать его судно к берегу. Внезапно, невидимой рукой, знамя республики было водружено на стены. Двадцать пять башен были взяты штурмом. Император предпринял энергичные усилия, чтобы восстановить утраченные бастионы, но Дандоло с безжалостной решимостью поджег соседние здания и таким образом закрепил завоевание, завоеванное такой дорогой ценой. Сбитый с толку Алексей, видя, что все потеряно, собрал все сокровища, какие мог унести, и в ночной тишине, бросив свою жену и народ, искал убежища во Фракии. Утром латинские вожди были застигнуты врасплох приглашением присутствовать на похоронах Исаака, который, освобожденный из темницы, облаченный в давно утраченный пурпур и восседающий на троне во дворце Блакернель, с нетерпением ждал возможности обнять своего сына и вознаградить своих великодушных освободителей.

Четыре посла, среди которых был Вильгардуэн, летописец этих событий, были выбраны для того, чтобы прислуживать спасенному императору. “Ворота распахнулись при их приближении, улицы с обеих сторон были устланы боевыми топорами датской и английской гвардии; приемный зал сверкал золотом и драгоценными камнями, фальшивыми заменителями добродетели и власти; рядом со слепым Исааком сидела его жена, сестра короля Венгрии; и при ее появлении благородные матроны Греции были выведены из своего домашнего уединения и смешались с кругом сенаторов и солдат”. Послы с учтивым уважением поздравили монарха с его восстановлением на престоле и деликатно изложили условия, выдвинутые молодым Алексеем. Это были “подчинение Восточной империи папе, помощь Святой Земли и нынешний взнос в размере двухсот тысяч марок серебром”. “Эти условия весомы, ” последовал благоразумный ответ императора. - Их трудно принять и трудно выполнить. Но никакие условия не могут превзойти меру ваших заслуг”.

Готовая покорность Исаака и подчинение греческой церкви римскому понтифику глубоко оскорбили его коварных и мстительных подданных и породили столько заговоров, что новоиспеченный император умолял крестоносцев отложить свой отъезд до восстановления порядка. На это они согласились, но отвратительные налоги для вознаграждения за их услуги собирались с трудом, и Исаак прибегнул к жестокой мере - отнял у церквей их золото и серебро. Разногласия перерастали в причины ненависти. Латинянам приписывали разрушительный

пожар, и, как следствие, происходили беспорядочные столкновения, которые вылились в открытую вражду. Говорят, слабый император умер от страха; его двоюродный брат, дерзкий, беспринципный негодяй, надел императорские козыри и, схватив юного Алексея, предал его смерти.

Крестоносцы сразу же решили начать войну с узурпатором. Константинополь, императрица Востока, город, который на протяжении девяти столетий считался неприступным для руки смертного, был взят штурмом. Право победы, не ограниченное ни обещаниями, ни договорами, конфисковало общественное и частное достояние греков, и рука каждого франка, в соответствии с ее размером и силой, захватила и присвоила богатые сокровища шелка, бархат, меха, драгоценные камни, пряности и движимое имущество, которые были разбросаны, как сверкающие приманки, по всем жилищам этой гордой столицы. Когда жажда грабежа была удовлетворена, был установлен порядок в распределении добычи. Для хранения были выбраны три церкви, и величина приза превзошла все ожидания. Сумма, в семь раз превышающая годовой доход Англии, выпала на долю франков. На улицах французы и фламандцы наряжали себя и своих лошадей в раскрашенные мантии и ниспадающие головные уборы из тонкого льна. Они сняли с алтарей украшения, превратили чаши в кубки для питья и украсили своих животных серебряной и позолоченной резьбой, которую сорвали с кафедр. В Софийском соборе завеса святилища была разорвана надвое из-за ее золотой бахромы, а алтарь, памятник искусства и богатства, был разломан на куски и роздан похитителям.

Таким образом, захватив Константинополь и разделив его сокровища между собой, следующим шагом было регулирование их будущих владений и избрание императора. Было назначено двенадцать депутатов, шесть из которых представляли интересы франков, а шесть - интересы венецианцев; от имени своих коллег епископ Суассонский объявил баронам результат их обсуждения в следующих словах. “Вы поклялись повиноваться принцу, которого мы выберем; по нашему единогласному решению, Балдуин, граф Фландрии и Эно, отныне является вашим сувереном и императором Востока”. Согласно византийскому обычаю, бароны и рыцари немедленно подняли своего будущего сеньора на щит и внесли его в церковь Святой Софии. Когда была подготовлена пышность и достоинство, состоялась коронация. Папский легат накинул на Балдуина императорский пурпур; солдаты присоединились к духовенству, громко восклицая: ‘Он достоин царствовать’; а великолепие завоевания было высмеяно греческой церемонией вручения новому государю пучка светлой шерсти и маленькой вазы, наполненной костями и прахом, как символами бренности величия и краткости жизни ”.

Великолепные владения, которые амбициозная Адела наметила для героев первого крестового похода, теперь достались на долю ее потомков при разделе Греческой империи. Один из них получил герцогство Ницца; другой получил прекрасное поместье на берегах Гебруса; а третий, которому прислуживали с изысканной помпой и великолепием восточной роскоши, разделил трон Балдуина, преемника Константина Великого.

ГЛАВА III.

“Но я спрячу в своей груди все эгоистичные заботы,

И смажу вином свои бледные щеки,
Когда улыбки будут ждать новобрачных,
я поспешу подарить им свои”.

В то время как Восточные Крузы были, таким образом, заняты разделом между собой богатых владений Греческой империи, Симон де Монфор, который отказался от экспедиции, когда ее цель была изменена с Иерусалима на Константинополь, был не менее активно задействован во внутреннем крестовом походе, организованном Иннокентием III, против еретиков юга Франции. В провинции Тулуза возникли определенные секты, известные по-разному как Верующие, Совершенные и водуа, но все они отвергали некоторые догматы Рима и города Альби, обозначаемого общим названием альбигойцы. В своем ошибочном рвении Иннокентий III отправил трех легатов, чтобы заставить этих альбигойцев отречься от своей ереси и вернуться в лоно церкви. Он уполномочил их использовать для этой цели “меч, воду и огонь, поскольку эти добрые монахи сочтут необходимым использовать то или иное или все три вместе для вящей славы Божьей”. Хотя альбигойцы, как и другие христиане, исповедовали доктрины мира, они были в некоторой степени заражены воинственным духом того времени; следовательно, придя в ярость от казней, которые считались необходимыми для приведения агнцев в стадо, они набросились на миссионеров и забили одного из них камнями до смерти. Папа в ответ провозгласил обычную снисходительность к тем, кто должен участвовать в священной войне, за истребление еретиков. Граф Раймонд VI, муж Иоанны, немедленно взялся за оружие, защищая своих подданных, и против него Симон де Монфор возглавил армию церкви. С ним пришел монах великого аскетизма, впоследствии святой Доминик, основатель доминиканского ордена монахов, который поощрял солдат в их кровавом деле. Город Безье долго сопротивлялся им. В конце концов он был взят, жители преданы на убой, и когда возникли трудности с различением еретиков и католиков, “Убейте их всех, “ сказал Доминик, - Господь узнает своих”. Подсчитано, что число погибших составило шестьдесят тысяч. Война продолжалась, характеризуясь, как и всегда в подобных войнах, жестокостью частных убийств и массовой резней, пока де Монфор не повел свою армию на осаду Тулузы. Граф Раймонд, окруженный со всех сторон врагами, обратился к своему шурина, королю Англии, к королю Арагона, на сестре которого он женился после смерти Иоанны, и к Филиппу Августу, своему сеньору. Первый, занятый домашними разборками, а последний, вовлеченный в спор с папой римским по поводу развода Ингеборги, не мог оказать ему никакой помощи, но дон Педро, король Арагона, горячо включился в борьбу и храбро пал, сражаясь в битве при Мюре.

В конце концов граф был вынужден заключить позорный мир с папой, и таким образом силы церкви одержали победу на юге Франции, как и в Греческой империи.

Вернемся к Изабелле. Неприятностям, в которые втянул себя король Иоанн из-за убийства молодого герцога Бретани, казалось, не суждено было закончиться никогда. Вся Аквитания была охвачена восстанием после смерти его матери и пленения графа Гуго, и его королева в конце концов убедила его положиться на великодушные своего возлюбленного ради мира в его владениях во Франции.

Де Лузиньян покинул Англию в 1206 году и благодаря своему благоразумию и доблести вскоре вернул восставшие провинции под власть рода Плантагенетов. Нетерпимость короля вызвала враждебность английских баронов, и, чтобы предотвратить народную волну, он потребовал их

сыновей в качестве заложников под благовидным предлогом того, что им понадобятся услуги молодых лордов в качестве пажей его королевы и компаньонов его малолетнего сына Генриха.

Леди де Браоз, когда у нее потребовали детей, неосторожно ответила: “Я не отдам своих мальчиков королю, который убил собственного племянника”. Злополучные слова были переданы злобному монарху, и немедленно были приняты меры к отмщению.

Лорд де Браоз со своей женой и пятью ни в чем не повинными малышами были заключены в Виндзорский замок и умерли от голода.

В то время как муж Изабеллы таким образом отталкивал от себя чувства своих подданных, он имел безрассудство бросить вызов колоссальной власти Рима. Как и во времена его отца, возник спор о том, кто занимает Кентерберийский престол. Папа повелел монахам избрать кардинала Лэнгтона своим примасом без официального распоряжения короля. Они подчинились, и Джон послал одного из своих рыцарей изгнать их из монастыря и завладеть их доходами.

Дело продолжалось с увещеваниями духовного отца и дерзкими репликами непокорного короля, пока Иннокентий III. наложил интердикт на королевство. Этот ужасный наказ сразу же окутал всю нацию одеянием и мраком траура. Священники с благочестивым почтением сняли с алтарей их украшения, собрали кресты и реликвии, сняли изображения и статуи святых и апостолов и, положив их на землю, тщательно укрыли от глаз непосвященных.

Ни утренний перезвон не пробуждал благочестивых к их молитвам, ни вечерний колокол не призывал юношей и дев объединиться для вечернего гимна; ни радостный звон не приглашал счастливую толпу на брачную церемонию, ни торжественный звон не собирал скорбящих толп на погребальную службу. Жених взял за руку свою невесту и прошептал свои клятвы с предзнаменованием страха, стоя на церковном дворе, окруженный безмолвными свидетелями, само присутствие которых внушало ужас. Отец отдал мертвое тело своего ребенка в неосвященные руки, которые превратили его в безвестную и неосвященную могилу на обочине дороги; нежный младенец не был представлен к купели для крещения, но получил священный обряд в уединении монашеской кельи, и умирающий принял последнее причастие при обстоятельствах, которые делали приближение смерти еще более ужасным.

Мужчины пренебрегали своими обычными занятиями, чувствуя, что на них лежит проклятие Божье; дети отказались от своих развлечений, охваченные таинственным страхом, охватившим все слои общества.

Но тиран Джон и его легкомысленная королева не испытывали ни малейшего сочувствия к страданиям своего народа, ни малейшего почтения к предписаниям религии. Они не пошли ни на какие уступки, они не проявили никаких признаков раскаяния. Каждый был занят погоней за удовольствиями, не считаясь с чувствами другого или законами Бога. Если непостоянная и уязвленная привязанность Изабеллы перешла от ее супруга к какому-нибудь благородному рыцарю, который сочувствовал ее обидам, о ее преступлении стало известно только после ужасной мести, которую ее злобный супруг обрушил на ее предполагаемого возлюбленного; и она не подозревала, что подозрения короля пробудились, пока, вернувшись ночью в свои покои, она с ужасом не увидела мертвое тело дворянина, подвешенное над ее ложем, налитые кровью глаза не уставились на нее с ужасом, а бледные губы раскрылись, как будто пытаясь прошептать ей на ухо тайна мрачной трагедии. Из этой комнаты с привидениями ей не

разрешалось покидать ее в течение долгих утомительных лет. Но хотя Джон таким образом проявлял свой праведный ужас перед тем, что его жена сбилась с пути праведности, сам он был беспринципен в совершении любого вида беззакония. Скупой и жестокий по отношению к своей прекрасной королеве, он расточал по отношению к собственной персоне всевозможные экстравагантные поблажки; без честности и почестей. Он был плохим сыном, плохим подданным, плохим мужем, плохим отцом и плохим сувереном. Запись его мыслей позорит человеческую природу, запись его поступков - это повторение преступлений.

Обнаружив, что его запрет бесполезен, Иннокентий прибегнул к своему самому мощному оружию. Он отлучил Иоанна от церкви, объявил о полном уничтожении его тела и души, запретил всем истинным католикам общаться с ним, освободил своих подданных от присяги на верность ему, приказал всем религиозным орденам проклинать его и призвал всех христианских князей помочь свергнуть его с престола.

Филиппу Августу этот крестовый поход пришелся гораздо больше по вкусу, чем тот, который он предпринимал ранее в Святой Земле, и Симон де Монфор, наладившись кратким отдыхом от своих кровавых дел в Лангедоке, был готов утвердить авторитет церкви. Чтобы защитить свои заморские владения от этих могущественных врагов, Джон счел необходимым заключить союз со своим бывшим соперником графом Хью де Лузиньяном, но с упрямым холостяком согласились только при условии, что королева будет освобождена из своего утомительного заточения и что ее старшая дочь, принцесса Джоанна, будет помолвлена с ним в качестве компенсации за потерю матери. Необходимость дела не допускала споров или отлагательств, и маленькая принцесса была немедленно обручена со своим зрелым возлюбленным и отправлена в Валансский замок, где она занимала покой и наслаждалась жизнью, которая некогда радовала детство Изабеллы. Успокоившись таким образом, граф Гуго отразил нападение армии французского короля и сохранил мир на границе Пуатевена.

Разочарованный этой попыткой Филипп Август приготовился к вторжению в Англию; но пока его флот ждал в портах Нормандии, легат Пандульф добивался встречи с Иоанном и, напугав его перспективой неминуемого разорения, заставил безоговорочно подчиниться папе. Таким образом, малодушный монарх был вынужден принять хартию, в которой он объявил, что за свои собственные грехи и грехи своей семьи он предоставил Англию и Ирландию Богу, святому Петру и святому Павлу, а также папе Иннокентию и его преемникам на апостольской кафедре; соглашаясь удерживать эти владения в качестве феодалов Римской церкви за ежегодную выплату тысячи марок. Он согласился принять Лангтона в качестве примаса, положил свою корону и скипетр к ногам Пандульфа и, преклонив колени, вложил свою руку в руку этого прелата и поклялся в верности так же, как вассал выражает почтение своему господину. Затем легат отменил приговор об отлучении от церкви, возложил корону на голову Иоанна, положил в карман первую часть дани и, вернувшись во Францию, сообщил Филиппу, что Англия является частью вотчины святого Петра, и со стороны любого христианского монарха было бы нечестиво нападать на нее.

Изабелла жила со своими детьми в Глостере, когда ее непостоянный муж, очарованный Матильдой, прекрасной дочерью лорда Фиц-Уолтера, взял штурмом замок ее отца, изгнал его из королевства и увез дрожащую девушку в лондонскую крепость. Там, заперев ее в одной из высоких башен Белой башни, он вознамерился завоевать ее расположение; но благородная

дева отвергла все его попытки с добродетельным негодованием. Когда седой распутник обнаружил, что лесть и принуждение одинаково тщетны, его обожание сменилось ненавистью, и несчастная леди стала жертвой яда. Этот кульминационный акт злодейства довел до конца раздражение английской знати, и была сформирована конфедерация для противодействия дальнейшим посягательствам на их свободы. Кардинал Лэнгтон, просматривая монастырские архивы, нашел копию хартии, составленной Генри Боклерком после его женитьбы на Матильде Доброй.

На основе этой хартии примас составил билль о правах, получивший всемирную известность как Великая хартия вольностей. В Раннимиде, между Виндзором и Стейнсом, бароны в кольчугах встретились со своим провинившимся сувереном, и

“Там, в ”счастливый час”,
павший тиран почувствовал силу своего народа”.

Вскоре за подписанием великой хартии английской свободы последовала смерть короля Иоанна, и дипломатические таланты Изабеллы были задействованы, чтобы обеспечить вакантный трон ее сыну Генриху, тогда мальчику всего девяти лет. Поскольку диадема его отца была потеряна в Линкольн-Уошесе, а диадема Эдуарда Исповедника находилась в Лондоне, маленького принца увенчали золотым воротничком, который она носила в те счастливые дни, будучи обрученной невестой графа Хью ла Марша. Поначалу лишь небольшая часть Англии находилась под властью принца Генриха, но в конце концов знать сплотилась вокруг молодого Плантагенета, а доблесть и мудрость защитника Пембрука вскоре изгнали вторгшихся французов с острова. Никакая доля в правительстве не была передана в руки вдовствующей королевы, и прежде чем истек первый год ее вдовства, она отправилась в свой родной город Ангулем.

Когда она проезжала по провинциям Франции, ее внимание привлекли группы детей, одетых как паломники с сумками и посохами, собравшихся у дверей церквей, благочестиво возносящих хвалу или настраивающих свои детские голоса на священные гимны. Ее любопытство было сильно возбуждено, и она расспросила их о мотивах, побудивших к столь странному поступку. “Прекрасная Солима лежит в руинах, - отвечали маленькие фанатики, - и, возможно, Богу, который из уст младенцев даровал силу, будет угодно восстановить ее нашими слабыми руками”. Подобные сцены происходили ежедневно на ее пути. Напрасно королева прибегала к доводам и мольбам, угрозам и обещаниям, чтобы заставить их вернуться в свои дома. Они следовали за группой монахов, которые с дьявольским намерением нажиться на преступлении, тогда еще слишком распространенном, использовали их суеверные надежды и страхи, чтобы заманить их на морское побережье, где их могли переправить в Египет и продать в рабство. Таким образом, из Италии и Германии было собрано тридцать тысяч заблудших невинных людей, и большинство из них пали жертвой корыстных побуждений тех, кто торговал телами и душами людей.

Когда Изабелла прибыла в Ангулем, доблестный Лузиньян отсутствовал на своих территориях, сражаясь под знаменами креста, и ее материнскому сердцу было позволено утешаться частыми сношениями с Джоанной, маленькой невестой ее бывшего возлюбленного.

ГЛАВА IV.

“Я повешу свою арфу на иву
И снова отправлюсь на войну;
В моем мирном доме нет для меня прелестей,
Поле битвы не причиняет боли”.

Убежденный крестовым походом детей в том, что дух, двигавший прежними экспедициями в Святую Землю, все еще действовал в Европе, папа Иннокентий, воскликнув: “Пока мы спим, эти дети бодрствуют”, решил еще раз вооружить христианский мир против мусульман. Приказы Ватикана, призывающие людей истреблять неверных, были разнесены по всей Европе. В циркулярном письме к монархам и духовенству папа объявил, что наконец настало время, когда от конфедерации христианских держав можно ожидать самых счастливых результатов.

Граф ла Марш был одним из первых, кто услышал наказ духовного главы и подчинился ему. Вместе с герцогом Неверским он командовал французским крейсером *croises*, который в 1215 году отплыл в Египет, где активно участвовал в Священной войне, когда Изабелла посетила Валенсию. Осада Дамьетты продолжалась с обычными зверствами. Известие о смерти Сафадина ослабило силы гарнизона, и Верблюд, младший сын Эльсибеда, владыки плодородной страны Нил, был вынужден искать убежища в Аравии. За первым успехом крестоносцев последовали бедствия и раздоры; и когда после семнадцатимесячной осады Дамьетта была взята, они обнаружили в море и голоде более страшных врагов, чем в шестидесяти тысячах мусульман, погибших от их мечей.

Королева Изабелла сидела в своих бывших апартаментах в замке Валенс, описывая своей дочери внешность молодого короля Англии и его благородного брата принца Ричарда и рисуя воображению ребенка прелести малолетней принцессы Изабеллы, когда в вечернем воздухе пронзительно и ясно прозвучал рог надзирателя. Из окна башенки открывался вид на подъемный мост. Из того окна, где восемнадцать лет назад Изабелла с восторгом наблюдала за возвращением своего веселого рыцарского возлюбленного, теперь она с трепещущим сердцем наблюдала за продвижением измученного, усталого отряда, во главе которого ехал тот, чей гордый гребень поник, как будто вдохновение надежды перестало оживлять фигуру воина, и сердце, лишенное блаженного пыла любви, больше не предвкушало сладостного гердона улыбки своей дамы. Волна воспоминаний захлестнула ее душу; чувствуя головокружение и слабость, она опустилась на скамейку в проеме окна и скрыла свое волнение за занавеской. Она услышала его шаги по лестнице, уже не те упругие, которые она привыкла встречать со спортивной веселостью сердца, свободного от забот; дверь распахнулась, и ее дочь прыгающей поступью, так похожей на ее собственную в прежние дни, вылетела ему навстречу, когда он вошел. Она увидела, как детские пальчики расшнуровали шлем, расстегнули горжетку, отстегнули от пояса меч и отложили в сторону доспехи. Фигура воина была слегка согнута, на загорелых щеках пролегли борозды, на благородном лбу пролегли глубокие морщины, а в темных локонах пробивались серебряные нити. Тяжелый вздох был первым приветствием его маленькой невесты. Он привлек белокурую девушку к себе и коснулся губами ее щеки, но встревоженный наблюдатель увидел, что этот взгляд и улыбка были выражением скорее отеческого уважения, чем любовной нежности; они не были такими, которые осветили его лицо и загорелись в глазах, когда она с радостной готовностью оказала ему такую же нежную услугу. Ее волнение улеглось, и когда маленькая Джоанна взяла за руку графа ла Марша и повела его

вперед, чтобы представить своей матери, она приняла его смущенное приветствие с величавой учтивостью королевы и достоинством женщины. Изумительная красота, снискавшая Изабелле прозвище “Елена средневековья”, вскоре затмила младенческую грацию принцессы и вновь завоевала ее сердце. Соответственно, в записях 1220 года мы находим, что “Изабелла, вдовствующая королева Англии, перед тем как пересечь моря, взяла к себе в мужа своего бывшего супруга, графа де Марке, во Франции, без разрешения короля, своего сына или его совета”.

Несмотря на эту романтическую перемену в их отношениях, Джоанна продолжала проживать в замке Валенс под опекой доблестного графа, который оставался ее верным другом и защитником. Она оказала бесконечную услугу своим родителям и своей стране. Англичане были сильно разгневаны браком Изабеллы, и регентский совет отказал ей в праве на наследство как вдове Джона, и ни представления, ни угрозы ее доблестного мужа не могли заставить их исправить причиненное зло. Вскоре после этого между Англией и Шотландией разразилась война, и Александр II, рыцарский потомок Мод, заявил, что он не может доверять силе политического договора без уз союза с королевской семьей Англии. Поэтому король Генрих отправил гонца с нежным письмом к своей матери, требуя восстановления своей сестры. Граф ла Марш отказался сложить с себя опеку над своей прелестной падчерицей до тех пор, пока не будет восстановлено приданое его жены. Тогда молодой король обратился к папе Гонорию III, без всякой меры клеветая на свою мать и ее мужа и умоляя его наложить на них запрет на отлучение от церкви. С помощью процесса, почти столь же утомительного, как нынешние “задержки закона”, папа расследовал это дело, пока Александр не начал терять терпение, и Генрих был рад уладить дело, выплатив задолженность по приданому своей матери. Затем маленькую принцессу отправили в Англию и выдали замуж за Александра II в Йорке в 1221 году. Она была ребенком ангельской красоты и нежности, и, хотя ей было всего одиннадцать лет, таким образом она дважды остановила жестокую войну. Англичане называли ее Джоан Мейкпис.

Семейное счастье графа Хью и Изабеллы было менее изысканным, чем можно было ожидать, исходя из постоянства его любви и романтического возрождения ее привязанности: рождение и воспитание восьми прекрасных детей также не привлекло их внимания и не дало достаточного простора для их честолюбивых устремлений. Между королем Франции и ее сыном Генрихом постоянно возникали разногласия, и часто долгом ее мужа было сражаться на стороне Людовика, своего сеньора, против ее бывших подданных Аквитании. Таким образом, ее единственной целью было сделать французский Пуату независимым от короля Франции. Она “была королевой, - сказала она, - и презирала быть женой человека, которому приходилось преклонять колени перед другим”. Причины для унижения по этому поводу возникали постоянно. Граф ла Марш стремился избежать этой трудности, объединив свою семью с королевской кровью. Он предложил свою старшую дочь замуж за брата французского короля, но принц отказался от нее и отдал свою руку Джейн Тулузской. По этому случаю король назначил своего брата графом Пуатье, и, таким образом, графу Гуго и его надменной жене пришлось сыграть почетную роль и засвидетельствовать почтение молодой паре как их сюзеренам. С этого времени несчастный граф обнаружил, что единственный способ обеспечить внутренний мир - это вести вечную войну против владений своего государя. Как хороший солдат и верный рыцарь, возлагающий свои надежды на женскую улыбку, он упорно шел по опасному пути, пока не был полностью лишен замка и вотчины, феодала и вассала. Тогда не оставалось ничего другого, как положиться на милосердие доброго короля.

Раскаявшийся граф сначала отправил своего старшего сына в лагерь Людовика и, ободренный любезным приемом юноши, вскоре последовал за ним вместе с остальными членами своей семьи. Монарх посочувствовал их жалкому положению и подарил своему мятежному подданному три замка с простым условием, что он засвидетельствует за них почтение Альфонсо, графу Пуатье. После этой унижительной уступки граф Хью был расположен жить в тишине, но неугомонный дух Изабеллы был укрощен несчастьем. На жизнь короля Людовика дважды покушались, и убийцы, схваченные и подвергнутые пыткам, признались, что были подкуплены для этого бесчеловечного поступка вдовствующей королевой Англии. Встревоженная последствиями, она бежала в поисках безопасности в аббатство Фонтевро, где, по словам современного хрониста, “Ее спрятали в потайной комнате и она жила в свое удовольствие, хотя пуатвенцы и французы, считая ее причиной катастрофической войны со своим королем, называли ее не иначе как Иезавель, вместо ее законного имени Изабелла”. Несмотря на позор и поражение, которые потерпел граф Хью, как только была подорвана добрая слава его жены, он снова опоясался мечом и взялся за оружие, чтобы доказать ложность обвинения на теле принца Альфонсо. Мало склонный к драке, Альфонсо презрительно заявил, что граф ла Марш настолько “запятнан изменой”, что было бы позором сражаться с ним. Юный Хью, сын Изабеллы, затем бросил вызов, защищая репутацию своей матери, но трусливый принц снова отказался, заявив, что позор семьи делает молодого рыцаря недостойным столь высокой чести.

Последняя беседа между Гуго де Лузиньяном, графом ла Маршем, и Изабеллой Ангулемской, бывшей королевой Англии, состоялась в общей приемной монастыря Фонтевро. Обещанный дворянин разыскал свою жену, чтобы сообщить ей о крушении всех их мирских перспектив и пятне на их рыцарском гербе. Последнее, что он услышал из этих уст, которые когда-то дышали нежностью и любовью, были слова негодующей брани и отчаяния, разбитого сердца. Все его попытки утешения были отвергнуты с жестоким презрением. Она яростно вырвалась из его последних нежных объятий, снова удалилась в потайную комнату и приняла постриг, и в течение трех лет сестра Фелиция, которую так некстати называли, отличалась среди монахинь более длительными епитимьями и умноженными молитвами.

Страна его рождения больше не привлекала осиротевшего и разочарованного графа. Все ассоциации его юности стали источником болезненных размышлений, и, стремясь сбежать от сцен, где каждый знакомый предмет был всего лишь памятником похороненной надежде, он решил принять участие в крестовом походе, который Людовик Святой готовил против неверных. Он пал, покрытый ранами и славой, в одной из восточных битв, сражаясь бок о бок со своим старым противником Альфонсо, графом Пуатье.

VIOLANTE.

ГЛАВА I.

“Это было всего лишь на мгновение — и все же за это время она собрала в кучу впечатления многих часов: в ее глазах было сияние, подобное солнцу ее страны, Которое сразу пробудило все чувства к расцвету!”

Падение Константинополя не прошло бесследно для восточной политики. Христианский князь Антиохии признал феодальное превосходство Балдуина, нового императора, а Сафадин, султан Сирии, справедливо полагал, что, поскольку таким образом было открыто легкое сообщение с Европой через Греческую империю, блестящее завоевание могло привести к осуществлению первоначального плана в отношении Палестины. Чтобы предотвратить эту опасность, он отправился в Антиохию, чтобы заключить, если возможно, мирный договор с христианами сроком на шесть лет. Сыновьям Эльзибеда было разрешено сопровождать армию своего отца в его самых дальних походах; и благодаря просвещенной политике Сафадина, или Саиф Аддина, во время его отсутствия, вопреки обычным восточным обычаям, пост регента Иерусалима занял европеец мавританского происхождения. Под ее благосклонным руководством паломники имели доступ к святым местам и защиту при исполнении всех христианских обрядов. Саламан, чье самодовольство и любопытство придавали ему благожелательный интерес ко всем вопросам, касающимся политики, человечности или религии, был обычным средством общения между императрицей и теми, кто имел возможность просить ее об одолжении. Он был Меркурием, передающим охранные грамоты, Аполлоном, проводящим просителей в ее присутствие.

Следовательно, одеяние пилигрима стало для нее привычным зрелищем, и поэтому она не удивилась, когда увидела, что ее сопровождающий входит с измученным трудом человеком, опирающимся на посох паломника. Ее благотворительность к христианам и приветливость ко всем, кто находился на ее иждивении, сделали ее частой слушательницей рассказов паломников, и, погруженная в свои мысли, она с рассеянным видом слушала историю нищего, пока он не произнес имя Ричарда. Она мгновенно стала вся внимание.

Старик был духовником Генриха II, но, покоренный сердечной откровенностью и великодушными порывами львиного юре, он пользовался любой возможностью, предоставленной его близостью с Генрихом, чтобы отстаивать интересы молодого принца. Король признался священнику, как своему духовному отцу, в своей привязанности к прекрасной и хрупкой Алисе Французской; и монах выдал тайну исповеди принцу Ричарду. По закону Генриха I. Все священники, виновные в этом преступлении, были приговорены к вечным скитаниям, и Ричард, испытывая первые муки раскаяния после смерти своего отца, добился строгого исполнения наказания. Таким образом, бедный монах почти двадцать лет совершал утомительное паломничество от одного святого места к другому, отдыхал в монастырях, ходил

босиком перед особо почитаемыми святынями и преклонял колени или бодрствовал в каждой пещере или отшельничестве, где, как можно было предположить, освященные останки святого могли послужить ему отпущением грехов. Преследуемый яростью раскаяния и проклятиями церкви, он посетил святилища святого Вульстана, святого Дунстана, святого Фомы Кентерберийского, святого Иакова Компостельского, распятие в Лукке, собрание святых в Риме, пещеру святого Киприана в Африке и теперь пришел молить Бога освободить его душу в храме Гроба Господня.

При упоминании святого Иакова Компостельского Эльзибеда, казалось, разволновалась, и когда монах закончил свой рассказ, она с тревогой спросила, останавливался ли он в Пампелуне во время своих путешествий по Испании.

“Я пробыл там несколько дней, - ответил пилигрим, - но с тех пор прошло несколько лет, и, если бы не странное обстоятельство, это могло бы стереться из моей памяти; ибо у того, кто постоянно размышляет о своих собственных грехах, мало свободного времени для изучения того, что нравится или приносит пользу другим”.

-Расскажите мне об этом обстоятельстве! - нетерпеливо воскликнула Эльзибеде.

“Когда я преклонил колени во время торжественной мессы, - продолжал священник, - благородная дама, плотно закрытая вуалью, поклонилась у алтаря рядом со мной. Когда торжественная церемония закончилась и она поднялась, чтобы уйти, сопровождающий шепнул мне следовать за ней. Она повела меня в свою молельню во дворце короля, где показала мне, что она вдова моего покойного господина Ричарда Львиного.

- Моя дорогая леди Беренгария! - воскликнула Эльзибеда, и слезы дождем полились из ее глаз.

“Это действительно была та достопочтенная королева, - сказал пилигрим, - которая, узнав, что я любил благороднейшего принца христианского мира и служил ему, послала за мной, чтобы признаться в безумствах ее прошлой жизни и умолять меня исполнить для нее в Палестине определенные обеты, которые она дала во время долгого и мучительного заточения своего царственного мужа. Ее целью было искупить свои собственные грехи жизнью добровольного покаяния и набожности в монастыре Л'Эспань, но прежде чем удалиться от мира, она хотела сделать еще одно усилие для народа Божьего в Святой Земле. Поэтому она познакомила меня, благороднейшая госпожа, с твоим прежним положением в ее доме и с тем, как Бог возвысил тебя, чтобы ты стала супругой принца и правительницы, как это было прежде с царственной Есфирью, которая стала царицей Персии. Она просила меня напомнить тебе о доброте, оказанной тебе, когда ты был чужаком в чужой стране, и она выражает свою любовь к тебе этим драгоценным камнем, чтобы ты мог взглянуть на него и проявить милосердие к тем, кто готов погибнуть за веру нашей святой церкви”. С благочестивой аккуратностью, насмехавшейся над нетерпением Эльзибеды, он достал из своей сумки маленький реликварий, медленно открыл его и, достав оттуда волшебное кольцо, вокруг которого возникло так много ассоциаций, преподнес его султанше. Саламан, от которого не ускользнуло ни движение, ни слово паломника, при виде кольца забыл о почтительном соблюдении, которое соблюдалось с тех пор, как он поселился при восточном дворе, подался вперед и уставился на драгоценный талисман. Эмоции Эльзибеды не позволяли ей произнести ни слова, и монах молча ждал ее ответа, пока Саламан, поняв ее пожелания по этому поводу, не сопровождал паломника в дом патриарха и не сделал необходимые приготовления для исполнения его обетов.

Благодарность Эльзибеды за возвращение ей давно любимого, давно потерянного сокровища, вызвавшего перед ней образ ее овдовевшей госпожи, и нежная симпатия, которую породили годы близости, еще больше согрели ее сердце по отношению к христианам, и она старалась привить своим детям дружелюбное отношение к латинским жителям Палестины.

Сестра Сибиллы, Изабелла, во-первых, вдова Конрада, во-вторых, вдова Генриха, графа Шампанского, и, в-третьих, вдова Альмерика Лузиньянского, двенадцатого короля Иерусалимского, наконец умерла, оставив свои гордые притязания и спорные владения Марии, своей дочери от Конрада. Алиса, ее дочь от Генриха, была замужем за Гуго Лузиньяном, сыном ее последнего мужа, и уже была провозглашена королевой Кипра. Таким образом, притязания Марии на иерусалимский престол были неоспоримы, и поскольку в то время в Палестине не было лорда или правителя, достойного управлять идеальным скипетром, который стоил стольких крови и сокровищ, христианские рыцари отправили епископа Акры и лорда Кесарии явиться к Филиппу Августу, королю Франции, и потребовать от него мужа для юной принцессы.

В то время как правители Палестины и Европы были, таким образом, заняты благожелательным предприятием по поиску ей мужа, сирота Мария спокойно жила в Акко; и политическому Саиф-Эддину пришло в голову, что союз между юной принцессой и его старшим сыном Кохр-Эддином мог бы укрепить мир между Сирией и Палестиной. Честолюбивый юноша очень заинтересовался этим делом и с готовностью присоединился к плану своих родителей по его возвышению.

Великолепное посольство, отправленное императором Востока просить руки прекрасной наследницы для своего сына, отправилось из Дамаска, нагруженное самыми редкими и дорогими подарками. Кор-Эддин с энтузиазмом влюбленного решил воспользоваться свободой европейских принцев и добиться свидания со своей предполагаемой невестой. Перед отъездом он получил от своей матери частицу истинного креста и, вооруженный тем, что, по его мнению, сделало бы его неотразимым для христианской девушки, весело ехал во главе великолепной кавалькады, прельщая дорогу беседой со знаменитым Ховаджи, сведущим в заповедях Корана и в великолепных метафорических произведениях восточной поэзии.

В пустыне, как и в море, глаз охватывает обширный круг без препятствий со стороны леса или жилья: поэтому разведчики на второй день легко различили далеко в тылу одинокого всадника на резвом арабском жеребце. Однако он не присоединился к отряду, а, миновав его на север, исчез вдаль, прежде чем были установлены догадки о его личности или причине его внезапного появления.

Когда в последний день путешествия наступил час вечерней молитвы, кортеж свернул в небольшую пальмовую рощицу и освежился у фонтана, который бил своими чистыми водами и неутомимым голосом пел свой вечный гимн. Дыхание вечера было пропитано ароматом скорбящего никтанта, и, войдя, они увидели, что это место стало священным благодаря захоронению того, чья мраморная могила, лишенная имени или надписи, была затенена нежными листьями чувствительной мимозы.

Когда трапеза закончилась, сарацины-любители историй собрались вокруг Ховаджи, который продолжал делиться запасами своих знаний, рассказывая о красотах этого места и влиянии звезд, которые, подобно поколениям на земле, следуют друг за другом торжественной

процессией по небесам; и извлекая из своей памяти жемчужины поэзии, соответствующие времени и случаю. Так сказал он:—

“Открой глаза твои, чтобы рассмотреть Нарцисс,
Ты бы сказал, что это круг Плеяд вокруг солнца;
Но с тех пор, как Роза убрала вуаль со своей щеки,
Нарцисс превратился во все глаза, устремленные на нее”.

“Фиалка почувствовала себя униженной и спрятала голову под покрывающей ее пурпурной мантией;
Можно было бы сказать, что зелень образовалась у нее под ногами, призывая к молитве”.

“Однако, как солнце среди звезд и роза среди цветов солнца, так и цветы солнца”. сад,
Так выглядит Возлюбленный в пристрастных глазах влюбленного”.

Голос, поющий или скандирующий на персидском, казалось, ответил из пределов гробницы: —

“Дитя Адама, наследник мирской славы, пусть Надежда не обманывает тебя,
Ибо я проходил мимо неприметной могилы посреди сада,
И нарцисс, и роза, и фиалка росли вокруг нее,
И звездообразный анемон проливал на нее свой красный свет.
И я спросил, чья это могила?
И земля ответила:
Будь почтителен, ибо это место упокоения влюбленного”.

“Итак, я сказал: храни тебя Бог, о! жертва любви,
Ибо ты пал жертвой страсти,
Или погиб от плесени разочарования”.

Голос смолк — собравшиеся в тишине ждали возобновления песни; но только соловей подхватил мелодию, и раскидывание палаток и сладкая дремота, нисходящая на усталых, стерли воспоминание о таинственной серенаде из памяти всех, кроме Кохр-Эддина. Суеверный страх овладел духом влюбленного и преследовал его воображение. Это была судьба, предупреждающая его о разочаровании, это был соперник, торжествующий в его огорчении; в любом случае это плохо сказывалось на успехе его дела и лишало его покоя.

Когда они двинулись в путь на следующее утро, они снова мельком увидели неизвестного всадника, скачущего впереди них, и гонец верхом на самом быстром скакуне из отряда был отправлен догнать незнакомца и узнать его цель. Миссия оказалась неудачной, и об этом деле умолчали.

Христианские лорды, ответственные за Акко, приняли посольство с большим почетом. Преимущества предлагаемого союза были таковы, что убеждали самые тупые умы. Пылкость влюбленного, усиленная его присутствием и одушевлением, необычным для официальных жителей Востока, вселила в тамплиеров самые большие надежды на то, что они смогут заключить свои собственные условия с султаном, и они горячо отстаивали уместность помолвки между сторонами до того, как посланцы смогут вернуться из Европы с мужем, предоставленным французским королем.

Но поскольку принцесса Мария была полностью осведомлена о важности своей руки для христианского мира и поскольку ее воображение могло быть пленено пылкими описаниями западного рыцаря, который должен был сложить свои почести к ее ногам, дело сочли слишком деликатным, чтобы допустить их вмешательство: поэтому они решили предоставить влюбленному самому отстаивать свое дело перед гордой королевой.

Когда Кохр-Эддина проводили в зал аудиенций, он столкнулся с человеком, личность которого показалась знакомой, но чье лицо было тщательно скрыто и который, очевидно, стремился ускользнуть от посторонних глаз. Когда он вошел в царское присутствие, дама казалась взволнованной, и, несмотря на все ее усилия сдержаться, слезы брызнули из ее глаз, но в то же время это неблагоприятное предзнаменование придало ее сияющей красоте такое сдержанное и нежное выражение, что молодой мусульманин сразу же признал силу ее очарования. Но ни величественная учтивость, ни витиеватая лесть восточных комплиментов, ни богатые подарки, которые он положил к ее ногам, ни заманчивое предложение коронованной особы Сирии, ни даже кусок священного дерева, который он принес для подкрепления своего сватовства, не смогли тронуть сердце христианской девушки. Она непоколебимо настаивает на том, что обязана соблюдать договоренности своих послов. Проницательный сарацин, однако, понял, что именно состояние ее чувств, а не ее принципы, делали его дело совершенно безнадежным. Он не мог отделаться от подозрения, что таинственный всадник каким-то образом связан с его разочарованием; но поскольку он не мог узнать ни имени, ни звания своего соперника, его уязвленная гордость не получила обычного облегчения от продуманной мести.

Вернувшись в Дамаск, он обнаружил, что за время его отсутствия был определен раздел империи; что его младший брат стал султаном Египта, в то время как ему было передано верховенство Сирии и Палестины.

Дела находились в таком положении, когда Жан де Бриенн, дворянин, назначенный Филиппом Августом, со свитой из трехсот рыцарей прибыл в Акру. На следующий день он получил в жены руку Марии, а вскоре после этого был коронован королем Иерусалима.

ГЛАВА II.

- “Смерть ужасно ухмыльнулась
жуткой улыбкой”.

Нескольких лет безуспешного конфликта с политическим и воинственным Сафадином было достаточно, чтобы ознакомить нового короля с положением дел в Палестине. Он проявил свою доблесть во многих ожесточенных столкновениях и спас свои государства от полного уничтожения, но он предвидел приближающийся крах святого дела и написал письмо папе римскому, в котором заявил, что Иерусалимское королевство состоит всего из двух или трех городов, которые энергичными действиями со стороны его врагов могут быть отняты у него в любой момент.

Иннокентий III ответил циркулярным письмом, призывающим всех монархов и духовенство христианского мира искать венец славы в священных войнах Палестины; и посланием

Сафадину, в котором он напомнил могущественному неверному, что Святая Земля находится во владении мусульман не из-за их добродетелей, а из-за грехов христиан. Гнев Небес, однако, по его словам, был смягчен милосердием, и приближалось время, когда это милосердие будет проявлено особым образом, и он закончил, призвав султана мирно уйти в отставку, поскольку страна была источником больше неудобств, чем выгоды для мусульман.

Поскольку достойный сарацин не предпринял никаких попыток к капитуляции, папа счел необходимым доказать это хваленое милосердие, и *Шестой крестовый поход* был соответственно проповедан в каждой церкви Европы. Генеральный совет был проведен в Латеранском дворце в 1215 году нашей эры для важных, но разных целей коронации Фредерика II, внука Фредерика Барбароссы, и для наказания порока в его различных формах и осуждения ереси во всех ее проявлениях, а также для того, чтобы побудить князей и народ присоединиться к экспедиции в Святую Землю.

“Там присутствовали Патриархи Константинопольский и Иерусалимский, посол патриарха Антиохийского, семьдесят четыре митрополичьих предстоятеля и триста сорок епископов. Аббатов и монахов насчитывалось восемьсот человек, но представителей высшего духовенства подсчитать было невозможно. На собрании были представлены император Константинополя, короли Франции, Англии, Венгрии, Иерусалима, Арагона и правители многих других стран”.

После того, как были учтены общие интересы церкви и еретики без промедления смирились со всеми невзгодами этой жизни и муками грядущей, война против сарацин была объявлена самым священным долгом европейского мира. Паломникам были предоставлены обычные привилегии и индульгенции, все турниры в течение трех лет, назначенных для крестового похода, были запрещены, и был объявлен всеобщий мир во всех христианских королевствах на тот же период. Frederic II. был коронован при условии присоединения к экспедиции.

Трубадуры снова взяли за свои арфы, и певучий голос, эхом разносящийся по замку и залам, пробудил энтузиазм молодежи и дремлющую энергию старости. Сам понтифик объявил о своем намерении посетить Святую Землю, и воины сказали друг другу: “Давайте расправим наши священные знамена и переплывем моря; давайте запечатаем на наших телах крестное знамение; давайте вернем Христу его наследие и своими воинскими подвигами заслужим восхищение людей и одобрение Небес”.

Этот крестовый поход разделен на три части. Экспедиция Андрея II. Король Венгрии; война в Египте, возглавляемая папским легатом и королем Жаном; и кампания императора Фредерика II., первые две дивизии с их многочисленными и кровавыми событиями, определившими судьбу Виоланты, малолетней дочери Джона де Бриенна и Марии, короля и королевы Иерусалимских.

Вскоре после того, как Филипп Август прислал из своих владений столь мудрого и благородного рыцаря для защиты прав Марии и Иерусалима, депутаты Константинополя призвали его снова воспользоваться своей королевской прерогативой свата и создателя короля.

Первый латинский суверен Греческой империи, Балдуин Фландрский, оставил свою корону своему брату Генриху. Этот принц умер бездетным, следующей наследницей была его сестра Иоланда, вдова французского дворянина и теща Андрея II. Король Венгрии. Но скипетром империи в Константинополе, так же как и в Иерусалиме, могла управлять только твердая рука воина, и депутаты умоляли Филиппа Августа немедленно найти мужа для Иоланды и императора для трона Цезарей. Выбор пал на Питера Куртене, двоюродного брата французского короля.

Избранный жених—монарх был препровожден знатной свитой ко двору Венгрии, где церемонию бракосочетания совершил преемник Иннокентия, папа Гонорий III. Затем король Андрей, отправляясь в крестовый поход, сопровождал свадебную процессию, почтенную присутствием суверенного понтифика, до ворот Константинополя, где он стал свидетелем августейшей церемонии облачения монарха в императорский пурпур и видел, как папа возложил восточную диадему на голову своего царственного тестя. Из Константинополя венгерский лидер отплыл на Кипр, где был допущен к аудиенции с Хью и Алисой, королем и королевой этого острова, а оттуда при попутном ветре пересек Левант и благополучно приземлился в Акко.

Этот город в то время был столицей Святой Земли, и во дворце, который ранее занимали королевы Беренгария и Джоанна, суровые воины запада преклонили колени и воздали почести Виоланте, юной принцессе Палестины. Сафадин отошел от постоянных забот королевской власти и, благословленный уважением своего народа и нежной привязанностью Эльсибеды, жил в безопасности в Дамаске.

Правящий монарх Кор-Эддин, не готовый к внезапному вторжению на свои территории, не смог собрать воедино свои разрозненные племена достаточными силами, чтобы отважиться на генеральное сражение с крестоносцами. Поэтому король Венгрии беспрепятственно повел свою армию через “эту древнюю реку Кишон”, через равнину Изреель, в долину Иордана. Они искупались в священной реке, совершили паломничество к Геннесаретскому озеру, посетили места, освященные чудесами Спасителя, и вернулись в Акко.

На горе Преображения сарацины построили и укрепили башню чрезвычайной прочности, и солдаты, стремясь добиться чего-нибудь достойного похода, требовали, чтобы их повели на осаду этой крепости; но орды вооруженных мусульман каждый день толпились поблизости, и неугомонный Андрей, боясь предпринимать что-либо дальше, решил вернуться в Европу.

Ни мольбы, ни угрозы латинских христиан, которые приняли его с гостеприимством и израсходовали свои запасы на его развлечения, не смогли убедить его отважиться на удар за Палестину. Взяв с собой большую часть своих солдат, он вернулся через Греческую империю, собирая реликвии из каждого святого места на своем пути, настолько обеднив свое королевство расходами на экспедицию, что оно в течение многих лет не восстанавливало своего первоначального состояния. Так закончился первый этап Шестого крестового похода.

И все же латиняне Палестины не остались обездоленными. Герцог Австрийский остался с отрядом немецких крестоносцев, а на следующий год, когда прибыло подкрепление, король Жан де Бриенн с тамплиерами и госпитальерами решил перенести место боевых действий во владения Мелеха Верблюда, младшего сына Сафадина и Эльсибеды. Дамиетта считалась ключом к Египту, и туда крестоносцы отплыли в мае месяце 1216 года нашей эры. Доблестный отряд, отобранный из представителей всех наций армии, возглавил штурм цитадели в день святого Варфоломея. Гарнизон доблестно защищался, но в конце концов капитулировал, и остальная часть города считалась легкой добычей.

Именно в это время графы Ла Марш и Невер прибыли во главе французского подразделения крестового похода, но, несмотря на это новое проявление рыцарской доблести, осада Дамьетты продолжалась, но медленно. Папский легат выдвинул претензии на пост главнокомандующего по праву своего духовного превосходства; сирийские христиане сплотились вокруг своего

короля Жана де Бриенна, и французы не желали подчиняться никому, кроме своих местных вождей. Таким образом, захваченный замок Дамьетта превратился в настоящую Вавилонскую столпотворение из-за смешения языков. Семнадцать месяцев прошли в яростных атаках и праздных стычках. Сарацины вели много ожесточенных сражений с христианами в своем лагере, но исход большинства из этих конфликтов был катастрофическим для мусульман.

В то время как доблестный Мелех Верблюд был, таким образом, занят доблестной защитой своих владений, смерть Саиф-Эддина лишила его советов и помощи самого успешного вождя, когда-либо правившего Востоком.

Когда весть об этом печальном событии достигла Египта, подданные султана отказались от присяги и встали под знамена молодого эмира, который попытался превратить страдания своей страны в средство собственного возвышения. Мелех Верблюд, вынужденный спасаться бегством, бежал в Аравию, а оттуда направился в Сирию. Проходя через Эль-акоф, или территорию извилистых песков, он прибыл в долину Кадеш, где заметил караван, разбивший лагерь на ночь. Сомневаясь, охраняют ли конвой притоки его брата или враждебное племя бедуинов, он осторожно приблизился к колодцу, вокруг которого привязанные лошади и мулы щипали скудную траву, а множество верблюдов мирно отдыхали. Белые шатры, похожие на жемчужную оправу вокруг центрального бриллианта, окружали шелковый павильон непревзойденного великолепия, на вершине которого сиял серебряный полумесяц, одновременно символ мусульманской веры и отражение ее яркого архетипа в небе. Сторожевые костры догорали, и никакие звуки жизни не нарушали глубокой тишины, царившей во всем обширном царстве ночи. Спешившись и перекинув поводья своего скакуна через руку, чтобы быть готовым к любой непредвиденной ситуации, он крадучись двинулся ко входу в круг. Когда он приподнял тент, перед ним возникла маленькая, темная, уродливая фигурка, похожая на легендарных гениев, охраняющих сокровища Востока, и одного взгляда на уродливое, но желанное лицо Саламана было достаточно, чтобы понять, что он среди друзей. Известие, которое он получил от верного чернокожего, было даже более отрадным, чем его появление. Караван был нагружен провизией для страдающих солдат в Египте. Сама Эльсибеде заняла королевский павильон, а Кор Эддин собирал войска, чтобы прийти на помощь Дамiette. Саламан повел его к палатке, где, выслушав эти удовлетворительные подробности, беглый монарх был оставлен наслаждаться покоем, к которому он давно привык.

Встреча Эльзибеде с ее любимым и несчастным сыном носила самый нежный характер. Она ознакомила его с подробностями смерти его отца и с делами, которые нарушили мир в империи. Когда Кохр-Эддин, вернувшись после своего неудачного сватовства к наследнице Иерусалима, обнаружил, что его брата отправили в Египет, он утвердился в подозрении, что его соперником был не кто иной, как Мелех Верблюд. Он вспомнил фигуру одинокого всадника, голос у могилы и переодетого незнакомца и, разгневанный мыслью, что его брат вытеснил его в любви принцессы, он решил преследовать его до его новых владений и без промедления отомстить ему. Чтобы успокоить раздраженные и ревнивые чувства Кохр-Эддина, Эльсибеде была вынуждена раскрыть тайну, которую ее младший сын доверил ей накануне своего отъезда в Египет, а именно, о его ранней привязанности к Марии, сформировавшейся во время пребывания при латинском дворе, о надежде, которую он лелеял, объединить королевства союзом с объектом своей привязанности, и о борьбе, которой ему стоило отказаться от этих притязаний. Кохр-Эддин, менее благородный, чем его брат, вряд ли мог поверить утверждению, что визит Кэмела в Акко был вызван желанием предоставить Марии свободу принять его

предложения, но поскольку в то время был праздник Рамадан, в который правоверным не разрешается воевать друг с другом, исполнение его мести было неизбежно отложено, и до истечения священного периода его присутствие требовалось на границах его королевства, чтобы отразить вторжение монголов.

Своевременная помощь, оказанная припасами каравана, а также воинственная слава и силы его брата вскоре вернули Camel его владения; но их объединенных усилий было недостаточно, чтобы изгнать христиан из Египта. Прежде чем покинуть Палестину, Кохр-Эддин, опасаясь, что на его собственных территориях могут быть размещены гарнизоны против него, разрушил стену Иерусалима и разрушил его оборону, за исключением башни Давида и храма Гроба Господня; и после многих доблестных сражений, посчитав невозможным снять осаду Дамииетты, он предложил крестоносцам мир. Мусульмане, сказал он, откажутся от части истинного креста, освободят всех христианских пленников в Сирии и Египте, восстановят стены Иерусалима и передадут священный город его латинскому королю Иоанну де Бриенну.

Французы и немцы с радостью приветствовали перспективу скорейшего окончания войны; но фанатичные приверженцы церкви, тамплиеры, легаты и епископы были глухи к советам об умеренности, и было решено энергично продолжать осаду.

Дамииетта была взята; но мусульмане защищали свой город с такой решительной доблестью, что из населения, которое в начале осады насчитывало семьдесят тысяч душ, в день последней атаки на крепостных стенах появилось едва три тысячи. Ворота были взломаны, и воины креста бросились вперед, чтобы приступить к грабежу. Они не встретили ни сопротивляющегося, ни просящего врага. Ужасная тишина леденила их души. Они прошли по пустынным улицам. Обочины были усеяны мертвыми телами во всех стадиях разложения. Они вошли в жилища. В каждой комнате на них смотрели ужасные трупы с лицами, сморщенными от голода или раздутыми чумой. Турок и мамелюков, коптов и арабов, хозяев и слуг, богатых и бедных, они были нагромождены неразличимыми массами, умирающие рядом с мертвыми. Младенцы, тщетно взывавшие к лишенной пульса груди умирающих от голода матерей, выпускали слабые крики о пропитании; по улицам бегали собаки, и чумные испарения поднимались подобно испарениям из огромного склепа, ужасающую тишину которого христиане нарушили песнями триумфа и ликования. Они победили мусульман, но нашли победителя-Смерть, восседающую на троне господства. Охваченные благоговейным страхом и смущенные, они бежали от присутствия Короля Ужасов, с радостью даровав жизнь и свободу выжившим мусульманам при условии, что они выполнят ужасную и меланхолическую задачу очищения города от останков своих родственников и друзей.

Путь в Палестину был теперь открыт, и король Иоанн предложил христианам-победителям немедленно выступить туда; но папский легат настаивал на том, что сначала должно быть совершенно полное завоевание Египта. Его высокомерие возобладало над более мудрыми советами, и было решено преследовать Мелеха Кэмела до Каира. Соответственно, круазы продвигались по восточному берегу Нила, пока их продвижение не было остановлено каналом Ашмун, на южной стороне которого были размещены силы ислама. Все эмиры Сирии послали помощь Мелеху, и латинянам не давали покинуть свои позиции до периода ежегодного разлива Нила, когда мусульмане открывали свои шлюзы, наводняли лагерь противника, перерезали всякое сообщение с морским побережьем и заключили их, как рыбу в сеть. Палатки и багаж

были сметены; провизия испорчена, ужасное бедствие, уничтожившее жителей Дамьетты, появилось в лагере, и униженные христиане предприняли попытки к миру, обещая покинуть Египет при условии, что им будет разрешено безопасно вернуться в Акко. Великодушный Мелех Кэмел согласился с этим предложением. Для выполнения договора был произведен обмен заложниками, и благородный король Иерусалима вместе со своей женой и их дочерью Виолантой были среди них.

Султан Египта принял своих гостей с особым почетом и позаботился об их королевских развлечениях в Каире. Когда сочувствующий латинский вождь прощался со своими страдающими последователями, слезы текли по его мужественным щекам. “Почему ты плачешь?” - воскликнул сострадательный султан. “У меня есть причина плакать,” ответил король. - Люди, которых Бог поручил моим заботам, гибнут среди вод, умирают от голода или становятся жертвами эпидемии”. “Не отчаивайся,” ответил благородный Мелех, “ ибо что говорит пословица? ‘Всеу есть конец’, поэтому не печалься, ибо несчастьям придет конец”. Он повернулся к своим солдатам и отдал приказ открыть житницы Египта для их страдающих врагов.

Когда царственные заложники приближались ко дворцу султана, им предшествовали отряды вассалов, называемых привидениями, которые с мечами в руках и с большим шумом вели их по узким и извилистым проходам, где у каждого ворот когорты вооруженных эфиопов склонялись лицом в пыль перед султаном и приветствовали его триумфальное возвращение резким диссонированием сарацинского барабана, и пронзительными звуками сирийской свирели. Затем они вышли на более широкое пространство, открытое ясному дневному свету, где были галереи, обшитые золотыми панелями, украшенные мраморными колоннами и скульптурными изображениями древнеегипетских божеств и вымощенные мозаикой из цветного камня. Там были бассейны, наполненные прозрачной водой, которая сверкающими потоками стекала по скалам, расположенным так, чтобы напоминать ущелья и гроты дикой природы. Ветви оливковых, гранатовых и фиговых деревьев были усыпаны плодами, и место оглашалось щебетом птиц с разнообразным и великолепным оперением; в то время как за видами, приятно открывавшимися перед ними, когда они проезжали, глаз уловил проблески искусственных лесов, в которых обитали серебристоногие антилопы и ясноглазые газели, а также множество грациозных и прекрасных животных, “Таких, какими рисуют художники в распутстве своего искусства, таких, какие описывают поэтические фантазии, таких, какие мы видим во снах, и таких, которые встречаются только в странах Востока”. и на Юге тоже. Открытый двор превращался в коридор, и у входа под хрустальным полом струился чистый ручей, в котором резвились сверкающие золотые рыбки, а пестрая форель с неугомонной жадностью гонялась за блестящими насекомыми. Маленькая Виоланта, не искушенная в хитросплетениях искусства, приподняла платье и изящно ступила на стеклянную поверхность, словно для того, чтобы окунуть свои крошечные ножки в прозрачную воду. Обнаружив, что твердая основа не поддается ходьбе, она пошла дальше с озадаченным видом, полным удивления и удовольствия, пока ее внимание не привлек звук множества голосов и мелодичных переливов на арфах, которыми спутники в передней приветствовали их приближение. Отряды мамлюков, одетых в великолепнейшие одежды, трижды простерлись ниц перед своим султаном, а затем подняли свои украшенные перьями жезлы, чтобы преградить процессии путь во внутренний двор гарема. Ворота отворились на своих золотых петлях, и отряд дев, прекрасных, как гурии, приблизился, чтобы встретить христианок, в то время как султан с королем и его рыцарями

отвернулись от закрывающихся ворот, подобно заблудшим духам, изгнанным из обителей Элизиума.

Встреченные обитателями сераля, придворные дамы были препровождены в купальни, где в пластичных объятиях ароматной воды терялось всякое чувство усталости; после чего, возлежа на кушетках, они наслаждались восхитительным отдыхом, в то время как их темноглазые служанки заплетали им волосы по восточной моде и облачали в струящиеся и изящные одежды египетского двора. Оттуда их провели в трапезную, где, усевшись на диваны, они угощались простыми пирожными и фруктами, вдыхая ароматный воздух, благоухающий сладостями, собранными в благоухающих садах, окаймляющих Нил. Из банкетного зала они прошли в апартаменты, великолепно обставленные всеми предметами восточной роскоши. Высокие окна пропускали свет, который, затененный разноцветными занавесками, смягчался до мягкого сияния, наполнявшего квартиру необъяснимым колоритом. Внезапно шелковые перегородки, расшитые жемчугом и золотом, стоявшие посреди зала, были отодвинуты в сторону, и Эльзибеда, спустившись с трона с балдахин и отказавшись от величественного достоинства королевы, приветствовала своих европейских гостей с любезной фамильярностью, которой она научилась в доме Ричарда Львиного Кера. Полулежа на подушках, которые предлагали отдых и навевали мягкую истому, они слушали ее сладкие заверения в благосклонности, произносимые на приветливом языке Франжистана, или наблюдали за воздушными движениями резвящихся девушек, которые, не отставая от позвякивающих украшений, украшавших их изящные конечности, резвились перед ними в радостных эволюциях танца. Непринужденная грация маленькой Виоланты, присоединившейся к исполнителям, доставила бесконечный восторг альме, или ученым женщинам, которые под аккомпанемент сирийской лютни пели стихи в честь высоких гостей.

После того, как христиане покинули Египет, добровольцы вернулись в Европу, а бароны Сирии и военные ордена удалились в Акко. Теперь, когда заложники были на свободе, король отправился в Палестину, оставив свою жену и ребенка путешествовать с императорским караваном под надежным присмотром султанши. Он нашел свое королевство в расстроенном состоянии. Тамплиеры фактически были владыками Палестины, и прекращение военных действий с неверными было всего лишь сигналом к прекращению вражды между соперничающими христианами.

Обескураженный мрачным положением вещей, безутешный король сидел в своем дворце в Акко, разрабатывая планы по исправлению своего разбитого состояния, от каждого из которых, по зрелом размышлении, он был вынужден отказаться как от безнадежных и неосуществимых, когда вошел камергер и вручил письмо. Послание было из Эльзибеды и содержало печальную весть о смерти его возлюбленной Марии, чьи останки, запечатанные в воске в сопровождении ее собственных христианских служанок, были доставлены в Акко под конвоем флота Мелеха Кэмела. С нежностью человека, познавшего горе, султанша подробно рассказала о добродетелях покойной королевы и утешила безутешного мужа заверениями, что ее болезнь была излечена самыми опытными пиявками королевского двора, а ее последние часы были благословлены присутствием христианского священника и исполнением обрядов, предписанных христианской верой. Что касается сироты Виоланты, она продолжила: “Прошу тебя, позволь девице остаться со мной, чтобы я могла проявить к ней доброту ради ее матери. Она будет воспитана как принцесса в доме египтянина, ибо Бог создал ее для меня, как Моисея для дочери фараона. Ангел бури носится по морю, пока длится зима, но когда королева цветов

взойдет на свой трон из эмалированной листвы, ты можешь потребовать ее, и она придет к тебе, с благословения Аллаха (да будет превознесено имя его), а также с благословения твоего пророка Иисуса, на которого ты уповаешь”.

Могильник Акко был переполнен христианскими могилами. Лучшие и благороднейшие из храбрых сынов Запада, защитники и мученики креста, обрели там достойное упокоение; но было вполне естественно, что королева *Иерусалима* нашла свое последнее пристанище среди древних королей этой освященной веками столицы. По милости Кор-Эддина было получено разрешение перевезти туда ее тело; в церкви Гроба Господня была отслужена месса за упокой ее души; ее могила была устроена в долине Иосафата; и христианин и сарацин стояли рядом в благоговейном молчании, пока патриарх Иерусалимский совершал “Земля к земле и прах к праху”, ожидая утра воскресения.

ГЛАВА III.

“Смерть тех, кто отличается своим положением,
Но больше добродетелями, пробуждает в душе
торжественный ужас и вселяет печальный трепет”.

Когда в Риме стало известно о потере Дамьетты и эвакуации Египта, папа Гонорий III. упрекнул императора Фредерика II. обвинив его в том, что он был причиной явного провала христианского оружия на Востоке, и пригрозил ему отлучением от церкви, если он немедленно не выполнит свой обет, поведя свои армии против неверных. Эта дерзость вызвала негодование принца и возбудила его враждебность. Он заявил права на королевство обеих Сицилий по праву своей матери Констанции и, двинувшись туда, изгнал сторонников Святого Престола, назначил епископов по собственному выбору на вакантные бенефиции и даже пригрозил разграбить Рим. Гонорий, узнав, что он ввязался в борьбу с могущественным врагом, написал императору примирительное письмо, в котором говорилось: “Я призываю тебя, мой дорогой сын, вспомнить, что ты защитник Римской церкви; не забывай, чем ты обязан этой доброй матери, и сжалься над ее дочерью, церковью Востока, которая протягивает к тебе свои руки, как несчастная, у которой больше нет никакой надежды, кроме как на тебя”.

Фредерик, слишком поглощенный своими планами присоединения Италии к Германской империи, чтобы предпринимать далекую экспедицию, которая давала так мало шансов на приумножение наследства или славы, был, тем не менее, готов воспользоваться народным энтузиазмом. Он заявил о своем намерении подчиниться повелению святого отца и приготовился к благочестивому делу, короновав своего сына Генриха римским королем и добавив императорский титул к королевской диадеме, возложенной на его собственную голову в 1220 году. Возможно даже, что покорение Италии и утверждение прав светской власти против духовной могли бы помешать Фредерику когда-либо предпринять что-либо для Палестины, если бы мудрый понтифик не нашел непреодолимого союзника в прекрасной Виоланте, королеве Иерусалима.

Устав от попыток превратить свои супружеские права на суверенитет Иерусалима в действительное и прочное владычество, Жан де Бриенн прислушался к предложениям

римского легата о том, что его притязания на номинальную корону могут быть переданы вместе с рукой его дочери какому-нибудь могущественному принцу Европы.

В сопровождении иерусалимского патриарха Жан де Бриенн отплыл в Египет по пути в Италию. Мелех Верблюд принял своих гостей с помпезным почетом, рассчитанным на то, чтобы произвести на них впечатление надежностью и процветанием своего правительства; а Виоланта, чье пребывание в Эльзибеде затянулось на несколько лет, приветствовала своего отца с робкой сдержанностью, ставшей следствием гаремоподобного уединения, в котором она выросла. Ее платье было восточным, как по богатству материала, так и по своеобразие костюма. Она грациозно и нежно ответила на объятия короля, но когда патриарх устремил на нее восхищенный взгляд, она мгновенно скрыла свое покрасневшее лицо за складками вуали, и прелат заметил, что, хотя молитвы, которые она повторяла в волнении, были такими, как предписывает церковь, в руке она держала “Орудие хвалы”, или мусульманские четки из тридцати трех драгоценных камней, и что она невольно повторяла свои более ортодоксальные молитвы: “Йа Алла халик, йа Алла карим”. Он охотно избавил бы ее от неверующих чар, но избалованная принцесса воспротивилась его благочестивым попыткам и укрылась от его увещаний в женских покоях дворца.

Пребывание Жана де Бриенна в Египте ознаменовалось событием, имеющим большое значение как для христиан, так и для мусульман. Здоровье Эльзибеды уже давно ухудшалось; и в зрелые годы, прошедшие в доброжелательных попытках согласовать противоречивые интересы тех, среди кого она жила чужестранкой и повелительницей, она почилла. Виоланта горько плакала, потеряв своего покровителя и друга, но мавританским девушкам, которым она была невыразимо дорога, по их закону не разрешалось выражать скорбь, хотя невольные слезы сопровождали слова утешения, с которыми они обратились к Мелеху Вербелю: “Так хочет Алла. Да пребудет на тебе благословение Всемилостивого”.

Виоланта так долго жила в доме Эльзибеды, что различия веры были забыты, и ей позволили смешаться с траурным шлейфом, который нес тело на похороны; но королю Жану де Бриенну и патриарху Иерусалимскому было запрещено осквернять священную церемонию своим присутствием.

Безмятежный рассвет восточного утра золотил купола и минареты Каира, когда тело Эльзибеды несли в мечеть, чтобы подготовить, согласно вере ее отцов, к ее последнему пристанищу. Когда носильщики вошли в дверь, прихожане торжественно повторили: “Хвала Аллаху, Господу миров, всемилостивейшему, царю судного дня. Тебе мы поклоняемся, и у тебя мы просим помощи. Направь нас правильным путем, путем тех, к кому ты был милостив; не тех, против кого ты разгневан, и не тех, кто сбивается с пути истинного”.

Затем имам встал и призвал одного за другим свидетельствовать о жизни прославленной усопшей; и каждый наперебой рассказывал о своих благодеяниях и благочестии, пока священник не закончил словами: “Она была более славной, чем четыре совершенные женщины, которые обитают в обителях благословенных. Она была более щедрой, чем Фатима; у нее была добродетель Кадиджи; она была более постоянной, чем Азия; у нее была чистота Марии”.

Завернутые в тонкую льняную ткань, пропитанную специями и благовониями, и положенные в кипарисовый гроб, останки были затем перенесены к месту погребения, где толпа женщин,

которым не разрешили войти в мечеть, сидела, плотно прикрывшись вуалью, на земле в полном безмолвии скорби. Другие обнимали колонны, украшавшие могилы, и восклицали: “Лист увял на древе жизни, новый гость пришел в Город Безмолвных”.

Перед телом шел благородный мавр, который нес на голове шкатулку из чендальского дерева, инкрустированную перламутром. Прибыв к могиле, носильщики опустили носилки, и имам призвал всех присоединиться к нему в молитве. Едва воздух перестал вибрировать от их голосов, как муэдзины, поместив ладан в золотые кадила, прикоснулись к нему горящими углями, и ароматное облако, наполненное дыханием их молитв, казалось, уплыло к небесам. Имам, стоявший у изголовья могилы, открыл шкатулку с чендалом и, взяв оттуда листы Корана, раздал их людям, и все начали читать тихим речитативом слова священной книги: “При свете утра и ночью, когда темнеет, Господь твой не оставил тебя и не возненавидел тебя. Воистину, грядущая жизнь будет для тебя лучше, чем нынешняя; и твой Господь даст тебе награду, которой ты будешь вполне доволен. Разве он не нашел тебя сиротой и не позаботился о тебе? И разве он не нашел тебя блуждающим в заблуждении, и разве он не наставил тебя на путь истины? И разве он не нашел тебя нуждающимся, и разве он не обогатил тебя? А потому возвещай благость твоего Господа”. Гроб опустили в землю, и каждый друг и каждый случайный прохожий бросил на него немного пыли, пока могила не была засыпана. Затем имам обратился к любимой: “О Эльсибеде! дочь Евы, скажи, что Бог - это твой Бог, скажи, что Мухаммед - пророк Божий”. Он на мгновение замолчал, словно ожидая ее ответа, а затем продолжил: “Конечно, ты признала Бога своим Богом, исламизм своей религией, Мухаммеда своим пророком, Коран своим священником, святыню Мекки своей Киблой и правоверных своих братьев”. Он повернулся к собравшимся и, простерев руки, повторил благословение: “О Господь, излей на нас терпение и сделай так, чтобы мы все умерли мусульманами”.

Затем подошел Мелех Кэмел, как глава семьи, и посадил веточку кипариса справа и слева от могилы, и каждый друг и родственник исполнил ту же печальную обязанность, а затем все, стоя вместе с протянутыми руками над местом упокоения любимой султанши, повторили часть священных писаний, назначенную для заключительной службы: “Клянусь солнцем и его восходящим сиянием - луной, когда она следует за ним — днем, когда он являет свое величие — ночью, когда оно покрывает его тьмой — днем, когда он следует за ним”. небеса и тот, кто их построил, земля и тот, кто ее распространил, свидетель и засвидетельствованный, душа и тот, кто полностью сформировал ее и вдохновил на то же самое ее способность различать и способность выбирать зло и благочестие — теперь тот, кто обладал таким же счастливым...”

Затем процессия медленно и печально покинула священные пределы, и никто не заметил согбенной и изможденной фигуры Саламана, прислонившегося к потрескавшемуся дереву, скрывавшему от его потускневших и постаревших глаз лицо его единственного друга. Его привязанность к Эльсибеде была такой, какая свойственна животным, отличающимся пронизательностью и верностью, а диапазон его интеллекта не предполагал в нем никаких личных устремлений, все его мысли были сосредоточены на одной идее - служить своей хозяйке. Он разделял ее доверие и благосклонность в богатстве и в горе и следил за ее судьбой с усердием, которое поглощало все его силы. Теперь, когда ее больше не было, у него не осталось ни цели, ни замысла, ни надежды, ни желания. Не имея ни страны, ни религии, он отслужил мессу вместе с христианами и повторил Символ Веры вместе с мусульманами; но поскольку Эльсибеда вступила в непроверенное состояние, его желание обеспечить ей все

возможные блага побудило его, несмотря на большие личные неудобства, приобрести крест черного дерева, чтобы, если она не попадет в мусульманский рай, она могла бы, благодаря его влиянию, получить доступ в христианский рай. Слабой рукой, которая едва повиновалась побуждениям его великодушной любви, верный блэк вырыл место для почитаемого символа и с большим трудом прочно водрузил его в изголовье могилы. Выполнив благочестивую задачу, он опустился на колени и повторил христианскую молитву, которой они вместе выучились в доме Беренгари. Знакомые слова захлестнули его волной давно забытых воспоминаний, и он пал ниц на холмике.

На следующее утро Виоланта получила разрешение сопровождать девушек на место захоронения и помочь в украшении могилы султанши гирляндами. При виде безмолвного молящегося они приглушили голоса, но он не обратил внимания на их приближение. Принцесса осмелилась поднять руку, лежавшую на кресте. Она была жесткой и холодной. Она откинула вуаль и посмотрела ему в лицо. Верный Саламан скончался на могиле Эльсибеде.

ГЛАВА IV.

“Ее участь зависит от тебя — безмолвные слезы, чтобы выплакать их,
И терпеливые улыбки, чтобы пережить час страдания
И несметные богатства из глубин Любви, Которые
Можно вылить на сломанный тростник — напрасный ливень!
И делать идолов, и находить их глиняными,
И оплакивать это поклонение — поэтому молитесь!”

Виоланта, восточная красавица, в чьей руке были ключи от всех морских портов Леванта, скипетр латинского королевства Палестина и диадема Иерусалима, и только чей голос мог произнести волшебное “Сезам”, которое должно было открыть ворота торговли и перелить сокровища Савы, Дедана и Офира в сундуки церкви, произвела большую сенсацию в Европе.

Титульный король Иоанн де Бриенн был готов отказаться от всех реальных или воображаемых благ, которые могли принадлежать владениям его дочери, в пользу любого кандидата, которого папа избрал бы в качестве ее будущего мужа; и предполагалось, что у предполагаемой королевы, чьи восточные предпочтения все еще заставляли ее сохранять робкую сдержанность, в которой она была воспитана, не было никакого выбора в этом вопросе. Коварный понтифик, желая привязать фракцию гибеллинов, как жертву, к рогам алтаря, предложил союз между сыном императора Фредериком и дочерью Иоанна де Бриенна. Молодой принц был в восторге от своих блестящих перспектив и с готовностью заверил папского легата, что его меч всегда и везде будет наготове для исполнения постановлений церкви.

С момента своего приезда в Рим Виоланта жила почти в полном одиночестве, оплакивая девичьи забавы, которые окрылили часы полета в Каирском дворце, и рыдая при воспоминании о постоянной благотворительности и нежных советах доброй королевы Эльзибеды. Она принимала ухаживания королевского наследника Гогенштауфенов со смущением, которое могло предвещать либо успех, либо неудачу его ухаживаний. Он повторил свои визиты и при

каждой встрече предпринимал отчаянные попытки произвести на нее впечатление чувством своей преданности и добиться в ответ какого-нибудь знака ее внимания; но его поздравления с самим собой не шли дальше общего убеждения, что она очень красива и очень застенчива. Иоанн де Бриенн объяснил своей дочери необходимость укрепить привязанность молодого короля. Она слушала с почтительным молчанием и не возражала против приготовлений к ее будущему счастью. Бракосочетание должно было состояться по случаю большого праздника в Ферентино, и император с главными сановниками своего двора должен был почтить великолепной церемонией. За неделю до назначенного дня Фредерик прибыл в Италию и, движимый любопытством, добился интервью со своей будущей дочерью. Виоланта приняла величественного императора с той же девичьей застенчивостью, которая была характерна для ее бесед с возлюбленным; но Фредерика, чье пылкое воображение было пленено очаровательным азиатом, ее застенчивость не могла сбить с толку. Попытавшись завязать безразличный разговор на французском языке, он изменил тактику и, понизив голос до низких, глубоких тонов арабского, заговорил с ней о ее прежней жизни, о ее матери, о ее будущем доме. Внезапно лицо восхищенной девушки озарилось оживлением, красноречивая кровь прилила к ее щекам, глаза расширились от радости, и восхищенный монарх слушал в немом удивлении, пока на изящном и поэтичном языке Востока она рассказывала подробности своего пребывания в Каире и описывала игры и забавы, которыми наслаждалась в обществе мавританских девушек. Она показала ему свои драгоценные четки с подвесками, талисман цыган, последний подарок Эльзибеды; но когда она попыталась заговорить о добродетелях султанши, нежные воспоминания так быстро нахлынули на нее, что губы отказывались слушаться, и только хлынувшие слезы закончили ее рассказ о благодарности и любви. Ее королевский аудитор успокоил ее волнение заверениями в сочувствии и доброте и, покидая апартаменты, был польщен ее настоятельной просьбой навестить ее снова. Обязательства такого рода влюбленный монарх редко не выполнял. Каждая встреча усиливала его очарование и углубляла ее привязанность, и еще до истечения недели он отправился к папе, чтобы сообщить его святейшеству, что Виоланта отказалась от сына в пользу отца. Понтифик, весьма довольный оборотом, который приняли дела, выдвинул лишь одно условие, и Фредерик, торжественно пообещав предпринять крестовый поход в течение двух лет, занял место Генриха у алтаря и женился на наследнице Иерусалима.

Довольный своим прекрасным приобретением и занятый делами своего королевства, Фредерик под разными предлогами откладывал исполнение своего обета, и ни увещевания папы римского, ни пэра не оказывали никакого влияния на его намерения, пока он не узнал, что Гонорий вступил в союз со своим сыном Генрихом, разочарованным женихом, и подстрекал города Ломбардии к восстанию. Встревоженный недовольством своих подданных, Фредерик возобновил свое обещание и зашел так далеко, что передал свое королевство под защиту церкви на время своего отсутствия. Смерть папы римского в 1227 году дала ему еще одну временную передышку.

Однако в этой смене понтификов у него было так же мало поводов для поздравлений, как у лисы из басни: Григорий IX оказался более прожорливым и нетерпимым бичом, чем его предшественник. Приняв меры для осуществления замыслов Гонория против альбигойцев, новый папа опубликовал "Восточный крестовый поход" и призвал Фредерика отправляться в путь, не теряя времени.

Прелестная Виоланта поникла в своем европейском доме. Резкий и гортанный язык немцев оскорблял ее слух, их грубые и неотесанные манеры представляли собой действенную преграду для легких и изящных развлечений, которые она стремилась ввести при своем дворе, а ее хрупкое тело, охлажденное суровостью климата, к которому она была непривычна, уклонялось от любого воздействия. Она жаждала еще раз насладиться мягким и благоуханным воздухом, разносящим аромат Хермона, и чтобы ей прислуживали с той вежливой сдержанностью и изяществом, которыми она наслаждалась в каирском гареме. Ее единственной надеждой вернуться на родину было исполнение обета, данного мужем; но, обнаружив, что ее кроткие просьбы только раздражают его властный нрав, она воздержалась от дальнейших расспросов и оставила свои тревоги при себе.

В то время как прекрасная экзотика увядала под пагубным влиянием неприветливой атмосферы севера, Жан де Бриенн посетил немецкий двор. Встревоженный бледным и изможденным видом своей дочери, он отнесся к ней с нежным сочувствием, какого никогда прежде не проявлял по отношению к ней; и убитая горем королева излила перед ним свои горести и умоляла его увезти ее обратно в Палестину. Нежная задумчивость, так похожая на выражение лица ее матери и уже ставшая привычной для ее юных черт, затронула тайную струну в его сердце, и мысль о том, что Фредерик растратил богатство ее привязанности и холодно и презрительно отверг ее подкупающие ласки, вызвала его негодование. Он обличал монарха в самых невыразительных выражениях. Император признал, что завоевал расположение Виоланты своим очевидным интересом к Святой Земле и добился ее руки обещанием вернуть ей ее законное наследство; но он насмешливо намекнул, что эти учтивые снисхождения были причудливыми ограничениями, которые ставили все влюбленные, и которые они, как мужья, не обязаны были выкупать. Он выдвинул предположение, что клятвы в религии, политике и любви - всего лишь средство достижения цели, связывающее лишь постольку, поскольку они соответствуют удобству тех, кто их дает. Он приводил примеры духовенства во главе с папой римским, которое венчало церковь и, заявляя, что живет исключительно в ее интересах, сделало ее средством собственного возвеличивания, потворством своим низменным страстям; политику королей, которые, получив скипетр власти с очевидной целью обеспечения мира и счастья своим подданным, преследовали свои собственные удовольствия, не обращая внимания на гражданские волнения или раздоры; и он иллюстрировал свою теорию многочисленными примерами из домашней жизни европейских государей, которые ради удовлетворения личной обиды использовали ее в своих целях. избавились от тех, кого они обещали любить и лелеять до конца жизни. Виоланта слушала эту речь как человек, впервые постигающий решение проблемы, которая долгое время требовала изобретательности и приводила в замешательство разум. Его чувства объясняли загадочность его поведения, несоответствие между его профессиями и поступками, и, подобно копью Итуриэля, сразу рассеяли иллюзию ее воображения и заставили его принять перед ней свойственный ему облик. Она устремила свои большие темные глаза на его лицо, словно пытаясь вспомнить образ, которому она там поклонялась. Она увидела только высокомерную усмешку скептицизма и улыбку эгоистичного ликования. Ее чувствительное сердце содрогнулось от ужаса при мысли о безрадостном будущем, которое в одно страшное мгновение промелькнуло перед ней, как видение, и с пронзительным криком она в обмороке упала на пол. Муж спокойно вызвал горничных и вышел из квартиры, в то время как отец, с сердцем, разрывающимся между жалостью и гневом, нежно поднял ее безжизненное тело и отнес на кушетку.

Роберт, второй сын Питера Кортни и Иоланды, сменил своего отца на константинопольском престоле. Бесславное семилетнее правление привело империю в смятенное состояние, а ранняя смерть передала корону его малолетнему сыну Балдуину. Бароны Греческой империи почувствовали необходимость вложить скипетр в руки мужчины и героя; и к королю-ветерану Иерусалима были отправлены гонцы с просьбой принять императорский пурпур и стать отцом юного принца, отдав ему в жены руку своей второй дочери. Положение и авторитет Жана де Бриенна как императора Константинополя дали ему власть наказать подлость Фредерика, и он быстро дал понять императору, что мощь его меча, подкрепленная мощью греческих войск, теперь готова привести в исполнение указы папы.

Фредерик, обнаружив, что он больше не может безопасно откладывать свое паломничество, приказал собрать свои войска в Брундузии, готовясь к отправлению. Однако прежде, чем наступило назначенное время отплытия, в лагере вспыхнула эпидемия, многие умерли, еще большее число дезертировало, а сам император, после того как сел на корабль и пробыл в море три дня, вернулся, заявив, что его здоровье не позволяет ему отправиться в путешествие. Радуюсь счастливому стечению обстоятельств, которое освободило его от этой ужасной экспедиции, он ускорил свой поход в Германию.

Войдя в свой дворец, он был поражен серьезностью, с которой его слуги, обычно такие восторженные, встретили его. Во дворе царил зловещий мрак, и когда он величественной поступью проходил по длинным коридорам, ему казалось, что его шаги нарушают тишину смерти. В приемной покоев королевы он застал ее служанок, предававшихся крайним проявлениям скорби. Слабый плач младенца ударил ему в ухо, и, шагая по тихой и затемненной комнате, он отыскал ложе заброшенной Виоланты. Этим ложем были носилки. Эти губы, на которых он произносил игривые нотки с изысканным, хотя и мимолетным восторгом, навсегда остались немymi. Эти черты, которые раньше загорались любовью при каждом его нежном слове, теперь обрели свой последний спокойный покой.

Бедная Виоланта! Твое паломничество было кратким. Едва миновала первая сладостная стадия детства, как Фантазия направила твои добровольные стопы по Елисейским полям Любви и окутала объект твоих юных привязанностей ореолом чистоты и правды. Жизненный опыт женщины — неизъяснимое пренебрежение и несправедливость, которые давят на нее, горькое чувство полной беспомощности и зависимости, необъяснимое горе первобытного проклятия, — втиснутые в короткий промежуток нескольких коротких месяцев, рано привели тебя к могиле — семнадцать лет и зима, суровость которых заморозила самый источник твоей жизни, — надеяться, любить, отдать свою жизнь другому и умереть. — Такова твоя история, прекрасная Виоланта, королева Иерусалима, императрица Германии, Героиня Шестого крестового похода.

ЭЛЕОНОРА.

ГЛАВА I.

РОДИТЕЛИ ЭДУАРДА I.

Из всех королевских женихов, которые когда-либо опускались до того, чтобы добиться любви женщины, Генрих III. сын Джона Лэкланда и Изабеллы Ангулемской, по-видимому, был самым невезучим. Сначала он привязался к принцессе Шотландии, которую отговорили от его сватовства заверения ее брата, что король - косоглазый дурак, лживый, клятвопреступник, более малодушный, чем женщина, и совершенно не подходит для общества какой-либо прекрасной и благородной леди.

Разочаровавшись в Шотландии, монарх в следующий раз предложил руку наследнице Бретани, но суровые бретонцы, слишком хорошо помня жестокость его отца по отношению к своему любимому принцу Артуру, ответили надменным отказом.

Затем он предложил возложить честь своего союза на дочь Австрии, но прекрасный потомок Леопольда унаследовал всю враждебность своего деда к княжескому дому Плантагенетов и с презрением отверг его ухаживания.

Герцог Богемии, к которому он обратился в следующий раз, вежливо ответил, что его ребенок уже женат на другой, и только когда Генрих достиг зрелого тридцатилетнего возраста, он получил благоприятный ответ на свое предложение руки и сердца; и когда, наконец, был подписан брачный контракт между ним и Джоанной, дочерью Алисы Французской, блуждающие чувства этого королевского семейства были отвлечены от их верности сладкими песнями юной поэтессы из Прованса.

Элеонора ла Белль, вторая дочь графа Беренджера, возможно, самая молодая женщина-писатель в истории, привлекла внимание непостоянного короля Англии стихотворением, которое она сочинила о завоевании Ирландии.

Ослепленный ее гением и личным обаянием, Генрих забыл о клятвах, данных Джоанне, и его послы получили приказ прекратить переговоры, в то время как его услужливые советники рекомендовали заключить союз с той самой леди, которой он так горячо восхищался.

Однако его обычная алчность вторглась в процесс ухаживания и едва не подверг его шестому разочарованию. Он поручил своему сенешалю потребовать двадцать тысяч марок в качестве приданого Элеоноры, но в частном порядке уполномочил его при необходимости уменьшить сумму допятнадцати, десяти, семи, пяти или трех тысяч. Он вызвал отвращение у надменного графа, ее отца, своим грязным торгом и, наконец, в великом ужасе написал, чтобы заключить брак немедленно, с деньгами или без них, но в любом случае обеспечить ему леди и без промедления доставить ее в целости и сохранности в Англию.

В великолепных празднествах, которыми Генрих приветствовал свою молодую невесту в Лондоне, и в приготовлении ее коронационных одежд он проявил склонность к расточительным тратам, совершенно несовместимым с состоянием его финансов и нелепо контрастирующим с его прежней скудостью.

Подобно своему отцу, величайшему щеголю Европы, но не так, как он, довольствовавшийся украшением собственной персоны, он отдавал самые щедрые распоряжения по облачению королевского двора в атлас, бархат, золотую ткань и горностаи, потратив только на украшения королевы сумму не менее ста пятидесяти тысяч долларов.

Примерно в то же время он подарил свою сестру Изабеллу вдовствующему императору Фредерику II и лично обозначил каждый предмет ее роскошного гардероба.

Именно в этом случае он впервые узнал, насколько важным может быть сдерживание сильным британским парламентом беззаконной расточительности короля; ибо, когда он обратился к лордам с просьбой облегчить его финансовые трудности, они ответили ему, что они в избытке выделили средства как на его брак, так и на брак императрицы, и поскольку он потратил деньги впустую, он может покрыть расходы на свою свадьбу, насколько сможет.

Трудно сказать, кто был самым большим бедствием для Британии за время долгого и бессильного правления Генриха III - король, королева или королевские родственники.

Один из дядей Элеоноры стал премьер-министром; другому было передано богатое графство Уорренн, а третий стал архиепископом Кентерберийским, а многочисленные юные подружки романтической королевы были привезены из Прованса и выданы замуж за богатых подопечных короля.

Мать Генриха, не удовлетворившись тем, что отправила всех своих младших детей на попечение обедневшего монарха, втянула его в войну с Людовиком IX, которая закончилась катастрофически для английского оружия потерей большей части богатых южных владений, а также военных сундуков и дорогих украшений королевской часовни.

Честолюбивые устремления Генриха в отношении своих детей привели к еще большим трудностям в королевстве. Его старший сын, Эдуард, был назначен вице-королем спорных владений в Аквитании и, будучи слишком молод, чтобы благоразумно распоряжаться своими важными делами, так неправильно управлял делами, что значительно усилил недовольство французских подданных своего отца.

Его старшая дочь Маргарет, вышедшая замуж за своего двоюродного брата Александра III, молодого короля Шотландии, была взята в плен сэром Джоном Балиолом и подвергнута строжайшему заключению, что вынудило Генриха предпринять Северный поход для спасения своего ребенка.

Но его второй сын, Эдмунд, оказался более дорогим для британской нации и невинно сделал для разжигания гражданской войны больше, чем любой другой член королевской семьи; поскольку папа, возложив корону Сицилии на молодого принца, восхищенный отец с энтузиазмом ввязался в предполагаемую войну и пообещал покрыть все расходы по обоснованию притязаний.

Бароны снова воспротивились обременительному налогу, который должна была наложить на них эта новая попытка возвеличить семью, и первая субсидия была получена из церковных фондов только благодаря проявлению духовной власти. Когда амбициозный король исчерпал все свои ресурсы, понтифик хладнокровно передал вожделенную корону Карлу Анжуйскому, брату короля Франции, предоставив бедному Генриху как можно лучше погашать свой долг перед лордами казначейства, что принесло ему в глазах его подданных мало славы и большие потери.

Таков был характер, политическое и социальное положение родителей Эдуарда I. Примерно в середине XIII века они начали принимать активное участие в делах Европы.

Великолепное сборище собралось в просторном дворце старого тампля в Париже в 1254 году нашей эры. Королевские семьи Англии и Франции собрались в обстановке сердечности и доброты, какой они никогда не испытывали с того дня, когда Нормандия была отвоевана у потомков Карла Великого. Банкет был дан в честь Эдуарда, предполагаемого наследника Англии, и его милой юной невесты Элеоноры Кастильской. На почетном месте восседал добрый Людовик Святой, король Франции, по правую руку от него Генрих III. король Англии, а слева от него - король Наварры, королевский потомок Тибо Шампанского, и Бланш, сестра Беренгари. На этом великолепном приеме Беатрис, графиня Прованская, наслаждалась воссоединением со своими прекрасными дочерьми, их благородными мужьями и цветущим потомством. Старшая, Маргарита, была женой Людовика IX., Элеонора - Генриха III., Беатриса - Шарля Анжуйского и Санча - Ричарда Корнуоллского, короля римлян.

Но королева этого Пира королей, прекрасная юная Инфанта, вокруг которой собралась знать Континента, хотя ей едва исполнилось десять лет, вызывала в себе более романтические ассоциации и возбуждала более высокие надежды, чем любая из присутствующих коронованных особ. Ее брат Альфонсо X., астроном, был самым образованным принцем в Европе, и ни священник, ни пэр не могли похвастаться той преданностью искусству или теми успехами в научных открытиях, которые отличали короля Кастилии по прозвищу *Иль Сабио*, мудрый. Ее мать Джоанна, бывшая невестой своего королевского тестя Генриха III, была отвергнута ради более поэтичной дочери графа Прованского; а ее бабушке, Алисе Французской, доблестный король Ричард отказал в пользу Беренгари Наваррской. Ее брат Альфонсо и дядя ее мужа, Ричард Корнуолльский, были кандидатами на корону Германской империи в противовес правам Конрада, сына Фредерика и Виоланты, а ее муж, изящный пятнадцатилетний юноша, удостоившийся рыцарского звания на свадебном турнире, был наследником прекрасного королевства Англии и прекрасных провинций Южной Франции.

Турнир, банкет и процессия ознаменовали их продвижение из Бургоса в Испании к парижскому двору. В Бордо король Генрих потратил 300 000 марок на их свадебный пир - сумму, по тем временам настолько непомерную, что, когда его упрекнули за это, он воскликнул скорбным тоном: "О! наедине с Богом, не говори больше об этом, чтобы люди не изумлялись тому, как это соотносится". Дворец в Шартре, который когда-то занимали граф Стефан и Адела, был украшен самыми блестящими украшениями в честь их присутствия. Людовик Святой выступил им навстречу и сопровождал в Париж. Кавалькада состояла из тысячи конных рыцарей в полных доспехах, каждый с какой-нибудь дамой рядом с ним, верхом на коне, чьи расшитые панцири соперничали богатством ниспадающих одеяний прекрасной наездницы, в то время как

великолепная вереница экипажей, вьючных мулов, грумов и вассалов завершала великолепную свиту.

Брачный фестиваль с его обычными аккомпанементом в виде охоты, соколиной охоты и праздничных видов спорта продолжался восемь дней, и блестящий кортеж сопровождал новобрачных на побережье Франции по пути в Англию. Переход был трудным и мрачным, и флот, доставивший Элеонору в ее новый дом, столкнулся со штормом на Ла-Манше и приблизился к гавани под покровом такого густого тумана, что белые скалы Дувра были полностью скрыты из виду.

Юная королева, напуганная кромешной тьмой, пыталась заглушить свои собственные мучительные опасения, повторяя слова священного писания, которые, как она предполагала, оказывали какое-то таинственное влияние на стихии. Внезапно ужасный грохот заставил корабль застонать всеми своими обшивками. Пронзительные крики снаружи поведали историю ужасов, а эхо криков внутри сделало невозможным определить природу или степень опасности. Наконец было установлено, что королевское судно в темноте натолкнулось и потопило небольшой барк, предположительно рыболовный снаряд, который ветром отнесло в море.

Принц Эдуард немедленно приказал спустить на воду маленькую лодку и, несмотря на мольбы своих родителей и маленькой невесты, прыгнул в нее в надежде спасти погибающий экипаж.

Встревоженная за его безопасность, Элеонора присоединилась к тревогам своих родителей, поспешив на палубу, где, перегнувшись через борт судна, она самым пристальным взглядом вглядывалась в узкий круг воды, освещенный огнями корабля. Храбрый моряк, разгоняя волны мощной рукой, избежал водоворотов, создаваемых тонущим судном, и, схватившись за веревку, которая была брошена ему на помощь, перепрыгнул на борт судна. Вскоре после этого появился другой объект, поднимающийся и опускающийся на гребне волны. Теперь это была всего лишь сверкающая пена, а теперь она лежала белая и неподвижная в темной впадине моря. Наконец оно выплыло за пределы полосы света и, казалось, затерялось в непроницаемом мраке, но только после того, как принц обратил на него свой взор и приказал своим гребцам грести в том направлении, где оно исчезло. Один миг мучительного ожидания - и наследник Англии снова появился возле судна, бережно прижимая к себе неподвижное тело; матросы взяли за брашпиль, и шлюпка с командой была благополучно принята на борт.

Едва обращая внимание на любопытные расспросы собравшихся вокруг него, принц направился в каюту и положил драгоценную ношу на кушетку. Промокшие покрывала были быстро сняты, и восторг, преклонение и жалость мгновенно зародились в сердцах зрителей при виде прелестного ребенка, которому, по-видимому, было меньше двух лет. Элеонора с тревожной нежностью наблюдала за возвращением к жизни маленького незнакомца. Она растирала его покрытые ямочками ладони в своих и пыталась вызвать оживление мягкими поцелуями и нежными ласками. Когда жизненное тепло постепенно вернулось, и слабый оттенок жизни засиял на бледных щеках, страдальца открыла свои голубые глаза и, прошептав какие-то невнятные слова, среди которых они могли различить только “Ева”, снова погрузилась в беспамятство.

Одежда маленького подкидыша соответствовала рангу и богатству, а браслет восточного изготовления, надетый на ее крошечную ручку, вызвал большое удивление и любопытство у королев и их приближенных. Принц нашел младенца привязанным к веслу шарфом с

изысканной вышивкой. По-видимому, на нем также был гербовый рисунок, но зеленый трилистник с розой Шарона был символом, который никто из присутствующих не мог расшифровать. Спасенный моряк заявил, что погибший корабль был каботажным судном и что в ирландской гавани они взяли на борт женщину с ребенком; но, поскольку он видел их только во время посадки, он не мог дать о них более подробных сведений.

Пристрастие, которое Элеонора проявила к сироте, так внезапно лишившейся всех друзей, дало ей приют в лоне королевской семьи, и в замке Гилфорд, где ее свекор обеспечил ей большое положение, она провела много приятных часов на попечении своей нежной подопечной. Маленькая Ева добавила к своему инфантильному очарованию непобедимую кротость, смягченную спортивным упрямством, которое вызывало постоянный интерес, не без примеси беспокойства, как бы такое теплое сердце не стало жертвой влияний, от которых ее не могли защитить никакие предостережения. Она не могла рассказать о своем происхождении или доме, но иногда говорила о своей маме, птицах и цветах, как будто ее детская память сохранила ассоциации, которые связывали ее мысли с приятными прогулками и нежной заботой. Ее восприятие было чрезвычайно быстрым, но ее лучшие решения часто были недолговечными, и ей не хватало целеустремленности в занятиях, к которым ее привлекла Элеонора. Взывание к ее сердцу всегда приводило к немедленному раскаянию в любой провинности, и в целом она была самой обаятельной, но неприятной ученицей, которая когда-либо вызывала расположение королевы. Но достижения самой Элеоноры не были полными, и в 1256 году ее снова перевезли в Бордо с целью получения инструкций от мастеров, более квалифицированных для ее обучения. По ее настоятельной просьбе Еве разрешили сопровождать ее.

Тем временем ее молодой муж совершенствовался во всех рыцарских достижениях, “посещал турниры” и отбирал призы у всех соперников с мастерством и грацией, которые принесли ему известность, не уступающую известности его двоюродного дедушки Ричарда Львиного Кера. В Париже он сблизился с сиром де Жуанвилем, сподвижником Людовика Святого в седьмом крестовом походе, и тот слушал рассказ о событиях на Востоке с интересом, который воспламенил его молодое и пылкое воображение. Сеньор де Жуанвиль, верховный сенешаль Шампани, был одним из самых эрудированных и приветливых дворян XIII века, и для опытного солдата было приятным занятием просвещать ум молодого принца рассказом об обычаях и манерах Востока и о состоянии латинского королевства в Иерусалиме, которое так сильно повлияло на политику Европы.

После возвращения Фредерика, Григорий IX. отлучил его от церкви за то, что он отказался сражаться с врагом Божьим; но так долго продолжалось противостояние между императором и понтификом, и так разошлись мнения людей о правоте дела, что духовенство опубликовало приговор со многими пояснительными пунктами, которые значительно изменили его действие. Парижский кюре, вместо того чтобы зачитать буллу с кафедры в обычной форме, сказал своим прихожанам: “Вы знаете, братья мои, что мне приказано отлучить Фредерика от церкви. Я не знаю мотива. Все, что я знаю, это то, что между этим принцем и папой произошла ссора. Один Бог знает, кто прав. Я отлучаю от церкви того, кто причинил вред другому; и я отпускаю грехи страдальцу”.

Фредерик в отместку использовал свои сарацинские войска, которыми он командовал, а их было немало, в южной Италии для опустошения владений церкви и убедил всех своих

подданных в разумности своих прежних отказов, обложив их высокими налогами на расходы экспедиции, которую он решил предпринять. Обнаружив, что Фредерик таким образом ставит себя в положение, позволяющее заручиться симпатиями христианского мира, папа запретил ему вести Священную войну до тех пор, пока он не будет освобожден от церковного порицания. Несмотря на это, император отплыл прямо в Акко и был принят христианами с великой радостью. Следующие корабли из Европы привезли письма от понтифика патриарху, в которых повторялся приговор об отлучении от церкви, запрещающий тамплиерам и госпитальерам сражаться под знаменами сына погибели.

В таком смущенном состоянии Фредерик обнаружил, что его военные действия ограничены пригородами Акко; и, живя во дворце и созерцая сцены, которые Виоланта так часто и красноречиво изображала, он с оттенком раскаивающейся нежности вспомнил энтузиазм, с которым она ожидала возвращения в свой восточный дом. Восторг, с которым она рассказывала о добродетелях императрицы Эльзибеды и ее благородного сына Мелеха Кэмела, внушил ему мысль, что он мог бы воспользоваться щедрой дружбой, которую питал к своей сильно обиженной жене, для осуществления своих собственных планов в Палестине. Руководствуясь этой эгоистичной политикой, он начал переговоры с султаном Египта, который после смерти Кохр-Эддина стал наследником всех владений Сафадина. Сарацинский император благосклонно выслушал предложения преемника Жана де Бриенна, и между воюющими державами было заключено перемирие на десять лет.

Иерусалим, Иоппия, Вифлеем и Назарет с их придатками были возвращены латинянам. Гроб Господень также был передан, и как христианам, так и мусульманам было гарантировано право совершать богослужения в священном здании, известном первым как храм Соломона, а последним как мечеть Омара. Император отправился в Иерусалим, но никто не приветствовал его приближение. Патриарх запретил совершать все религиозные церемонии во время своего пребывания, и ни одного прелата нельзя было заставить возложить на его чело проклятую корону Готфрида Булонского. Фредерик, несмотря ни на что, направился в церковь Гроба Господня, взял корону с алтаря, возложил ее себе на голову, а затем с видимым удовлетворением выслушал хвалебную речь, произнесенную одним из его немецких последователей. Таким образом, память о нежной и любящей Виоланте, более могущественная, чем героическое безумие короля Ричарда или заблуждающаяся преданность военных орденов, снова утвердила королевство Палестина на прочной основе и передала скипетр в руки человека, способного защитить его права.

ГЛАВА II.

ИСТОРИЯ СЕДЬМОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА Де ЖУАНВИЛЯ

Эти подробности де Жуанвиль в разное время добросовестно пересказывал принцу Эдуарду, который был неутомимым слушателем всего, что касалось рыцарских подвигов.— Но он с гораздо большей обстоятельностью и точностью остановился на событиях Седьмого крестового похода, в котором он лично участвовал вместе с Людовиком IX.

- Вы должны знать, милостивый государь, - сказал добрый рыцарь на причудливом языке того времени, - что, хотя христиане в Азии владели святыми местами по договору с Мелехом Верблюжым, плесень раздора постоянно разрушала все их планы улучшения государства, и как только срок перемирия истек, сарацины снова напали на них, когда они были ослаблены, и перебили множество паломников. По этой причине Григорий IX снова призвал благочестивых чад церкви взяться за оружие против неверных”.

“Я помню, ” ответил Эдуард, “ отъезд моего дяди Ричарда Корнуолльского и доблестного Длинного Меча со своими рыцарями и вассалами в Палестину, и я слышал, что само его имя наводило ужас на сарацин, поскольку они принимали его за великого Ричарда Львиного кота. С Божьей помощью, сир де Жуанвиль, имя Эдуарда однажды устроит и его врагов.

На это Де Жуанвиль серьезно ответил: “Тебе не мешало бы вспомнить слова доброго короля Людовика, когда, чтобы обеспечить спокойствие своих подданных, он уступил столь значительную часть своей территории твоему царственному отцу: ” Я предпочел бы быть похожим на нашего Господа, который щедро раздает всем, чем на завоевателей земли, которые нажили себе врагов, захватывая права других!”

“По правде говоря, - ответил Эдуард, - это чувство больше напоминает о святом, чем о короле”, немного уязвленный тем, что его честолюбивые наклонности не вызвали более теплого одобрения.

“ И все же, ” возразил де Жуанвиль, “ король Людовик - величайший монарх Европы, и часто своими мудрыми советами он улаживает разногласия, которые вовлекают другие страны в кровопролитие. Ты хорошо знаешь, что он уже уладил разногласия между твоим отцом и его надменным шурином, графом Лестером.

“ Да, воистину, ” ответил Эдуард, и глаза его сверкнули от предчувствия мести, - этот добрый меч когда-нибудь научит зазнавшегося графа лучшим манерам.— Если бы у моего отца было меньше тех кротких добродетелей, которые ты так высоко ценишь, он никогда бы не утвердил оксфордский устав и не сделал Англию добычей алчности Симона де Монфора”.

- Бедные жители Альби и Каркассона, хотя многие из них, боюсь, были жалкими еретиками, учат своих детей проклинать это имя еще горше, - ответил де Жуанвиль, - чем ты.

- Тот, кто убивает женщин и детей, - ответил Эдуард с гордым презрением, - даже если это делается по повелению церкви, пятнает свою добрую славу сильнее, чем его меч. Моему бедному уму кажется, милостивый государь, что этот крестовый поход против наших собственных вассалов в счастливой Франции носит оттенок, сильно отличающийся от войн в Палестине ”.

“ Так думал мой добрый господин, ” ответил де Жуанвиль, “ ибо, хотя душа его любит мир, совесть его часто была неспокойна при мысли о страданиях христиан, которые, теснимые турками, взывали о помощи, и все же он не знал, как он может оставить свой народ ради чужой войны. Наконец его сомнения разрешились по этому поводу.—Будучи тяжело больным в Париже, его душа как бы покинула тело. Он увидел стоящего перед ним графа Раймона Тулузского, который, испытывая муки чистилища, воскликнул: ‘О! если бы я нанял своих людей для изгнания детей сатаны из Святой Земли, тогда у них не было бы досуга изобрести те ереси, с помощью которых они погубили свои души и тела в аду’. Когда душа короля вернулась, он

услышал, как те, кто ухаживал за ним, разговаривали друг с другом, и один хотел закрыть свое лицо тканью, думая, что все кончено, но другой (так было угодно Богу) постоянно заявлял, что он жив. Затем он открыл глаза и посмотрел на них, и он попросил одного из них принести ему распятие, и он поклялся на нем, что, если Богу будет угодно вернуть ему здоровье, он лично отправится на Священную Войну. Точно так же, как король распял на кресте трех своих братьев, Роберта, графа д'Артуа, Альфонса, графа де Пуатье и Шарля, графа д'Анжу, достопочтенного Гуго Лебрена, графа де Марша и его сыновей, а также многих других высокопоставленных лиц и многих лордов, которых Симон де Монфор лишил их наследства в Лангедоке, и многих других, кто сражался против еретиков. Так благочестивый царь сделал Священную Войну средством искупления грехов и всеобщего примирения. Но при этом он был так мудр и так заботился о своем народе, что задумал также превратить экспедицию в основание большой колонии в Египте. Таким образом, многие транспорты были нагружены лопатами, вилами, плугами и другими орудиями для обработки земли, а также семенами различных видов для лучшего процветания нового государства. Вы должны знать, что перед тем, как король покинул королевство, он созвал всех баронов в Париж и там заставил их возобновить свое почтение и поклясться в верности его детям, если с ним самим во время этой экспедиции случится какое-нибудь несчастье.

По этому случаю всем придворным были подарены великолепные наряды, и на следующий день кавалеры с удивлением обнаружили, что к каждому плащу искусным ювелиром был прикреплен великолепный золотой крест, тем самым намекая на желание короля, чтобы они присоединились к нему в крестовом походе.

“Это было в августе месяце, когда мы сели на корабль в "Рок Марсель", и священник и клерки, стоявшие вокруг короля, спели прекрасный гимн "Veni Creator" от начала до конца. Пока они пели, моряки подняли паруса во имя Бога, и вскоре, при попутном ветре, берег скрылся из виду, и мы не видели ничего, кроме моря и неба. Сначала мы высадились на Кипре, где надолго задержались, ожидая графа Альфонса, который возглавлял заповедник. Сюда прибыли послы всех стран, чтобы засвидетельствовать свое почтение французскому монарху. Великий хан Татарики сделал ему много прекрасных комплиментов и велел своим слугам сказать, что их господин готов помочь ему в освобождении Иерусалима из рук сарацин. Король Франции также прислал Хану шатер в виде часовни из тонкой алой ткани, расшитый изнутри тайнами нашей веры. За это отвечали два черных монаха, которым также было поручено увещевать татар и показывать им, как они должны верить в Бога”.

- Разве татары не той же расы, что и турки? - с большим любопытством спросил Эдуард.

“Я не очень хорошо разбираюсь в генеалогии народов Востока, - ответил де Жуанвиль, - но я считаю Татарию общим названием обширной страны, откуда в разное время вышли определенные племена, называемые скифами, венграми, турками и монголами, которые наводнили плодородные провинции, омывающие Средиземное море”.

Принц, почувствовав себя значительно просвещенным этим исчерпывающим ответом, почтительно слушал, пока де Жуанвиль продолжал. “Прибыли также послы от христиан Константинополя, Армении и Сирии. Посланцы также от ‘Горного старика’, о котором ходит так много странных историй. Король Людовик также заключил союз с вождем монголов против двух великих пап исламизма, султанов Каира и Багдада. С Кипра мы отплыли в Дамиеетту, которую король Людовик атаковал с мечом в руке. Неверным, по милости Божьей, пришлось хуже, и

город попал в наши руки. Мы нашли большую добычу в Дамиетте и с комфортом разместились там. Но королевские офицеры, вместо того чтобы хорошо обращаться с торговцами, которые могли бы снабдить армию провизией, нанимали им лавки и рабочих по такой дорогой цене, что они ушли от нас, что было большим злом и потерей. Бароны и рыцари начали устраивать роскошные банкеты друг для друга; простолюдины также предавались всевозможным развлечениям, которые продолжались до того дня, когда мы двинулись в сторону Каира, по маршруту, по которому раньше путешествовал Жан де Бриенн. На много дней мы были остановлены в Мансуре у ответвления Нила, где было необходимо построить дамбу, и там они обстреляли нас греческим огнем, из-за которого нам грозила большая опасность погибнуть. Этот огонь был по виду похож на огромную бочку, и хвост его был длинной копье, и шум, который он производил, был подобен грому, и казалось, что это огромный огненный дракон, летящий по воздуху, излучающий своим пламенем такой свет, что мы видели в нашем лагере так же ясно, как среди бела дня; и когда он упал на рыцаря в доспехах, то пробил его чешую и прожег до самой кости. Таким образом, наша армия сильно пострадала и была лишена возможности продвигаться дальше.

Король созвал своих баронов на совет, и было решено вернуться в Дамиетту. Но так много людей из нашей армии заболели, что было необходимо подготовиться к отплытию по Нилу. Сам король сильно пострадал от чумы, и наш поход был остановлен сарацинами, которые подстерегли нас на берегах реки, и поскольку принц не захотел бросить свой народ, мы все вместе были взяты в плен. После того, как мы много пострадали, как физически, так и духовно, султан, недавно избранный мамлюками, согласился принять в качестве выкупа за пленников город Дамиетту и сумму в 500 000 ливров. Когда султан обнаружил, что король Людовик выполнил первое требование, не стремясь заключить сделку, "Пойди и скажи ему от моего имени, - сказал он, - что я беру назад пятую часть суммы, потому что я нашел его щедрым и великодушным".

"После того, как дело было завершено, мой королевский господин уполномочил меня сопровождать послов в Дамиетту и получить от королевы Маргариты деньги для выкупа. Когда я пришел во дворец, где жила королева, я обнаружил, что ее покои охраняет пожилой рыцарь, которого она, услышав о пленении своего царственного мужа, заставила поклясться, что, если сарацины войдут в город, он сам покончит с ее жизнью, прежде чем они смогут схватить ее лично. Моя царственная госпожа приняла меня милостиво и дала мне деньги, которые приказал король, а также попросила меня взглянуть на сына, которого она родила Людовику во время его отсутствия, чтобы я могла заверить его в их здоровье и комфорте. Несчастья, постигшие наше оружие, заставили нас покинуть Египет; и, сразу же отплыв в Акко, мы были приняты христианами Востока с великой радостью. Мы занялись восстановлением укреплений главных городов, но монарх, удрученный неудачей своего предприятия, вернулся во Францию, не совершив паломничества к святым местам".

"Клянусь честью, - ответил молодой принц, - было бы удивительно, если бы такие хорошо подготовленные экспедиции потерпели столь полное поражение. Мне кажется, хороший солдат никогда не должен вкладывать свой меч в ножны до часа победы.

Де Жуанвиль посмотрел на неопытного юношу с благожелательной улыбкой, заметив лишь, что осторожность и благоразумие - добродетели, столь же необходимые правителю, как мужество и доблесть.

ГЛАВА III.

МОЩИ, ПРИВЕЗЕННЫЕ ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Молодая невеста Элеонора в своей резиденции в Бордо познакомилась с Ги де Лузиньяном, вторым сыном бывшей королевы Изабеллы и графа Хью ле Марша, и благодаря его любезному вниманию она была в курсе событий, взбудораживших Англию. Она узнала, что ее родители королевской крови были вынуждены поселиться в Лондонском Тауэре, почти на положении государственных узников, и что ее доблестный муж променял рыцарские забавы на “игру королей”. Беспокоясь о его безопасности и желая помочь в освобождении королевской семьи или разделить их пленение, она умоляла графа Ги проводить ее туда. Он объяснил опасность такого шага и всеми возможными доводами пытался убедить ее остаться во Франции, но тщетно. Черты характера, которые впоследствии сделали ее героиней, уже развившиеся в неизменной привязанности и непобедимой твердости, преодолели всякое сопротивление, и со свитой, едва ли соответствующей ее рангу и недостаточной для ее защиты в случае нападения, она отправилась в Англию.

Они благополучно добрались до острова и уже приближались к Лондону, когда большой колокол собора Святого Павла напугал их своим торопливым звоном, и они почти мгновенно оказались окруженными разъяренной толпой. Простота их одежды скрывала их от посторонних глаз, и некоторое время они беспрепятственно проходили среди толпы, но мстительные крики толпы, кричавшей: “Долой евреев! долой приспешников прованской мегеры!” - так встревожило маленькую Еву, что она не смогла удержаться на скамье рыцаря, который ее опекал, и сэр Гай в конце концов нашел для них приют в скромном многоквартирном доме на берегу Темзы.

Из окна коттеджа они наблюдали ужасную резню, которая характеризовала первое народное восстание против правительства Генриха III. Безобидных евреев вытаскивали из их домов и безжалостно убивали под заверения в невиновности и душераздирающие крики о пощаде, в то время как мебель из их жилищ и всякого рода ценности выбрасывались на улицы и распределялись среди толпы. Почтенного человека Бен Абрахама с величественными манерами преследовали до дверей дома, в котором укрылись королевские беглецы.

Граф Ги в волнении вскочил, чтобы загородить вход, но молодая королева с большей готовностью и тактом отодвинула засов и, распахнув противоположную дверь, жестом велела всем вооруженным слугам удалиться. Едва беспомощный старик переступил порог, как толпа с демоническими криками бросилась за ним, и предводитель, схватив его за длинную белую бороду, отделил голову от туловища и поднял ее вверх, являя собой мрачное и ужасное зрелище на радость своим последователям. Перепуганная Ева, прижимаясь к Элеоноре, спряталась за открытой дверью, и королева, сдерживая собственное волнение, зажала рот ребенка рукой, чтобы подавить ее крики, в то время как убийцы, волоча окровавленный труп по тротуару, начали обыскивать его в поисках золота. По улице катилась волна крови. Безумные вопли мести и неистовые вопли ужаса смешались в воздухе и понеслись прочь, к реке.

Казалось, что рев то приближался, то отступал, когда баржа, отвалив от лестницы в тауэре, потянула толпу в том направлении. Это была королева Генриха III. со своими детьми, пытаясь сбежать в Виндзорский замок, где был расквартирован принц Эдуард со своими войсками. Крики “Утопите ведьму! Долой ведьму! Никакой пощады иностранцам! Смерть итальянцам!” сотрясают воздух. Толпа разрывала брусчатку, срывала черепицу с домов, грабила лавки мясников и разносчиков, и на реку обрушился ливень смертоносных снарядов. Лодка приблизилась к мосту, на западном конце которого тысячи свирепых глаз следили за ее появлением, и тысячи окровавленных рук были подняты для ее разрушения. В этот момент на мосту появилась фигура вооруженного рыцаря высокого роста. Пробиваясь сквозь толпу, он крикнул матросам, когда лодка была готова пробить арку: “Назад! Возвращайтесь!! клянусь вашими жизнями!!! Возвращайтесь в башню!!!!” Перепуганные лодочники повернули в критический момент, и рыцарь силой своей единственной руки отразил нападение на себя, пока королева снова не оказалась под защитой стен крепости.

По улицам снова прокатился рев за ревом. Толпа спешила в поисках добычи, раскачиваясь взад и вперед, как деревья во время бури. Снова слабые стены, приютившие прекрасную кастилийку, ощутили ужасное присутствие демонов в человеческом обличье. При виде французского слуги снова поднялся крик “Смерть иностранцам”, и они, как безумные, бросились в атаку. Но незнакомый рыцарь был уже у дверей и, поддерживаемый Ги де Лузиньяном и слугами, несколько часов сдерживал разъяренную толпу, но с каждым мгновением толпа становилась все гуще, крики все оглушительнее, и Элеонора, прижимая маленькую Еву к груди и окруженная своими служанками и домочадцами, пыталась вспомнить молитвы за умирающих, когда далекий крик о спасении донесся до нее порывом ветра. Пронзительный звук трубы подтвердил неясную надежду, и вызывающие угрозы толпы начали уступать место воплям сбитой с толку ярости. Послышался топот всадников, лязг доспехов; все громче становился шум битвы; теперь не звуки рушащихся жилищ, летящих снарядов и женских воплей, а звонкий лязг дамасской стали и размеренный топот верховых всадников. Воинственные крики “Эдуард спешит на помощь”, “Уступите дорогу принцу” гнали пеструю массу, как песок под порывом ветра пустыни, и рассеивали их по всем переулкам огромного мегаполиса. При звуке имени своего мужа Элеонора вскочила с колен и бросилась к двери, где увидела своего давно отсутствовавшего господина, шедшего во главе войска, более высокого, чем все его соратники, более твердо восседавшего на своем благородном дестриаре и более грациозно управлявшегося с поводьями и мечом. Он поднял забрало, остановившись, чтобы ответить на приветствие своего дяди Де Лузиньяна, и его тонкие, мужественные черты лица, сияющие от удовольствия и раскрасневшиеся от триумфа, его светлые волосы, вьющиеся вокруг шлема, сделали его для Элеоноры более храбрым и красивым, чем герой романа. Но глаза, которые “загорелись на войне, теперь растаяли в любви” при неожиданном появлении его невесты, которая со слезами на глазах смотрела на него, не зная, смутит ли ее присутствие его больше или доставит удовольствие. Однако не в сердце благородного принца было хмуриться при виде расстроенной девушки, тем более при виде прекрасного молодого существа, чье прекрасное лицо, чувствительный признак всех эмоций, то бледнело от страха, то вспыхивало от радости, казалось, с каждым мгновением приобретало все более приятный оттенок, пока она ожидала его приближения, сомневаясь относительно приветствия, которое ей следует получить от своего господина. Великодушный принц поспешно спешил и, заключив ее в объятия, нежно заверил ее словами сердечного приветствия, не обходясь, однако, без мягкого упрека в том, что она не задержалась в Дувре до тех пор, пока он не смог бы со свитой,

соответствующей ее рангу, лично сопроводить ее в Виндзор. Маленькая Ева тем временем нашла безопасное убежище в объятиях незнакомого рыцаря и сквозь решетку его забрала мельком увидела глаза, цвет и выражение которых она никогда не забудет, и услышала слова, которые произвели неизгладимое впечатление на нее.

Принц Эдуард счел необходимым поселить свою мать и королеву вместе с дамами и свитой под надежной охраной в Бристольском замке, где они оставались в течение части того бурного периода, последовавшего за восстанием Лестера. Ограниченные узкими удовольствиями, которые предоставляли стены замка, и обществом нескольких рыцарей, которые были на их попечении, королевские дамы находили свое главное развлечение в переменчивом настроении и неугомонном веселье сироты Евы. Никакие предостережения или приказы не могли помешать ей общаться с иждивенцами, слушать и сообщать своей госпоже о каждом полете, достигавшем замка. Но у нее был такой мягкий нрав и такая готовая покорность, что на нее невозможно было всерьез обидеться, и ее легкая поступь и радостный смех были одинаково желанны как в королевских покоях, так и на кухне для прислуги. Фрейлины, которые чаще всего становились жертвами ее шалостей, прозвали ее “Дама Сумасбродка”, в то время как ее сердечный интерес к подчиненным заставил слуг окрестить ее не менее подходящим прозвищем “Маленький солнечный лучик”.

Однажды принцесса Элеонора, проходя мимо зала аудиенций, была удивлена, услышав крики неудержимого смеха. Заподозрив, что ее протеже затеяла какую-то шалость, она осторожно открыла дверь и застыла незамеченной. Каждый предмет мебели, который можно было сдвинуть с места, был оторван от своих креплений и расставлен в каком-то фантастическом положении. Ковры были сняты со стен и развешаны гротескными гирляндами в дальнем конце комнаты, над тронном, украшенным всеми изделиями из вышитого бархата и шелковой парчи, какие только имелись в королевском гардеробе, и вокруг него, на котором восседала ее сумасбродное величество, разукрашенная всевозможными праздничными нарядами, в то время как все служанки и слуги, свободные от дежурства, проходили перед ней и, хихикая, повторяли клятву верности. Прекрасная королева, тем временем, разнообразила свои государственные обязанности, прочитав своим новым подданным лекцию о неприличии такого несвоевременного легкомыслия. Принцесса, не зная, какое внимание следует обратить на это дело, благоразумно удалилась, но не раньше, чем Ева увидела ее удаляющуюся фигуру, после чего она заверила своих вассалов, что все они виновны в государственной измене и что, без сомнения, дон Джон или какой-нибудь другой испанский кавалер скоро приберет их к рукам.

Когда Ева снова предстала перед принцессой, она упала на колени и попросила прощения с видом притворного смирения, отчего нахмуренные брови Элеоноры невольно сменились улыбкой, хотя она сочла необходимым сделать ей замечание по часто повторяемой теме о ее недостойной фамильярности с иждивенцами. “Я всего лишь исполняла обязанности королевы, ваше величество, и была бы рада более возвышенным подданным”, - лукаво сказала она, оправдывая свою вину. - Королевская власть - всего лишь представление, и я, несомненно, воспользуюсь прерогативой монарха, когда будет доказано, что маленькая злая Ева де ла Мер является наследницей доблестного Стронгбоу.

“ Ты, королева Ирландии! ” воскликнула Элеонора. “ Кто вбил это глупое самомнение в твою юную голову? Ты должна остерегаться, милая, этих странных фантазий. Помнишь ли ты слова исповедника о том, что мирская роскошь и сует вводит душу в заблуждение?”

Слезы наполнили голубые глаза Евы, но она тут же смахнула их, собравшись с духом, и воскликнула: “И почему бы мне не стать королевой! Я уверен, что был бы лучшим государем, чем большинство других. Они не должны говорить так, как они говорят о нашем сеньоре, короле Генрихе, что я грабил своих подданных, чтобы делать подарки своим фаворитам”.

“Ева, Ева,” серьезно возразила принцесса, - Писание говорит, что мы не должны злословить о достоинствах. Но Ева была в ударе, и ее словоохотливость было не остановить.

“Я не хотела бы быть королевой, - воскликнула она, - потому что тогда у меня не было бы никого, кто любил бы меня и говорил мне правду”.

“Никто не любит тебя!” - ответила Элеонора. “Разве народ не любит ее милостивое величество, мою царственную мать?”

- Ты бы слышал, что говорят о ней все мужчины! - воскликнула девочка, почти испугавшись собственной дерзости.

- А что говорят мужчины? - спросила Элеонора, любопытство взяло верх над рассудительностью.

“Говорят,” продолжала Ева, “что все беды в Англии - из-за королевы и ее родственников. Что король Генрих взял наследство своей сестры Изабеллы от брака, чтобы украсить коронацию; и ты хорошо знаешь, миледи, что у нее девять гирлянд для волос, не считая большой золотой короны, усыпанной драгоценными камнями.

“По правде говоря, - возразила принцесса, “ты больше меня знаешь о гардеробе королевы. Но как ты научился всему этому?”

- Ее служанки, которые не слишком ее любят, рассказывают мне все.

- И ты поощряешь их злословить об их госпоже, слушая их досужие рассказы?

“Нет, я сказал им, что они грешники и что отец зла непременно доберется до них; но они только рассмеялись и сказали, что в таком случае я, конечно, составлю им компанию”.

Элеонора, посмотрев серьезно, сказала: “Я боюсь, что моя дорогая учится печальным вещам, и отныне я должна всегда держать ее рядом со мной”.

Ева обняла принцессу и, прижавшись своей прекрасной щекой к ее груди, прошептала: “Пусть моя благородная госпожа не отменит этого наказания, ибо в ее присутствии легко быть хорошей”. Последовала пауза в несколько минут, после чего девочка мягко продолжила: “Моя госпожа однажды станет королевой, должна ли Ева тогда произносить только слова лести, подобные тем, которые используют фальшивые почетные дамы в присутствии ее величества? Я слышал, как они тихонько перешептывались о золоте королевы и поборах, которые она навлекла на народ, и когда она спросила, о чем они шепчутся, они ответили каким-то изысканным комплиментом. Я пытался рассказать ей о лжи, но дамы не пустили меня в ее покои. Я расскажу тебе, ибо ты мудр и, возможно, предупредишь ее о ее ложных друзьях. Первым, что привлекло мое внимание, было имя моего господина, принца Эдуарда. Они сказали, что, когда ему было восемь лет, его царственный отец вывел его вместе с его братом Эдмундом и сестрами Маргаритой и Беатрис и приказал взвесить их всех, как телят у мясника, а

затем рассыпал их вес в монетах среди оборванных детей-попрошаек, которые стояли внизу во дворе, смеясь над криками царственных младенцев”.

“ Ева! Ева! Как ты могла слушать такие пустые речи?

“О! моя госпожа, это и половины тех мерзостей, которые они рассказали. Они говорили, что, когда король притеснял народ до такой степени, что не мог выжать из него больше денег, он распустил свой двор, а затем, чтобы избежать расходов на содержание своей семьи, он пригласил себя со своей свитой в замки знати, и после того, как его накормили по-королевски, он попросил подарки при отъезде, сказав им, что раздавать милостыню ему - большее милосердие, чем любому нищему в королевстве”.

“ Ева! дорогая! хватит об этом, - сказала Элеонора решительным тоном. “ Я дам тебе в качестве епитимьи три патерностера и символ веры. Ступай к моему эркеру и не позволяй мне больше слушать твою болтовню.

Ева получила столько духовной пользы от своих молитв в орактории, что на следующий день ей разрешили ходить, куда ей заблагорассудится, и ее первые труды по перевоспитанию были розданы тем, кто участвовал в ее преступлении. Соответственно, принцесса обнаружила ее облаченной в мантию капеллана и принимающей исповеди тех, кто присутствовал на ее коронации накануне, и в этом качестве она проявила удивительную способность пробуждать предательские воспоминания и черствую совесть. В разгар этой сцены веселая компания вздрогнула от резкого звука рога надзирателя. Во времена общественных бедствий каждое неожиданное событие кажется сопряженным со страшным интересом. Каждый вассал поспешил на свой пост, и женщины поспешили прочь, в то время как Ева, отбросив свой священный символ, со всех ног бросилась на разведку из щели для стрел в башне. Опускная решетка была поднята, по подъемному мосту послышался стук копыт, и в следующее мгновение во двор вбежал посыльный, измученный трудом и перепачканный путешествиями. Новости, которые он принес, носили важнейший характер. Король Генрих, по-видимому, находившийся в самых дружеских отношениях с Лестером, на самом деле был пленником в своем замке и подчинялся воле графа. Принц Эдуард спешно готовился к войне с мятежными баронами и, считая, что королевским дамам небезопасно находиться в Англии, послал за ними, чтобы они как можно скорее поспешили ко двору доброго короля Франции. Напрягая зрение, чтобы разглядеть что-нибудь за стенами замка, Ева различила группу охотников, задержавшихся на опушке соседнего леса, но в суматохе отъезда она не смогла найти возможности сообщить о подозрительном обстоятельстве кому-либо из начальства.

Экипировавшись в величайшей спешке, отряды двинулись в путь и не сбавляли хода, пока не достигли порта. Казалось, поблизости собралась большая толпа моряков, лодочников, клоунов в одежде возчиков, а иногда и мужчин в доспехах. Еве показалось, что она различила среди них лесных охотников, и ее опасения подтвердились, когда мгновение спустя королевский кортеж был полностью окружен бандой. Но маневр был осуществлен так искусно, что беглецы едва успели почувствовать себя пленниками, как вдалеке показался отряд людей Лестера, и они поняли, что, если бы не своевременное вмешательство этих неизвестных друзей, их отступление было бы отрезано. Когда судно отошло от берега, обнажились мечи, и между охотниками и солдатами завязалось ожесточенное состязание, и Ева узнала в предводителе их защитников фигуру высокого рыцаря, который спас их на Лондонском мосту.

При дворе королевы Маргариты изгнанные принцессы получили радушный прием, а благочестие Элеоноры укрепилось благодаря общению с добрым Людовиком Святым, в то время как жизнерадостность Евы вскоре сделала ее любимицей дам французского двора. Искреннее благочестие святого монарха едва ли подходило для того юмора, который Ева проявляла без разбора по отношению к серьезному и веселому человеку. Но многие суеверные обряды церкви, нелепые сами по себе, вызывали у нее врожденное веселье; и никакие епитимьи духовника не могли ограничить игривую распущенность ее языка.

Латинская династия Константинополя теперь была близка к своему падению. Молодой греческий император Балдуин, лишенный советов своего тестя Жана де Бриенна (который принял обряд святого Франциска и умер во время паломничества в Иерусалим), подвергался нападкам со стороны каждого недовольного дворянина, решившего восстать против него. Он шел на все возможные уступки, чтобы избежать открытой войны со своими врагами, и терпел все мыслимые неудобства из-за крайней бедности. Он выдал свою племянницу замуж за турецкого эмира и ратифицировал договор с надменным язычником, отдавая его крови. Он снес пустующие дома в Константинополе на зимнее топливо, снял свинец с церкви на ежедневные расходы своей семьи; заложил поместья своего отца во Франции, чтобы увеличить государственные доходы; и заложил наследника императорского престола в Венеции в качестве обеспечения долга. Оставалось еще одно сокровище - Святой Терновый венец; но благочестие запрещало ему продавать то, к чему весь христианский мир относился с таким суеверным благоговением. Поэтому было решено преподнести драгоценную безделушку самому благородному принцу Европы и положиться на его благочестивую благодарность в надлежащем возвращении. Деревянная шкатулка доставила бесценную реликвию во Францию. Его открыли в присутствии знати, обнаружив внутри серебряную раку, в которой хранился памятник Страстям Христовым, заключенный в золотую вазу. Людовик Святой со всем своим двором совершил паломничество в Труа, чтобы получить драгоценный залог. И благочестивый монарх, босой и без другой одежды, кроме простой туники, с триумфом пронес его по улицам Парижа и поместил в Сент-Шапель, которую он приготовил для этой цели. Эта торжественная церемония вызвала всеобщее веселье Евы, и обычное благоговение Элеоноры не могло настолько возобладать над ее здравым смыслом, чтобы предотвратить некоторые легкие опасения относительно подлинности разнообразных и множасьихся реликвий, которые в то время составляли столь прибыльную отрасль торговли.

“Уверю вас, ” сказала сумасбродка Ева девам, “ мы все будем вынуждены преклонить колени на холодном тротуаре перед этой колючей эмблемой в наказание за наши многочисленные прегрешения”. Потрясенные ее нечестивостью, но в душе позабавленные, веселящаяся компания перемежала свои упреки ободряющими взрывами смеха.

“Без сомнения, ” продолжала она, “ это излечит все болезни, по крайней мере, это смирило святого короля, как заноза святого Павла во плоти. Что касается меня, то, хотя я и старался напустить на себя благочестивый вид, я не мог удержаться от смеха при виде его царственных голеней ”. Непостоянные французские дамы, испытывавшие примерно те же ощущения, присоединились к всеобщему веселью. “ Я слышала, ” сказала Ева, “ что скоро у нас будет еще одна процессия такого же рода, и, возможно, они потребуют, чтобы мы несли святую реликвию в таком же непрочном виде. Ты, Фелиция, которая так ревнует ко мне сэра Фрэнсиса д'Эссаи, понесешь крест. А остроумная Беатрис понесет копье. Ты, Калисте, который слышит все и ничего не говорит, будешь носить губку, а что касается меня, я возьму жезл Моисея и буду бить

ваши каменные сердца, пока не потекут воды покаяния”. “Тише! тише! - воскликнули девушки. - Приближается ее величество.

Едва их лица были приведены в соответствие с общепринятыми придворными приличиями, а глаза устремлены на свое вышивание, как вошла королева Маргарита и в своей безмятежно-любезной манере сообщила им, что его высочество император Балдуин преподнес еще один бесценный подарок ее царственному супругу, и она посоветовала им постом и молитвой подготовиться присоединиться ко двору в процессии для передачи священной реликвии в Сент-Шапель. В то время как каждая девушка опустила голову с видимым согласием, но на самом деле, чтобы скрыть улыбки, вызванные перспективой осознания панорамы Евы, легкомысленная девушканабожно перекрестилась и со скромным видом ответила: “Мы слышали о щедрости благородного Кортни и постарались, в меру наших скромных возможностей, подготовить наши умы к выполнению торжественного долга”. Как только королева удалилась, она с наигранной серьезностью призвала их быть усердными в богослужении, поскольку теперь, когда она подумала об этом, она решила улыбнуться молодому сквайру Кортни, который умолял ее вышить трилистник на его выпеле. Завоевав его, она, несомненно, однажды разделит императорский пурпур, и в этом случае она вернет себе эти священные сокровища, и тогда им придется совершить паломничество в Константинополь, поскольку последний наследник Балдуина был заложен, корона, несомненно, перейдет к младшим ветвям его дома.

ГЛАВА IV.

ПОБЕГ.

При французском дворе королевские принцессы постоянно получали сведения о ходе борьбы между английскими баронами и королем, или, скорее, между Симоном де Монфортом и принцем Эдуардом, возглавлявшими противоположные фракции. Их надежды были подкреплены рассказами о доблестном поведении молодого принца и неприязнью, возникшей между баронами-конфедератами, но внезапное горе захлестнуло их, когда после нескольких лет мучительного ожидания в Париж прибыл У. М. де Валенс, принесший известие о смерти Ги де Лузиньяна в катастрофической битве при Льюисе и пленении короля Генриха и его доблестного сына.

Королева Элеонора немедленно решила отправиться в Англию, и ее невестка Элеонора настояла на том, чтобы сопровождать ее. Молодой де Куртенэ, недавно удостоившийся рыцарского звания от своего царственного господина, и сэр Фрэнсис, который стал его соперником в борьбе за улыбки Евы, теперь красивой пятнадцатилетней девочки, попросили разрешения присоединиться к эскорту с отрядом вооруженных слуг. Они высадились в Плимуте и некоторое время скрывались в дебрях Девоншира, в то время как доблестные рыцари сэр Генри и сэр Фрэнсис рыскали по стране во всех направлениях в поисках сведений о плененных принцах. Они узнали, что королевская армия отступила к Бристольскому замку под командованием семи рыцарей, которые водрузили на стены семь знамен и с решительной доблестью выстояли против Лестера, и что принцы были заключены в замке Кенилворт. Трудности общения с заключенными в течение многих дней испытывали изобретательность

малого совета, но каждый план был сопряжен с опасностью как для них самих, так и для королевского дела.

Элеонора, чей ясный рассудок и непоколебимая вера в высшую силу привели ее к практической демонстрации чувства “Надеяться на лучшее - значит быть благочестивым, храбрым и мудрым”, была жизнью и душой любого предприятия и успокаивала тех, кто был слаб духом, кто был готов уступить, впасть в отчаяние при каждом признаке неудачи. Их резиденция находилась в маленькой деревушке из лучших крестьян, верных интересам короля. На западе на большое расстояние простирался густой лес, и в этих дебрях, несмотря на всю осторожность, Еве нравилось бродить. Однажды она отсутствовала так долго, что даже Элеонора, встревожившись, послала за ней свою служанку и сама присоединилась к поискам. Когда она проходила по прогалинам в густом лесу, ее внимание привлек хорошенький мальчик, спавший под тенью раскидистого дуба, чей наряд, начиная с вышитых туфель и заканчивая рубином, украшавшим плюмаж на бархатной шапочке, отличался самой изысканной красотой и вкусом. Паж был одет в охотничий костюм цвета “Линкольн грин”, отделанный золотой тканью, которая сверкала на мшистом берегу, на котором он отдыхал, как будто солнечный свет упал и задержался там. Поперек его груди лежала алая перевязь, украшенная странными узорами, к поясу был подвешен меч в полированных ножнах. Когда Элеонора приблизилась и посмотрела на спящего мальчика, ей показалось, что она никогда не видела столь прелестного юношу, и в ее сердце возникло инстинктивное желание взять его к себе на службу.

“ Проснись, красавчик, ” сказала она, нежно касаясь его щеки, “ проснись и пойдем со мной. Юноша вздрогнул и посмотрел на нее, и краска удивления и удовольствия залила его лицо. - Чей ты паж? - спросила Элеонора. - и как ты забрел в эту глушь?

- Благородная леди, - ответил мальчик, опустив глаза со скромной нерешительностью, - мой ястреб заблудился, и я искал его, пока не заснул, измученный.

“ Твои друзья оставили тебя в зеленом лесу, ” ответила принцесса, “ и ты, возможно, не найдешь их. Пойдешь со мной, и я дам тебе золото и милость, и, если ты будешь верен, поручение, достойное твоих рыцарских амбиций.

“Нет, измена может быть верноподданнической, или измена верности в наши смутные времена”, - сказал мальчик. - Один говорит: “следуй за милордом Лестером”, другой: “обнажи свой меч ради доброго принца Эдуарда”.

- А если я скажу: обнажи свой меч ради доброго принца Эдуарда, ты последуешь за мной?

Юноша уклончиво ответил: “Я люблю свою госпожу и не могу заниматься другой службой, пока не верну ее гордую птицу на насест”.

Что-то в его серьезном тоне привлекло внимание принцессы, и, взглядевшись в лицо юноши более пристальным взглядом, она заметила румянец на его щеках и слезинку, дрожащую в голубом глазу, и воскликнула:

“ Ева! Ева!! Как это?”

- Нет, если ты меня знаешь, я отважусь выполнить твоё рыцарское поручение, - сказала покрасневшая девушка, падая на колени и повторяя клятву верности так быстро, как только могла, чтобы скрыть свои чувства.

- Встань, - сказала принцесса со всей строгостью, на которую была способна, - и скажи мне, откуда этот облик.

“ Я знаю не больше тебя, леди, кроме этого. Не прошло и недели с тех пор, как я встретил в этом лесу высокого рыцаря, который так благородно защищал нас, и прошлой ночью я преодолел страх перед твоим хмурым взглядом и пришел на это место свидания. Он разработал план освобождения моего царственного господина и принес мне эту маскировку, которой должно быть достаточно, поскольку она так долго сбивала с толку твою проницательность. Случайность предала меня, иначе от миледи не зависело бы, должна ли Ева доверять незнакомцу и помогать вернуть гордую птицу Англии на ее королевский насест. Элеонора на мгновение остановилась, в то время как ее разум, всегда самый ясный и активный в чрезвычайных ситуациях, колебался между возможной опасностью для ее любимицы и спасением для ее господина.

“Рыцарь дважды спас нам жизнь, он должен быть смелым и верным, и небеса воздвигли его для нашего освобождения, поскольку Бог скрывает нас от наших врагов и открывает ему наше убежище. Было бы предательством сомневаться в этом божественном Провидении, поскольку это не подразумевало бы ни доверия к человеку, ни веры в Бога. Иди, Ева, ” сказала принцесса, и глаза ее наполнились слезами, когда она прижала ее к своей груди и запечатлела на ее щеке теплый поцелуй. “ Небеса защитят тебя и будут способствовать твоему процветанию, и мой благородный Эдвард знает, как вознаградить твою преданность. Она стояла, молча с нежностью глядя на нее, в то время как Ева краснела все сильнее, как будто пыталась высказать то, чего все еще боялась. Наконец она, запинаясь, произнесла: “Миледи пошлет сэра Фрэнсиса с его отрядом охранять броды Экса до моего возвращения”.

- Сэр Фрэнсис, - повторила королева удивленным тоном, - я думала, у сэра Генри более приятный эскорт.

Ева попыталась скрыть свой пунцовый румянец под тонкими пальцами и прошептала: “Если моей госпоже будет угодно, я бы хотела, чтобы сэр Генри не знал об этой непристойной маскировке”.

- Значит, ты любишь сэра Генри? - спросила Элеонора.

- Нет, госпожа, я этого не знаю, - ответила Ева, - но в нем есть что-то такое, что вопреки моей воле вызывает мое уважение, и я не стала бы без необходимости лишаться его уважения.

“Я отвечу за тебя, милая”, - ответила принцесса. “Сэр Фрэнсис пойдет согласно твоему желанию. Но должен ли я оставить тебя здесь одну и без защиты?”

“ Повелитель леса простирает свою широкую руку для моей защиты, и ты позавидуешь моему покою в моем лесном гнезде, ” ответила Ева, легко запрыгивая на фантастическое сиденье, образованное переплетенными ветвями корявого дуба и полностью скрытое листвой. Надежно укрывшись в своем деревенском домике, она наклонилась вперед и нежно прошептала слова прощания, в то время как принцесса, вспомнив светлое лицо, выглядывающее из-за зеленой листвы, повернулась и быстро пошла обратно к деревне.

В ту ночь сэр Фрэнсис отправился в путь со своей свитой, и поскольку группу сопровождали две девушки, одна из которых была в платье Евы, ее отсутствие не вызвало никаких подозрений.

Тем временем эльфийка оставалась в своем укрытии, пока сгущающиеся тени деревьев украдкой не протянулись через поляну - условленный сигнал к сбору бандформирований, объявленных вне закона. Вскоре появился высокий рыцарь и, осторожно сняв ее с дерева, посадил на красивую испанскую кобылу и, с улыбкой протянув ей свисток из слоновой кости с серебряным крестом, велел ей призвать своих сатиров. Она поднесла его к губам и издала пронзительный клич, и тотчас же из густой листвы каждого куста появились охотники, одетые в зеленую одежду и вооруженные только тем оружием, которое использовалось на охоте. Рыцарь в спешке дал им указания относительно различных пунктов встречи, где они должны были следить за безопасностью молодого оруженосца, предостерег их от тех мест, где они с наибольшей вероятностью столкнутся с недовольными, а затем, взобравшись на благородного скакуна, который нетерпеливо перебирал копытами землю рядом с ним, и взявшись за поводья, напомнил Еве о себе, выразительно сказав: "Сэр Лаунфал, нам пора уходить, иначе утро наступит раньше, чем мы пересечем броды Экса".

Некоторое время они ехали быстрым шагом в тишине, мысли каждого были слишком заняты, чтобы произносить слова.

Наконец рыцарь резко заговорил: - У тебя склонность к приключениям, прелестный паж, и, ручаюсь за свой острый язычок, но как ты думаешь добиться расположения принца Эдуарда?

- Нет, я ухожу с тобой, - ответила Ева, - поскольку не знаю ни места, куда направляюсь, ни долга, который должна исполнить.

"А этого я и сам едва ли знаю," ответил рыцарь. "У леди Мод Мортимер самый быстрый скакун во всей Англии, угольно-черный араб, привезенный Ричардом Корнуольским в подарок ее светлости по возвращении из Святой Земли. Милорд Мортимер - сторонник Лестера, но несколько остыл в своей преданности гордому графу из-за оскорбления, полученного после битвы при Льюисе. Поэтому леди, желая отомстить, добровольно предоставила своего коня для побега Эдуарда. Однако возникает еще одна трудность. Принц постоянно окружен охраной, чтобы никто посторонний не мог к нему приблизиться. Мои веселые люди окружили замок, переодевшись по-всякому, но безрезультатно. В последнее время принц выезжает по утрам в тесном сопровождении, и я привез тебя, надеясь, что остроумие твоей женщины произведет большее впечатление, чем все наши тупые мозги до сих пор достигли."

Когда плененный принц, измученный несбывшимися надеждами, лениво вскочил на коня и поехал дальше по своему монотонному кругу, он был удивлен появлением дерзкого на вид пажа, который беззаботно смешался со свитой и предложил младшим оруженосцам испытать быстроту их лошадей.

- А ты кто такой, дерзкий мальчик? - спросил капитан стражи.

"Кто, как не оруженосец милорда де Мортимера? Ты, должно быть, сведущ в геральдике, если не знаешь герба благородного графа," ответил паж с беспечным видом, который легко удовлетворил его собеседника, и, горя желанием порезвиться, вся компания присоединилась к состязанию. Таким образом, они были выведены далеко за свои обычные пределы. Но принц, на сердце у которого было грустно, не проявлял особого интереса к оживленной сцене, пока паж, громко умоляя его придержать своего коня, время от времени находил возможность прошептать: "Завтра, когда лошади гвардейцев выдохнутся, поищи рожицу у Орешниковой

долины”. Словно испытывая отвращение к фамильярности пажа, принц медленно отвернулся, но не раньше, чем обменялся понимающим взглядом со своим новым другом.

На следующее утро доблестный сэр Лонфел стоял в роще, держа под уздцы своего собственного коня и скакуна леди Мортимер, пока не ослабел от усталости. Ожидаемый час прибытия Эдварда давно миновал, и, несмотря на все его усилия казаться храбрым оруженосцем, которого он изображал, следует признать, что он чувствовал себя очень похожим на робкую девушку, чье живое воображение населило лес тысячью неизвестных опасностей. Он нервно вертел свисток в пальцах и почти попытался испытать его магическую силу, собрав вокруг себя храбрых разбойников, которые ждали его приказа, когда долгожданный стук приближающихся копыт успокоил его, и мгновение спустя принц бросился в чащу.

- Держись шоссе, пока мы не встретимся на перекрестке, - сказал паж, передавая ему поводья.

Крики преследователей уже раздавались в воздухе, когда принц вскочил в седло и поехал в указанном направлении. Свернув на тропинку для верховой езды, сэр Лонфал добрался до перекрестка как раз в тот момент, когда появился принц, и они вместе весело поскакали по направлению к Бристолу. Преследователи вскоре достигли того же места, где они встретили дровосека, медленно трусившего за двумя навьюченными мулами, у которого они спросили о беглеце.

“Он ушел вон туда”, - ответил хам, указывая в направлении, противоположном тому, по которому ушел принц, где на возвышенности показался вооруженный отряд. Сбитые с толку охранники, опасаясь, что заговор мог оказаться более масштабным, чем они ожидали, сделали все возможное, чтобы вернуться в Кенилуорт.

- А кто ты такой, мой прелестный паж? - спросил Эдуард. - что так ловко выкупил своего принца и куда ты ведешь меня?

“Я ношу значок Мортимера”, - ответил сэр Лонфал. “Леди Мод - постоянный друг твоей королевской матери”.

- Не можете ли вы рассказать мне что-нибудь о передвижениях мятежных баронов или о судьбе моих храбрых рыцарей?

- Нет, мой легкомысленный ум мало разбирается в политике и войне, - возразил мальчик, - но кое-что могу сообщить тебе.

Через мгновение после того, как они свернули за угол, мальчик, поднеся свисток ко рту, издал резкий звук, и группа охотников, очевидно, в поисках дичи, бросилась через тропу, а один из них крикнул, словно обращаясь к своим товарищам: “Направо, дичь лежит у Креста Отшельника”. Паж немедленно развернул своего коня, жестом приказав ему замолчать, и повел его по лесной тропинке, и после нескольких часов тяжелой езды прибыл в назначенное место встречи.

У подножия большого деревянного креста, побитого непогодой и несколько обветшавшего, сидел монах, плотно закутанный в рясу и капюшон, который поднялся при их приближении, сказав тихим голосом: “Да пребудет с вами благословение Богоматери Уолсингемской”; и большими шагами повел их все глубже и глубже в лес, пока они не подошли к охотничьему домику,

который, хотя и был сильно разрушен, судя по всему, недавно отремонтирован с учетом ранга и комфорта тех, кто должен был его занять.

Принц легкомысленно отнесся к незначительным неудобствам, которым они подвергались, заметив: “У солдата мало выбора места отдыха”. Но бедная Ева, почти до смерти уставшая от непривычных нагрузок этого дня, теперь, когда возбуждение закончилось, имела время подумать о своем собственном положении; и, едва в силах сдержать слезы, тихо прокралась к своему ложу из папоротника и, укрывшись красновато-коричневым покрывалом, вскоре заснула от сильного изнеможения. Принц и монах тем временем тихо совещались, согласовывая меры по обеспечению безопасности в настоящем и будущем.

“ Глостер с нами, - сказал священник, - а у сэра Роджера де Мортимера есть отряд отборных людей на дороге в Ившем. Моя группа контролирует каждый брод и перевал между этим городом и Херефордом. Разведчики сообщают, что люди Лестера сильно истощены долгим пребыванием на границе с Уэльсом, и мои веселые ребята этой ночью заняты разрушением мостов через Северн. Ибо мы, церковники, воображаем, что крещение необходимо, чтобы смыть грехи мятежников”.

“ Боюсь, не все церковные обряды могут оправдать подлого предателя, ” ответил Эдуард с большой резкостью. “Но продолжай сообщать свои новости”.

“ Страна кишит шпионами Лестера, - продолжал монах, - иначе я был бы менее осторожен в общении с тобой. Отряды людей ежедневно собираются во всех направлениях, делая большие дороги небезопасными для честных путешественников вроде меня”.

- Ты присоединишь наши силы к братьям твоего ордена, - предложил принц.

- Наш орден слишком пропитан ересью, чтобы приветствовать господство отвратительного Де Монфора, - ответил монах. - Поэтому ты можешь положиться на их самое искреннее ходатайство за тебя. Но что касается меня, я должен вернуть красавчика, ” он многозначительно кивнул головой в сторону того места, где спала Ева, “ его любовнице. Восстановление лояльной страницы в целостности и сохранности - это вопрос не только эгоистичных интересов ”.

“ Ты прав, ” ответил Эдуард. - Я бы не хотела, чтобы этот очаровательный мальчик потерял из-за меня хоть один локон цвета воронова крыла, хотя он рисковал своей свободой и, возможно, жизнью, чтобы спасти меня.

ГЛАВА V.

РЕШИМОСТЬ.

После битвы при Ившеме, в которой Эдуард полностью сверг партию мятежных баронов и восстановил трон Генриха, Элеонора проживала попеременно то в Савойском дворце, то в Виндзорском замке. Забота о трех своих прекрасных детях занимала много ее внимания, и по мере их воспитания потоки ее привязанности углублялись и ширились, пока не охватили всех,

кто попадал в сферу ее влияния. Теперь уже очаровательная, но все еще непостоянная Ева вызывала у нее бесконечное беспокойство.

С того дня, как сэр Фрэнсис принял ее от высокого рыцаря у брода Эксе, он держал ее в двойных узах долга и обладания тайной; и с первого момента, как он обнаружил, что она чувствительна к этому вопросу, он не переставал использовать свою власть в своих интересах. Таким образом, она была вынуждена относиться к нему с благосклонностью, которой он едва заслуживал; однако естественная прозрачность ее характера была такова, что ее истинные чувства так часто выдавали себя, что держали его в постоянном состоянии раздражения.

Сэр Генри де Куртенэ, чья искренняя и пылкая натура не придавала ему вкуса к тайнам, не мог смириться с непоследовательностью, которая постоянно проявлялась в ее поведении, и, решив, что его рука никогда не должна быть протянута там, где нет оснований для доверия, удалился из сферы ее притяжения. Ева горевала о его отъезде, но напрасно принцесса уверяла, что самым легким выходом из ее затруднений было мужественное и искреннее признание правды.

Еве “было все равно, что он может быть задет такими пустяками, как ее улыбка сэру Фрэнсису, когда она искренне желала, чтобы он был среди турок, а дальше он мог искать счастья в другом месте. И, если уж на то пошло, кто мог сказать, что наследнице Стронгбоу было желательно выйти замуж за простого рыцаря. Но эти героические действия обычно заканчивались сильными приступами рыданий и глубокими сожалениями о том, что она когда-либо утратила доверие Де Куртенэ.

Тем временем Эдуард начал ощущать томление бесславной легкости, и по мере того, как к нему возвращались честолюбивые мечты, его мысли снова и снова возвращались к нерешенной проблеме, которая занимала политических математиков Европы на протяжении почти двух столетий. Может ли быть основано постоянное христианское королевство в Палестине? Вся кровь, пролитая французами, и все мудрые советы, которыми Людовик щедро одаривал их во время Седьмого крестового похода, не смогли создать необходимой обороны или унять беспорядки, угнетавшие сирийских христиан. Не в лучшем положении были и мусульманские владыки Сирии. Благородная династия Сафадинов пала жертвой безжалостных мамелюков, и кровавая революция в Египте возвела на трон свирепых альмалек-биберов. Вторжению в Палестину не нашлось оправдания, и святые места снова были залиты кровью их доблестных защитников. Военные ордена были почти уничтожены, и страна была опустошена огнем и мечом почти до самых стен Акко.

Примерно в это же время событие, никоим образом не связанное с Востоком, привлекло внимание Эдуарда к принятию креста. Он вызвал сэра Фрэнсиса на партию в шахматы. В разгар спектакля, повинувшись необъяснимому для него самому порыву, он встал и неторопливо направился к пьедесталу, чтобы рассказать Еве о своем приключении с пажом, изобретательность которого однажды спасла ему жизнь. Сэр Фрэнсис, которому было любопытно насладиться ее искусными увертками, последовал за ним; и мгновение спустя центральный камень сводчатого потолка со страшным грохотом рухнул на то самое место, где они только что сидели.

Это почти чудесное сохранение навело принца на мысль, что ему суждено совершить какое-то великое служение Богу. Это напомнило ему о благодати Богоматери в Уолсингеме, и в

сопровождении Элеоноры и хорошей свиты он отправился на следующий день, чтобы возложить на ее алтарь в Норфолке покрывало из золотой парчи и просить ее защиты в экспедиции, о которой он теперь серьезно размышлял.

- Ева, - очень серьезно сказала принцесса, когда однажды они остались одни, - ты знаешь, что мой господин задумал совершить паломничество.

“Да хранят нас святые!” воскликнула Ева. “Неужели в Англии недостаточно святых мест, но мой господин должен рисковать своей жизнью в море и встретиться с черными неверными, само присутствие которых наводит ужас?”

“Дело не только в посещении святых мест, - ответила Элеонора, - хотя это и было делом, достойным рыцарской отваги; но и в том, чтобы искупить наших братьев-христиан из-под власти их врагов и установить царство Христа на земле, где Он умер за свой народ”.

“И разве самые святые люди и храбрейшие воины Европы, от Петра Отшельника до Фулька Неййского, от Готфрида Булонского до доброго Людовика Святого, не пытались сделать это и не потерпели неудачу? Милорд, я ручаюсь, читал рассказы романистов или был введен в заблуждение хитроумными манифестами папы римского, - ответила Ева.

“Ева, дорогая, когда же я научу тебя относиться с уважением к тем, кто у власти”.

“Я знаю, что ошибаюсь, - сказала Ева, - но почему его Святейшество сам не примет крест, если считает это таким благочестивым делом?”

“И если Верховный понтифик - один из тех, кто говорит, а кто не делает, Священное Писание все равно требует от нас повиновения тем, кто сидит на троне Моисея”, - ответила королева.

“Твоя доброта обличает меня больше, чем твои слова. Я хотела бы всегда быть правдивой и чистой, как ты”, - сказала Ева.

- Нет, - возразила королева, - я всего лишь повторяю то, что сказал мне исповедник сегодня утром.

“Простите мою непочтительную болтовню, - ответила девушка, - но мне кажется странным, что тот, кому самому недостает благодати христианского милосердия, должен диктовать обряды моей госпоже, которая есть сама любовь”.

“Ах! пристрастный, ” ответила принцесса, “ если бы ты жил в Безье, святой Доминик оторвал бы тебе голову за твою ересь. Но если серьезно, моя Ева, твои похвалы смиряют меня, ибо я думаю, что если бы моя жизнь действительно проявила те достоинства, за которые твоя частичная любовь воздает мне должное, я мог бы раньше научить твой беспокойный дух спокойствию, которое всегда дает вера в Бога ”.

Встревоженная серьезным тоном своей госпожи и стремясь скрыть чувства, переполнявшие ее сердце, Ева ответила с притворной веселостью: “Нет, чего ты можешь ожидать от морской феи? Конечно, я должен подниматься и опускаться, как моя родная стихия”.

“ Ах! дорогая, это то, что так часто внушало мне мысль, которую я не стал бы добровольно применять к тебе: ‘Непостоянный, как вода, ты не преуспеешь’. И это заставляет меня заботиться о том, чтобы ты выслушал меня откровенно, пока я раскрываю планы моего мужа.

Слезы катились по щекам прекрасной девушки, но она хранила полное молчание. “Сэр Уоррен Бассингборн, чье благородное сердце ты хорошо знаешь, потребовал тебя от Эдуарда, с удовольствием сообщив, что твоя прекрасная рука будет достаточной опорой для его доблестного поведения на войне. Мой царственный отец даст тебе достойное приданое, и я хотел бы, чтобы моя милая подруга получила достойного защитника, прежде чем я отправлюсь в путешествие, из которого, возможно, никогда не вернусь.

“ Ты отправляешься в Палестину! ” воскликнула Ева, забыв о своих собственных блестящих перспективах, поглощенная размышлениями о цели своей госпожи. - Подумай, моя почтеннейшая госпожа, обо всех опасностях, подстерегающих тебя на пути.

- Я пересчитала их, одного за другим, - спокойно ответила принцесса.

“Возможно, ты думал об опасностях моря, но помнишь ли ты ужасную эпидемию?— ужасы, которые рассказывала королева Маргарита?”— как пиявки отрезают десны и щеки страдальцев, чтобы они могли проглотить каплю воды, чтобы облегчить свои муки?”

“ Я все помню, я все хорошенько обдумала, ” ответила принцесса. “И еще я знаю, что ничто не должно разлучать тех, кого соединил Бог; и путь на небеса так же близок, если не ближе, из Сирии, как из Англии или моей родной Испании”.

“ Тогда я иду с тобой, ” сказала Ева, бросаясь к ногам Элеоноры и прижимаясь губами к ее руке, “ ибо, если Бог не соединил меня с тобой, он оставил меня одну в этом мире. Ты была для меня больше, чем Ноеминь, и я не подведу тебя в исполнении долга Руфи. Куда ты пойдешь, туда и я пойду, где ты умрешь, там и я умру, и там я буду похоронен. Твой народ будет моим народом, а твой Бог - моим Богом. Бедная, одинокая Ева, чья мать покоится в глубоком-глубоком море, а отец, возможно, странник или разбойник, больше не будет пытаться скрыть печаль своего сиротского сердца фальшивыми улыбками и напускной веселостью, которые огорчают ее самого верного, единственного друга. Отныне я усвою урок, который ты всегда стремился преподать мне с таким кротким терпением и милым примером”.

Элеонора смешала свои слезы со слезами пылкой девушки и, желая покончить с мучительной сценой, сказала: “Ты пойдешь со мной, любовь моя, навстречу опасности и, возможно, смерти, поскольку таково твое избрание; но какой ответ Эдвард даст сэру Уоррену Бассингборну?”

- Позвольте милорду заверить сэра Уорренна, - сказала она, гордо вставая, - что Ева де ла Мер не равнодушна к чести, которую он намеревается оказать, но что она никогда не добавит трилистник к рыцарскому гербу, пока не узнает, под каким титулом она претендует на эту эмблему.

ГЛАВА VI.

СТАРИК С ГОРЫ.

Великодушный Людовик не мог покоиться в Венсенском дворце, пока мамлюки убивали христиан или губили их души, заставляя их отречься от своей веры. Во время своих затяжных

молитв в Сент-Шапель ему казалось, что он слышит стоны умирающих в Палестине, и его душа трепетала в ожидании их облегчения. Он созвал баронов в большой зал Лувра и вошел, неся священный терновый венец. Он взял крест в их присутствии и заставил принять его своих сыновей и братьев, и после этого никто не осмеливался отказываться. Особенно он старался заручиться согласием англичан. Эдуард с радостью согласился на это предложение, и Элеонора со своей женской свитой весной 1270 года отбыла в Бордо, где руководила подготовкой к крестовому походу. Туда Эдвард последовал за ней, когда его собственные приготовления были завершены. Из Бордо они отплыли на Сицилию, где провели зиму и где услышали печальную весть о смерти короля Людовика, который дошел до Туниса по пути в Египет. Со своим последним вздохом святой король прошептал имя, которое было запечатано в его сердце. “О! Иерусалим! Иерусалим!” Его брат, Карл Анжуйский, король Сицилии, попытался отговорить Эдуарда от участия в экспедиции. Но благородный принц, ударив себя рукой в грудь, с жаром воскликнул: “Sangue de Dieu! если все покинут меня, я выкуплю Акко, если только рядом будет мой жених”.

Когда Эдуард повернул нос своего корабля вверх по Средиземному морю, Акко находился в состоянии более плотной осады, чем это было раньше, с появлением Ричарда Львиного кера. Но теперь мусульмане расположились лагерем вокруг его стен, а христиане слабо защищали его от их яростной атаки. Судьба Антиохийского княжества была тесно связана с судьбой латинского Иерусалимского королевства.

Семья Бозмунда, первого монарха, женившегося на Констанции, дочери Филиппа I., короля Франции, правила там в непрерывной последовательности почти до периода последнего Крестового похода, хотя государство было данником Фредерика II. и своему сыну Конраду. Последний король был произведен в рыцари Людовиком Святым. Когда египтяне начали свои завоевания в Сирии, Антиохия сдалась даже без формальной осады, и, таким образом, связь между Греческой империей и Палестиной была разорвана, а всякая перспектива помощи с этой стороны полностью отрезана.

В Акко были собраны последние остатки всех христианских княжеств Востока; потомки героев, которые под предводительством Готфрида Булонского обосновались там; остатки монахов-воинов, которые так долго и яростно сражались за господство “Больницы” и “Храма” не меньше, чем за освобождение Гроба Господня; и все прозелиты, которые благодаря многолетним миссионерским усилиям были собраны из языческого мира. Но беззащитных было больше, чем обороняющихся, и фракции, разделявшие их советы, переросли бы в предательство и закончились бы крахом, если бы не присутствие сэра Генри Кортни. С того дня, как он отдалился от Евы, он посвящал свою преданность тем предметам, которые, по его мнению, лучше всего заполняли пустоту в его сердце. При первых известиях о бедствиях в Палестине он собрал всех сторонников и вассалов благородного дома Куртенэ и, снабдив их из своего собственного кошелька, сплотил их вокруг штандарта, или *торто*, и повел их на выручку их восточным братьям. Он добрался до города в критический момент, когда уставшие от борьбы тамплиеры начали переговоры с Мелехом Бендокармом об условиях капитуляции. Его учтивость и благородство привели к согласию мятежные умы, а его пылкая доблесть вселила в них новые надежды и позволила им сохранить последний оплот в Палестине до прибытия Эдуарда.

Известие о том, что Плантагенет пришел поднять из праха поруганное знамя креста, посеяло ужас и смятение в рядах мусульман, султан Египта бежал из города Акко, все латиняне в

Палестине столпились под знаменем английского принца, и Эдуард оказался во главе семи тысяч солдат-ветеранов. С этими силами он предпринял поход на Назарет, который осадил с самой решительной доблестью. В бою Эдуард выбился из седла и мог бы погибнуть в схватке, если бы Генри Кортни не отдал своего собственного скакуна в пользование своему хозяину. Затем доблестный юноша занял свое место рядом с высоким рыцарем, чей меч сверкал в центре битвы подобно мечу Азраила. Они были первыми, кто взобрался на штурмовые лестницы и прогнал мусульман со стен. Таким образом, Назарет был одним решающим ударом присоединен к владениям христианского мира.

Но крыло победы было парализовано палящим солнцем Сирии. Эдуард был подавлен лихорадкой акклиматизации, которая истощила силы Ричарда Львиного кера, и во дворце Акко он тщетно тосковал по охлаждающему шербету со льдом, которым учтивый Саладин угостил своего царственного предшественника. Сэр Фрэнсис д'Эссаи последовал примеру Эдварда, или, скорее, Евы, в Палестину, надеясь снискать благосклонность своей супруги. Вид де Куртенэ пробудил в нем всю прежнюю ревность, а сердечное обращение Евы с его соперницей почти довело его до отчаяния. Различные обстоятельства вызвали у Эдуарда подозрение, что граф пытается объединить усилия с арабами, но поскольку никаких ощутимых доказательств изменнических действий не появилось, подозрение рассеялось.

Поскольку болезнь монарха продолжалась, Элеонора решила совершить паломничество к Иордану, чтобы помолиться в святыни святого Иоанна за выздоровление своего мужа, и, по его собственным искренним просьбам, сэру Фрэнсису было разрешено провести вечеринку. Элеонора впоследствии вспоминала, что большую часть пути он ехал в тесном сопровождении Евы и, казалось, был увлечен серьезной беседой, хотя несколько пробормотанных ругательств создали у нее впечатление, что беседа была не такой удовлетворительной, как ему хотелось бы. Они благополучно завершили свое паломничество и двинулись в обратный путь, когда, остановившись подкрепиться в небольшой роще близ горы Фавор, на них напал отряд конных сарацин. Завязалась ожесточенная борьба, и на несколько мгновений сверканье мечей и сверканье ятаганов, казалось, грозили мгновенным уничтожением. Как нападавшие, так и защитники были рассеяны по лесу, и несколько обезумевших самок попытались спастись бегством. Мусульмане, наконец, отступили, но когда принцесса позвала своих слуг выступить вперед, ни сэра Фрэнсиса, ни Евы нигде не было видно.

Встревоженная за безопасность своей прелестной спутницы, Элеонора приказала обыскать окрестности во всех направлениях. Ее лошадь была обнаружена праздно щиплющей траву, но все следы ее прекрасной наездницы были потеряны. С разрывающимся сердцем принцесса приказала со всей поспешностью отправляться в Акко, чтобы можно было послать разведчиков в большем количестве на поиски потерянного драгоценного камня.

Состояние здоровья Эдварда было таково, что было сочтено нецелесообразным знакомить его с печальными результатами их благочестивого предприятия. Но де Куртенэ сразу разгадал замысел. Такая стычка без кровопролития доказывала отсутствие враждебных намерений со стороны арабов, и не могло быть никаких сомнений в том, что сэр Фрэнсис был зачинщиком нападения и целью его было завладение Евой. Его нетерпение отправиться ей на выручку не помешало ему принять все меры предосторожности, как для безопасности Акко, так и для успеха своей экспедиции. Элеонора, характерное самообладание которой позволяло ей вести

наблюдение, с самой скрупулезной точностью описала обстоятельства драки и каждую незначительную особенность во внешности грабителей.

Укрепленный этим известием, он немедленно отправился в путь с отборным отрядом, и через несколько часов после отъезда из Акко к нему неожиданно присоединились высокий рыцарь и подкрепление из обращенных *Пуллани*. От него он узнал, что арабы направились в сторону горы Ливан, и от того, что он узнал о банде Ассасинов, его сердце сжалось при мысли о том, какой могла быть судьба его возлюбленной Евы. В его тревоге за ее спасение были забыты все ее недостатки, и он помнил только мягкую доброту, которая характеризовала каждый поступок, и безымянное очарование, которое делало ее друзей такими же многочисленными, как и знакомых. Побуждаемые этими соображениями, они поскакали вперед, останавливаясь только для того, чтобы освежить своих усталых коней, пока те не начали петлять среди скалистых перевалов горы Ливан.

Высокий рыцарь, казалось, прекрасно знал местность и направил преследователей прямо к башне, называемой Гнездом Стервятника, которая была главной резиденцией Горного Старика. Казалось, между высоким рыцарем и всеми марабутами, охранявшими вход в этот “Опасный замок”, существовал некий разум. Оставив своих последователей, оба предводителя двинулись вперед, и рыцарь вручил кусок сморщенного пергамента арабу, исполнявшему обязанности привратника, после чего их ввели в длинный зал, в дверях которого стоял смуглый турок, частично опиравшийся на огромный боевой топор, в рукоятку которого были воткнуты кинжалы. Шейх принял их с подобострастием, которого вряд ли можно было ожидать от человека его кровавого ремесла, и в ответ на нетерпеливые расспросы рыцаря сделал знак своему слуге, и в тот же миг то, что казалось прочной каменной кладкой, бесшумно откатилось, словно по волшебству, открывая помещение, оборудованное всеми атрибутами восточного великолепия. Прежде чем они оправались от удивления, из дальнего конца комнаты послышались голоса, тихие женские мольбы, а затем громкие угрожающие нотки страсти.

“Ева, ты будешь моей! Клянусь в этом всеми исчадиями ада. Нет, не зли меня своим холодным отращиванием. Теперь ты вне защиты мягкотелого де Куртенэ. С этими словами он схватил ее за руку, и по залу разнесся пронзительный вопль.

“Предатель! гадюка! отпусти свою хватку! - воскликнул де Куртенэ, бросаясь вперед и заключая в объятия теряющую сознание девушку.

“А кто ты такой, что осмеливаешься перечить намерениям Д'Эссаи? По какому праву ты встаешь между мной и моей невестой?

“По праву отца”, - раздался глубокий, строгий голос рядом с ним, и высокий рыцарь, подойдя, нежно прижал к сердцу свою безропотную дочь и стоял рядом, словно потерявшись в приливе долго сдерживаемых эмоций, в то время как двое дворян яростно обнажили мечи и со смертельной ненавистью каждый стремился убить своего врага. Но шейх вмешался, напомнив им, что стены его замка священны и что, если его данники решили убивать друг друга, они должны искать для этого открытое поле. Неохотно, с глазами, в которых горела неудержимая жажда мести, лорды вложили мечи в ножны, и высокий рыцарь, бережно уложив свою дочь на ложе, сказал шейху несколько слов.

Старик сделал знак согласия, и тотчас же двое арабов подскочили вперед, схватили Д'Эссаи, связали его ремнями и вынесли из комнаты. Избавленная от своих страхов и успокоенная

присутствием отца, по чьей привязанности она всегда тосковала, и возлюбленного, которому она теперь умудрялась улыбаться так, что это полностью удовлетворяло его сердце, Ева заявила, что ей не терпится немедленно отправиться в Акко. Шейх настоял на том, чтобы они отведали чего-нибудь прохладительного, и пока Ева несколько минут наслаждалась приятной беседой со своим отцом, отряд рабынь приготовил и поставил перед ними угощение, которое сделало бы честь королевскому дворцу. Когда кавалькада тронулась в путь, нежное сердце Евы сжалось, когда она увидела, что сэра Фрэнсиса посадили на спину мула с завязанными глазами, лицом к крупу, а его руки крепко привязали к телу араба, который им командовал.

- Ты, кажется, в прекрасных отношениях с шейхом горы, благородная Клэр, - сказал де Куртенэ, когда они ехали дальше. - Если бы я не был уверен в твоей родне, - сказал он, взглянув на Еву, - я бы несколько усомнился в фамиллярности, которая обеспечила такой успех нашей экспедиции.

- Нет, и ты вполне мог бы, - возразила Ясновидящая, - ибо история человечества не дает представления о столь дерзкой и отчаянной шайке, как эти убийцы с горы Ливан.

“Боже, спаси нас!” воскликнула Ева побелевшими от страха губами. “От какой ужасной участи я была избавлена! Этот мерзкий сэр Фрэнсис заявил, что вырвал меня из рук враждебных арабов и доставит в целостности и сохранности в Акко, и что, пожалев о моей усталости, он направился в замок местных христиан. Даже сейчас меня бросает в дрожь при мысли о том, что за морем, в веселой Англии, я находился в присутствии человека, одно имя которого заставляло меня трепетать”.

- Нет, любовь моя, - нежно сказал ее отец, - шейх не питал к тебе злобы и мог бы спасти тебя, если бы сэр Фрэнсис не был его данником.

- Значит, они взимают пошлину и обычаи? - вопросительно спросил Кортни.

“Ты говоришь хорошо, *точно*”, - ответил рыцарь. “Разве ты не заметил боевой топор грубого сенешаля? Говорят, датское оружие когда-то принадлежало основателю отряда, и каждый кинжал, воткнутый в дубовую рукоять, с надписью на другом диалекте, многозначительно направлен против принца или правителя, который посмеет утаить дань от своего вождя. Один из моих предков, я не помню, кто именно, когда-то жил в окрестностях Кройленда и получил от достопочтенного аббата пергамент, которым, как ты видел, я пользовался с таким чудесным эффектом. Мой предок сражался в первом крестовом походе под командованием Ательинга и, в отличие от большинства своих товарищей, вернулся целым и невредимым, откуда в семье возникла традиция считать свиток талисманом.

Отправляясь на священные войны, я поместил семейную реликвию в свой гардероби почти забыл о ее существовании, когда поразительное обстоятельство напомнило о ней. Мой план освобождения Палестины (ибо я не был лишен честолюбия) заключался в организации войск, собранных из представителей смешанных рас, которые сейчас составляют важную часть населения. С самого начала меня предупредили, что вождь ассасинов потребует дань, но я упорно сопротивлялся каждому сборщику налогов, предъявлявшему свои требования, пока однажды утром не проснулся в своей палатке, окруженный моей верной охраной, и не обнаружил кинжал, воткнутый в землю на расстоянии двух пальцев от моей головы. Я изучил надпись на оружии и обнаружил, что она совпадает с надписью на свитке, и немедленно решил познакомиться с этим соперничающим вождем. Он уважил мой паспорт и показал мне чудеса своего жилища, которые, дай бог, я никогда больше не увижу. Дисциплина его последователей

столь совершенна, их вера столь непоколебима, что каждое слово их вождя - закон. Он повел меня на высокую башню, на каждом зубце которой стояли по два федави. По его знаку двое из этих приверженцев бросились с башни, переломав себе кости и разбросав мозги по камню внизу. 'Если ты этого хочешь,' сказал вождь, 'все эти люди должны сделать то же самое'. Но я увидел достаточно и решил с того часа никогда не вызывать неприязни Старика с Горы.

“Я выкупил этого предателя дорогой ценой, ибо хотел бы, чтобы Эдвард узнал о его низости и наказал его. Теперь ты вне досягаемости опасности. Я не могу войти в Акко - причины будут вскоре названы. Прощай, дочь моя, милый образ твоей святой матери; надежно храни мою тайну до нашей новой встречи. Adieu.”

Он погрузил роуэлов на своего коня и вскоре затерялся среди холмов.

ГЛАВА VII.

Тем временем дворец Акко стал свидетелем ужасной сцены. После падения Назарета эмир Иоппии начал переговоры с Эдуардом, заявив о желании принять христианство. Король так стремился к этому счастливому завершению, что лелеял обманчивую надежду, питаемую неверным, и предоставлял ему любую возможность получить информацию о догматах и обычаях церкви.

Они часто обменивались письмами и записками, и английские стражники настолько привыкли к коричневому хиджабу и зеленому тюрбану смуглого мусульманина, который разносил депеши, что они беспрепятственно пропускали его в город, впускали во дворец и даже проводили в приемную короля почти без вопросов и подозрений.

День выдался необычно знойным даже для сирийского климата. Жара несколько усугубила симптомы болезни, от которой Эдвард медленно выздоравливал, и Элеонора провела много утомительных часов в тщетных попытках унять его беспокойство и вызвать покой.

Когда солнце зашло, с моря подул прохладный ветерок, который, как показалось терпеливой жене, принес исцеление на своих крыльях, и больной, растянувшийся на своем ложе перед окном, начал наконец поддаваться успокаивающему влиянию дремоты, когда вошел управляющий и сказал, что посланец из Иоппии ожидает аудиенции.

- Теперь я не верю в обращение этого неверного, - сказала Элеонора с нетерпением, необычным для ее кроткого духа, - раз его посланец нарушает покой моего господина.

“Воистину, тебе не хватает твоего обычного милосердия”, - ответил Эдуард. “Я думал услышать, как ты объявишь обращение этого сарацина моей коронной славой в Палестине. Но ты устала, любовь моя. Иди отдыхать, твои долгие бдения рядом со мной уже сорвали гвоздику с твоей щеки”.

— И все же, милорд... - вмешалась Элеонора.

“ Нет, нет, - сказал Эдвард, - не тревожь свою милую душу; возможно, от этой встречи зависит больше, чем моя жизнь. Я немедленно отправлю посланника, и тогда ты сможешь доверить мой сон заботам верной Евы.

При упоминании Евы в голове Элеоноры пробудилась новая и не менее болезненная цепочка ассоциаций, и она с тяжелым вздохом удалилась, когда вошел посыльный.

Мгновение спустя слышались звуки яростной борьбы и падения тяжелого тела, и Элеонора, которая задержалась в прихожей, сама не зная почему, бросилась обратно в покои, сопровождаемая камергером и стражниками.

Убийца лежал на полу в предсмертных муках, его голова была проломлена дубовой косой, с которой она только что поднялась. Рядом с ним распростертым лежал принц в бесчувственном состоянии, кровь слабо сочилась из раны на его руке. Принцесса сразу поняла, какому риску подвергся ее муж, и содрогнулась от страха при мысли об опасности, которая еще могла угрожать ему; и пока слуги поднимали его с пола, она нежно поднесла его руку к своим губам и начала вытягивать яд из раны. Но как только Эдвард очнулся от обморока, он с силой оттолкнул ее в сторону и воскликнул: “Элеонора, жизнь моя, разве ты не знаешь, что кинжал был отравлен?”

- Именно так, милорд, - ответила она с непоколебимым спокойствием, все еще твердо придерживаясь своей цели, несмотря на его постоянные увещевания.

Страшная весть об опасности, грозящей их предводителю, с быстротой молнии распространилась по городу, и самоотправленные гонцы поспешили во все стороны, вызывая пиявок и священников, чтобы вылечить умирающего монарха. Великий магистр Храма, который был несколько поднаторел в привычках ассасинов, появился посреди волнующей сцены и, похвалив за своевременное нанесение любящих губ Элеоноры, перевязал рану мягким смягчающим средством и прописал принцессе противоядие высочайшей эффективности.

Едва во дворце воцарилась тишина, как привратника снова разбудили, чтобы впустить де Куртенэ и его спасенную Еву. Изменника Д'Эссаи поселили в башне Маледикта, чтобы он дожидался разрешения Эдуарда относительно него; и Ева, сердце которой переполняло восторг от уверенности в восстановленном доверии сэра Генри и отцовской любви, провела долгую ночь с Элеонорой в том свободном общении душ, которое испытывают великодушные натуры, когда порыв общих чувств преодолевает барьеры условностей и формальности.

Эдвард снова стал самим собой. Твердый луч разума притушил лихорадочный блеск его глаз, и румянец здоровья сменил бледность изнуряющей болезни на его щеках. Его атлетическое телосложение боролось с болезнью и вышло победителем над слабостью и болью; и когда он занял свое судейское кресло, облаченный в свои воинственные доспехи, королевский плантагенет “выглядел королем до мозга костей”. Великая церковь Акко была распахнута настежь, и рыцари в сверкающих доспехах, тамплиеры и госпитальеры в одеяниях своих орденов, епископы и священники в священных одеждах, вассалы в праздничных нарядах столпились в длинных проходах и заполнили просторные хоры, словно стремясь стать свидетелями какой-то великолепной церемонии. Но вместо великолепных украшений

деревянные панели и окна, задрапированные черным, рассеивали похоронный мрак, а торжественный звон колокола, казалось, звучал реквиемом по могиле Надежды.

Судили сэра Фрэнсиса д'Эссаи на совете пэров и признали виновным в измене религии и рыцарском благочестии; и в этот день, в годовщину его посвящения в рыцари, его товарищи по оружию, вассалы, которых он презирал, и все те, кем руководило любопытство или вражда, собрались, чтобы стать свидетелями его *унижения*. Ева содрогнулась от ужасной участи своего бывшего возлюбленного, и де Куртенэ, проявив инстинктивную деликатность, получил разрешение отсутствовать на месте происшествия, посетив храм Гроба Господня. Как военачальник и первый по рангу, Эдуард был обязан председательствовать на этой страшной церемонии, которая для истинных и лояльных считалась более ужасной, чем сама смерть.

С первым ударом большого колокола преследователи, в последний раз облачив сэра Фрэнсиса в рыцарские доспехи, повели его из *Проклятой башни* в церковь. Когда они вошли в дверь, скорбный звон стих, и через одно ужасное мгновение его товарищи-рыцари прерывающимися голосами начали петь заупокойную службу.

В центре нефа была воздвигнута возвышенная сцена, завешенная черным, и на нее преследователи, в обязанности которых входило снимать с него все внешние знаки мужества и правдивости, поместили преступника на виду у всего огромного зала.

Когда пение прекратилось, принц Эдуард произнес голосом, который тронул каждое сердце: “Сэр Фрэнсис д'Эссаи! ты, получивший рыцарский меч из рук доброго Людовика Святого, стоишь сегодня перед нами в знак измены твоему Богу, твоей истине и даме твоей любви. Поэтому твои пэры пожелали, чтобы рыцарский орден, благодаря которому ты получил все почести и поклонение своему телу, *был сведен на нет*, и твое состояние было уничтожено, и ты был изгнан изгоем и обесчещен по твоим низким заслугам”. Тотчас же медный язык с колокольни утвердил приказ и возвестил о роковом часе. При этих словах оруженосец дрожащей рукой снял шлем, защищавший предательские глаза, обнажив бледное и изможденное лицо рыцаря-отступника, и хор возобновил скорбную панихиду. Затем каждый преследователь в своем порядке приступил к выполнению своей нежелательной обязанности. Одно за другим рыцарские доспехи Д'Эссаи были сорваны с его тела, и когда кираса, поножи, наголенники и латные рукавицы зазвенели по мостовой, герольды воскликнули: “Узрите доспехи негодяя!”

Дрожа и согнувшись под тяжестью стыда, малодушный стоял, пока они срывали золотые шпоры с его пяток и размахивали его обесчещенным мечом над головой, а ужасный реквием был над погибшими символами его былой невинности.

Затем на сцену вышел великий магистр тамплиеров, неся серебряный таз, наполненный тепловатой водой, и герольд, подняв его, воскликнул: “Каким именем называют люди рыцаря, стоящего перед нами?”

Преследователи ответили: “Имя, которое было дано ему при крещении, имя, под которым был известен его отец, имя, принятое им в рыцарство, — сэр Фрэнсис д'Эссаи”.

Герольды снова ответили: “Ложь сидит у него на языке и правит в его сердце; он негодяй, предатель и безбожник”.

Немедленно Великий магистр, имитируя крещение, плеснул водой ему в лицо, сказав: “Отныне да будешь ты называться своим настоящим именем, Предатель!”

Затем герольды протрубили в трубы пронзительную ноту, выражавшую требование: “Что делать с лживым мошенником?” Принц Эдуард в своем величии встал и голосом, взволнованным от осознания ужасного наказания, ответил: “Пусть он с бесчестьем и позором будет изгнан из царства Христа — пусть его братья проклянут его, и пусть ангелы Божьи не заступаются за него”.

Тотчас же каждый рыцарь обнажил свой меч и, направив его сверкающее острие на теперь уже беззащитного Д'Эссаи, толкнул его по ступеням к алтарю, где преследователи схватили его, втолкнули в гроб и положили на носилки, а сопровождавшие его священники завершили погребальную службу над его оскверненным именем и лжесвидетельной душой. По знаку короля носильщики подняли носилки, и вся огромная паства печальной процессией последовала за ним к городским воротам, где они выставили его вон, проклятого, в то время как большой колокол с высокой башни собора рассказывал историю его позора ужасающим многозначительным тоном: “Пропали-пропали—пропали добродетель, вера и истина; пропали—пропали—пропали честь, слава и любовь”. От седых высот Кармила до священной вершины Фавора, от каждого священного холма и долины раздавался ужасный похоронный звон: “Ушел и пропал, потерян и пропал”, — и ветерок, пронесшийся над равниной Езраэлона, подхватил мрачное эхо и, казалось, поспешил через Средиземное море, чтобы нашептать рыцарству Европы ужасную историю его *деградации*.

Уязвленный тяжестью обрушившегося на него горя, несчастный Д'Эссаи поднялся и окинул взглядом равнину. Безводная пустошь расстилалась перед ним, как перспектива его собственного унылого будущего, почерневшего и опустошенного господством злых страстей.

Жизнь, чем она была для него? Лихорадочный сон, жгучая жажда, беспокойное, неудовлетворенное желание! Добродетель— честь, истина — пустые слова, их торжественная насмешка все еще звенели в его ушах. Он бежал — он летел — куда угодно, лишь бы спастись от навязчивых мыслей, которые, словно демоны, преследовали его по пятам.

Он приблизился к берегам реки, ее прохладные воды катились по своему вечному руслу, обещая унять его лихорадку и предать забвению его опозоренное имя. Он нырнул в древнюю реку Кишон, которая унесла его прочь, и когда он погрузился, чтобы больше не подняться, глубокий голос воскликнул: “Так погибни же, враг твой, о Господи!” Это был голос Дермота де ла Клера, который, двигаясь на юг во главе своего отряда, с противоположного берега стал невольным свидетелем безумного самоубийства.

Через неделю после описанной в последний раз церемонии Ева вошла в апартаменты Элеоноры, сияя от удовольствия, неся в руке почтового голубя, трепещущее сердечко которого свидетельствовало об утомительном пути, испытывавшем силу его блестящих крыльев.

“Откуда у тебя голубь и что за поручение у него?” - воскликнула принцесса, в равной степени жаждущая получить любые сведения, которые могли бы повлиять на судьбу Востока.

“Пуллани принес это во дворец”, - ответила она и, поспешно обрезав шелковую нить, вытащила письмо из-под крыла птицы. В нем содержались только эти слова: “Мусульмане оказывают сильное давление на султана Египта. Это благоприятный момент для начала переговоров”.

Печать в виде Трилистника была единственной подписью, но Ева хорошо понимала, что Клэр была вовлечена в разработку благородного плана по освобождению Эдварда из экспедиции, которая не могла принести славы христианскому оружию.

Принц пробыл в Святой Земле уже четырнадцать месяцев. Его армия, которой никогда не было достаточно, чтобы позволить ему предпринять какое-либо важное военное предприятие, была ослаблена болезнями, нуждой и дезертирством, и поэтому он с радостью принял намек своего неизвестного друга и отправил де Куртенэ в Египет с предложениями мира.

Это было радостное поручение для рыцаря, хотя робкая и (она не могла этого скрыть) любящая Ева самым решительным образом предостерегала его от происков султана Аль-Малека аль-Дакера Рокнеддина Абульфета Биберса аль-Алаи аль-Бендокдари ас-Сахели, чье имя, по крайней мере, по ее словам, было *легион*.

- И будь он самым князем тьмы, любовь моей хранительницы Евы защитила бы меня от его козней, - галантно ответил граф.

“ Увы! ” смиренно сказала Ева. - ты плохо знаешь сломанную трость, на которую опираешься. Моя слабая воля насмехается над моими самыми смелыми решениями и заставляет меня чувствовать потребность в более твердом духе для моего руководства ”.

- Дай бог, чтобы я когда-нибудь получил эту благодарную должность, - ответил ее возлюбленный.

- Да поможет мне Небо стать достойной твоей благородной преданности, - сказала Ева, с сожалением вспоминая жестокое испытание, которому она подвергла его великодушную привязанность.

Де Куртенэ без особых трудностей заключил условия десятилетнего перемирия с грозным мамелюком, поскольку у султана было гораздо больше причин опасаться своих мусульман, чем врагов-христиан.

Для дальнейшего пребывания англичан в Палестине не было повода; и Эдуард, добившись не большего, чем его двоюродный дед, и оставив репутацию, едва ли уступающую репутации Львиного кера, отбыл со своей свитой в Европу.

Несмотря на мирное завершение экспедиции, этот крестовый поход, последний из рыцарских отпрысков феодализма и энтузиазма, подобно своим старшим собратьям, преждевременно обрел могилу во тьме и мраке.

Сын Людовика Святого Филипп Харди, вернувшись из Туниса, поместил пять гробов в склепы Сен-Дени. В них находились останки его святого отца Людовика IX, его брата Тристана, его шурина Тибо, потомка Адели, его любимой королевы и их малолетнего сына. Слабый и умирающий сам, он был почти единственным наследником своей королевской семьи. Честолюбивый Шарль Анжуйский, соперник и убийца Коррадино, внука Фредерика и Виоланты, грабил севшие на мель суда возвращавшихся крестоносцев и таким образом обогатил свое королевство Сицилия великим кораблекрушением империи и церкви.

Смерть тоже была занята в Виндзорском дворце. Двое прекрасных детей Эдуарда и Элеоноры были опущены в могилу, и их дед Генрих III вместе с их тетей Маргаритой, королевой Шотландии,

вскоре последовали за ними в великую склеп Англии, Вестминстерское аббатство. Печальные вести об этих повторяющихся утратах застали королевскую чету на Сицилии и бросили тень на землю, в которую они ожидали триумфального возвращения.

Великая проблема завоевания Палестины еще не была решена в сознании Эдуарда, но прогресс эпохи сковал его силы и ограничил честолубивые устремления. Рыцарские ордена, истощенные постоянными наборами в свои войска в результате этих восточных экспедиций, начали падать в масштабе могущества; и низшие чины, найдя новые пути к богатству в производительном труде и торговле, начали великую битву с военными организациями и наследственной аристократией, которая продолжалась с возрастающей выгодой для трудящихся классов со средних веков до нынешней славной эры.

Григорий X. предпринял несколько слабых попыток еще раз поднять Европу для искупления Гроба Господня, но его искренний призыв не получил отклика от правителей христианского мира, и в течение трех лет последняя строфа великого гимна “Иеросолима либерати”, который начинался с нарастающих тонов собирающихся воинов и звучал на протяжении двух столетий в волнующих душу гармониях *jubilante reans*, чередуясь со скорбными тактами погребальных панихид, закончилась последним печальным припевом над уменьшившимися остатками военных орденов, которые в течение тщетная оборона Акко окрасила пески Сирии их кровью.

Из Сицилии королевские крестоносцы направились в Рим, где их сердечно приветствовал и великолепно принимал папа Григорий X., который долгое время исполнял обязанности духовника в их доме, но был отозван из Святой Земли, чтобы занять кафедру святого Петра.

В свите короля Англии находился его двоюродный брат Генрих, сын Ричарда Корнуолльского, доблестный молодой дворянин, который возглавлял отряд, выступивший против банды Лестера, и своей воинской доблестью внес большой вклад в успешное завершение кровопролитного сражения при Ившеме. Его рвение и верность в этот сомнительный период вызвали к нему доверие Эдуарда, и он еще больше расположил к себе своего королевского покровителя своим рвением в битве с неверными и блестящими достижениями при осаде Назарета.

Молодой Генрих был обрученным мужем принцессы Марии, вследствие чего Элеонора допустила его к интимной близости и проявляла к нему привязанность, почти равную той, которой пользовались сами королевские дети.

Во время пребывания короля в Риме преданный Генрих получил разрешение совершить паломничество к знаменитому святилищу близ Неаполя для освящения различных реликвий, которые он собрал в Палестине. Когда он преклонил колени у подножия алтаря и закрыл глаза в молитве, он не заметил, как вошел его смертельный враг, Ги де Монфор, сын графа Лестера. Крадущимися шагами убийца приблизился, склонился над умоляющим юношей и воскликнул: “Умри! убийца моего отца!” вонзил свой меч в сердце, теплое от жизни и надежды, и окропил святые мощи кровью другого мученика. Мстительно нахмурившись от удовлетворенной ненависти, он вытер меч, вернул его в ножны и вышел из церкви. Один из его рыцарей, достойный последователь такого мастера, спросил, вернувшись к своему отряду:

- Что сделал милорд Ги де Монфор? - спросил я.

“Отомщен”, - последовал дьявольский ответ.

“Как же так?” возразил рыцарь. - Разве вашего отца, великого Лестера, не протащили за волосы по улицам Ившема во время публичного представления?

Не говоря ни слова, демон повернулся к своему еще более злобному триумфу и, схватив жертву, чьи бледные губы все еще шевелились в инстинктивной молитве, оттащил его от слуг, которые тщетно пытались остановить кровь, хлещущую из раны, в общественное место и оставил его ужасающим зрелищем для охваченной ужасом толпы.

Теперь убийцам было необходимо подумать о самообороне. Английские вассалы графа Генриха подняли крик о мести, и итальянское население, возбужденное страшной трагедией, разыгравшейся в самом присутствии Пресвятой Девы с младенцем, начало сбегаться и присоединяться к отрядам нападения или защиты. В свите де Монфора немедленно поднялся крик: “д'Анжу! Долой гибеллинов!” и когда вооруженные силы герцога Карла въехали в самую гущу толпы, чтобы выяснить причину беспорядков, сэр Гай присоединился к их рядам и отбыл в Неаполь под их конвоем.

Весть об этом печальном событии вскоре дошла до Рима, и Эдуард немедленно обратился к папе с просьбой о правосудии над убийцей. Григорий, боявшийся обидеть Эдуарда и почти в равной степени встревоженный перспективой разрыва с тираном Сицилии, прибегал к различным хитроумным методам отсрочки. Обнаружив, однако, что король Англии решил отложить погребение своего благородного родственника до тех пор, пока над убийцей не будет произнесено проклятие, он был вынужден прибегнуть к церковным мерам.

Облаченный в свои папские одежды, Григорий X. вошел в церковь в Орвиетто и, подойдя к главному алтарю, взял в руки Библию и, после того как изложил перед охваченным благоговейным страхом собранием вину преступника, приступил к тому, чтобы обрушить свою анафему на убийцу.

“За убийство Генриха Немецкого, убитого перед усыпальницей Святой Марии, перед лицом дня мы возлагаем на Ги де Монфора проклятие нашей Святой Церкви. В силу власти, данной нам как преемникам святого Петра, мы объявляем его отлученным от церкви и лишенным всех привилегий и утешений, которые предоставляет наша благословенная религия. Мы позволяем каждому схватить его — мы приказываем губернаторам провинций арестовать его — мы подвергаем интердикту всех, кто хочет предоставить ему убежище — мы запрещаем всем христианам оказывать ему помощь, и мы освобождаем его вассалов от всех клятв верности, которые они ему приносили; пусть ни одно из благословений этой святой книги не снизойдет на него, и пусть все проклятия, содержащиеся в ней, падут на него”; и он швырнул Библию на землю.

Подняв восковую свечу, он продолжил: “Пусть свет жизни покинет его, и пусть его душа погрузится в *вечную ночь*”. С этими словами он швырнул свечу на мостовую, и мгновенно все огни в церкви погасли, и среди мрака дрожащая паства услышала голос понтифика, прозвучавший громко и ясно: “Я проклинаяю его книгой, свечой и колоколом”. Торжественный звон возвестил о проклятии, и среди темноты и тишины толпа одна за другой выползла из церкви, словно опасаясь быть замешанной в ужасном доносе.

Эдуард, подвергнув таким образом своего кузена церковному запрету, отказался от дальнейших преследований и, дружески простившись с понтификом, продолжил свой путь во Францию. Узнав, что в Англии царит спокойствие под регентством королевы-матери, он воспользовался

возможностью совершить поездку по своим южным владениям и в доблестных забавах и рыцарских приключениях провел несколько месяцев на континенте.

Эдуард и Элеонора прибыли в Англию 2 августа 1273 года. Англичане приветствовали их возвращение с величайшим ликованием. Обе палаты парламента собрались, чтобы почтить их въезд в Лондон, и улицы были увешаны гирляндами цветов и шелковыми гирляндами, в то время как богатые жители осыпали золотом и серебром королевскую свиту, когда та проезжала.

К их коронации велись приготовления с размахом великолепия, доселе не имевшим себе равных. Четырнадцать дней ушло на возведение шалашей для размещения населения и временных кухонь для запекания быков, овец и домашней птицы, а также приготовления тортов и сдобных кондитерских изделий для ожидаемого банкета. Бочки бордосского вина и кружки доброго английского эля были расставлены через удобные промежутки времени, и для раздачи их изнывающим от жажды толпам были назначены кувшинщики.

В ночь перед ожидаемой церемонией предполагаемые король и королева предавались воспоминаниям о первых днях своей супружеской жизни и сравнивали те беспокойные времена с великолепным будущим, которое, казалось, открывалось перед ними в радужной перспективе.

- Мне кажется, милая жизнь, - сказал Эдвард, нежно беря ее за руку, - те дни, когда ты жила беглянкой в дебрях Девоншира, а я томился в стенах Кенилуорта, мало что предвещали нашему нынешнему мирному положению.

- Верно, милорд, но, если бы я не жил в этой скромной деревушке, я, возможно, никогда бы не познал чистую преданность английских сердец.

“Клянусь Пресвятой Богородицей, ты владеешь алхимией лучше, чем твой брат-клерк, кастильский монарх, ибо его наука находит во всем только *золото*, в то время как твое искусство прорицателя находит во всем *добро* и верность в преступниках”.

“ Я помню себя, ” ответила Элеонора с лукавой улыбкой, “ доблестным разбойником, в котором мое женское сердце распознало все благородные и рыцарские качества. Но я не могу претендовать на большую заслугу в моей науке, поскольку именно алхимия любви открыла его добродетели”.

“Никакая другая алхимия никогда не находила хорошего в человеке, и, каким бы я ни был грешником, я мог бы опасаться осуждения твоей чистоты, если бы то же самое сладостное милосердие, которое обнаруживает неразвитые добродетели, не превращало даже ошибки в обещания добра. Завтра, с Божьей помощью, во власти Эдуарда будет назначить Элеонору раздавательницей щедрот. Кого бы она хотела почтить в первую очередь?”

- Поскольку принц разбойников отдает это в мою власть, - сказала Элеонора с выражением благодарной привязанности, - я бы вознаградила тех отважных лесничих, которые освободили моего Эдварда от врагов, покушавшихся на его жизнь.

“ Ты хорошо говоришь, дорогая, - ответил Эдвард, - и теперь, когда ты напоминаешь мне о моем побеге из рабства, я молю пресвятую Богородицу Уолсингемскую помочь мне выполнить долг, который давно лежит тяжким грузом на моей совести. Вчера вечером мне показалось, что я увидел среди йоменов, занятых приготовлениями к приближающемуся зрелищу, высокого

разбойника, который в своей мантии с капюшоном только что назвал меня священником бенизоном, а в следующий момент сообщил мне о действиях Лестера с проницательностью опытного воина. Такая длина конечностей и сила рук, увиденных однажды, не ускользают из моей памяти; и, если мои глаза меня не обманывают, именно он вместе с Кортни возглавлял штурм Назарета; и более того, мне кажется, что я видел его в другом месте и в другом обличье”.

- Может быть, это был тот высокий рыцарь, который защищал Элеонору во время еврейской резни, пока твое прибытие не разогнало толпу черни, - ответила королева.

“Клянусь душой святого Варфоломея, ты хорошо угадал, “ сказал король, - и, поскольку ты знаешь монаха, может быть, ты сможешь сообщить мне новости о проницательном мальчике, которому удалось поговорить со мной, когда все мои сторонники потерпели неудачу. Столь прекрасный оруженосец, должно быть, до этого заслужил рыцарские шпоры; и мне доставило бы большое удовольствие возложить эту награду на его плечи в награду за его искусный замысел. Я прекрасно знал, что юноша не принадлежал к дому Мортимера, но был ли он вассалом смелого разбойника, организовавшего королевские войска, или какого-то молодого дворянина, чья любовь к приключениям подтолкнула его к этому делу, я так и не смог решить.

- А если бы он был слугой разбойника? - вопросительно спросила Элеонора.

- Тем не менее моя благодарность должна вознаградить службу того, кто рисковал своей жизнью ради меня, - ответил король.

Довольная улыбка озарила лицо Элеоноры, она открыла свой джипсир и, достав оттуда маленький свисток из слоновой кости, отправила служанку с этим подарком Еве.

Вскоре после этого разговор был прерван появлением слуги, который объявил, что паж от леди Мортимер просит аудиенции у его величества.

- Пусть его немедленно впустят, - сказал Эдвард, бросив многозначительный взгляд на Элеонору.

Дверь распахнулась, и прекрасный юноша, образ которого в этот момент заполнил сознание короля, вошел дрожащей походкой и, направившись прямо к монарху, опустился на колени у его ног и, сложив руки, начал горячо умолять о помиловании изгнанного графа Дермота де ла Клера.

“ Как это? ” воскликнул Эдвард, с изумлением глядя сначала на коленопреклоненного пажа, а затем на свою жену. “ Как это? клянусь Святым Крестом, мое сердце предчувствует меня, ты не только алхимик, но и ведьма. Вот та самая страница, которую я тщетно искал девять долгих лет, созданная магией свистка из слоновой кости”.

“ Граф Дермот де ла Клер! ” обратился он к Еве, нежно поднимая мальчика с колен. “ Почему изгнанный преступник искал твоих прекрасных уст, чтобы заступиться за него? Позвольте ему предъявить свои претензии к нашему милосердию, и мы пообещаем справедливость для нас самих и, возможно, лучшую защиту от нашего любящего супруга, который всегда будет радоваться милосердию выше суда.

- А ты, милая голубка, - сказал он, восхищенно глядя на сомневающуюся Еву, - “носящая эмблему Мортимера” и чья “легкомысленная голова не думает о политике”, требуешь поместья и

светлости для человека, объявленного вне закона! Если бы ты жаждал этого для себя, то никакое двойное благо не заставило бы меня сказать тебе "нет".

“ Я жажду этого блага для себя, королевский сеньор, - сказала Ева, снова падая на колени. - Дермот де ла Клер - отец твоего бедного сиротского подопечного.

“ Ваше величество! - воскликнул принц, сильно растроганный. - Откуда ты это знаешь?

Во-первых, рассказом спасенного моряка, который был одним из банды, с помощью которой мой отец думал вернуть себе свое поместье, когда акт захвата заклеил его как преступника. Это был тот самый человек в одежде возчика, который поджидал нас на перекрестке в памятный день побега милорда. Далее, клянусь трилистником, древним символом дома Стронгбоу, и розой Шарона, которую моя мать нарисовала на шарфе в память о паломничестве своего мужа. Но самое сильное доказательство Ева находит в побуждениях своего сердца; ибо с того дня, как она оказалась в его объятиях на Лондонском мосту, и до того момента, когда он вытащил ее из Гнезда Стервятника на горе Ливан, она верила в его любовь и повиновалась его приказам с такой уверенностью, какую мог внушить только отец ”.

- Твое красноречие подтвердило твою правоту, - сказал король, поднимая ее и усаживая рядом с собой. - и если бы я был нуждающимся рыцарем, нуждающимся в королевской милости, я бы подкупил твои умоляющие глаза, чтобы они поддержали мой иск, и не боялся отказа.

Ева попыталась, заикаясь, выразить свою благодарность, но слезы заглушили ее слова, и Элеонора, пожалев ее замешательство, успокоила ее игривыми намеками на ее детские стремления к суверенитету Ирландии.

“ Боюсь, ” сказал Эдуард, с восхищением глядя на меняющийся цвет ее лица, “ что награждение всех моих подданных и вассалов в соответствии с их заслугами истощит мою казну. Дерзость этих благодетелей превосходит всякое предположение! Не далее как сегодня утром один, более смелый, чем его товарищи, потребовал самый прекрасный цветок нашего двора в награду за свою рыцарскую службу в восточной кампании.

Пришедшая в себя Ева умоляюще посмотрела на свою госпожу, которая милостиво разрешила ей удалиться, в то время как Эдвард продолжал свои насмешки.

“Я направил этого кавалера к тебе, любовь моя, - сказал он, - потому что он, должно быть, храбрый человек, если осмеливается передать имущество своей жены”.

“ Против брака де Куртенэ с нашей прекрасной подопечной, - возразила королева, - возникает только одно возражение. Судя по сходству ее имени, она всегда считала себя наследницей бывшего короля Лейнстера и развила в себе вкус к украшениям, подобающим королевской семье. Боюсь, сэр Генри, будучи всего лишь младшей ветвью своего дома, вряд ли сможет поддерживать состояние, соответствующее ее желаниям.

- Дай Бог, чтобы у нее не было амбиций графа Стригула, иначе нам пришлось бы сражаться за наше поместье в Ирландии, - сказал Эдуард.

“Нет, из-за честолубия Евы тебе нечего бояться; ее сердце скорее склонит ее к тому, чтобы одаривать благодеяниями своих друзей, чем копить сокровища для себя. Поэтому я желаю ей достойного союза и княжеского приданого, - ответила королева.

- В твоей власти, наилучший, устранить свои собственные возражения и благословить верных гамлетов, которые защитили твое уединение, дав им такую милостивую хозяйку.

Слезы благодарности наполнили глаза королевы, когда, с любовью глядя на своего мужа, она ответила: “Насколько потеряна была Элеонора для любви Божьей, если бы она ежедневно не благодарила Его за то, что он сделал ее женой человека, который находит свое счастье в содействии благосостоянию своих подданных”.

“ Не все его подданные относятся к нему с такой же любовью, как ты, - сказал король. “Наш брат, Александр Шотландский, отказался возобновить клятву верности, которую его предок дал Генриху II. ради своей короны и посетит нашу коронацию только в качестве королевского гостя, в то время как дерзкий Ллевеллин отказывается переступить порог Лондона.

“Беспокойный период, через который так недавно прошло королевство, служит лучшим оправданием для этих несправедливых подозрений”, - предположила королева. “Когда мудрость и великодушие моего Эдварда станут известны, они научатся доверять свои интересы в его руки с доверием вассалов”.

- Ты хотел бы убедить меня, - сказал Эдуард, смеясь, - что я могу любить своих врагов.

“ Я бы убедила тебя, ” сказала Элеонора с уверенной нежной улыбкой, “ сделать твоих врагов твоими друзьями. Подозрение всегда порождает ненависть. В этот час в Англии есть много теплых, искренних сердец, которые, следуя судьбе Лестера ради того, что они считали общественным благом, из-за страха не могут произнести крик преданности ”.

- И как бы ты хотел, чтобы я обязал их соблюдать верность? - с любопытством спросил Эдвард.

“ По тому же правилу, по которому наш благословенный Господь восстановил этот падший мир, ” робко ответила королева. “Он заявляет о своей любви к нам, даже когда мы грешники, и таким образом мы учимся доверять Ему”.

— Воистину, в твоих словах есть доля правды, - задумчиво произнес король, - но это было бы неслыханно - чтобы правитель демонстрировал принципы прощения и отдавал свое королевство на милость предателей.

- Добрый Людовик Святой, - настаивала Элеонора, почти боясь зайти слишком далеко, - всегда склонялся на сторону милосердия, и ни один король Франции не наслаждался более мирным и славным правлением.

“ Да будет так, как ты говоришь, ” сказал Эдуард после паузы, во время которой он пристально смотрел на ее умоляющее лицо, каждая черта которого отражала глубокую заинтересованность ее сердца в благополучии подданных и чести ее повелителя. “ Да будет так, как ты говоришь. Небеса не могут допустить, чтобы я ошибся в этом вопросе, поскольку они послали ангела за моим советником. Затем, вернувшись к своему обычному тону нежной шутки, он добавил: “Ты думаешь, что это хорошо, дорогая, для такого воина, как я, выполнить какую-нибудь сверхурочную работу, чтобы искупить грехи, в которые моя любовь к власти все еще может завести меня. Но я могу претендовать на небольшую заслугу в моем милосердии, поскольку не в природе человека противостоять милой серьезности, с которой ты навязываешь свои мягкие советы ”.

ГЛАВА VIII.

КОРОНАЦИЯ.

Прошло почти столетие с тех пор, как событие, подобное нынешнему, объединило представителей различных рангов и сословий английского населения. Коренные бритты, саксы, датчане и норманны, наследственные враги, за годы неизбежного общения и общности интересов слились в одну массу и теперь соперничали друг с другом в проявлении своей верности королю, в жилах которого смешались несколько потоков великой скандинавской расы. Независимый Франклин, крепкий деревенский житель, богатый горожанин и трудолюбивый ремесленник, любознательный вассал, величественный рыцарь и знатный барон, одинаково любивший пиры и праздничные зрелища, поспешил стать свидетелем церемонии.

Коронация Иоанна была непопулярна как из-за хорошо известной недоброжелательности его характера, так и из-за соперничающих притязаний его обиженного племянника. Коронация Генриха III. это произошло в отдаленной части королевства, когда часть острова находилась во владении французов, и умы людей были заняты страхом перед иностранцами и отвращением к царствующей семье. Поэтому ни один мужчина в королевстве не мог вспомнить такого грандиозного зрелища, как коронация Эдуарда и прекрасной Элеоноры Кастильской.

Когда архиепископ Кентерберийский возложил корону на их головы, среди собравшихся раздался радостный ропот; но когда выступил герольд и провозгласил *компенсацию* всем тем, кто был вовлечен в гражданские беспорядки прежнего правления, и отмену жестоких законов, которые сделали столько достойных граждан вне закона и чужаками на глазах у их английских домов, восхищенная толпа огласила весь Уэльс криками: "Да здравствует король Эдуард!" — Да здравствует наша милостивая королева Элеонора!

Слезы застилали прекрасные глаза польщенной королевы, ибо в восторженных возгласах, которыми был встречен акт о возмещении ущерба, она прочла неопровержимое свидетельство мудрости курса, который она так горячо отстаивала, и уверенность в мире, который это проявление великодушия ее мужа обеспечит его королевству.

Прежде всего среди тех, кто приветствовал его восшествие на престол, Эдуард разглядел властную фигуру преступника, который так долго и так успешно ускользал от его поисков. Едва усевшись на свой трон, он поручил верховному сенешалю вызвать таинственную личность. Когда он вышел вперед и преклонил колени у ног монарха, Элеонора узнала высокого рыцаря, которому она была обязана своей жизнью и свободой своего мужа, и услышала, как его скорее с удовольствием, чем с удивлением называли Дермотом де ла Клером.

“ Встань, благородная Клэр! ” воскликнул Эдуард. “ Тебе твой монарх обязан жизнью и безопасностью своего королевства, и почести и титулы твоего дома отныне восстановлены, к которым мы добавляем конфискованные поместья Лестера, что является не большей наградой за твою рыцарскую службу, чем гердон за нежную привязанность твоей прелестной дочери. Едва граф Дермот удалился среди знати, столпившейся вокруг него со словами поздравления,

как монарх вызвал Генри де Куртенэ и, принимая во внимание его заслуги в священных войнах, присвоил ему титул графа Девона, шепнув в сторону сознательному дворянину: “Наша милостивая королева, превосходящая в милосердии, пожалует тебе то, что находится на королевском хранении, и за что ты, несомненно, будешь более благодарен, чем за все земли, владыкой которых мы сегодня сделали тебя”.

Другие верные вассалы короны были вознаграждены, а затем радостная толпа отправилась на пиры и игры, которыми завершился день; а свадьба Евы и сэра Генри, состоявшаяся на следующий день, добавила еще один праздник к торжествам по случаю коронации.

Среди различных беспорядков, жертвами которых стало королевство во время слабого и ненадежного правления Генриха III, ни один не вызвал большего всеобщего недовольства, чем фальсификация монеты. Поскольку евреи были главными ростовщиками в королевстве, все затруднения такого рода, по общему согласию, приписывались их характерной скупости.

Крестовый поход Эдуарда в Святую Землю не смягчил его предубеждений по отношению к этому народу, который в большей степени, чем неверные, презирал христианские обряды. В своем рвении к общественному благу он объявил противной расу, конфисковал их поместья в пользу короны и изгнал из королевства не менее пятнадцати тысяч ценных жителей. Несмотря на эти строгие меры, он все еще оставлял у себя на службе некоторых представителей ненавистной секты для оказания помощи в корректировке курса валюты.

Тривиальное обстоятельство изменения формы пенни привело к некоторым наиболее важным событиям, произошедшим за время его богатого событиями правления.

Валлийцы, ведущие свое происхождение от древних бриттов, безоговорочно доверяли пророчествам Мерлина, которые в оракульской манере излагали судьбу нации. Одна из этих полузабытых традиций гласила, что, когда английский пенни станет круглым, принц, родившийся в Уэльсе, должен стать признанным королем всего британского острова. Поэтому, как только новая монета начала поступать в обращение к западу от Менаи, барды начали ссылаться на это таинственное обстоятельство и раздувать умы своих соотечественников надеждами на завоевание. Успехи Ллевеллина, их принца, в отвоевании всех территорий, отнятых у них норманнами, сильно подстегнули их честолюбие.

Не воспользовавшись актом о возмещении ущерба, валлийский принц все еще сохранял свою верность партии Монфортов и вместе с оставшимися приверженцами этой могущественной фракции замыслил получить помощь от Франции. Чтобы перехватить эти вражеские сообщения, Эдуард приказал своему флоту войти в ла-Манш под командованием графа Дермота де ла Клера, чтобы засвидетельствовать уважение к ирландскому дворянину и уверенность в его способностях. Де Куртенэ проживал со своей невестой в Эксетере, когда получил известие, что граф Клэр направляется нанести им визит, и на следующий день Ева приветствовала своего отца в своем новом доме. Графа сопровождала леди, которую он поручил заботам своей дочери, желая, чтобы она находилась в безопасности до тех пор, пока не станет известно о благоволении Эдуарда относительно нее. Сначала прекрасная пленница была безутешна, но в конце концов она нашла некоторое облегчение в своем горе, рассказав свою богатую событиями историю сочувствующей Еве, ныне маркизе Девон. Леди Элеонора была единственной дочерью Симона де Монфора и унаследовала твердые и неумолимые черты своего дома, которые несколько смягчили и приглушили дотошные наставления ее матери

Элеоноры Плантагенет. Ее брат Гай, получив отпущение грехов от ужасного проклятия церкви, стремился осуществить свои планы мести, заключив союз с валлийцами, и, чтобы скрепить договор, он согласился выдать свою сестру за Ллевеллина, и молодая леди была на пути к встрече со своим женихом, когда ее судно было перехвачено, а она сама взята в плен графом Клэром. Ее положение будущей королевы Уэльса больше, чем враждебность ее брата, заставляло ее опасаться суровости своего кузена, короля Англии, но Ева заверила ее, что чувства Эдуарда характеризовались самым великодушным рыцарством, и что никакие чувства злобы или мести не могли побудить его к каким-либо неучтивым действиям против нее. Несмотря на уверенность, с которой Ева произнесла это утверждение, прекрасная невеста Ллевеллина выслушала его со слабой недоверчивой улыбкой и ответила со вздохом: “Ах! госпожа, бедная дочь де Монфора жаждет твоего неведения о темных страстях, которые бушуют в человеческой груди!” - “Твое прекрасное юное лицо не выдает большого опыта в мирских невзгодах”, - ответила Ева с некоторым удивлением. “События, а не годы, дают опыт,” ответила Элин. “и хотя я молода, я заметила, что лелеемое негодование переросло в смертельную вражду. Несправедливая клевета Генриха III. воздействовала на разум моего отца, пока это чуть не разрушило обширное королевство Англии. Ты никогда не узнаешь той горькой печали, которая давила на сердце моей матери во время всей жестокой распри между ее мужем и братом. Я хорошо помню,” сказала взволнованная девушка, порывисто продолжая свои печальные воспоминания, “роковой день в Ившеме— Как, похолодев от страха при виде агонии моей матери, я отложила свои детские забавы и, съездившись, забила в угол ее покоев в замке Кенилворт, в то время как она расхаживала по комнате, попеременно умоляя небеса пощадить ее мужа и спасти ее брата. О, это было ужасно,” добавила она, прижимая руки к глазам, в то время как слезы струились у нее между пальцами, “когда мой брат Гай ворвался с известием о поражении и смерти нашего отца и дал свою ужасную клятву отомстить.” “Не говори об этом!” воскликнула Ева, в свою очередь содрогнувшись при воспоминании об убийстве юного Генри и последовавшей за этим анафеме, обрушенной на сэра Гая. “Не доставляет особого удовольствия вспоминать эти ужасные сцены,” мрачно сказала Элин, “но ты можешь узнать из моей краткой истории, как мало надежды я питаю к тому, кто стремится к власти или хочет отомстить”. “Но ее милостивое величество королева Элеонора, - сказала Ева, - будет рада утешить тебя, а приятное общество ее дочерей наведет тебя на более радостные мысли. - Нет, милая леди, не сочтите меня неблагодарным за то, что я не могу доверять вашим добрым предзнаменованиям. Было ли это возмездием, я не знаю, но со времен крестового похода моего деда против альбигойцев зло стало уделом нашего дома. Надежда, которая, кажется, всегда освещает путь молодежи, никогда не улыбалась мне”. Это уныние продолжало угнетать пленницу на протяжении всего периода ее пребывания в Эксетере, и ни изобретательность Евы в разработке планов для ее развлечения, ни обнадеживающие предсказания относительно ее будущего счастья с Ллевеллином не могли привлечь ее к более радостным мыслям. Но учтивое поведение Эдуарда, когда он приехал встретить свою кузину и проводить ее в Виндзор, подтвердило эти обещания; а искренняя доброта Элеоноры, хотя и смягчила ее страдания, в то же время пробудила некоторую степень уверенности в душе отчаявшейся девушки.

Похищение его невесты привело Ллевеллина в безграничную ярость и побудило его вторгнуться в Англию с величайшей отвагой. Его усилия были отбиты доблестным поведением войск под командованием графа Девона, и после четырех лет бесплодных попыток он согласился на требуемое оммаж и прибыл в Вустер, чтобы заявить права на свою невесту.

Нежное сочувствие Элеоноры не ускользнуло от сердца ее измученной подопечной, и эти годы спокойствия, первые, которые выпали на долю сироты Элин, настолько усилили, по ее мнению, блага мирной безопасности, что она упорно отказывалась выполнять свою помолвку с Ллевеллином без его торжественного обещания продолжать дружбу с английской нацией. Когда жених, обнаружив, что все остальные меры напрасны, согласился на требуемое почтение, король Англии собственноручно выдал свою прекрасную родственницу замуж, и Элеонора поддержала невесту у алтаря и председательствовала на брачном пиршестве с присущими только ей приветливостью и изяществом. Затем принц и принцесса Уэльские сопровождали своих сюзеренов в Лондон и совершили предусмотренную церемонию, бароны Сноудон свирепо наблюдали за происходящим с видом воинов, отказывающихся от своих древних прав. Это недовольство породило различные ропоты. Они презирали английский хлеб, им претило молоко коров, вскармливаемых в стойлах, им претил острый лондонский портер, и они тосковали по искрящемуся меду, приготовленному из медовых конфет, собранных на их собственных продуваемых ветром холмах. Они видели, что их национальный костюм и диалект принесли им неприятную известность, и они более чем подозревали, что стали объектами насмешливого презрения. Поэтому они с большим нетерпением переносили затянувшиеся развлечения, которыми Эдуард достаивал своих гостей, и в конце концов покинули свои неуютные покои, бормоча сдавленные проклятия: “Мы никогда больше не посетим Ислингтон, кроме как в качестве завоевателей”. Неослабевающее влияние Элин, несмотря на это, нейтрализовало жалобы недовольных, и Ллевеллин свято поддерживала дружеские отношения с Англией в течение своей короткой жизни. Этот период непрерывного мира был использован Элеонорой для того, чтобы побудить своего мужа к мерам для общественного блага, и Англия долгое время пользовалась благодаря мудрому управлению своего благодетельного государя передышкой от тех зол, от которых нация стонала со времен нормандского завоевания. Королевским патентом Эдуард возвел районы в пределах своих владений и предоставил им свободу торговли, а также, воспользовавшись примером Лестера, разрешил им направлять представителей в парламент, что стало настоящей эпохой Палаты общин — первой зарей народного правления в Англии. Таким образом, низшие или более трудолюбивые слои государства поощрялись и защищались, и интерес к содружеству распространился по всем слоям общества.

ГЛАВА IX.

ЗАВОЕВАНИЕ УЭЛЬСА.

Смерть Джоанны, матери Элеоноры, покинувшей владения Понтье и Омерль, вызвала необходимость для короля и королевы посетить Францию, чтобы засвидетельствовать почтение Филиппу Смелому за их новые владения. Они провели несколько месяцев на континенте, приводя в порядок дела своих феодальных владений, но их возвращение ускорили известия о новых беспорядках в Уэльсе.

По прибытии в Виндзор ее дочь, Джоанна Акрская, вручила королеве письмо, которое, по ее словам, было доставлено в замок странного вида священником, который некоторое время

отказывался передавать его кому бы то ни было, кроме Элеоноры, но в конце концов ее убедили доверить драгоценный документ ей самой, взяв с нее обещание лично передать его своей матери. Письмо было от Элин, принцессы Уэльской. Оно гласило следующее: “Моей милостивой государыне леди Элеоноре Английской, жене Ллевеллина, шлет любовь и приветствие.

Я надеялся еще раз увидеть лицо моей благородной госпожи и посетить места, освященные первыми счастливыми часами моей печальной жизни. Я думала попросить твоего благословения для моего прелестного младенца, ибо милорд обещал, что по возвращении весны нас перевезут в Англию, и это поддерживало меня в тяжелые часы болезни и томления, когда мое сердце тосковало по сладкому общению, которым я иногда наслаждалась в Виндзорском замке. Но холмы уже преобразаются под смягчающим весенним ветром, и моя поступь становится более слабой, а дыхание - более слабым, и я больше не тешу себя надеждой поблагодарить твою доброту за приятные мысли, которыми твои святые советы благословили мою память. Но я смирился со смертью! и я знаю, что прежде, чем распустятся цветы, мое печальное сердце найдет покой в могиле. Только одна тревога нарушает безмятежность моих нескольких оставшихся дней.

“Моя маленькая Гвендолин уже улыбается в ответ своей матери. Кто будет лелеять ее младенческие годы и направлять ее юные стопы к тем источникам мира, которые свет твоего примера так недавно открыл моему заблудшему взору?

“Борясь со слабостью и болью, твоя умирающая Элин произносит эту последнюю искреннюю молитву. Пусть девица пребудет с тобой. Пусть она будет воспитана в тех благородных добродетелях, от которых отреклась ее упрямая раса.

“Передай меня Эдуарду, нашему государю, и тем прекрасным дочерям, которые собираются вокруг твоего стола и радуют твою жизнь своими улыбками. Позволь мне снова попросить место в твоем сердце для моего осиротевшего ребенка, и о! помяни в своей молитве душу изгнанника, которая из твоих уст впервые научилась надеяться на милосердие Небес”.

На письме стояла дата марта, а сейчас было начало июня, и на тревожные запросы Элеоноры о дальнейших новостях о леди Элин и ее ребенке ответа дать не удалось. Однако у короля были лучшие источники информации. Едва он оправился от усталости путешествия, как лорды были созваны на совет, чтобы обсудить ходатайство Дэвида и Родрика, братьев Ллевеллинов, которые обратились к английскому двору за помощью.

От этих баронов Эдуард узнал, что принц Уэльский нарушил обещание, данное своей принцессе на смертном одре, передать их дочь на попечение Элеоноры, и что, побуждаемый песнями бардов и долго сдерживаемым гневом недовольных баронов, он решил нарушить свою клятву верности королю Англии и лишил своих братьев наследства в наказание за их лояльность.

Совет решил помочь Дэвиду и Родрику в возвращении их владений, и Эдуард, довольный случаем полного завоевания страны, двинулся со своей армией в Уэльс.

Сначала англичане потерпели несколько поражений, но в великой битве при Билте Ллевеллин был убит, его войска обращены в бегство, а золотая корона, снятая с его головы, была принесена принцем Альфонсо в жертву святилищу Эдуарда Исповедника. Но война еще не

закончилась. Принц Дэвид, теперь претендующий на титул короля, как наследник своего брата, принял командование валлийцами, и требовалось постоянное присутствие Эдуарда, чтобы усмирить мятежный дух народа. Та же непоколебимая привязанность, которая поддерживала Элеонору в утомительные часы ее беспокойного пребывания в дебрях Девона и которая побудила ее смело противостоять разнообразным опасностям сирийской кампании, побудила ее теперь следовать за судьбой своего господина по суровым ущельям и скалистым твердыням уэльских гор.

Для ее безопасности Эдуард построил и укрепил мощный замок Карнарвон, который сейчас, по прошествии почти шести столетий, имеет тот же внешний вид, что и в тот день, когда королева Элеонора впервые вошла в его огромные ворота в сопровождении своего царственного супруга.

Зубчатые стены, которыми были защищены стены, сохранились неизменными в своей древней силе и величии, а статуя Эдуарда I., вырезанная при жизни, по-прежнему защищает вход в замок и с обнаженным кинжалом угрожает незваному гостю, который рискнет проникнуть в его охраняемые пределы. Орлиная башня все еще приютилась под защитой скал, хотя королевские птенцы покинули неуютное орлиное гнездо Сноудон ради более мягкой роскоши Виндзорского замка и Хэмптон-Корта, а дубовая колыбель второго Эдуарда, подвешенная на кольцах и скобах к резным подставкам, все еще занимает свой маленький уголок в уединенной комнате, где его младенческие глазки впервые открылись на свет. Опыт Элеоноры в покоряющей силе любви побудил ее позаботиться о том, чтобы нанять для своего сына слугу-валлийца, но таков был страх, который имя ее мужа внушало семьям свирепых горцев, что она была вынуждена отказаться от этого проекта, пока случай не обеспечил любезной королеве прислугу, в которой она не только нуждалась, но и передал в ее руки судьбу Уэльса.

Из-за неровной поверхности своей территории валлийцы неизбежно были скотоводческим народом, и их простой образ жизни обрекал их на неминуемое поражение, когда хорошо обученные воины Англии неуклонно и осмотрительно добивались завоевания их страны. Но, подобно отважным сынам всех горных округов, валлийцы, казалось, вдыхали дух свободы от вольного дыхания своих родных холмов, и, как бы ни охотились они от одного убежища к другому, они все равно сплачивались вокруг своего древнего штандарта и с восторгом слушали предсказания своего будущего величия. Эдуард с неутомимым терпением следовал за ними по неровным ущельям и скалистым твердыням, пока его тяжеловооруженные войска не начали падать от усталости.

Повсюду они находили свидетельства того, в каких трудных условиях оказались несчастные жители. Покинутые деревни, заброшенные поля и умирающие от голода животные предвещали последнюю грань страданий. Это было уже с наступлением темноты, когда они внезапно наткнулись на сильный отряд, расположившийся в узких пределах долины.

Мычание стад, которые начали страдать от нехватки корма, было первым звуком, привлечшим внимание английских разведчиков, и кружным путем весь отряд был выведен на позицию, откуда открывался полный обзор противника. Бивуак состоял из грубых хижин или шалашей, построенных скорее для укрытия, чем для защиты, внутри и вокруг которых сидели варвары в различных позах внимания или отдыха.

Сторожевые костры зловеще освещали кружившие вокруг них дикие фигуры с темными и нахмуренными бровями, в то время как из центра лагеря эхом доносились звуки хриплых голосов, сопровождаемые воинственными звуками музыки. Варварский язык делал песню бардов непонятной для англичан, но они угадывали ее дух по тому, как она действовала на грубых слушателей, которые при каждой паузе в волнующем припеве вскакивали на ноги, ударяли копьями о щиты и сливали свои пронзительные голоса в ответный хор приглушенной мести.

В энтузиазме, который пробудили патриотические песни, Эдуард разгадал секрет затяжного сопротивления и увидел, что уничтожение этих бардов обеспечит ему победу. Трубам было немедленно приказано зазвучать, и его армия, какой бы уставшей она ни была, собрала всю свою слабеющую энергию и бросилась в бой.

Валлийцы, застигнутые врасплох посреди своей воображаемой безопасности, вскинули оружие и сражались с мужеством отчаяния, бодрящие мелодии бардов переросли в пронзительный вопль агонии, а затем потонули в безмолвии смерти.

Этим заключительным аккордом национальной поэзии стал реквием по валлийской свободе. Король Давид бежал через горное ущелье, сопровождаемый несколькими своими вельможами, а граф Девон, пытаясь отрезать ему путь к отступлению, застал врасплох и захватил в плен компанию перепуганных женщин, которые были поселены в скалистой крепости для большей безопасности. С рыцарской учтивостью он оказывал своим беспомощным пленникам всяческое деликатное внимание, которое могло смягчить суровость их участи.

Его сочувствие было особенно вызвано горем женщины, внешне несколько превосходившей своих спутниц, которая проявляла величайшую заботу о безопасности ребенка, который, совершенно не подозревая о суматохе, спокойно спал в своей колыбели из переплетенного тростника.

Де Куртенэ приблизился, желая развеять ее страхи, когда кормилица, ожидавшая, что ее оторвут от своей нежной подопечной, воскликнула на варварском английском: “Не забирайте у меня принцессу! Я обещал леди Элин никогда не отдавать ее в другие руки, кроме как в руки доброй королевы Англии.

“ Утешь себя, добрая женщина, ” ласково сказал граф. “Я сам отвезу тебя с младенцем в Карнарвон, где ты сможешь оправдать оказанное тебе доверие, передав маленькую сироту царственному другу ее матери”. Передав остальных пленниц на попечение своих рыцарей, он передал заботу о кормилице своему конюху, а сам осторожно взвалил плетеную колыбель с прелестной обитательницей на лошадь перед собой и направился к замку.

Элеонора приняла дочь Элин де Монфор со слезами умиления и проявила к ребенку ту же привязанность, которую она проявляла к своему собственному младенцу Эдуарду. Маленьких кузенов воспитывали вместе, и няня вскоре нежно привязалась к обоим детям и прониклась почти благоговейной преданностью к благочестивой королеве; а поскольку Элеонора часто предоставляла ей возможность общаться с местными жителями, она не упускала случая похвалиться добродетелями своей госпожи.

Она заявила, что Элеонора и маленький Эдвард едва ли уступали по красоте Мадонне с младенцем и что они были столь же хороши, сколь и красивы; и добавила под свою

ответственность, что, поскольку королева относилась к Гвендолин с такой любовью, как если бы она была ее собственной дочерью, не могло быть никаких сомнений в том, что она смотрела на нее как на будущую невесту юного принца.

Тем временем Эдуард преуспевал в своих военных планах. Дэвид так и не смог собрать армию, достаточную для того, чтобы противостоять англичанам в поле, его преследовали от холма к холму, от одного отступления к другому, и в конце концов он был предан своему врагу и отправлен в Англию.

Бароны Сноудон, лишённые своего лидера и знающие, что их принцесса Гвендолин находится во владении английского короля, и несколько успокоенные предсказаниями ее будущего величия, наконец подчинились вызову Эдуарда на совещание в Кернарвон. Отважные горцы согласились окончательно покориться ему как верховному лорду, если он назначит их принцем уроженца Уэльса, который не говорил ни по-саксонски, ни по-французски, поскольку эти варварские языки, как они заявили, они никогда не смогут понять.

Эдвард милостиво удовлетворил просьбу, и после того, как были организованы предварительные приготовления, он привез из орлиной башни маленького Эдварда, заверив их, что он уроженец Уэльса, не говорит ни на одном из запрещенных языков и под руководством своей очаровательной наставницы Гвендолин, несомненно, скоро овладеет валлийским. “Свирепые горцы мало ожидали такого правителя. Однако у них не было иного выбора, кроме как подчиниться, и они со всем возможным изяществом поцеловали крошечную ручку, которая должна была управлять их скипетром, и поклялись в верности младенцу верной Элеоноры”.

ГЛАВА X.

АСТРОНОМ И ЕВРЕЙ.

Таким образом, благополучно установился мир, и король Эдуард перенес резиденцию своей королевы из сурового Карнарвона в великолепный замок Конвей, где в окружении своих дам и детей она на короткое время отдохнула от тревог и забот.

Здесь, сидя в парадной палате, чьи окна из цветного стекла выходили на террасу, откуда открывался прекрасный вид на разнообразный пейзаж, Элеонора проводила утро, принимая тех, кто был удостоен чести присутствовать на ее приеме, в то время как ее камеристки расчесывали и заплетали длинные шелковистые локоны, оттенявшие и украшавшие ее безмятежные и прекрасные черты.

Эта снисходительность королевы оказала самое милостивое и смягчающее воздействие на грубые обычаи валлийцев, и первые стремления этого полуварварского народа к христианской утонченности относятся к периоду, когда они почувствовали благотворное влияние ее мягких манер.

Но хотя Элеонора была, таким образом, счастлива в своих семейных отношениях, благословлена любовью своих подданных и трижды благословлена сознанием того, что

использует свою власть для счастья других, она не забывала о родственных узах, которые связывали ее с родной Испанией.

Действительно, кажется, есть такая особенность, наблюдаемая во влиянии Евангелия на характер, парадокс в философии, но факт в христианском опыте, что, хотя оно усиливает интенсивность социальных привязанностей, оно расширяет сердце для более отдаленных жизненных отношений, пробуждая сердечный отклик на заповедь “Возлюби ближнего твоего, как самого себя”.

Для Элеоноры осознание того, что она может оказать помощь другому, было достаточным мотивом для активизации ее деятельности; и постоянная привычка сделала это вдохновляющим импульсом, который начался с неукоснительного следования требованиям долга. Поэтому, когда она узнала, что ее любимый брат Альфонсо X. был свергнут своим непокорным сыном Санчо, она умоляла своего героического мужа взяться за трудную задачу его восстановления.

Эдуард, чьи принципы правления сильно отличались от принципов королевского философа, несколько неохотно прислушался к ее взволнованным мольбам, но в конце концов согласился сопровождать ее в Кастилию.

Королевское шествие отличалось чрезвычайной пышностью. Их двоюродный брат Филипп принял их в Париже с величайшим почетом. Несколько месяцев они отдыхали среди элегантности Бордо, а оттуда отправились через Пиренеи в Бургос.

Храбрый Санчо с неподдельной радостью приветствовал их в своем дворце и с легким добродушием выслушал вопросы и увещевания королевы.

“Мой отец, - сказал он, - на пенсии в тюрьме чувствует себя счастливее, чем когда-либо в управлении общественными делами. По правде говоря, в последние годы он был так занят движениями Марса и Юпитера, что у него было мало свободного времени, чтобы следить за передвижениями своих подданных, и, если бы не мое, как мне кажется, неуместное вмешательство, наша прекрасная Кастилия превратилась бы в арену анархии и беспорядка”.

- Но если мой брат желал уединения в личной жизни, он, несомненно, имел право назначить своего преемника, - предположила Элеонора.

“Нет, на этот счет люди расходятся во мнениях, ” ответил Санчо. “Наши предки, готы, вручают корону второму сыну, отдавая предпочтение наследникам старшего брата, и по этому праву я царствую”.

- Но по этому праву ты забираешь у принца всю власть, - возразила королева.

- А почему, - спросил Санчо, - слово принца должно возобладать над волей народа, интересы которого ни один король не имеет права приносить в жертву своему честолюбию?

“Несомненно, в том, что ты говоришь, есть большая доля правды, ” задумчиво добавила Элеонора. “и я очень удивляюсь, что, в то время как некоторые рождаются в таком высоком положении, другие, в глубине души обладающие благородными чувствами, обречены на вечное рабство. Мой бедный мозг часто был прискорбно озадачен этим вопросом; но когда я

вспоминаю о страданиях, которые претерпела прекрасная Англия во время восстания Лестера, я довольствуюсь тем, что верю священному писанию: "Власть имущие предначертаны Богом".

- Твое писание хорошо подтверждает мои слова! - воскликнул Санчо, от души смеясь.

Элеонора вздохнула. "Забываешь ли ты, храбрый Санчо, - сказала она, - что Бог, даровавший тебе поместье и власть короля (раз ты так искажаешь мои слова, чтобы доказать свою узурпацию), забываешь ли ты, что Он также повелел: "Ты должен чтить своего отца"?

"Нет, нет, моя всемилостивейшая тетушка, теперь ты обвиняешь меня сверх всякой меры. Мудрый Альфонсо не отстранен от своих канцелярских занятий, но...

- Он в тюрьме, - перебила Элеонора.

"Моя забота," продолжал Санчо, "предоставить ему все, кроме свободы нарушать покой моего королевства. Евреи и арабы, его избранные друзья, врачи из Салерно и Саламанки, монахи и священнослужители (хотя, мягко говоря, о них он мало заботится, кроме того, что они приносят ему заплесневелые рукописи из монастырей), жонглеры и ряженые, достойная свита имеют свободный доступ в его присутствие. Завтра ты, возможно, увидишь философа в окружении его разношерстных придворных, и, мне кажется, тогда ты объявишь его, как это делают другие, либо дураком, либо безумцем".

Король Эдуард, который из бесед с кастильской знатью не меньше, чем с Санчо, пришел к такому же выводу в отношении своего королевского племянника, не предпринял никаких попыток освободить Альфонсо из заточения, но с радостью принял приглашение сопровождать короля Кастилии в экспедиции против мавров на юге Испании.

Во время их отсутствия Элеонора оставалась в Бургосе и посвятила себя заботе о своем брате, за чей рассудок она начала серьезно опасаться. Привязанность Альфонсо к своей прелестной сестре настолько возобладала над его легковозбудимым темпераментом, что он позволял ей входить в свои покои в любое время суток, не выказывая никакого раздражения, и часто отвлекался от своих заумных занятий, чтобы предаться воспоминаниям об их юношеских забавах и ответить на ее расспросы о его нынешних занятиях.

Элеонора обладала тем добродушием, которое находит что-то интересное в каждом занятии, и тем изысканным тактом, который позволял ей намекать на истину, даже если казалось, что она не опровергает ошибку; и вскоре стало очевидно, что, хотя философ по-прежнему произносил свои нелепости с большим самодовольством, его характер стал более спокойным, а манеры — гораздо более приветливыми по отношению ко всем, кто к нему обращался. Королева терпеливо выслушивала его нудные объяснения движения планет и напрягала все свои способности восприятия, чтобы понять диаграммы, которые, по его утверждению, иллюстрировали всю теорию Природы, а также великую цель ее торжественных мистерий, начертанных на небесном свитке, образующем древнее Писание, более авторитетное, чем сами божественные оракулы.

"Ты видишь, сестра моя, - сказал энтузиаст, - что наша зрелость, как и наше детство, забавляются баснями: поэтому невежды верят, что это великое множество миров было создано с презренной целью вращаться вокруг нашей ничтожной планеты, а весь сверкающий круг звезд создан не для чего иного, как для того, чтобы оживлять зимнюю ночь".

“По правде говоря, эта доктрина во многом отдает человеческим высокомерием, - мягко возразила королева, - и напоминает ложные системы монарха, который считает своих подданных всего лишь данниками своего удовольствия”.

“ Ложные системы, ” возразил астроном, явно не обратив внимания на смысл ее замечания, “ позорили мир во все века. Пифагор ближе всего подошел к истинной идее, и все же заблудился в пустыне заблуждений”.

“Боже, спаси нас от столь злой судьбы”, - торжественно воскликнула королева.

“Философу, который, отвергая догмы церкви, прислушивается к голосу Природы, обращенному к уху разума, не грозит ошибка”, - напыщенно заявил Альфонсо. “Твое Моисеево Завещание утверждает, что Бог сотворил небеса и землю за шесть дней; но на них нет никаких следов такого творения. Их ход вечен. А что касается назначения славному солнцу не более высокой миссии, чем просвещать землю, то, если бы Всемогуший призвал меня к своему совету, Я бы научил Его более мудрому плану обхода дня и ночи ”.

Потрясенная его нечестием, Элеонора спокойно ответила: “Святое Слово, которое ты презираешь, повелевает нам ‘все доказывать’. Как ты можешь поддерживать такие утверждения?”

Альфонсо, довольный тем, что он считал ее послушанием, поднял маленький шар и, поместив его на удобном расстоянии от лампы, заставил его вращаться вокруг своей оси, заставляя ее наблюдать, что регулярная смена света и темноты происходит без какого-либо изменения положения светила.

“Какими бесконечными затратами, - сказал он, - обошлось бы вращение лампы вокруг земного шара, чтобы произвести тот же эффект и осветить только один мир; в то время как любое количество шаров могло бы вращаться вокруг лампы без потерь, за исключением случайного затмения”.

Пораженная простотой и очевидной правдивостью иллюстрации, Элеонора восхищенно посмотрела на своего брата, но едва она попыталась сформулировать ответ, как разговор был прерван появлением человека, выражение лица которого вызвало у нее болезненные ассоциации, хотя тщетно она пыталась вспомнить, где или когда она видела его раньше. Его фигура, хотя и скрытая испанским камзолом и слегка сгорбленная с возрастом, очевидно, когда-то была высокой и властной, и его смуглое лицо освещали пронизательные черные глаза, чей быстрый пронизательный взгляд, казалось, сразу проникал в намерения и угадывал мысли окружающих; а длинная ниспадающая борода, слегка тронутая сединой, придавала всему его облику вид достоинства. С глубоким, хотя и безмолвным приветствием королевской чете он пересек комнату и, аккуратно отложив плащ, спокойно уселся за боковой столик, заваленный рукописями, и приступил к своей работе; в то время как Альфонсо ответил на вопросительный взгляд Элеоноры замечанием: “Это наш превосходный Прочида, мой верный еврейский писец”.

- Еврей или араб, - тихо сказала Элеонора, - я уже видела это лицо раньше.

При звуке ее голоса незнакомец поднял голову, а Элеонора закрыла глаза руками, словно отгоняя какое-то ужасное видение.

“Этого не может, не может быть, - воскликнула она, - но так выглядел еврей, убитый у моих ног в тот ужасный день, когда я впервые вошла в Лондон”.

- Моя добрая Прочида, - сказал Альфонсо, неверно истолковав ее волнение, - боюсь, нам придется обойтись без твоего присутствия, поскольку моя сестра слишком добрая христианка, чтобы смотреть на еврея иначе, как с чувством отвращения.

Еврей встал. “Нет, мой добрый брат, ” сказала королева, “ прости мне эту слабость. Я бы очень хотел поговорить с твоим другом.

Прочида вышла вперед и замерла в почтительном молчании, ожидая приказаний.

- Вы когда-нибудь бывали в Лондоне? - спросила она, пристально глядя на него.

- Моя благородная королева не помнит тогда лица Раймонда Луллия, который придумал *розовую знать* для своего царственного господина. Возможно, она помнит любопытство юного принца Альфонсо, на чьей маленькой ручке, без сомнения, до сих пор виден шрам от расплавленного металла, который он вынул из тигля”.

При упоминании о сыне у матери потекли слезы. - Мой милый Альфонсо спит в могиле своих предков, - ответила она, когда к ней несколько вернулось самообладание. - Но я не забываю о несчастном случае, хотя, конечно, это другая сцена, которая запечатлела в моей памяти твои черты.

“ Ваше величество имеет в виду истребление евреев, ” печальным тоном ответила Прочида, “ и жертвой, поверженной к вашим ногам, был мой престарелый отец Бен-Авраам. Из всей моей семьи спасся только я, благодаря своевременному вмешательству доблестного принца Эдуарда.

“ А! теперь я понимаю твою поспешность услужить моему брату, ” перебил Альфонсо. “Ты должна знать, милая сестра моя, - сказал он, поворачиваясь к королеве, - что секреты нашего искусства доступны только ученым, но, как бы я ни был королем, я счел невозможным помешать моей достойной Прочида покинуть мой двор, чтобы помочь английскому монарху увеличить его доходы путем превращения ртути в золото”.

- Значит, верно, что металлы можно таким образом преобразовывать, - сказала Элеонора с недоверчивой улыбкой.

Алхимики обменялись понимающими взглядами, но Альфонсо, помня, с какой готовностью она оценила его астрономическую теорию, ответил на нерешительный взгляд Прочида: “Нет, это только на этот раз — наша сестра искренне ищет истину, и если она поймет, то не выдаст наш секрет”. Сказав это, Альфонсо распахнул дверь и провел королеву, сопровождаемую Прочидай, в маленькую лабораторию, наполненную всеми таинственными предметами его искусства. Ученый доктор занялся расчисткой места в центре комнаты и расставил по кругу различные кувшины и жаровню, в то время как король-философ, открыв шкафчик, достал оттуда немного сушеных морских водорослей, бросил их в жаровню и разжег пламя. Плавающие водоросли вскоре превратились в пепел, который Прочида бережно собрала в старый пустой тигель и поставила перед королевой. Подошедший Альфонсо взял тигель и сказал: “Что ты видишь, сестра моя?”

“Тусклый серый порошок”, - ответила она.

Затем он поместил пробирку из одной из банок в тигель и, попросив ее внимательно рассмотреть ее, подвергнул химическому процессу, который она не понимала, повторив свой вопрос.

“Теперь я вижу, - с удивлением ответила Элеонора, - что тусклый порошок превратился в маленькие блестящие шарики, похожие на серебро”.

“Ты можешь взять их в руки, - сказал философ после паузы, - они не причинят тебе вреда”.

С некоторой робостью удивленная королева приняла металлические капли, почти опасаясь, что ее брат был некромантом, как утверждали жрецы.

- Можешь определить, металл это или нет? - спросил Альфонсо, наслаждаясь ее замешательством.

“Мое зрение и осязание убеждают меня в этом. Но откуда...”

“Разве это не чудо, - со смехом перебил философ, - более реальное, чем твое воображаемое пресуществление?”

Безмятежное чело прекрасной королевы нахмурилось, но, сочувствуя его нечестию так же искренне, как он сожалел о ее невежестве, с наигранной веселостью она ответила: “Нет, небеса творят чудеса не руками таких неверующих, как ты. Я боюсь, как бы злые духи не помогли тебе, как они помогли египтянам с их колдовством”. И она протянула шарики философу.

“Сохрани их до завтра, - сказал он, - они могут лечь в основу другого эксперимента”.

Когда королева Англии покинула тюрьму, Прочида последовала за ней и попросила аудиенции.

ГЛАВА XI.

ЕВРЕЙКА.

Беседа между королевой и Прочидой не ограничивалась одной аудиторией. День за днем он добивался ее присутствия под разными предлогами — какое—нибудь незначительное дело, какое-нибудь послание от Альфонсо - и каждый раз медлил, словно желая продлить встречу; наконец его странное поведение убедило Элеонору, что в Кастилии его задержало нечто более важное, чем философские изыскания.

Когда ум взволнован каким-либо конкретным предметом, воображение связывает каждое таинственное явление с преобладающей мыслью; и прекрасная королева прониклась идеей, что ее царственному брату угрожает какая-то надвигающаяся опасность.

Поэтому она стремилась завоевать доверие Прочиды и поощряла его доверить ей свою тайну.

- Есть ли что-нибудь, - спросила она, - представляющее интерес для тебя самого или для других, в чем я могу тебе помочь? - обнаружив, что его беспокойство и нерешительность, казалось, скорее усилились, чем уменьшились.

- Всемиловейший государь, - извиняющимся тоном ответила Прочида, - у презираемых изгоев Израиля мало надежды заручиться сочувствием христиан в свою пользу.

“Нет, - ответила королева, - ты забываешь, что в нашем евангелии сказано: ”Бог сотворил от одной крови все народы земли“.

- И если я забыла об этом, - с горечью сказала Прочида, - то это потому, что церковная практика не согласуется с этим предписанием.

- Это правда, - со вздохом ответила Элеонора, - что в нашей жизни слишком мало святого влияния веры, которую мы исповедуем; но скажите мне, как жена Эдварда может служить алхимику?

- Благородная царица, - сказала Прочида искренне и с большим волнением, - ты не представляешь, какой опасности может подвергнуть тебя твое великодушие.

- Говори и не бойся, - повторила она. - Элеонора не боится зла, проявляя доброту.

Пристально вглядываясь в ее лицо, словно пытаюсь уловить каждое чувство, которое могли пробудить его слова, еврей с горечью ответил: “Прочида за свою привязанность к благородному дому Швабии объявлен вне закона и преследуется на Сицилии, его дочь, еврейка, вряд ли может претендовать на защиту закона; и хотя она скрыта в пригороде Бургоса, ее красота уже привлекла любопытство тех, от кого ее отец не может ее защитить. Если бы я осмелился претендовать на столь великое благо, я бы попросил для нее место среди твоих служанок.

Элеонора помолчала. Предубеждение против евреев было настолько сильным, что затронуло даже ее честный ум; и скандал, который могло навлечь на королевский двор включение неверующего в число его обитателей, вызвал у нее опасения; но отец стоял перед ней с видом человека, доверившего ей свое последнее сокровище, и она не могла найти в себе силы поколебать его веру в ее щедрость.

- Приведи сюда свою дочь, - добавила она задумчиво, - со мной она будет в безопасности.

- Да пребудет на тебе благословение того, кто готов погибнуть, - пылко сказал ученый, покидая ее.

Когда королева Англии в следующий раз посетила покои своего брата, ее сопровождала молодая девушка такой необыкновенной красоты, что привлекла внимание самого философа. Черты ее лица имели ту совершенную форму, которую обычно описывают как греческую, в то время как темные волосы и мягкие черные глаза наводили на мысль о брюнетке; но белизна ее лица и яркий румянец щек, менявшийся в зависимости от каждого чувства, придавали ее облику изысканную деликатность и чувственность.

- А в твоём английском королевстве много таких хорошеньких девушек? - спросил Альфонсо, в то время как Агнес покраснела от похвалы короля.

“ Англия может соперничать с Испанией по красоте своих дочерей, ” уклончиво ответила Элеонора. “Моей нежной Агнессе, как и ее госпоже, любопытно познать чудеса твоего искусства; поэтому мы просим твоего снисхождения провести несколько томительных часов отсутствия милорда среди твоих фолиантов”.

- Ты всегда желанный гость, - благосклонно ответил Альфонсо, - и этот юный ученик получит удовольствие служить такой хорошей госпоже.

“ Я много размышляла, ” сказала королева, которая некоторое время внимательно рассматривала изможденные черты его лица, “ над твоей теорией планет. Земной шар вращался вокруг светильника, потому что ты держал его в своей руке. Какой силой наша Земля вращается вокруг Солнца?”

- Существует некое невидимое влияние, которое удерживает его вместе с сестринскими сферами в вечном круговороте, но тонкая сущность до сих пор ускользала от моих исследований, - ответил Альфонсо.

- Значит, ты веришь, брат мой, - спросила Элеонора самым мягким тоном, - в силу, существование которой ты не можешь продемонстрировать своими “Таблицами” или диаграммами?

“Поистине, такая власть - вопрос *необходимости*”, - ответил монарх.

- И твоя необразованная сестра, - поколебавшись, ответила королева, - испытывает ту же *необходимость* верить в Бога, существование которого она может доказать, только созерцая его славные деяния.

“Невеждам полезно придерживаться этой идеи, - ответил Альфонсо, - и, возможно, это удержит нечестивца от его злодеяний, если он поверит, что за его действиями следит вездесущий Разум”.

“И это может утешить скорбящих, - сказала Элеонора, - чувствовать, что эта Бесконечная Сила может удовлетворить потребности человеческой души”.

- Ты принес металл, который я тебе дал? - спросил Альфонсо, резко меняя тему разговора.

“Это у меня в цыганке”, - сказала она, расстегивая мешочек и разворачивая бумагу— - “Смотри, брат мой, какая здесь перемена”, - воскликнула королева в изумлении. “Твое серебро снова превратилось в пепел”.

“Не печальтесь, - сказал алхимик с видом высшей мудрости, - наука совершит новые чудеса с этими скучными атомами”.

Теперь он, как и прежде, поместил порошок в тигель и, взяв с полки нечто, похожее на обломок скалы, измельчил его в похожий порошок и смешал то и другое в тигле, который поставил на жаровню и подверг сильнейшему нагреву.

“Что ты теперь наблюдаешь?” спросил алхимик.

- Расплавленная светящаяся масса рубинового цвета, - сказала Элеонора с большим интересом.

Взяв в руку маленькую палочку, он поднял прилипшие частички и превратил их в тонкие, тонкие волосы, похожие на нити сияющей белизны, которые он подарил Агнессе, сказав с улыбкой: “Я подарю тебе эти хрупкие кристаллы, прекрасная; может быть, ты сохранишь их в память о безумном философе”.

С каждым днем английская королева все больше интересовалась обществом своей прелестной подопечной, чья жизнерадостность смягчалась мягкостью и тонкой разборчивостью, которые никогда не давали себя в обиду. Отрадно было наблюдать в воображении, вращенном поэтическими легендами Юга и дополненном великолепными вымыслами арабских романов, горячую любовь к правде и строгое следование ее предписаниям; и Элеонора с удовольствием видела, что ее самые игривые и занимательные выходки, хотя иногда и указывали на особенности окружающих, никогда не выдавали дурного настроения и не вырождались в сарказм. Ее красота и веселость невольно напоминали образ Евы; но доверие, которое внушала послушная еврейка, резко контрастировало с тревогой, которую всегда пробуждала прелестная, но непостоянная дочь Клэр.

Очаровательная Агнесса не только забавляла королеву своей живостью, но и давала ей ощущение покоя, любезно выполняя каждое предостережение, и своим очевидным желанием считаться с пожеланиями не меньше, чем с положительными приказами своей королевской благодетельницы, и особенно она завоевала любовь матери своим изящным вниманием к малолетней принцессе Беатриче.

В то время как Агнес была движима самой искренней привязанностью к своему отцу, она, казалось, благодаря счастливой доверчивости избегала участия в том мраке и заботах, которые с каждым днем все больше омрачали хмурое чело сицилийца.

Желая развеять, как она считала, его опасения относительно будущего благополучия его дочери, королева воспользовалась случаем во время одного из его визитов, чтобы заверить его в своей растущей привязанности к своей очаровательной подопечной.

“Твое великодушное участие к презируемому изгнаннику смягчает мою горькую участь, - сказал он, - но если бы несчастный Прочида мог заручиться влиянием милостивого монарха Англии в великом проекте, который преследует его, он почувствовал бы, что жил не напрасно”.

“Мой господин король всегда готов прийти на помощь несчастным, ” ободряюще сказала Элеонора, “и свободен от тех предрассудков, которые смущают более слабые умы. Если ты сочтешь нужным раскрыть свою тайну, его королева сама постарается исправить причиненное тебе зло.

— Прочида не стремится ни к возмещению нанесенного ему личного оскорбления, ни к восстановлению своего дома на острове; мой замысел таков, - сказал сицилиец, приближаясь к королеве и произнося низким голосом с ужасающей выразительностью, - *Месть!* - смерть печально известному Шарлю Анжуйскому!

Пораженная Элеонора не нашлась, что ответить, но в немом ужасе уставилась на мрачное и злобное лицо заговорщика.

- Да, - продолжал он, и его высокая фигура распрямилась от долго сдерживаемой и лелеемой страсти, - я подниму на ноги всю Европу, поведав о несправедливостях благородного дома Швабии.

“Я знаю, ” сказала королева, слова с трудом срывались с ее побелевших губ, “ какие беды причинила нашим кузенам Швабия безжалостная ярость гвельфов, но я не смею брать на себя обязанности их судьбы. Написано: ‘Отмщение мое, Я воздам за это, говорит Господь’”.

“Да, истинно, ” яростно ответил еврей, “ но как Господь воздает за отмщение? Разве это не рукой человека он навлекает возмездие на виновных? Разве он не повелел мечу истребить хананеев, мадианитян, ассирийцев и тех, кто досаждал его народу во все века? Кто может сказать, что он не вдохновил сердце и руку изгнанного еврея обратить свой гнев на гордого тирана Сицилии?”

“Ты”, - спросила королева. - Каким титулом *ты* заявляешь о своей верности этому падшему дому?

“ Я знаю, ” сказал Прочида, уязвленный ее замечанием, “ очень хорошо знаю, что ваша Святая Церковь отказывает сыну Авраама во всех нежных узах, которые связывают господина с его вассалом или вассала со своим господином. У него не может быть ни дома, ни земли, он не может жить в Иерусалиме, городе своих отцов, или быть похороненным в освященной земле. Его имущество становится добычей тирана, его невинные отпрыски — жертвами жестоких страстей; и все же ваши священники говорят: ”Будьте кроткими, будьте терпеливы, повинуйтесь заповедям того Евангелия, которое мы попираем ногами”.

Он остановился, пораженный сострадательным взглядом Элеоноры, которая впервые осознала безысходное горе несчастного народа.

“ Прошу прощения, благородная королева, ” сказала Прочида, смягченная ее нежной жалостью. “Если бы было больше таких, как ты, еврею было бы легче принять веру назарянина. Ты спрашивал, каким образом я следил за переменчивой судьбой Гогенштауфенов”. Более мягким тоном он продолжил:

“Еврей любит золото. Любит ли он что-нибудь еще? Да, до смерти своего друга. Император Фредерик был свободен от цепей суеверия. Христианин, сарацин или еврей пользовались равным расположением в его глазах, а ученость и гений не меньше, чем военная доблесть, были вознаграждены титулами и землями.

- Тогда знай меня, царственная особа, каким бы жалким и обездоленным я ни казался, как любимого врача императора, им же созданного графа де Прочида, повелителя прекраснейшего острова в Неаполитанском заливе.

ГЛАВА XII.

СУДЬБА ШВАБСКОГО ДОМА.

Мягкий климат юга и богатые и разнообразные пейзажи на берегах Арлансона приглашали Элеонору на долгие прогулки по пригородам Бургоса, и она находила величайшее наслаждение в наблюдении за меняющейся листвой, возвещавшей о приближении мягкой осени.

Недавние беседы с философом придали новое направление ее мыслям. Она испытывала доселе неведомое удовольствие, изучая различные аспекты природы и созерцая тонкое устройство, с помощью которого были созданы все эти прекрасные явления. Новые доказательства Всетворческого Разума ежедневно навязывались ей с особенной отчетливостью, и таким образом ее разум укреплялся против холодных, вкрадчивых сомнений, с которыми ее брат постоянно нападал на ее веру. Часто она настолько погружалась в размышления, что становилась нечувствительной ко всем внешним обстоятельствам, а ее фрейлины, освобожденные от ограничений придворного этикета, наслаждались непривычной свободой этих сельских прогулок. Элеонору часто отвлекала от ее умозрительных размышлений спортивная веселость их забав, и она с благожелательным удовольствием наблюдала, с каким тактом молодая еврейка уклонялась от любых расспросов, которые могли бы привести к раскрытию ее нации или положения, ни в малейшей степени не ставя под угрозу свою правдивость и не нарушая правил вежливости.

Во время одной из таких прогулок нищенствующий из ордена Святого Франциска подошел к королеве и попросил милостыню. Гладко выбритый подбородок монаха, коротко подстриженные волосы и ноги без сандалий поначалу полностью убедили ее в своей доверчивости, но его голос сразу же выдал Прочиду.

С обеспокоенным видом она дала ему несколько *денье*, словно желая избежать всяких переговоров. Но монах медлил и, помолчав, нерешительно заметил тихим голосом: “Я собираюсь покинуть Бургос и хотел бы посоветоваться с королевой перед своим отъездом”.

“Но зачем монашеское одеяние? Решил ли еврей покаяться в своих грехах?” - спросила Элеонора.

- Нет, - уклончиво ответила Прочидида, - если моя милостивая госпожа удостоит меня аудиенции, я открою ей цель, побудившую меня к этому переодеванию.

“Не могу сказать, - ответила королева тоном непривычного упрека, - желательно ли верить мне твои планы, поскольку я не могу поощрять обман и не хотела бы, чтобы твоя Агнес, столь невинная в коварстве, узнала, что ее отец с какой-то темной целью облачился в одежду, которую он терпеть не может”.

Слезы заблестели в глазах Прочиды, когда он ответил: “Ты говоришь хорошо и мудро. Милое дитя знает о тайных планах своего отца не больше, чем ангелы о темных деяниях демонов. Но...

- Я слышу голоса моих служанок, - нетерпеливо воскликнула королева. - не показывайся им на глаза.

- *Benedicite*, - пробормотал фальшивый священник, отворачиваясь, чтобы избежать пристального внимания приближающейся группы.

Но Прочидида был так полон решимости добиться одобрения царицы, что на следующий день попросил аудиенции во дворце.

“Моя царственная госпожа, - сказал он, - должна позволить мне еще раз отстаивать права прославленного дома Швабии, прежде чем я отправлюсь в свое паломничество, чтобы, если я никогда не вернусь, она могла оправдать мои поступки в глазах моей дочери”.

- Говори, - попросила Элеонора, тронутая печальной серьезностью его тона.

“У моего королевского господина Фредерика, ” начал еврей, - было мало причин любить церковь. Ненавидимый папой за то, что он сильной рукой заявил права на свои наследственные владения в Италии, он был отлучен от церкви за отказ от паломничества и снова проклят за выполнение своего обета; и если бы честный язычник Мелех Верблюд не был ему большим другом, чем христианские войска, которыми он был окружен, он погиб бы от измены в самом Святом Городе.

“Освобожденный от суеверий, он смотрел на все религии как на то, что они созданы для того, чтобы навязывать их простолюдинам; и именно благодаря его наставлениям я научился политике соответствия предрассудкам человечества и теперь пользуюсь привилегиями ордена, который бродит повсюду и везде хорошо принят.

“ Император, как и твой брат Альфонсо, был человеком науки. Он открывал школы на Сицилии, содержал бедных учеников из собственного кошелька и всеми средствами способствовал благосостоянию своих подданных; но он не мог избежать тягот, наложенных на него его злейшим врагом церковью”.

Когда он произнес эти слова, королева увидела в его глазах тот же мстительный огонь, который когда-то так поразил и шокировал ее.

- Прошу прощения, владычица, - сказал он, опомнившись, - но несправедливость хозяина почти свела с ума слугу.

“Его собственный сын Генрих, подвергшийся злобным нападкам папы римского, взбунтовался, а его прекрасный мальчик Энцио коротал свою юность в тюрьме Болоньи. Великий Фредерик умер, и его несчастная Прочида поклялась отомстить за него его убийцам”. Он на мгновение замолчал, охваченный эмоциями, а затем продолжил: “Еще оставались Конрад и Манфред: первый, единственный сын королевы Иерусалима, и второй, незаконнорожденный отпрыск сарацинки. Конрад отправился в Италию, чтобы предъявить права на свое наследство, но был отравлен папой римским; в то время как Манфред, собрав вокруг себя друзей своей матери, сражался за крепости и сокровища своего отца. Он был храбр, великодушен и благороден. Он заключил бы мир даже со своим врагом, но тиран Анжуйский отверг его попытки и оскорбительно ответил посланнику: ‘Иди, скажи султану Ночеры, что я желаю только войны, и сегодня же я отправлю его в ад, или он отправит меня в рай’. Он приготовился к столкновению. Когда он надевал шлем, тот дважды выскальзывал у него из рук. “Это рука Божья”, - воскликнул он и, предчувствуя свое падение, поспешил в бой. Я стоял рядом с ним в кровавой битве при Беневенто, и мы устроили истребление наших врагов; но роковое копье пронзило его мозг! Неумолимый д'Анжу хотел, чтобы бедный отлученный от церкви труп остался непогребенным, но французские солдаты, менее варварские, чем их хозяин, принесли каждый по камню и таким образом воздвигли ему могилу”.

- Не рассказывай мне больше никаких ужасов! - воскликнула королева с выражением болезненного волнения на лице.

-Ах! госпожа, - печально сказал хитрый Прочида, довольный тем, что его рассказ так тронул королевского слушателя, - ты опечалена, *услышав* об этих зверствах, но подумай о страданиях бедной дочери Фредерика, жены герцога Саксонского. Когда семья пала, герцог раскаялся в своем союзе с домом Швабии. От холодного пренебрежения и презрения он перешел к насилию — он жестоко ударил ее. Она, несчастная женщина, думая, что он покушается на ее жизнь, попыталась сбежать. Замок возвышался на скале, нависающей над Эльбой. Верный слуга держал на реке лодку, и по веревке она могла спуститься с крутого спуска. Мучительная мысль остановила ее шаги. Ее единственный сын спал в колыбели. Она еще раз прижмет его к своей груди. Она запечатлеет на его щеке свой последний поцелуй. С невыносимой болью она вонзила зубы в нежную плоть и убежала, преследуемая криками своего раненого ребенка. Ненадежная веревка выскользнула из ее рук, и обезумевшая мать упала, став еще одной жертвой обреченного рода Гогенштауфенов.

У маленького Коррадино, который должен был стать королем Иерусалима, тоже была мать, нежная и любящая, которая охотно увезла бы его из мрачной Италии, где вся его семья обрела гробницу; но прежде чем он достиг зрелого возраста, гибеллинские города воззвали к нему за помощью, и никакие мольбы не могли удержать доблестного юношу. В сопровождении своего лучшего друга Фредерика Австрийского и отряда рыцарей он перешел Альпы, чтобы предъявить права на свое наследство. Была битва — было поражение — был пленник — Наместник Христа, проявил ли он милосердие? Он написал д'Анжу: "Жизнь Коррадино - это смерть Чарльза". Были назначены судьи, что было странным и неслыханным процессом; но некоторые из них защищали Коррадино, а остальные хранили молчание. Один-единственный признал его виновным и начал зачитывать приговор на эшафоте. Но возмущенная природа заявила о своих правах, собственный зять д'Анжу вскочил на эшафот и сразил бесчеловечного судью одним ударом меча, воскликнув: 'Не подобает такому негодяю, как ты, приговаривать к смерти такого благородного и кроткого сеньора'. Но казнь продолжалась. Я стоял среди зрителей бритым священником, *соблюдающим постановления церкви!* Я услышал жалобное восклицание несчастного юноши: 'О мать моя, какие печальные вести принесут тебе о твоём сыне'. Его взгляд встретился с моим, он снял с пальца кольцо и швырнул его в толпу. Я схватил драгоценный камень и повторил свою клятву мести. Верный Фредерик Австрийский стоял рядом с ним и первым получил смертельный удар. Коррадино подхватил падающую кровоточащую голову, прижал свою к дрожащим губам и погиб, как и его друг. "Милые и приятны в своей жизни, в смерти они не были разделены".

Слезы на мгновение погасили огонь в глазах старика, и Элеонора заплакала от сочувствия. — А Энцио?... - печально спросила она.

“Энцио все еще томился в тюрьме, хрупкий мальчик, кумир своего отца-императора. Я добрался до Болоньи, подкупив его охрану золотом. Под рукой была пустая винная бочка, я поместил его в нее и благополучно довел до ворот. Единственная прядь волос выдала мою тайну. ‘Ха!’ - воскликнул часовой. "Только у короля Энцио такие красивые светлые волосы". "Я с трудом спасся, но мальчик был убит".

- Там не живет кто-нибудь из всего королевского дома? - спросила королева.

“Фредерик Укушенный жив, смертельный враг своего отца, а дочь Манфреда - жена принца Арагона. Я ношу кольцо для нее. Сарацин, слуга императора, приписывает ему магические

свойства. Это будет талисманом, который объединит Европу в союз против печально известного д'Анжу”.

“ Брат мой! он знает о твоих намерениях? - с опаской спросила Элеонора.

“Я прибыл в Кастилию, чтобы заручиться его поддержкой, и посвятил себя практике алхимии, чтобы завоевать его доверие; но философ слишком увлечен наукой о простых атомах, чтобы вмешиваться в политическую борьбу”.

“Слава богу! что благодаря занятиям он не пролил человеческой крови”, - воскликнула королева. - Хочешь со мной? - спросила она после паузы, заметив, что еврей молчит, не сводя с нее глаз.

“Пусть моя милостивая королева простит своего слугу за то, что он так долго задерживал ее своим ужасным рассказом. Кое-что я хотел бы добавить относительно моей милой Агнессы. Не называйте ее еврейкой. Ее отец давно отрекся от обременительных обрядов иудаизма, а ее мать ... достаточно сказать, что она была похожа на английскую королеву. Хотя я и не верю благочестивым басням священников, они, казалось, успокоили ее кроткий дух. Поэтому, молю тебя, позволь Агнес поучиться вере ее матери ”.

“К твоим желаниям будут строго прислушиваться, - ответила Элеонора, - и пусть тот же мир, которого ты желаешь для своей дочери, найдет путь в твою собственную беспокойную грудь”.

ГЛАВА XIII.

ПЕРЕВОД БИБЛИИ.

Каждый раз, когда королева посещала лабораторию Альфонсо, он знакомил ее с каким-нибудь новым фактом из философии или с каким-нибудь новым методом алхимии, которые пробуждали любопытство и давали повод для расспросов. Испанский король, сделавший некоторые открытия на опережение своей эпохе, впал в популярную ошибку философов, заключающуюся в отрицании всех устоявшихся доктрин и максим. Выдвинув теорию о том, что материя вечна, а все внешние проявления являются результатом естественных изменений, он прилагал бесконечные усилия, чтобы объяснить все явления так, чтобы они не противоречили этому утверждению. Непредвзятый ум Элеоноры часто замечал в его утверждениях расплывчатость выражений, которая сошла за аргумент, но, очевидно, произвела впечатление не столько на его слушателей, сколько на него самого.

“Природа, ” сказал он, “ выстраивает свою работу по кругу: отсюда небо - купол, земля - выпуклый шар, а каждый мельчайший атом имеет шаровидную форму. Времена года вращаются по своему бесконечному кругу, и как кольцо не имеет ни начала, ни конца, так и материальная вселенная должна быть вечной. Желудь вырастает в дуб, и дуб снова производит желудь; все внешние проявления - всего лишь детали великой вселенской машины”.

Элеонора, внимательно изучавшая гениальное изобретение короля, прервала эту тираду, заметив: “За несколько месяцев до того, как я покинула Англию, я посетила келью брата Бэкона

в Оксфорде. Но я не видел в его лаборатории ничего более любопытного и замечательного, чем эта работа моего брата”.

Философ, польщенный похвалой, сразу же повернулся, чтобы продемонстрировать конструкцию машины. Она следила за его объяснением с величайшим явным интересом; и когда он закончил, ответила: “Во всех этих любопытных приготовлениях я прослеживаю мудрость моего брата; и это доставляет мне величайшее удовольствие; и когда я вижу благие цели, для которых все это задумано, я испытываю более глубокое почтение к уму, который смог так искусно спланировать”.

Она взяла букет цветов из рук Агнессы и подошла к королю. “Я наблюдала, ” сказала она, “ за любопытным расположением этих хрупких листьев: пять зеленых опор, пять желтых лепестков, пять тонких нитей и один центральный шпиль. Я собрал их тысячи во время своих прогулок, и в каждом из них встречается одно и то же совершенное число. Это привело меня к вопросу, не похожа ли природа на моего брата-математика ”.

Выражение лица Альфонсо показывало, насколько близко к сердцу пришлась простая истина этого предложения. “Природа, - сказал он, - это активный принцип, изменения которого добавляют и не умаляют изначальной материи Вселенной. Металлы, ” продолжил он, видя, что она собирается ответить, “ металлы, моя сестра-философ, составляют основу всего сущего. Я обнаружил железо в человеческой крови и блестящее вещество, подобное тому, что ты видел в обычном пепле; поэтому алхимики верят, что золото, самое драгоценное из всех, рассеяно по природе, как семена растений рассеяны по земле, и требуются только соответствующие газы, чтобы развить его и сделать обильным, как галька на берегу ”.

“И эти газы смогли произвести желаемые изменения?” - спросила королева.

“На пути этих важных исследований стоят бесчисленные препятствия”, - сказал энтузиаст. “Природа сопротивляется вторжению в свои тайны, и я с прискорбием должен сказать, что мы пока не смогли добиться определенного результата. Наука добилась лишь получения газов, в то время как остается еще более приятная проблема — смешать их в нужных пропорциях при нужных температурах; ибо зарождающийся металл более хрупок, чем зародыш растения, и избыток тепла или холода разрушает подобно морозу или гнили ”.

“Ах, я!” - сказала Элеонора со вздохом. “Боюсь, что прежде, чем эта великая цель будет достигнута, мой брат скончается, и тогда весь этот труд и исследования будут напрасны”.

“ Сестра моя, ” сказал Альфонсо, бросая свои труды и усаживаясь, “ ты бессознательно задела занозу, которая глубоко сидит в моей груди. В природе ничто не кажется созданным напрасно; даже разложение порождает новую жизнь, и только человек, венец всего, кажется созданным без всякой цели”.

- Иногда я думала, - сказала Элеонора, словно отвечая на свои собственные размышления, а не на замечания брата, - что человек, возможно, был создан для удовольствия более высокого порядка разума, подобно тому как низшие уровни творения, похоже, созданы для нашего удовольствия, и что все наши несчастья проистекают из попытки помешать этому плану.

“ Если твоя мысль не является истинным решением судьбы человека, я не знаю, какой цели она служит в великом плане существования, ” печально ответил Альфонсо. “ Я прошел через

различные превратности судьбы, от величия земного положения до нищеты тюрьмы, и я получал больше удовольствия от достижений науки, чем от всех моих наследственных почестей. И все же даже это не удовлетворяет стремлений моей натуры”.

“Священное Писание учит нас, что высшие разумные существа находят удовольствие в том, чтобы приносить пользу смертным; и действуя в соответствии с этим намеком, добрые научили нас, что для того, чтобы быть благословленными самим, мы должны стремиться благословлять других”, - сказала Элеонора.

“Верно, ” ответил философ, вновь вспыхивая прежним энтузиазмом, “ иногда я находил облегчение от скуки своих мыслей в размышлениях о том, что науки, которыми я занимаюсь, однажды будут осуществлять более широкий и совершенный контроль над судьбами человеческого рода, чем все военные ордена, поддерживаемые санкцией церковных постановлений. Наука откроет дверь Искусству; и ее победоносное потомство в череде искусных изобретений пройдет сквозь долгие века, разрушая суровые барьеры королевств и объединяя человечество в общих интересах; война уступит место полезному Труду, а Наука, в свою очередь, отменяющая труд, удовлетворит потребности человеческой расы, одним касанием достигая того, что требует мощи тысяч. Тогда у мужчин будет свободное время, чтобы совершить обряды, приподнимающие покров Исиды, и, возможно, они найдут способ *подвергнуть сомнению Природу* даже в самых сокровенных уголках ее храма ”...,,

“О! жизнь! жизнь! ” воскликнул философ с оттенком отчаяния. “ Почему ты так краток? Почему я должен умереть, так и не открыв возвышенных сил?”

Элеонора ждала в сострадательном молчании, пока ее брат не продолжил более спокойным тоном: “Не считай меня сумасшедшим, сестра моя. Если слабые попытки заключенного короля и монаха-заточенца могут привести к чудесным результатам, свидетелем которых ты был, то каким будет конец, когда люди, свободные для проведения этих исследований, получат богатый гердон славы и денежного вознаграждения? Возможно, ты слышал о маге Альберте Магнусе, который соорудил человеческую фигуру, исполнявшую обязанности слуги; и о глупом священнике Фоме Аквинском, который, встревоженный появлением автомата, открывшего дверь и с церемонным почтением впустившего его внутрь, одним ударом разрушил дело многих лет”.

- Я могу простить его ужас, - сказала Элеонора, - потому что хорошо помню свой собственный испуг, когда бронзовая голова, созданная братом Бэконом, покатила по столу ко мне и с поразительной отчетливостью произнесла “*paх vobiscum*”.

“Альбертус Магнус выполнил еще более удивительную работу”, - продолжал Альфонсо. “На банкете, который он давал в саду своего монастыря в разгар зимы, появились деревья, покрытые листьями и цветами, которые исчезли, словно по волшебству, когда гости встали, чтобы разойтись”.

“ С помощью каких средств были созданы эти замечательные произведения? - с удивлением спросила Элеонора.

“Способ этой операции мне неизвестен”, - ответил философ. “Несомненно, с помощью некоторых могущественных средств, которые алхимия открывает своим приверженцам”.

- А что ты считаешь главным действующим лицом во вселенной? - спросила Элеонора с видом человека, ищущего истину.

- Природа, - решительно возразил философ.

- А моему брату не будет больно, если его необразованная сестра назовет именем Бога того великого посредника, который приносит цветы и листья на деревья в свое время?

“Конечно, это имя ни на что не повлияет, - ответил Альфонсо. - и если твой священник потребует от тебя этого, не греши против него, придерживаясь более либеральных взглядов”.

“И если невежественные массы, которые не могут быть просвещены твоими теориями, удерживаются от порока мыслью, что Всеведущее Существо следит за их действиями, было бы хорошо освободить их от необходимого надзора?” - спросила его сестра.

“Несомненно, человеку полезно воздерживаться от зла спасительным страхом, пока он не достигнет более возвышенных способностей”, - ответил Альфонсо.

- И я желаю, - осторожно предположила Элеонора, - выполнять эту благотворную потребность до тех пор, пока твоя божественная философия не станет достаточно совершенной, чтобы изменить их характер.

- Какой священнический план у тебя в руках? - спросил ее брат, глядя на нее с веселым любопытством.

“Ты знаешь, как нежно я люблю кастильский язык, ” ответила королева, “и я хотела бы, чтобы мой брат увековечил свою славу тем, что принесет пользу его подданным. Вид твоих еврейских писцов навел меня на мысль, что тебе было бы легко раздобыть перевод Священных Писаний на наш родной язык”.

Философ некоторое время хранил молчание, а затем ответил: “Знаешь ли ты эффект от предлагаемых тобою мер?”

“Я полагаю, - ответила Элеонора, - что это сделает твой народ более добродетельным и счастливым и, - добавила она, помня о его слабости, - подготовит их к восприятию всего дополнительного света, к которому могут привести твои исследования”.

“Будет еще один эффект, которого ты, возможно, не ожидаешь”, - ответил Альфонсо. “Это свергнет власть священства; ибо, поскольку сейчас каждый человек спрашивает своего духовника о своем долге, он, если сможет прочесть хваленые оракулы, будет претендовать на право толковать их самостоятельно. Но твой эксперимент будет опробован, и теперь я думаю, что те ученые писцы, которых *наш великодушный сын Санчо* разрешил нам нанять для переписывания законов Испании на язык Кастилии, будут переданы под твое руководство для выполнения этой важной работы”.

Таким образом, цель, о которой Элеонора так долго и терпеливо молилась и которую планировала, продвигалась под покровительством человека, притворявшегося, что презирает истины, которые он все же снизошел до распространения; и пока философ придавал критическое внимание правильности работы, он нашел свободное время, чтобы завершить свои астрономические таблицы и приступить к первой всеобщей истории Испании.

ГЛАВА XIV.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ.

На смену однообразной зиме, которая из-за отсутствия галантных кавалеров стала вдвойне утомительной для дам королевского двора, пришла теплая весна. Любимое пристанище Элеоноры на берегу шумного ручья, который, сбегая со своей ледяной цепи среди холмов, спешил прочь по ущелью, подпрыгивая, чтобы заключить нависающую скалу в свои дикие объятия и осыпая серебряными брызгами плакучие ветви, окаймлявшие его берег, снова покрылось зеленым мхом и было задрапировано ярким майским убором.

С этого романтического места открывался вид справа на город Бургос, построенный на склоне холма, а слева - на цветущую тропинку, ведущую вдоль берега ручья, который она пересекала по пешеходному мостику, взбиралась по утесу, пока не выходила на обширные равнины, простиравшиеся на запад и предоставлявшие богатые пастбища многочисленным стадам, которые питались пышной травой.

Однажды солнечным днем Элеонора, глубоко погрузившись в рассказанную братом историю правления их отца, Фердинанда Святого, позволила девушкам под защитой оруженосцев и пажей взобраться на запретный утес, который с тех пор, как начал принимать летний вид, был сильным искушением для них. Занятая своей рукописью, она не замечала течения времени, но случайный звук веселых голосов, гармонично сливавшийся с приятными размышлениями, наполнявшими ее разум, вселял в нее чувство безопасности и умиротворения. Был почти закат, когда она закончила свою работу, и холодная роса напомнила ей о позднем часе; но когда она подняла глаза, поблизости не было ни одного человеческого существа. Паж-страж, воспользовавшись рассеянностью своей госпожи, прошел по мосту и поднялся на холм вслед за своими спутниками, и королева начала беспокоиться, что легкомысленная компания отложит свое возвращение до наступления темноты, которая увеличит опасность горной тропы. Она смотрела во все стороны и напряженно прислушивалась к каждому звуку. Ветерок шелестел ветвями, река журчала на своем пути, но все остальное было тихо. Внезапно она увидела на краю утеса, скалы которого отвесно спускались к кромке воды, своих служанок, спешащих на помощь ягненку, который, отбившись от попечения пастуха, напугал эхо своими жалобными криками. Агнес шла впереди, и когда она, спотыкаясь, шла, не замечая бездны, которую скрывала от ее взора свисающая листва, и прижимала заснеженного подкидыша к своей прелестной груди, ее хрупкая фигурка, купающаяся в ярком золоте западного неба, казалась воплощением ангела милосердия. С радостным криком ликования она повернулась, чтобы показать свою добычу, когда ненадежная земля подалась у нее из-под ног, и со своей пушистой ношей она упала в ручей, почти напротив того места, до которого только что добралась королева, затаившая дыхание от тревоги. Крики беспомощного ужаса сотрясают воздух. Оруженосцы побежали каждый в свою сторону, надеясь найти какую-нибудь точку, с которой они могли бы спуститься со скалы, в то время как бедная девушка быстро плыла вниз по течению, поднимаясь и опускаясь вместе с набегающими волнами. Быстро, как мысль, Элеонора схватила упавшую ветку, лежавшую на берегу, и протянула ее себе на выручку. Тонущая Агнесса ухватилась за него одной рукой, и королева с большим усилием вытащила ее

почти на берег, когда хрупкая опора подломилась, и бешеные воды снова окутали ее фигуру. Когда она начала тонуть, животное вырвалось из ее рук и выбралось на берег.

“ Спаси ее! О милосердный Боже, спаси ее! - воскликнула Элеонора, в агонии сжимая руки. В этот момент одинокий пешеход повернул за угол, приблизился и, привлеченный криком бедствия, ускорил шаг. “Там! там! ” воскликнула королева, отчаянным жестом указывая на то место, где исчезла Агнесса. Не говоря ни слова, незнакомец бросил на землю свой посох и плащ и нырнул в ручей. Нохищный прилив унес ее за пределы его досягаемости. Он продолжал плыть, разгоняя волны сильной рукой, то исследуя глубину, то осматривая взъерошенную поверхность, пока не убедился, что все усилия тщетны, и остановился среди бурлящих водоворотов, словно не решаясь искать берег или продолжать бесплодные поиски. В этот момент в воде перед ним блеснула маленькая светлая рука, тщетно цепляющаяся за ленивые волны, словно тянувшаяся к сломанной тростинке, которая так обманула его надежды. Он схватил крошечную ручку в свою, поднял тонущее тело и, воодушевленный радостью успеха и криками тех, кто в шумной спешке приближался, несколькими взмахами своей мощной руки достиг берега. Все руки были протянуты ему на помощь; но незнакомец не обратил внимания на предложенную помощь и, опустившись на колени на бархатный дерн, сжал бесчувственное тело в своих объятиях и посмотрел на лицо, которое так неподвижно лежало у него на груди, с немой тревогой, которая делала его черты почти такими же жесткими, как те, на которые он смотрел. В то время как баланс, таким образом, колеблется между жизнью и смертью, каждый голос нем и каждое дыхание подавлено. Королева неподвижно нависает над своей потерявшей сознание фавориткой, а слуги стоят, застывшие и парализованные сомнением и страхом, пока внезапный проблеск удовлетворения не озаряет лицо незнакомки, и слабый вздох не вырывается из груди Агнессы. “Боже мой, я благодарю тебя!” - пылко восклицает Элеонора, в то время как каждый кадр расширяется от полного глубокого вдохновения возвращающейся надеждой. Но незнакомец властным взмахом руки пресекает все попытки избавить его от очаровательной подопечной. Нежно он убирает длинные шелковистые локоны, которые прилипли к его руке, нежно приподнимает ее голову, чтобы уловить дуновение ветерка, овевающего ее бледную щеку, и только когда возвращающаяся жизнь затрепещет в томных веках, прижимаясь губами к ее белоснежной руке, он передает ее королевской особе. Девушки тотчас столпились вокруг, одни плакали, другие смеялись от избытка тех же чувств, стремясь помочь привести в чувство свою прелестную подругу, а оруженосцы и пажи занялись сооружением носилок из веток, на которых Агнессу перенесли во дворец.

Тем временем невинная причина катастрофы, дрожа, припала к ногам королевы, которая сочувственно приказала одному из слуг отнести ее вперед; и таким образом, пока вечерние тени окутывали пейзаж, опечаленная компания вернулась на улицы Бургоса. В общей суматохе странный избавитель исчез, и никто не знал, куда он направился; но дамы не были настолько поглощены своим беспокойством, чтобы не заметить его благородную фигуру и царственную осанку; и Элеонора вспомнила, что его лицо было необычайно красивым, хотя и отмеченным заметным шрамом на правой щеке.

ФРЕДЕРИК УКУШЕННЫЙ.

Легкое недомогание, последовавшее за несчастным случаем, который едва не оказался смертельным для молодой еврейки, не сопровождалось опасными симптомами, и девушки развлекали ее выздоровление предположениями о ее таинственном избавителе. Их любезности приобрели новую остроту, когда они обнаружили, что румянец, не менее чем уклончивый ответ, соответствовал их повторному предсказанию о том, что незнакомец однажды вернется, уже не простым рыцарем, а благородным лордом или могущественным принцем, и предъявит права на прекрасную руку, на которой запечатлел свой прощальный поцелуй. Так проходили недели, и это дело, наконец, перестало быть всепоглощающей темой для разговоров: обитатели дворца вернулись к своим обычным занятиям и предались своим обычным прогулкам.

Элеонора часто получала от своего мужа депеши самого удовлетворительного характера. Христианское оружие повсюду успешно сражалось с маврами, и король Арагона добавил к своим прежним завоеваниям Майорку и Валенсию, а также многочисленные замки и церкви, отнятые у неверных. Эдуард предложил вернуться морем в Бордо, где назначил королеве встречу с ним в течение следующего месяца.

Но новости, которые она получила из Прочиды через посла, который просил частной аудиенции, вызвали более волнующий интерес, чем могли пробудить даже дела их собственного королевства. При виде незнакомца она узнала спасителя Агнес, и ее первым побуждением было поблагодарить его за великодушие, проявленное в интересах ее прекрасной подопечной. Но серьезная официальность его манер сдерживала изящную снисходительность. Он казался всего лишь доставщиком письма, и она приветствовала его просто как посланца Прочиды, и, полагаясь на его репутацию, она приступила к ознакомлению с депешей в его присутствии.

Послание от еврея начиналось внезапно, без даты. В нем королева была ознакомлена с рангом и титулом его носителя, “Фредерика Укушенного”, герцога Саксонии, внука прославленного императора Германии, и удостаивала его своей любезности как жениха юной Агнессы. Прочида мрачно намекал на переговоры и заговоры, которые, как он верил, приведут к освобождению его страны, но ближе к концу послания *отец* одержал победу над *заговорщиком*, и выражения отцовской любви сменили тон мести на оттенки нежности и опасения.

“Я беспокоился, мой царственный друг, - сказал он, - теперь, когда суровая зима смягчилась более мягким дыханием, мне не терпелось написать тебе и адресовать несколько благодарственных строк, как первым плодам весны. Но скорбная весть предвещает мне новые бури; мои песни тонут в слезах. Напрасно улыбаются небеса; напрасно сады и рощи внушают мне несвоевременную радость, а ответный птичий концерт искушает меня возобновить мою собственную. Я не могу смотреть сухими глазами на приближающееся опустошение моей доброй кормилицы Сицилии. Что я выберу для нее, ярмо или честь? Я вижу, что в суматохе восстания должно погибнуть множество ее невинных детей. Должен ли я тогда оставить ее во власти тирана? Неужели наш прекрасный Палермо будет осквернен чужаками? Будет ли могущественная и благородная Мессина покоиться в покое с ногой своего угнетателя на своей шее; или я, притворяясь мирным, организую войну, побуждающую Сицилию и весь мир к

мести? Мсть! при этом слове все мысли о жалости и нежности покидают меня.

Концентрированная ярость Этны, кажется, воюет в моей груди; она вздымается при виде страданий моего несчастного народа. Остров полон приготовлений против греков: но разве, когда меч будет обнажен, не вонзится он в грудь того, кто высасывает жизненную кровь из своих беспомощных подданных?

Но в этот час Прочида может погибнуть, и королю Арагона не удастся восстановить сестру Манфреда в ее древних правах. Тогда от швабского дома останется только 'Фредерик Укушенный'. Если дочь Прочида поддержит его иск, задержите его до тех пор, пока не пройдут *"Мартовские иды"*, поскольку с Фредериком умрет последняя надежда Гогенштауфенов.

Элеонора закрыла письмо и на мгновение задумалась над его содержанием. На план Прочида, направленный на то, чтобы отвлечь Фредерика от надвигающегося конфликта на Сицилии, она с готовностью согласилась, но ее проницательному восприятию сразу же стала очевидна трудность управления столь деликатным делом. Однако, когда она ловко попыталась вытянуть из молодого герцога информацию о целях Прочида, ее опасения рассеялись, когда выяснилось, что дело было спланировано таким образом, что от нее не требовалось ни просьб, ни уверток, поскольку коварный еврей взял с молодого аристократа обещание, что он проведет год при дворе своего кузена Эдуарда, прежде чем потребовать руки Агнес. Прочида действительно не оставила герцога в неведении относительно его конечной цели, но она побудила его ожидать ее достижения в гораздо более отдаленные сроки, чем те, которые были указаны в письме, и Фредерик, следовательно, не испытывая беспокойства по поводу немедленного возвращения на Сицилию, с готовностью принял приглашение королевы составить часть королевского эскорта в Бордо.

Прощаясь с братом, Элеонора утешилась мыслью, что он занят более полезным занятием, чем трудные исследования тайн природы, которыми она застала его занятым. Она также испытала удовлетворение, узнав, что свергнутый монарх отложил все свои амбициозные планы по созданию империи и теперь был занят подсчетом огромной выгоды и славы, которые принесут человечеству кастильская литература, которую он готовил. Они сердечно попрощались, и в сопровождении двух своих прекрасных детей, Беатриче и Беренгари, своих служанок и сопровождавших их оруженосцев, а также небольшого отряда испанских кавалеристов, среди которых ехал герцог Саксонии, она отправилась на встречу со своим господином в Аквитанию. В добродушном обществе королевы и ее фрейлин, чье настроение было приподнято упражнениями и происшествиями путешествия, Фредерик, казалось, вдохнул атмосферу, к которой он был непривычен и которая способствовала оживлению его обычной серьезности и развитию более мягких качеств его от природы великодушного характера. Девушки забавлялись постоянными намеками на счастливое исполнение своего предсказания, и остроумие прекрасной Агнессы подверглось суровому испытанию, когда она встречала и парировала их игривые выпады. Любезные знаки внимания герцога были так беспристрастно распределены между дамами, что даже ревность сама по себе не могла найти повода для жалоб; и все же только голос Агнессы имел силу вывести его из частых мечтаний, и когда он заговорил, его взгляд инстинктивно обратился к ней, чтобы прочитать на ее лице одобрение или несогласие. Дисциплинированный в школе невзгод, он проявил силу и суровость характера, смягченные задумчивой нежностью, которая показывала, что обиды его матери вызвали в его сердце чувство сочувствия к страданиям, которые заставляли его колебаться вовлекать свою страну в истребительные войны, которые, как он предвидел, последуют за возобновлением борьбы

между гвельфами и гибеллинами; и хотя он испытывал восторженное восхищение пылкостью и рвением Прочида, все же беспринципный еврей, который изучал характер всех, кого он встречал, ссылаясь на их доступность в приближающемся кризисе слишком точно оценил честность молодого дворянина, чтобы попытаться вовлечь его в темный заговор с целью свержения д'Анжу. И все же он любил герцога как потомка своего великого покровителя и чтит его за те качества, которых сам чувствовал себя лишенным; и поэтому скорее с чувством радостной безопасности, чем из гордости за княжеский союз, он согласился отдать свое единственное сокровище человеку, который меньше всего сочувствовал единственной цели его жизни.

Королевская свита прибыла в Бордо за несколько дней до прибытия короля Англии, и в эти часы досуга Фредерик раскрыл королеве тайну своего первого появления в Бургосе.

Прочида поручила ему доставить депеши для короля Арагона; и, чтобы выполнить свое поручение с большей секретностью и в то же время насладиться свободой горного уединения, он путешествовал без свиты и знаков отличия. Таким образом, он неторопливо шел вдоль берега ручья, приятно общаясь со своими мыслями, когда крики Элеоноры привлекли его внимание как раз вовремя, чтобы спасти Агнес из водяной могилы. Время настолько изменило ее обаяние, что поначалу он не узнал в стоявшем перед ним прекрасном существе того прелестного ребенка, которым привык восхищаться в замке ее отца в Прочите; но когда первый румянец возвращающейся жизни озарил ее лицо, его восхищение уступило место более глубокому чувству, и с этого часа он решил возложить герцогскую корону Саксонии к ногам прекрасной дочери Сицилии.

Возвращение королевской семьи стало эпохой в анналах процветания Англии, судя по количеству ценностей, ввезенных из Испании. В каталоге королевской посуды упоминается хрустальная вилка, прощальный подарок ее брата Альфонсо, от которого зародилось первое представление об этих предметах столового роскошества: но ягненок, который едва не стоил жизни Агнес, принес пользу нации, ценность которой невозможно оценить; и у пастуха из Котсуолда по сей день есть основания благословлять королеву, подарившую заветное домашнее животное английскому стаду.

Во время своей южной кампании король Эдуард заключил союз между своей старшей дочерью Элеонорой и Альфонсо, молодым принцем Арагона. Следующая сестра, Джоанна Акрская, которая больше всего походила на свою мать красотой и силой характера, примерно в то же время вышла замуж за первого пэра королевства, Гилберта рыжего графа Глостерского, а третья дочь была выдана замуж за Джона, герцога Брабантского. На этих бракосочетаниях королева преподнесла каждой из невест золотую чашу благословения, на которой были написаны соответствующие отрывки из Священного Писания; и хотя из-за обещания Фредерика ее отцу обручение между ним и Агнесой тогда не могло состояться, Элеонора преподнесла своей прелестной подопечной аналогичный подарок со словами: "Ты была для меня как дочь".

ГЛАВА XVI.

ПИСЬМО ПРОЧИДЫ ДОНУ ПЕДРО, КОРОЛЮ АРАГОНА.

* * * * * “ Ты говорил мне в Арагоне, что возвращение Сицилии дому Швабии было химерой обезумевшего мозга; что сильная рука церкви будет поднята, чтобы сокрушить гибеллинов в их последней битве; что золото было нужно, чтобы подкупить солдата, чтобы он обнажил меч во имя обреченного народа, и что врагов Карла Анжуйского нельзя было заставить действовать сообща против их общего врага. Вспомни теперь жестокие слова, которые изгнали Прочиду от твоего двора, нищий: *“Победи эти невозможности, и флот Арагона будет готов подтвердить притязания дочери Манфреда на трон Сицилии”*. Подстрекаемый насмешливым обещанием, нищенствующий странствует по Сицилии. Теперь, товарищ сборщика налогов, он выжимает последние драхмы из тяжелой руки тяжелого труда, а теперь вместе с агентами тирании прячет шкуры оленей в хижинах крестьян, а затем грабит козопаса в наказание за проступок. Таким образом, он слушает и наблюдает. Таким образом, он дергает за цепь, которая гноится в их усыхающей плоти, чтобы показать своим соотечественникам их рабство. Вскоре, *пастух* или *скотовод*, он пересекает долину или взбирается на скалу, присоединяется к толпе молодежи, которая украдкой резвится под горным орехом чеснок, или смешивается с раздосадованными вассалами, ожидающими воли своих суверенов, и шепчет на ухо каждой ропщущей душе: ‘Мститель за Манфреда несет вахту Свободы в пещере леса Палермо’. На закате, *путешественник*, он ищет место встречи: земледелец возвращается в свой коттедж, его жатва лениво свисает с руки, француз собрал зерно со своего поля. Пастух гонит свои мычащие стада по листву — у коров и коз отняли их детенышей, а с блеющих арендаторов загоня содрали их ворсистые одежды. Крестьянин из Хиблы возвращается, оплакивая рой, который ветер унес за пределы его владений, но еще больше — запасы меда, которые во время его отсутствия рука разорителя похитила с его незащищенной пасеки. С виноградаря не доносится ни звука — виноделы переступили порог винного пресса, но рубиновый ток струится в кубках, которые оживляют банкеты их зарубежных хозяев. О мой народ, сицилийцы! Слушайте того, кто шепчет на ухо каждому: ‘Унеси свои обиды в пещеру Палермского леса’. Они приходят — варвары, арабы, евреи, норманны и немцы — те, кто радовался терпимому правлению швабов, те, кто пострадал от французского тирана — Этна стонет в предчувствии грядущего возмездия и тысячью языков пламени призывает виновного угнетателя предстать перед алтарем перед “судом Божьим”.

* * * * * “Судно отплывает из Брундузия, моряки, отважные калабрийцы, распускают паруса и терпеливо берутся за весла; но среди них есть *один*, который никогда не покидает своего поста, ни в штиль, ни в шторм — одна мысль придает силы его железной руке; и хотя он презирает ребяческих бисероплетцев, он почти молит Бога ветра ускорить его движение. Если греческий император откажется от его помощи — *он* скажет ему это, что заставит его задрожать за свой трон и вынудит золото из сопротивляющейся казны. Хитрый Палеолог колеблется, но приходит в ужас, когда Прочиди сообщает ему, что Венеция предоставила свои корабли Д'Анжу, и другой Дандоло уже отправился в *Пятый крестовый поход*! Грек в отчаянии восклицает: “Я не знаю, что делать”. “Дайте мне денег, — отвечает *моряк*, — и я найду вам защитника, у которого нет денег, но есть оружие”. Михаил Палеолог открывает свои сокровища и удовлетворяет даже жажду еврея к золоту. Больше всего Палеолог желает полного примирения с папой; больше всего Прочиди желает встречи с суверенным понтификом.

Галера возвращается быстрее; и посол Греции стоит на носу, облаченный в придворные одежды; но с не меньшей тревогой он следит за ветрами и волнами, которые возвращают его в Рим. Слабый Николас трепещет при мысли о грандиозном предприятии, но Прочиди поняла амбиции старика относительно своего дома. Он напоминает ему ответ Д'Анжу, когда папа

предложил брак между его дочерью и сыном Шарля: 'Неужели Николас воображает, что из-за того, что он носит красные чулки, кровь Орсини может смешаться с кровью Франции?' Жгучее воспоминание о насмешке определяет позицию понтифика, и договор с Палеологом передается в руки посла. Смотри теперь, король Арагона, "*Невозможное побеждено*", и ты связан самым обетом своего неверия "*подтвердить притязания дочери Манфреда на трон Сицилии*".

Прежде чем письмо Прочиды дошло до дона Педро, папа Николай умер, и Карл проявил достаточный интерес к коллегии кардиналов, чтобы добиться избрания одного из своих приближенных на Святой Престол.

Эти события омрачили горизонт сицилийцев, но бесстрашный дух Прочиды превзошел такой тревожный поворот событий. Хотя он знал, что Карл был ознакомлен с его замыслами, он остался на острове, тайно соединяя звенья заговора и объединяя противоречивые интересы различных слоев населения в нерасторжимый союз для свержения иностранного гнета. Пещера в лесу Палермо была завалена вязанками хвороста, в которых было спрятано оружие, которое жители выковали в тайне и в темноте, ибо по запрещению французов ни одному сицилийцу не разрешалось носить оружие. Великий заговорщик хорошо знал сицилийский характер, пылкий, веселый, сладострастный, — он с присущей ему проницательностью выбрал время, когда прекрасный остров, радующийся пышности цветения, приглашает своих детей насладиться ее прелестями; когда долгое воздержание Великого поста заканчивается, чувства, оживленные мясом и вином, переходят от истомы к наслаждению роскошью и упоению страстью. Пасхальный понедельник, 30 марта 1282 года, озаряет Сицилию прекрасным предвкушением праздничного дня. Жители Палермо смотрят друг на друга украдкой, со сдержанным нетерпением, и готовятся к ежегодному *празднику* с деловитым рвением, в то время как иностранцы, встревоженные собирающимися толпами, приходят вооруженными, чтобы помочь украсить гирляндами саму церковь Божию.

На закате жених и невеста в сопровождении всех жителей города, как мужчин, так и женщин, поднимаются на прекрасный холм Монреаль, чтобы принести свои обеты у алтаря Пресвятой Девы: предатель шепчет предупреждение: "У сицилийцев руки спрятаны под одеждами". Предводитель французов бросается вперед и хватает оружие жениха — он возлагает свою распутную руку на невесту. Прочида обнажает свой меч и с криком "Смерть французам!" вонзает его в сердце жестокого врага. В данный момент из храма Пресвятой Богородицы на Монреальской горе доносится звон вечернего колокола. Это условленный сигнал к отмщению, и "Смерть французам!" эхом передается из уст в уста по всем рядам сицилийцев. Повсюду свергнуты тираны — дома чужеземцев несут на себе смертельную метку, и Ангел-Разрушитель не щадит даже женщин и детей, и ночь расстилает свой торжественный покров над телами тысяч убитых.

Известие о достижении цели Прочиды вскоре дошло до Элеоноры; но ужасы резни были забыты, и Агнесса так и не узнала, какую жестокую роль сыграл ее отец в великой трагедии *Сицилийской вечерни*. Она действительно узнала, что королева Арагона спасла единственного сына Д'Анжу от преследователей и благополучно увезла его с острова; но восстание еще не достигло своего окончательного триумфа, когда она покинула английский двор в качестве герцогини Саксонии; и с того времени ее муж заботился о том, чтобы ее кроткий дух не был

огорчен известием о кровавых сценах, приведших к смерти Д'Анжу и восстановлению дома Швабии на троне Сицилии.

Для Эдуарда было бы естественно в этой борьбе перетянуть все свое влияние на сторону своего дяди Д'Анжу, но обстоятельства помолвки его дочери с Альфонсо Арагонским удерживали его нейтралитет. Он, однако, заключил мир между папой и Альфонсо, по которому сын Д'Анжу, Карл Хромой, был освобожден из плена в Арагоне и получил разрешение принять свою власть в Неаполе.

Любовь Элеоноры к своему мужу, не меньшая, чем ее тонкое понимание превосходства, побудили ее с мудрой разборчивостью взвесить влияние политических событий на его характер; и ей неохотно была навязана истина, что честолюбие, подпитываемое постоянным успехом его предприятий, постепенно поглощало благородные качества его натуры и закаляло его сердце против требований справедливости и человечности.

Король Александр III, король Шотландии, последний прямой наследник по мужской линии от Мод, умер в 1285 году, и это обстоятельство стало предвестником того периода, рокового для чести Эдуарда и для давно установившейся дружбы между двумя королевствами.

Чтобы предотвратить последствия, которые, как она предвидела, последуют за кончиной Александра, она убедила Эдуарда предложить брачный союз между принцем Уэльским и девой Норвегии, наследницей шотландской короны. Шотландские штаты с готовностью согласились с предложением англичан и даже согласились на то, чтобы их юная правительница получила образование при дворе своего королевского тестя. Но в то время как Элеонора предвкушала приятную задачу по воспитанию будущей королевы Англии, она была глубоко опечалена известием о том, что нежное тело бесценного ребенка, не выдержав тягот путешествия, пало жертвой смерти на Оркнейских островах по пути в Англию. Ее потеря стала величайшим бедствием, когда-либо постигавшим шотландскую нацию, что полностью оправдывает трогательное двустишие:

“Северный ветер рыдает там, где спит Маргарет,
И до сих пор в кровавых слезах живет память о Шотландии”.

Наследование шотландской короны сразу же стало предметом споров, и все зло, которое предвидела Элеонора, начало омрачать политический горизонт.

Поскольку род Александров вымер, корона перешла к потомку Дэвида, графа Хантингтона, который в “Талисмане” фигурирует как сэр Кеннет. У графа было три дочери, от одной из которых произошел Джон Балиол, от другой - Роберт Брюс; и из-за соперничающих притязаний этих двух соперников, которые некоторое время будоражили королевство, было решено передать арбитражное разбирательство дела Эдуарду таким же образом, как и Генриху III. сделал Людовика IX. арбитром его трудностей на континенте. Но благородные добродетели святого монарха были слабо представлены в английском короле. Эдуард немедленно заявил о своих правах на корону в качестве верховного лорда страны, назначил Бальола своим заместителем и послал шестерых регентов вступить во владение Шотландией. Храбрые люди севера сопротивлялись этой агрессии с мужеством, полностью доказывавшим их скандинавское происхождение, и Эдуард поспешил к шотландской границе, чтобы утвердить свои притязания.

Королева Элеонора отсутствовала в Амбресбери, чтобы присутствовать при исповедании своей дочери Марии, которая там вместе с валлийской принцессой Гвендолин постриглась в монахини под присмотром своей королевской свекрови Элеоноры Прованской. Но не успела церемония завершиться, как она выполнила настоятельную просьбу своего мужа последовать за ним в Шотландию.

Невзирая на усталость, она поспешила вперед, хотя и чувствовала, что начинающаяся лихорадка подтачивает ее силы. Когда опасные симптомы усилились, она удвоила скорость, надеясь, по крайней мере, добраться до замка Алник и умереть на руках у мужа. Но в Грэнтеме, в Линкольншире, силы ее совершенно иссякли, и в резиденции частного джентльмена, который принадлежал к их семейству в Палестине, она ожидала прихода Короля Ужасов. К Эдварду немедленно был отправлен курьер с известием о ее тревожной болезни. При нежном призыве супружеской любви все остальные соображения уступили место в сердце Эдварда. Он немедленно повернул на юг и форсированными этапами поспешил к Грэнтему. Умиравшая Элеонора ожидала его прибытия с тревогой, порожденной глубокой преданностью благополучию своего мужа и его подданных. До последнего вздоха ей хотелось повторить те нежные советы, которые когда-либо побуждали его к милосердию и состраданию и которые она подкрепляла сильнейшим из всех доводов - ежедневным примером святой жизни. Но последний печальный долг перед остывшими останками его любимой супруги был единственным утешением, оставшимся осиротевшему монарху, когда он прибыл в Линкольншир. С печалью, которая находила облегчение в каждом внешнем проявлении горя, он лично следовал за ее телом в течение тринадцати дней во время похорон в Вестминстер. В каждом городе, где покоились королевские носилки, собирались священнослужители и торжественной процессией вели их к главному алтарю главной церкви, и на каждом месте упокоения Эдуард устанавливал распятие в память о *“дорогой королеве”*, как он страстно называл свою погибшую Элеонору. Чаринг-Кросс, воздвигнутый на месте, которое сейчас занимает статуя Карла I., был лондонским памятником этой святой королеве.

Английский писатель, отдавая дань ее памяти, так перечисляет ее добродетели: “Для нашей нации она была любящей матерью, опорой всего королевства; поэтому, во славу ее, король, ее муж, повелел воздвигнуть все эти знаменитые трофеи везде, где покоилось ее благородное тело; ибо он любил ее превыше всех земных созданий. Она была благочестивой, скромной и милосердной принцессой; английская нация в ее время не подвергалась преследованиям со стороны иностранцев, а сельские жители - со стороны поставщиков короны. Убитых горем она утешала, как и подобало ее достоинству, и она сделала их друзьями, которые были в раздоре”.

Ее скорбящий господь одарил Винчестерское аббатство богатыми пожертвованиями на вечные панихиды и мессы по ее душе, и восковые свечи горели у ее могилы, пока свет Реформации не затмил огни суеверий; но ее нетленные добродетели переживают каждое монументальное сооружение, освещают анналы истории и иллюстрируют истинную философию женского героизма.

Примечания.

Примечания.

Примечание А.—[Страница 19.](#)

“Леди Матильда.” — Хлафдиге, или леди, означает подательница хлеба. Немногие королевы Англии могут претендовать на более знатное происхождение, чем эта принцесса. Ее отец, Балдуин V., носил прозвище благородный граф Фландрии; ее мать Аделаида была дочерью Роберта, короля Франции, и сестрой Генриха, правящего монарха этой страны, и она была близкой родственницей императора Германии и большинства королевских домов Европы.— *Королевы Англии*, стр. 24.

Примечание В.—[Страница 19.](#)

“Водан и Тор.” — два самых могущественных божества северной мифологии. Древние саксы почитали Водена как Бога войны, а германцы представляли Тора как Бога Грома.

Примечание С.—[Страница 20.](#)

-Королевские дети. Сыновьями Матильды и Вильгельма Завоевателя были Роберт, впоследствии герцог Нормандии, Ричард, умерший молодым, Вильгельм и Генрих, впоследствии короли Англии, Сайсели, Агата, Адела, Констанция, Аделиза и Гундред. Нет двух авторов, согласных относительно порядка их возраста, за исключением того, что Роберт был старшим, а Генрих — младшим сыном, Сайсели - старшей, а Гундред - младшей дочерью. -См. *Королевы Англии*, стр. 33-82.

Примечание D.—[Страница 20.](#)

“Мора.” — Пока флот, предназначенный для вторжения на остров, ждал в порту попутного ветра, Уильям был приятно удивлен прибытием своей герцогини в порт на великолепном военном корабле под названием “Мора”, который она приказала построить без его ведома и украсить в самом королевском стиле великолепия для его принятия. Изображение их младшего сына Уильяма из позолоченной бронзы, большинство авторов говорят, что из золота, было помещено на носу этого судна лицом к Англии, одной рукой он прижимал к губам трубу, а в другой держал лук со стрелой, направленной в сторону Англии.—*Королевы Англии*, стр. 40.

Примечание Е.—[Страница 21.](#)

“*Вильгельм Завоеватель*” был низкого происхождения по материнской линии. Он не стыдился своего происхождения и привлек к себе других сыновей своей матери. Поначалу ему было очень трудно склонить на свою сторону баронов, которые презирали его. Он был крупным, лысым мужчиной, очень храбрым, очень жадным и очень мудрым, по понятиям того времени, то есть очень коварным.—*История Франции Мишле*, стр. 193.

Примечание F.—[Страница 21.](#)

-*Эдгар Ательинг*. Эдвард, сын Эдмунда Айронсайда, отправленный в Венгрию, чтобы спастись от жестокости канута, был там женат на Агате, дочери императора Генриха II. Она родила ему Эдгара Ательинга, Маргариту, впоследствии королеву Шотландии, и Кристину, которая впоследствии удалилась в монастырь.—*Юм*, стр. 115.

Примечание G.—[Страница 22.](#)

“*Тот, кто соблюдает строгий великопостный пост.*” — Сочетанием энергии и снисходительности он настолько успокоил разум англичан, что решил, что может безопасно вернуться в свою родную страну и насладиться триумфом и поздравлениями своих древних подданных. Он оставил управление страной в руках своего единоутробного брата Одо, епископа Байе, и Уильяма Фиц Осберна. Чтобы их авторитет подвергался меньшей опасности, он взял с собой всю самую значительную знать Англии, которая, хотя и украшала его двор своим присутствием и великолепной свитой, на самом деле была заложницей верности нации. Среди них были Эдгар Ательинг, Стиганд примас, графы Эдвин и Моркар, Уолтеф, сын храброго графа Сиварда, и другие, прославившиеся величием своего состояния и семей или своим церковным и гражданским достоинством. В аббатстве Фескамп, где он проживал некоторое время, его навестили Родульф, дядя короля Франции, и многие могущественные принцы и дворяне, которые, внося свой вклад в его предприятие, желали разделить радость и преимущества его успеха. Его английские придворные, желая снискать расположение своего нового государя, превосходили друг друга в экипажах и развлечениях и демонстрировали богатство, приводившее иностранцев в изумление. Вильгельм де Пуатье, нормандский историк, присутствовавший при этом, с восхищением отзывался о красоте их лиц, размере и мастерстве изготовления их серебряной посуды, дороговизне их вышивок - искусстве, в котором англичане тогда преуспевали, - и он выражается в таких выражениях, которые во многом превозносят наше представление о богатстве и образованности этого народа. Но хотя все выглядело радостно и празднично, и сам Вильгельм относился к своим новым придворным с видимой добротой, было невозможно полностью предотвратить наглость норманнов; и английская знать получала мало удовольствия от этих увеселений, на которых они считали, что их ведет к триумфу их показательной победитель.—*Юм*, том 1, стр. 184.

Примечание H.—[Страница 22.](#)

Знаменитый гобелен Байо, известный под названием "*Туалет герцога Нормандского*", представляет собой полотно шириной около девятнадцати дюймов, но более шестидесяти семи ярдов в длину, на котором вышита история завоевания Англии Вильгельмом Нормандским, начиная с визита Гарольда к нормандскому двору и заканчивая его смертью в битве при Гастингсе, 1066 год. Главные события этих насыщенных событиями лет, смерть Эдуарда Исповедника и коронация Гарольда в покоях королевских усопших, представлены в самом четком и регулярном порядке в этом произведении ручной работы, которое содержит много сотен фигурок людей, лошадей, птиц, зверей, деревьев, домов, замков и церквей, выполненных в соответствующих цветах, с именами и надписями над ними, разъясняющими историю. По—видимому, он был разработан Туролдом, художником-карликом, который придал холсту правильные очертания и цвета.—*Королевы Англии*, том 1, стр. 54.

Примечание I.—[Страница 23](#).

“Сисели, невеста Гарольда.” — Уильям также жаловался на оскорбление, нанесенное его дочери вероломным саксом, который, несмотря на свой контракт с маленькой нормандской принцессой, незадолго до смерти короля Эдуарда усилил свой интерес к английской знати, женившись на Альгите, сестре могущественных графов Моркара и Эдвина и вдове Гриффита, принца Уэльского. Это обстоятельство упоминается с большой горечью во всех прокламациях Вильгельма и укоризненных посланиях Гарольду, и, по—видимому, разгневанный герцог считал его в полной мере таким же злодейством, как и принятие короны Англии.—*Королевы Англии*, т. 1, с. 35.

Примечание J.—[Страница 24](#).

-Осудила своего бывшего любовника. Бритрик, сын Алгара, саксонского тана, как утверждается в "*Судном дне*", владел этим поместьем в царствование Эдуарда Исповедника; но поскольку он нанес оскорбление Мод, дочери Болдуина, графа Фландрии, до ее брака с Вильгельмом, герцогом Нормандии, отказавшись жениться на ней сам, его собственность была конфискована этим монархом во время завоевания и, по-видимому, в отместку королеве. "*История замка Торнбери*" Эллиса.

Примечание K.—[Страница 25](#).

“Ужасные викинги”. — Морские короли среди датчан или норманнов; предводители пиратских эскадр, которые проводили свою жизнь, бороздя моря в поисках добычи и приключений. Младшие сыновья скандинавских королей и ярлов, не имея наследства, кроме океана, естественно, собирали вокруг себя молодежь низшего сословия, которая была столь же обездолена, как и они сами. Это были те же самые люди, которые в Англии и Шотландии под именем датчан и на континенте под именем норманнов сначала опустошали морские побережья, а затем проникали в глубь стран и основывали постоянные поселения в ходе своих завоеваний.—*Смотрите Энциклопедию*.

Примечание L.—[Страница 27.](#)

“Датчане во многом доверяли Филге, или Духу—Хранителю.” - У них есть определенные Жрицы по имени Мортвирта, или почитательницы мертвых.

Примечание M.—[Страница 29.](#)

Эдгар Ательинг, испугавшись коварных ласк Уильяма, бежал в Шотландию и увез туда двух своих сестер, Маргарет и Кристину. Они были хорошо приняты Малкольмом, который вскоре после этого женился на Маргарет—старшей. -*История Англии Юма*, том 1.

Примечание N.—[Страница 29.](#)

“Опустошение Хэмпшира.” — Было одно удовольствие, к которому Вильгельм, как и все норманны и древние саксы, был чрезвычайно пристрастен, и это была охота; но этому удовольствию он предавался скорее за счет своих несчастных подданных, интересами которых он всегда пренебрегал, чем за счет потери или уменьшения своих собственных доходов. Не довольствуясь теми обширными лесами, которыми прежние короли владели во всех частях Англии, он решил разбить новый лес близ Винчестера, обычного места своей резиденции; и с этой целью он опустошил местность в Хэмпшире на протяжении тридцати миль, изгнал жителей из их домов, даже конфисковал их имущество, разрушил церкви и монастыри и не выплатил пострадавшим никакой компенсации за причиненный ущерб. В то же время он издал новые законы, которыми запретил всем своим подданным охотиться в любом из своих лесов и ввел более суровые наказания, чем когда-либо применялись за подобные правонарушения. Убийство оленя, медведя или даже зайца наказывалось потерей глаза преступника, и это в то время, когда убийство человека можно было искупить, заплатив умеренный штраф.—*История Англии*, том 1, стр. 214.

Примечание O.—[Страница 29.](#)

“Одиозный Данегельт и еще более одиозный Куврефе.”—Вильгельм, чтобы помешать жителям страны объединяться на ночные собрания с целью обсуждения своих обид и подстрекательства друг друга к бунту, вынудил их куврефе, или тушить огни в своих жилищах каждый вечер в восемь часов, под звон колокола, который в связи с этим называется комендантским часом или *souvrefeu*.—*Королевы Англии*, том 1. , с. 57.

Примечание P.—[Страница 30.](#)

“Ланфранк освобождает тебя от твоей клятвы.” — Ланфранк обменял свой приорат на аббатство Святого Стефана в Кане, в Нормандии, и когда Вильгельм, суверен этого герцогства, завоевал английский трон, интересы этого принца обеспечили его избрание в 1070 году архиепископством Кентерберийским, которое затем стало вакантным после низложения Стиганда.—*Смотрите Энциклопедию.*

Примечание Q.—[Страница 41](#).

“Адела снова стояла в старом аббатстве Фескамп.” — В 1075 году Уильям и Матильда со своей семьей с большой помпой отпраздновали Пасху в Фескампе и лично присутствовали при пострижении архиепископом Джоном своей старшей дочери Сайсели, которая там постриглась в монахини.—*Королевы Англии*, том 1, стр. 63.

Примечание R.—[Страница 36](#).

“Игла девушки ранит не так глубоко, как меч воина.” — Это было на поле Арчембрей, где Роберт, не зная, кто был доблестным чемпионом, против которого он выступал, проткнул руку своего отца копьем и выбил его из седла.—*Королевы Англии*, т. 1, с. 71.

Примечание S.—[Страница 37](#).

“Награда.” — Чем выше звание претендента, тем более выдающимися были те, кто выступил вперед, чтобы вооружить его. В романах часто говорится, что щит был подарен рыцарю королем Испании, меч - королем Англии, шлем - французским монархом. Слово *dub* имеет чисто саксонское происхождение. Французское слово *adouer* похоже на латинское *adoptare*, поскольку рыцари становились рыцарями не путем приспособления к ним рыцарских доспехов, а путем их получения или принятия в орден. Многие авторы воображали, что награда была последним ударом, который солдат мог получить безнаказанно. —*История рыцарства Милля*, стр. 28.

Примечание T.—[Страница 48](#).

“Саксонский секретарь Ингульфус.” — В 1051 году Вильгельм, герцог Нормандии, в то время гостивший при дворе Эдуарда Исповедника, назначил Ингульфу, которому тогда был двадцать один год, своим секретарем. Он сопровождал герцога в Нормандию — отправился в паломничество в Святую Землю, а по возвращении был назначен настоятелем богатого монастыря Кройланд —См. *Энциклопедию*.

Примечание U.—[Страница 47](#).

“Я жаждал частички Священного праха.” — Даже палестинский прах почитался: его бережно доставляли в Европу, и счастливый обладатель, независимо от того, был ли он приобретен изначально или путем подкупа, считался защищенным от злонамеренности демонов. В доказательство того, что чудеса не прекратились в его время, святой Августин рассказывает историю об исцелении молодого человека, у которого над кроватью в мешочке висело немного пыли Святого Города. —*Крестовые походы Милля*, стр. 14.

Примечание V.—[Страница 47.](#)

“Пилигрим и паломник.” — По возвращении он возложил ветку священной пальмы, которую привез из Иерусалима, над алтарем своей церкви в доказательство выполнения своего обета; были произнесены религиозные благодарственные молитвы; сельские праздники приветствовали и читали его, и он был почитаем за его благочестие и успешные труды. — *Крестовые походы Милля*, стр. 14.

Примечание W.—[Страница 48.](#)

“Присоединился к архиепископу.” — Духовенство Германии объявило о своем намерении посетить Иерусалим; и Ингульф, уроженец и историк Англии, был одним из норманнского отряда, присоединившегося к ним в Майнце. Общее число паломников составило семь тысяч, и среди лидеров - респектабельные по рангу архиепископ Майнца и епископы Бамберга, Ратисбона и Утрехта. Их поход по Европе и через Греческую империю был мирным и никем не тронутым; но когда они вступили на территорию неверных, они попали в руки арабских разбойников, и не без больших потерь денег и жизней банда достигла Иерусалима. — *История крестовых походов*, стр. 17.

Примечание X.—[Страница 49.](#)

“Гог и Магог священного писания.” — Мадыяры — национальное и восточное наименование венгров; но среди племен Скифии греки выделяют их под собственным и своеобразным именем тюрков, как потомков того могущественного народа, который завоевал и правил от Китая до Волги. — *Рим Гиббона*, т. 5, с. 411.

Примечание Y.—[Страница 50.](#)

“баттл—аббатство.” - Уильям заложил основание аббатства Святого Мартина, ныне называемого баттл-аббатством, где должны были возноситься постоянные молитвы за упокой душ всех, кто пал в том кровопролитном конфликте. Главный алтарь этого великолепного памятника норманнской победе был установлен на том самом месте, где было найдено тело Гарольда или, по другим данным, где он впервые водрузил свой гонфанон. — *Королевы Англии*, т. 1, с. 50.

Примечание Z.—[Страница 51.](#)

-Сделал это не за свои грехи. — Принцип гражданского права гласит, что тот, кто не может расплатиться своим кошельком, должен расплачиваться своим телом; и монахи переняли практику бичевания, дешевого, хотя и болезненного эквивалента. По фантастической арифметике, год епитимьи исчислялся тремя тысячами ударов плетью, и таковы были мастерство и терпение знаменитого отшельника Святого Доминика из ордена железной кирасы, что за шесть дней он мог отбыть целый век, нанеся триста тысяч ударов плетью. Его

примеру последовали многие кающиеся обоего пола; и поскольку была принята заместительная жертва, стойкий приверженец дисциплины мог на собственной шкуре искупить грехи своих благодетелей.—*Рим Гиббона*, том 5, стр. 58.

Примечание АА.—[Страница 53](#).

История благородного мадьяра взята из ранних путешествий по Палестине.

Примечание ВВ.—[Страница 60](#).

“Банда ассасинов с горы Ливан.” —хасан и его семь преемников известны на Востоке под именем Горного старца, потому что его резиденция находилась в горной твердыне в Сирии. Таким образом, эти исмаилиты получили на Западе название ассасинов, которое с тех пор стало в западных языках Европы нарицательным для обозначения убийцы.—*Смотрите Энциклопедию*.

Примечание СС.—[Страница 68](#).

“Ты должен был стать королем.” — Его старший сын, Роберт, отсутствовал в Германии на момент его смерти. Вильгельм был в пути в Англию; Генрих, который взял на себя заботу о его погребении, внезапно отбыл по какому-то своекорыстному делу, и все высшие придворные чины разошлись, одни, чтобы выразить свое почтение Роберту, другие — Вильгельму, низшие слуги разграбили дом, раздели покойного короля и оставили его тело обнаженным на полу. — *Королевы Англии*, т. 1, с. 85.

Примечание от редакции.—[Страница 69](#).

“Наш дядя Одо ненавидит Ланфранка.” — Герцог Вильгельм был храбрым, открытым, искренним, великодушным; даже его преобладающий недостаток, его крайняя леность и легкомыслие не были неприятны тем надменным баронам, которые претендовали на независимость и с неохотой подчинялись энергичному управлению своего суверена. Одо, епископ Байе, и Робер, граф Монтень, братья завоевателя по материнской линии, завидуя великому авторитету Ланфрана, который возрос благодаря его недавним заслугам, подкрепили все эти мотивы своими сторонниками и вовлекли их в официальный заговор с целью свергнуть Уильяма Руфуса.—*История Англии Юма*, том 1, стр. 221.

Примечание ЕЕ.—[Страница 71](#).

“Осада горы Святого Михаила”. Принц Генрих, недовольный тем, что так мало заботились о его интересах в этом доме, удалился в гору Святого Михаила, мощную крепость на побережье Нормандии, и наводнил окрестности своими набегами. Роберт и Уильям со своими объединенными силами осадили его в этом месте и почти одолели из-за нехватки воды, когда

старший, услышав о его бедственном положении, разрешил ему запастись самому, а также прислал ему несколько бутылок вина для его собственного стола. Когда Уильям упрекнул его в несвоевременной щедрости, он ответил: “Что, я должен допустить, чтобы мой брат умер от жажды - где мы найдем другого, когда его не станет?” — *“Англия” Юма*, том 1.

Примечание следующее.—[Страница 73](#).

“Толпы людей следовали по стопам монаха.” — Низший класс людей привязался к некоему Петру Отшельнику, монаху из города Амьен. Сначала он вел уединенную жизнь под монашеским одеянием, но впоследствии люди видели, как он ходил по улицам и повсюду проповедовал. Люди окружали его толпами, осыпали подарками и провозглашали его святость с такими великими восхвалениями, что я не помню, чтобы кому-либо оказывались подобные почести. Во всем, что он делал или говорил, казалось, было что-то божественное в нем, так что они даже выщипывали волосы у его мула, чтобы сохранить их как реликвии; о чем я рассказываю здесь не как о чем-то похвальном, а для вульгарных, которые любят все необычное. На нем была только шерстяная туника, а поверх нее плащ из грубой темной ткани, доходивший до пят. Его руки и ноги были обнажены; он почти не ел хлеба и питался вином и рыбой. — *Мишле*, стр. 209.

Примечание гг.—[Страница 78](#).

“Deus Vult.” Урбан собирался продолжить, когда его прервал всеобщий шум; ассистенты проливали слезы, били себя в грудь, воздевали глаза и руки к небу, все вместе восклицая: “Давайте маршировать, на то воля Божья! Такова воля Божья!” — *История пап*, стр. 384.

Примечание НН.—[Страница 79](#).

“Вышейте красный крест.” — Все повесили красный крест на плечи. Красные ткани и облачения всех видов были разорваны в клочья, но для этой цели их было недостаточно. Были те, кто начертал на себе крест раскаленным железом. — *Мишле*, стр. 210.

Примечание II.—[Страница 82](#).

“Уолтер без гроша.” — Шестьдесят тысяч были потрачены Отшельником. Вальтер без Гроша в кармане возглавлял пятнадцать тысяч пехотинцев, за которыми следовал фанатик по имени Годешаль, чьи проповеди изгнали двадцать тысяч крестьян из деревень Германии. В тыл им снова напирало двухсоттысячное стадо, самые тупые и дикие отбросы народа, которые к своей набожности примешивали грубую распущенность в грабеже, проституции и пьянстве. Несколько графов и джентльменов во главе трехтысячной кавалерии последовали за движением толпы разделить добычу; но их подлинными предводителями (да будем мы верить в такую глупость) были гусь и козел, которых несли впереди и которым эти достойные христиане приписывали вливание божественного духа. — *Рим Гиббона*, т. 5, с. 553.

Примечание JJ.—[Страница 84](#).

“Спроси, не Иерусалим ли это.” — В некоторых случаях бедный крестьянин подковывал своих волов, как лошадей, и сажал всю свою семью в повозку, где было забавно слушать, как дети на подъезде к какому-нибудь большому городу или замку спрашивают, не Иерусалим ли это. - *Крестовые походы Милля*, стр. 31.

Примечание K.K.—[Страница 87](#).

“Письмо Адели от Стефана.” —Алексиус выразил желание, чтобы один из сыновей Стефана получил образование при византийском дворе, и сказал тысячу других прекрасных вещей, которые Стефан сообщил своей жене как святые истины.—*Крестовые походы Милля*, стр. 49.

Примечание LL.—[Страница 105](#).

“Английских законов и английской королевы.” — Матильда - единственная принцесса Шотландии, когда-либо делившая трон с королем Англии. Однако именно из-за своего происхождения по материнской линии она проявляет такой большой интерес к летописям этой страны. Ее мать, Маргарет Ательинг, была внучкой Эдмунда Айронсайда и дочерью Эдварда Ательинга, прозванного Разбойником, от Агаты, дочери императора Германии Генриха II.— *Королевы Англии*, стр. 91.

Примечание MM.—[Страница 110](#).

“Мы сражались на равнинах Рамулы.” — Маленькая фаланга была разбита египтянами! Стефан, граф Шартрский, был взят в плен и убит своим врагом; он был героем, сбежавшим во время Крестового похода. Его женой была Адела, дочь английского короля Вильгельма I. И эта пылкая леди поклялась, что не даст своему мужу покоя, пока он не восстановит свою славу в Палестине. Он отправился туда и умер описанным выше образом. —*Крестовые походы Милля*, стр. 95.

Примечание NN.—[Страница 111](#).

“Дочь графа Вальтхоффа, Матильда” была женой Дэвида, впоследствии короля Шотландии, и матерью первого графа Хантингдона. —*Доктор Лингард*.

Примечание OO.—[Страница 113](#).

“Люси лежит в море.” —Помимо наследника Англии, принца Уильяма, на Белом корабле погибли Ричард, граф Честерский, со своей невестой, юной леди Люси из Блуа, дочерью сестры

Генриха Адели, и цвет юной знати, которые упоминаются саксонской хроникой как множество “несравненных людей”. —*Королевы Англии*, стр. 131.

Примечание Стр. 1.—[Страница 120](#).

“*Дворы любви*.” — Элеонора по наследственному праву была главным рецензентом и критиком “Поэтов Прованса”. На определенных празднествах, проводимых ею по обычаю ее предков, называемых Дворами Любви, все новые *есирвенты* и *шансоны* пели или декламировали перед ней трубадуры. Затем она с помощью конклава своих фрейлин предстала перед судом и вынесла приговор их литературным достоинствам. —*Королевы Англии*, стр. 188.

Примечание QQ.—[Страница 121](#).

“*Романская валлония*.” — Название Валлонии произошло от слова *Waalchland*, названия, которым немцы по сей день обозначают Италию. Вильгельм Завоеватель был так сильно привязан к валлонскому романскому языку, что поощрял его литературу среди своих подданных и навязывал ее англичанам посредством строгих законодательных актов вместо древнего саксонского, который очень напоминал норвежский язык его собственных предков.

На всей территории страны от Наварры до владений дофина Овернского и от моря до моря говорили на провансальском языке — языке, который сочетал в себе лучшие черты французского и итальянского и представлял особые возможности для поэтического сочинения. Его называли *langue d’oc*, языком “да” и “нет”; потому что вместо “*oui*” и “*non*” в остальной Франции утвердительными и отрицательными были “*ос*” и “*нет*”. Предков Элеоноры называли *по преимуществу*— лордами “*ок*” и “*нет*”. —*Королевы Англии*, стр. 60-186.

Примечание RR.—[Страница 122](#).

“*На провинциальной ярмарке*.” — Эта баллада взята из ранних английских метрических романсов.

Примечание SS.—[Страница 127](#).

“*Леди Петронилла*.” — Сестра королевы, юная Петронилла, чья красота не уступала красоте ее сестры, а легкомыслие намного превосходило ее, не смогла найти ни одного мужчину во всей Франции, которого можно было бы очаровать своими чарами, но предпочла соблазнить Рудольфа, графа Вермандуа, у его жены. —*Королевы Англии*, стр. 189.

Примечание второе.—[Страница 130](#).

“*Абеляр*.” — Абеляр, Питер, первоначально Абеляр, монах ордена Святого Бенедикта, одинаково известный своей ученостью и своей несчастной любовью к Элоизе, родился в 1079 году

недалеко от Нанта, в маленькой деревушке Пале, которая принадлежала его отцу Беренгеру.—*Энциклопедия.*

Примечание UU.—[Страница 132.](#)

“*Святой Бернар.*” —Святой Бернар, родившийся в Фонтене, в Бургундии, в 1091 году, происходил из знатной семьи и был одним из самых влиятельных священнослужителей средневековья. Его называли *сладким учителем*, а его труды называли “*Поток из рая*”.

Он в основном способствовал крестовому походу в 1146 году и успокоил брожение, вызванное в то время группой монахов против евреев в Германии.—*Энциклопедия.*

Примечание VV.—[Страница 135.](#)

“*Долина Лаодикии.*” — Причуды королевы Элеоноры и ее воительниц были причиной всех несчастий, постигших короля Людовика и его армию, особенно после поражения при Лаодикии. Король отправил вперед королеву и ее фрейлин в сопровождении своих отборных войск под охраной графа Морьена. Он приказал им выбрать для своего лагеря засушливую, но удобную местность, с которой открывался вид на ущелья Лаодикийской долины. Королева Элеонора настояла на привале в прекрасной романтической долине, полной зеленой травы и бьющих фонтанов. —*Королевы Англии*, с. 190.

Примечание WW.—[Страница 140.](#)

“*Серия кокетства.*” Одни говорят, что она была влюблена в Раймонда из Антиохии; другие — в красивого сарацинского раба; более того, ходили слухи, что она получала подарки от султана. —*Мишле*, стр. 233.

Примечание XX.—[Страница 141.](#)

“*Двадцать дней.*” — В “Королевах Франции” записано, что он выучил провансальский язык за двадцать дней.

Примечание YY.—[Страница 143.](#)

“*Рыцари Храма.*” — знаменитый рыцарский орден, который, подобно ордену Святого Иоанна и Тевтонскому ордену, зародился во времена крестовых походов. Он был основан в 1119 году для защиты паломников на дорогах Палестины. Впоследствии его целью стала защита христианской веры и Гроба Господня от сарацин.

Сочетая привилегии религиозного ордена с огромной военной мощью и всегда готовая к службе на море и суше, она могла использовать свои владения с большей выгодой, чем другие

корпорации, а также совершать завоевания за свой счет; в дополнение к этому она получала богатые пожертвования и завещания от суеверий того времени.

Основная часть владений ордена находилась во Франции: большинство рыцарей также были французами, и великий магистр обычно принадлежал к этой нации. В 1244 году орден владел девятью тысячами значительных бейливиков, комендатур, приоратов и прецепторий, независимо от юрисдикции стран, в которых они находились.

Орден был уничтожен во Франции Филиппом Красивым примерно в начале Четырнадцатого века.—*Энциклопедия*.

Примечание ZZ.—[Страница 144](#).

-*Госпитальеры*. Рыцари Святого Иоанна, или госпитальеры Святого Иоанна, впоследствии названные рыцарями Родоса и, наконец, рыцарями Мальты, были знаменитым военно-религиозным орденом, созданным в начале крестовых походов в Святую Землю. Обязанностью монахов, которых называли братьями Святого Иоанна или госпитальерами, было заботиться о бедных и больных и вообще оказывать помощь паломникам. Этот орден приобрел важные владения и выстоял против турок и сарацин благодаря единству и мужеству.

В 1309 году рыцари обосновались на острове Родос, где оставались более двухсот лет. В 1530 году Карл Пятый даровал им остров Мальта на условиях постоянной войны с неверными и пиратами. С этого периода их обычно называли *Мальтийскими рыцарями*.—*Энциклопедия*.

Примечание AAA.—[Страница 146](#).

“*Направляясь на юг.*” —Элеонора некоторое время оставалась в Блуа, графом провинции которого был Тибо, старший брат короля Стефана, один из самых красивых и храбрых мужчин своего времени. Тибо предложил руку своей прекрасной гостье. Он получил отказ, который никоим образом не изменил его намерений, поскольку он решил держать пленницу в своей крепости до тех пор, пока она не согласится на его предложение. Элеонора заподозрила его замысел и ночью отбыла в Тур. Молодой Джеффри Плантагенет, ближайший брат человека, за которого она собиралась выйти замуж, также очень хотел стать правителем юга. Он устроил засаду в части Луары, называемой портом Пиле, с намерением схватить герцогиню, увезти ее и жениться на ней. Но она, заранее предупрежденная своим добрым ангелом, повернула вниз по течению реки, к своей собственной стране. -*Королевы Англии*, стр. 114.

Примечание BBB.—[Страница 151](#).

“*Бекет.*” — Томас Бекет, самый знаменитый римско-католический прелат в английских летописях, родился в Лондоне в 1119 году. Он был сыном Гилберта, лондонского купца. Его матерью была сарацинка, у отца которой Гилберт был в плену, захваченный в первом крестовом походе. Леди влюбилась в заключенного и, руководствуясь единственными английскими

словами, которые она знала — “Гилберт—Лондон”, — последовала за ним в Лондон, где он женился на ней.

Архиепископ Теобальд рекомендовал его королю Генриху II, а в 1158 году он был назначен верховным канцлером и наставником принца Генриха и в то время был безупречным придворным, во всех отношениях соответствовавшим настроению короля.

Он умер на пятьдесят втором году жизни и был канонизирован два года спустя. Непреходящим свидетельством популярности паломничеств к его могиле станут “Кентерберийские рассказы” Чосера.—*Энциклопедия.*

Примечание CCC.—[Страница 155.](#)

“Обычная драма.” — Помимо мистерий и чудес, разыгрываемых приходскими клерками и изучающими богословие, классический вкус искушенной Элеоноры покровительствовал представлениям, близким к обычной драме, поскольку мы находим, что Петр из Блуа в своих посланиях поздравляет своего брата Уильяма с его трагедией о Флауре и Марке, разыгранной перед королевой.—*Королевы Англии*, стр. 199.

Примечание DDD.—[Страница 165.](#)

“Адриан IV.” — Адриан IV, англичанин, первоначально носивший имя *Николас* Брейкспир, благодаря своим большим талантам поднялся из положения бедного монаха до ранга кардинала и легата на севере. Он был избран папой в 1154 году и вел безуспешную войну против Вильгельма, короля Сицилии.

Заслуживает внимания разрешение, которое он дал Генриху II, королю Англии, вторгнуться в Ирландию при условии, что каждая семья этого острова должна ежегодно выплачивать по пенни папской кафедре, поскольку все острова принадлежат папе. На этом гранте последующие папы обосновывали свои претензии на Ирландию.—*Энциклопедия.*

Примечание EEE.—[Страница 184.](#)

“Опустошенный облик Розамонды.” — Не очень простая задача свести к чему-либо подобному наглядности различные предания, которые проходят через хроники, о несчастной сопернице королевы Элеоноры, знаменитой Розамонд Клиффорд. Никто, изучающий историю, не должен презирать традицию, поскольку мы обнаружим, что традиция, как правило, основана на фактах, даже если она неполноценна или не зависит от хронологии. Похоже, что знакомство между Розамундой и Генрихом началось в ранней юности, примерно во время посвящения его в рыцари своим дядей, королем Шотландии; что оно возобновилось во время его успешного вторжения в Англию, когда он пообещал жениться на ничего не подозревающей девушке. Поскольку Розамонд оставалась у него в качестве пленницы, хотя и не по своей воле, было легко скрыть от нее тот факт, что он женился на королеве и привез ее в Англию; но его главной

трудностью было скрыть существование Розамонд от Элеоноры и при этом позволять себе частые визиты к настоящему объекту своей любви.

Бромптон говорит: “Однажды королева Элеонора увидела короля, прогуливающегося по плезанс-оф-Вудсток с концом мотка шелковой нити, прикрепленного к его шпоре, и что, незаметно подойдя к нему, она взяла клубок, и король пошел дальше, шелк размотался, и таким образом королева проследила за ним до зарослей в лабиринте парка, где он исчез. Она держала это в секрете, часто прокручивая в уме, в какой компании он мог бы встретиться с шелковыми шариками.

“Вскоре после этого король покинул Вудсток и отправился в далекое путешествие; затем королева Элеонора, памятуя об этом открытии, обыскала заросли в парке и обнаружила низкую дверь, хитро замаскированную; эту дверь она взломала и обнаружила, что это вход на извилистую подземную тропинку, которая вела на расстоянии к лесной сторожке в самой уединенной части прилегающего леса”. Здесь королева обнаружила в беседке молодую леди несравненной красоты, усердно занимавшуюся вышиванием. Тогда королева Элеонора легко догадалась, каким образом шелковые шарики прикреплялись к шпорам короля Генриха.

Каким бы ни был результат беседы Элеоноры и Розамонд, несомненно, что королева не уничтожила свою соперницу ни мечом, ни ядом, хотя в своем гневе не исключено, что она могла угрожать и тем, и другим.

Тело Розамонды было похоронено в Годстоу, недалеко от Оксфорда, в маленьком женском монастыре среди плодородных лугов Эвенлода. Король Иоанн счел уместным воздвигнуть гробницу в память о Розамонде; она была отделана светлой медью, а по краям на латыни имелась надпись следующего содержания:

“В этой гробнице покоится
самая красивая роза в мире,
прежде она была сладкой,
а теперь от нее остался только отвратительный запах”.
Королевы Англии.

Примечание FFF.—[Страница 185.](#)

“Заключение королевы Элеоноры в тюрьму.” — Королева Элеонора, чьи собственные слабости не сделали ее снисходительной к слабостям других, оскорбленная неоднократно изменами короля, побудила своих сыновей, Ричарда и Джеффри, выдвинуть требования, аналогичные требованиям их брата, и убедила их, когда им отказали, также бежать ко двору Франции. Сама Элеонора скрылась, но вскоре после этого попала в руки своего мужа, который держал ее взаперти до конца своего правления. *Изобразительная история Англии.*

Примечание GGG.—[Страница 187.](#)

-Гордо поворачиваюсь к мятежным лордам. Ховеден и некоторые другие английские писатели записали историю о том, что граф Триполийский и его друзья присягнули королеве на верность при разумном условии, что она должна развестись с Лузиньяном и выбрать в качестве наследника своего трона такого человека, который был бы способен защитить королевство. Она подчинилась и после коронации возложила диадему на голову Лузиньяна. — *"Крестовые походы Миллса"*, стр. 137.

Примечание ННН.—[Страница 190.](#)

"Твой брат Уильям и его прекрасная невеста." — граф Солсбери был сыном короля Генриха II от прекрасной Розамунды. Его христианское имя было Уильям, а ношение более длинного меча, чем обычно, дало ему его фамилию. Его сводный брат, король Ричард I., выдал его замуж за Элу, старшую дочь и сонаследницу Уильяма де Эвра, графа Солсбери и Роузмера; а также возвел его в графский титул. Эла была внучкой Патрика графа Солсбери, убитого Ги де Лузиньяном. — *Крестовые походы Миллса*, стр. 198.

Примечание III.—[Страница 195.](#)

"Колодец Земзем." — Последователи Мухаммеда верят, что Земзем - это тот же источник, который бил в пустыне для оказания помощи Агари и Измаилу; и его водам приписывается удивительная эффективность в даровании здоровья больным, придании силы памяти и очищении от последствий греха.—*Энциклопедия.*

Примечание JJJ.—[Страница 200.](#)

"Пампелуна" — город в Испании и столица Наварры, расположенный на реке Арга, на равнине недалеко от Пиренеев, основанный Помпеем.—*Энциклопедия.*

Обратите внимание на КKK.—[Страница 220.](#)

"Потекла кровь." —Когда Ричард вошел в аббатство, он вздрогнул и несколько мгновений молился перед алтарем, когда из носа и рта его отца пошла такая сильная кровь, что монах, находившийся при нем, беспрестанно вытирал кровь с его лица.—*Королевы Англии—Элеонора Аквитанская*, стр. 220.

Примечание полностью.—[Страница 227.](#)

"Изгнан из гавани." — Галера королевы Джоанны укрылась в гавани Лимуссы, когда Исаак, владыка Кипра, прислал две лодки и потребовал, сойдет ли королева на берег. Она отклонила это предложение, сказав: "Все, что она хотела, это узнать, скончался ли король Англии". Они ответили: "Они не знали". В этот момент Исаак приблизился с огромной силой, после чего

кавалеры, охранявшие королевских дам, завладели галерой, чтобы при первых признаках военных действий вывести ее из гавани.—*Bernard le Tresorier*.

Примечание МММ.—[Страница 242](#).

“Битва при Тивериаде.” — На равнине близ Тивериады две армии столкнулись в конфликте. Целый день сражение оставалось в напряжении, а ночью латиняне укрылись на каких-то скалах, чье запустение и недостаток воды вынудили их попытать счастья в битве. Жара сирийской летней ночи стала вдвойне невыносимой, потому что сарадины подожгли несколько лесов, окружавших христианский лагерь. Утром обе армии некоторое время стояли неподвижно, по-видимому, сознавая, что судьба мусульманского и христианского миров находится в их руках.

Но когда взошло солнце, латиняне издали свой боевой клич, турки ответили звуком своих труб и атабалов, и кровавый конфликт начался. Часть истинного креста была установлена на холме, и разбитые эскадроны постоянно собирались вокруг нее. Но у полумесяца было больше сторонников, чем у креста, и по этой причине он одержал победу. —*История крестовых походов Миллса*, стр. 139.

Примечание NNN.—[Страница 250](#).

“Вежливость жизни.” — На протяжении всей войны Саладин и Ричард подражали друг другу как во взаимности вежливости, так и в военных подвигах. Если королю Англии случалось заболеть, Саладин посылал ему в подарок дамасские груши, персики и другие фрукты. Та же щедрая рука дарила роскошь снега в жаркое время года.—*Ховеден*, стр. 693.

ООО "Ноте".—[Страница 254](#).

“Союз между его братом.” — Политические беспорядки в Англии потребовали присутствия Ричарда, и он был вынужден уступить своим потребностям и умолять своего великодушного врага прекратить войну. Он предложил объединить интересы христиан и мусульман, учредить в Иерусалиме правительство, частично европейское, частично азиатское; и эти политические планы должны были быть приведены в исполнение браком Сафадина с вдовой Вильгельма, короля Сицилии. Мусульманские принцы согласились бы на эти условия, но брак считался настолько скандальным для религии, что имамы и священники подняли бурю возмущения, и Ричард и Саладин, какими бы могущественными они ни были, подчинились общественному мнению.—*Крестовые походы Миллса*.

Примечание PPP.—[Страница 258](#).

“Сюда, сир.” — Друг привел его на холм, с которого открывался вид на Иерусалим: но, закрыв лицо щитом, он заявил, что недостойн лицезреть город, который не может завоевать. — *“История крестовых походов” Миллса*, стр. 164.

Примечание QQQ.—[Страница 266](#).

“Графа Раймонда Паулса.”—Молодой граф так хорошо оправдал себя его обязанности, что он завоевал любовь честная вдова, царица Йоанна, на путешествие. Привязанность этих влюбленных излечила вражду, которая долгое время существовала между домами Аквитании и графами Тулузы из-за превосходящих притязаний королевы Элеоноры на это огромное поместье. Когда Элеонора обнаружила любовь, которая существовала между ее младшим ребенком и наследником Тулузы, она умиротворила его отца, отказавшись от своих прав на дочь, и Беренгария с удовлетворением увидела, что двое ее друзей объединились после того, как она прибыла в Пуату.—*Беренгария Наваррская*, стр. 16.

Примечание RRR.—[Страница 267](#).

Песня Ричарда и Блонделла находится в *“Истории музыки”* Берни, том 2, стр. 236.

Примечание SSS.—[Страница 271](#).

“Черное знамя.” — Видя приближение своего конца, Саладин приказал снять черное знамя, которое так часто вело к победе, и заменить его саваном, которым предстояло обернуть его тело в могиле. Затем это было разнесено по улицам, в то время как крики призывали всех людей посмотреть на то, что Саладин, могущественный завоеватель, унес с собой из всех своих обширных владений. Саладин умер монархом, в характере которого, хотя добро и смешивалось со злом, великие качества преобладали настолько, что перевесили влияние варварской эпохи и варварской религии и оставили в нем великолепное исключение из большинства пороков его эпохи, его страны и его вероучения.—*История рыцарства Джеймса*, стр. 264.

Обратите внимание на ТТТ.—[Страница 273](#).

“Четвертый крестовый поход.” — Сафадин выступил против них, и немцы не отказались от боя. Победа была на стороне христиан, но она была куплена смертью многих храбрых воинов, особенно герцога Саксонского и сына герцога Австрийского. Но немцы не воспользовались этим успехом, поскольку из Европы пришли известия о том, что великая опора крестового похода Генрих VI мертв. Архиепископ Майнца и все те князья, которые были заинтересованы в избрании германского монарха, покинули Святую Землю. —*“История крестовых походов”* Миллса, стр. 172.

Примечание UUU.—[Страница 277](#).

-Бланш Кастильская.—Эта королева, столь справедливо прославленная своими талантами в управлении государством, а также своим благородным характером и прекрасным образованием, которое ее сын получил под ее руководством, была внучкой Элеоноры Гиенской.

Она родилась в Бургосе, в Испании, в 1185 году, и была дочерью Альфонсо IX, короля Кастилии, и Элеоноры, дочери Генриха II. из Англии.—*Королевы Англии*, стр. 164.

Примечание VVV.—[Страница 284](#).

“Швабия.” — В 1030 году Фредерик Штауфенский, лорд Гогенштауфенов, проявил столько мужества в битве, что император Генрих IV пожаловал ему герцогство Швабия и выдал замуж его дочь Агнес. Так был заложен фундамент будущего величия дома, взлет и падение которого относятся к числу важнейших эпох в истории Германской империи. Неугасимая ненависть гвельфов к дому Гогенштауфенов (гибеллинов) привела к соперничеству, которое вовлекло Германию и Италию в накопившиеся за более чем триста лет страдания.—*Смотрите Энциклопедию*.

Примечание WWW.—[Страница 288](#).

“Подчинение Восточной империи Папе.” — Если французы посадят Алексея на трон, религиозный раскол должен быть устранен; восточная церковь должна быть подчинена Римской церкви; и Греция должна пожертвовать свое население и свои сокровища для восстановления Святой Земли.—*См. Энциклопедию*.

Примечание XXX.—[Страница 291](#).

“Святой Доминик.” — Доминиканцы возникли в 1215 году в Тулузе. Основными целями их учреждения были проповеди против еретиков. Эта страсть к охоте за ересью основала орден инквизиции. Доминиканцев во Франции называли якобинцами, потому что их первый монастырь в Париже находился на улице Сен-Жак. Их орден сейчас процветает только в Испании, Португалии, Сицилии и Америке.—*Смотрите Энциклопедию*.

Примечание ГГГГ.—[Страница 296](#).

“Великая хартия вольностей.” — Великая хартия вольностей, вырванная у короля Иоанна в 1215 году. Бароны, составлявшие армию Бога и Святой Церкви, были всей знатью Англии; их последователи объединяли всех йоменов и свободных крестьян вместе с горожанами Лондона. Джон был вынужден уступить этому всеобщему союзу, и 15 июня оба они расположились лагерем на равнине под названием Раннимид, на берегу Темзы, и открылось совещание, которое завершилось 19-го. Тридцать девятая статья содержит предписания *хабеас корпус* суд присяжных, наиболее эффективные средства защиты от угнетения, которые когда-либо были изобретены человеческой мудростью.—*Смотрите Энциклопедию*.

Примечание ZZZ.—[Страница 307](#).

“Занимала должность регента Иерусалима.” — В 13 веке мы находим женщину, восседающую, по крайней мере, в качестве матери и регентши, на многих западных тронах. Бланш Кастильская правила страной от имени своего малолетнего сына, так же как графиня Шампанская - от имени юного Тибо, а графиня Фландрская - от имени своего плененного мужа. Изабелла Маншская также оказывала наибольшее влияние на своего сына, Генриха III, короля Англии. Джейн Фландрская не довольствовалась властью, но желала мужественных почестей и прапорщиков и потребовала при посвящении Людовика Святого права своего мужа носить обнаженный меч, меч Франции. По странному совпадению, в 1250 году женщина впервые стала султаном. До этого женское имя никогда не появлялось на монете и не упоминалось в публичных молитвах. Халиф Багдада протестовал против скандального нововведения. *“История Франции” Мишле.*

Обратите внимание, ААААА.—[Страница 308.](#)

“Святой Дунстан.” — Дунстан, аббат Гластонбери, в 948 году обладал полной властью над королем Эдредом и государственными советами. Некоторое время он жил в камере, такой маленькой, что не мог ни стоять, ни сидеть в ней, и был удостоен замечательных снов, видений и искушений. Именно он ввел в Англии орден монахов-бenedиктинцев.—*История переговоров.*

Примечание ВВВВ.—[Страница 309.](#)

“Испанский монастырь.” — Королева Беренгария обосновала свою резиденцию в Мане, в Орлеаннуа, где хранилась большая часть ее иностранного приданого. Здесь она основала благородное аббатствоЭспань.—*Королевы Англии.*

Примечание СССС.—[Страница 314.](#)

“Султан Египта.” — Сын Сафадина, Корадин, принц Сирии и Палестины, не объявлял о смерти своего отца до тех пор, пока не завладел королевской казной. Раздоры и восстания были повсеместны по всему Египту, когда пришло известие о смерти Сафадина, и его сын Карнел, правитель этой страны, был вынужден бежать в Аравию в поисках защиты от своего мятежного народа.—*Крестовые походы Миллса.*

Примечание DDDD.—[Страница 320.](#)

“Монголы.” — Чингисхан, вождь разнородной орды, в 1260 году задумал смелый план завоевания всей земли. После смерти Чингисхана в 1227 году его сыновья продолжили его завоевания, подчинили весь Китай, свергли Багдадский халифат и сделали сельджукских султанов Иконии своими данниками.

Примечание EEEE.—[Страница 323.](#)

“Обшитый позолотой.” — Это описание султанского дворца взято из яркого рассказа Вильгельма Тирского о “Доме мудрости”, найденного в примечании к книге Мишле *“Франция”*, том 1, стр. 206.

Примечание FFFF.—[Страница 327.](#)

“Мусульманский розарий.” — Четки из девяноста девяти бусин, называемые Тусба, или орудие восхваления. Пропуская четки сквозь пальцы, они повторяют атрибуты Бога, такие как “О Создатель”, “О милосердный” и т.д., и т.п. Этот акт преданности называется Талил. Имя Аллах всегда присоединяется к эпитету, например, “Йа Аллах Калик, Йа Аллах Керрим”, что содержится в примечании к Бахар Дануш.

Примечание GGGG.—[Страница 328.](#)

“Прихожане повторили: “Хвала Богу”.“ — Смотрите описание Гриффитом мусульманских похорон.

Примечание XXXX.—[Страница 330.](#)

Кибла, или Каббала, означает устную традицию. Этот термин используется евреями и магометанами для обозначения традиций их предков или, чаще всего, их мистической философии.—*Энциклопедия.*

Примечание III.—[Страница 333.](#)

“Арабский тон.” — Фридрих II, внук Барбароссы, последовательно был учеником, врагом и жертвой церкви. В возрасте двадцати одного года, повинаясь своему опекуну Иннокентию III, он принял крест; то же обещание было повторено на его королевской и императорских коронациях, и его брак с наследницей Иерусалима навсегда обязал его защищать королевство своего сына Конрада. За приостановление своего обета Фредерик был отлучен от церкви Григорием IX.; за предположение, что в следующем году он выполнит свой обет, он снова был отлучен от церкви тем же папой.

Он был хорошо сложен, со светлым и тонким цветом лица и мягким и добрым выражением глаз и рта. Он был храбр, отважен и великодушен, обладал большими талантами и был высокообразован. Он понимал все языки своих подданных — греческий, латынь, итальянский, немецкий, французский и *арабский*. Он был суров и страстен, мягок или либеральен, в зависимости от обстоятельств; весел, жизнерадостен и оживлен, как диктовали его чувства. Он был известным вольнодумцем и с одинаковой благосклонностью относился к людям всех религий.

Примечание JJJ.—[Страница 346.](#)

“Начал переговоры с султаном Египта.” —Фредерик подписал договор с Camel, который более эффективно продвигал цель Священных войн, чем усилия любого бывшего монарха. В течение десяти лет христиане и мусульмане должны были жить на условиях братства. Иерусалим, Яффо, Вифлеем, Назарет и их пристройки, а также Гроб Господень были возвращены христианам.

Обратите внимание на КKKK.—[Страница 348.](#)

“Симон де Монфор.” — Семья Монфортов, похоже, была невероятно амбициозной. Они ведут свое происхождение от “Карла Великого”.

Симон де Монфор, истинный лидер войны против альбигойцев, был ветераном крестовых походов, закаленным в беспощадных битвах тамплиеров и ассасинов. Вернувшись из Святой Земли, он участвовал в этом кровавом крестовом походе на Юге Франции.

Его второй сын, ищущий в Англии счастья, которого он упустил во Франции, сражался на стороне английских общин и распахнул перед ними двери парламента. После того как в его власти были и король, и королевство, он был побежден и убит. Его сын (внук знаменитого Монфора, который возглавлял крестовый поход против альбигойцев) отомстил за него, убив в Италии, у подножия алтаря, племянника короля Англии, возвращавшегося из Святой Земли. Этот поступок погубил Монфортов. С тех пор на них смотрели с ужасом и отвращением.—
Мишле.

Примечание LLLL.—[Страница 351.](#)

“Ричард Корнуолльский” весной 1240 года отправился в крестовый поход. Христианское имя графа Корнуолла встревожило сарацин. Самого слова “Ричард” в Сирии боялись; так велик был ужас, который сеял Львиный кер.

Примечание, MMM.—[Страница 351.](#)

“Греческий огонь.”— Это было изобретено в 7 веке. Когда арабы осадили Константинополь, греческий архитектор дезертировал от халифа к грекам и прихватил с собой композицию, которая своим чудесным эффектом наводила ужас на врагов и обращала их в бегство. Иногда его заворачивали в лен, прикрепляли к стрелам и дротикам и таким образом бросали в укрепления и другие постройки врага, чтобы поджечь их.

В других случаях он использовался для метания во врага каменных шаров из железа или металлических трубок. Использование этого огня продолжалось, по крайней мере, до конца 13 века, но ни один современный писатель не донес до нас сколько-нибудь точного описания его состава.

Примечание NNNN.—[Страница 351.](#)

-*Король Людовик.* Суеверие французского короля и успехи диких коразмианцев породили седьмой крестовый поход. Однажды ночью во время рождественского фестиваля (1245 г. н.э.) Людовик приказал нашить великолепные кресты, изготовленные ювелирами, на новые платья, которые, как обычно в таких случаях, были подарены придворным. На следующий день кавалеры были удивлены религиозными украшениями, прикрепленными к их плащам; но благочестие и верность в сочетании помешали им отказаться от оказанных им почестей.

Обратите внимание, OOOO.—[Страница 351.](#)

“Оксфордский статут.” — Английские бароны собрались в Оксфорде 11 июня 1258 года и обязали короля и его старшего сына, которому тогда было восемнадцать лет, согласиться на договор, по которому двадцать четыре члена их собственного корпуса, во главе которых стоял Де Монфор, имели полномочия исправлять все злоупотребления.—*История Англии.*

Примечание PPPP.—[Страница 355.](#)

“Мамлюки.” — рабы из кавказских стран, которые с низших должностей были возведены в государственные чины. Однако они не образовали отдельного отряда; но когда в XIII веке Чингисхан стал хозяином большей части Азии и угнал в рабство огромное количество жителей, султан Египта купил двенадцать тысяч из них, обучил их военным упражнениям и сформировал из них регулярный корпус. Вскоре они проявили дух неподчинения и мятежа и в 1254 году назначили одного из своих султаном Египта. Их владычество продолжалось двести шестьдесят три года.—*Энциклопедия.*

Примечание QQQQ.—[Страница 355.](#)

“дамасская сталь.” — В средние века дамаск славился изготовлением сабель такого особого качества, что они были идеально эластичными и очень твердыми.

Примечание RRRR.—[Страница 358.](#)

“Ева Стронгбоу.” — Дермот, король Лейнстера, заключил договор с Притчардом по прозвищу Стронгбоу, графом Стригула. Этот дворянин, принадлежавший к знаменитому дому Клэр, промотал свое состояние дорогими удовольствиями и, будучи готовым на любое отчаянное предприятие, пообещал помощь Дермоту при условии, что тот женится на Еве, дочери этого принца, и будет объявлен наследником всех его владений.—*“История Англии” Юма.*

Примечание.—[Страница 362.](#)

“Золото королевы.” — Одна из главных причин непопулярности королевы в Лондоне проистекала из беспринципной манеры, с помощью которой она пользовалась своим влиянием, чтобы заставить все суда, груженные зерном, шерстью или любым особо ценным

грузом, разгружаться у ее причала, называемого куин-хайт, потому что в этом порту сборы, составлявшие часть доходов английской королевы-консорты, и дорожные сборы выплачивались в соответствии со стоимостью груза. Чтобы позлить жителей Лондона, Генрих во время споров о королевском золоте возродил старый саксонский обычай созыва народных собраний, который на самом деле послужил основанием Палаты общин.—*Королевы Англии*.

Примечание ТТТТ.—[Страница 365](#).

-*Святой Терновый венец*. Эту бесценную реликвию с триумфом пронес по Парижу сам Людовик — босиком и в одной рубашке, а бесплатный подарок в размере десяти тысяч марок примирил императора Болдуина де Куртенэ с его потерей. Успех этой сделки побудил его послать королю большую и подлинную часть истинного креста, детское полотно Сына Божьего, копье, губку и цепь его Страстей.—*Гиббон*, том vi. стр. 122.

Обратите внимание, УУУУ.—[Страница 367](#).

“*Скрывалась*.” — Утверждается, что во время пленения ее мужа и сына Элеонора Провансальская совершила несколько частных визитов в Англию, но она якобы проживала во Франции со своими младшими детьми под добрым покровительством своей сестры, королевы Маргариты. Роберт Глостерский сказал, что она *шпионила* за страной с целью освобождения своего храброго сына.—*Королевы Англии*.

Примечание VVVV.—[Страница 373](#).

“*Крики преследователей*.” — Леди Мод Мортимер отправила свои инструкции принцу Эдуарду, и он спасся бегством наперегонки со своими слугами, пока не утомил их лошадей, после чего подъехал к зарослям, где дама Мод устроила засаду на быстрого скакуна. Вскочив на своего доблестного скакуна, Эдуард повернулся к своей охране и приказал им “передать его отцу королю и сказать ему, что он скоро будет на свободе”, а затем ускакал; в то время как на противоположном холме, в миле от него, появился вооруженный отряд, который вывесил знамя Мортимера.—*Королевы Англии*.

Примечание WWWW.—[Страница 386](#).

Когда Старик выехал вперед, его опередил глашатай, державший датский топор с длинной рукоятью, весь покрытый серебром и утыканный кинжалами, который провозгласил: “Отвернись от того, кто несет в своих руках смерть королей”. —*Жуанвиль*, стр. 97.

Примечание XXXX.—[Страница 387](#).

-*Федавис*. Генрих, граф Шампанский, посетил великого приора ассасинов, и тот повел его на высокую башню, у каждого зубца которой стояли по два федави (приверженца). По его знаку

двое из этих часовых прыгнули с вершины башни. “Если вы этого хотите, — сказал он графу, - все эти люди должны сделать то же самое”. - *Мишле*.

Примечание ГГГГ.—[Страница 390](#).

-*Любящие губы*. “Ходят легенды, ” говорит Фуллер, - о том, как Элеонора, его супруга, высосала весь яд из его ран, не причинив себе никакого вреда. Столь могущественным средством является женский язык, помазанный добродетелью любовной привязанности. Жаль, что столь прелестная история не должна быть правдой (со всеми чудесами в легендах о любви); и, конечно, тот не заслужит славы, кто попытается опровергнуть отрывок, столь оскорбляющий честь пола ”.

Примечание ZZZZ.—[Страница 406](#).

-*Граф Девон*.— Кортенэ ведут свою родословную от “Людовика Толстого”. Помимо ветви, которая утвердилась на константинопольском престоле, часть семьи поселилась в Англии, и двенадцать графов Девонширских по фамилии Кортенэ на протяжении более чем двухсот лет числились среди главных баронов королевства.

На море и суше они сражались под знаменами Эдвардсов и Генри. Их имена заметны в битвах, на турнирах и в первоначальном списке ордена Подвязки; три брата разделили испанскую победу над Черным принцем. Один, фаворит Генриха Восьмого, в Лагере Золотого Сукна сломал копье против французского монарха. Другой жил узником в Тауэре, и тайная любовь королевы Марии, которой он, возможно, пренебрегал из-за принцессы Елизаветы, и его ссылка в Падую пробудили романтический интерес к анналам расы.—*Рим Гиббона*.

Обратите внимание, AAAAA.—[Страница 407](#).

-*Мерлин*.—Мерлин Эмброуз, британский писатель, чей расцвет пришелся на конец пятого века. Имеющиеся у нас сведения о нем настолько перемешаны с вымыслом, что отделить его реальную жизнь от общей было бы невозможно. Он был величайшим мудрецом и математиком своего времени, советником и другом пяти английских королей - Вольтигерна, Амброзия, Утера, Пендрагона и Артура. Он произнес много пророчеств относительно будущего состояния Англии.—*Энциклопедия*.

Обратите внимание на BBBB.—[Страница 408](#).

-*Несправедливая клевета*.—Когда Лестер привел свою новобрачную жену, сестру короля, чтобы отдать дань уважения Элеоноре Прованской, Генрих встретил его взрывом ярости, который назвал его соблазнителем своей сестры и отлученным от церкви человеком и приказал своим слугам выставить его из дворца. Лестер попытался возразить, но Генрих не захотел его слушать, и он был изгнан, рыдая от ярости и клянясь отомстить молодой королеве, влиянию которой он приписывал эту перемену.—*Королевы Англии*.

Примечание CCCCCC.—[Страница 416](#).

“Дочь Элин де Монфор.” — Первым несчастьем, постигшим валлийцев, был захват невесты Ллевеллина, приехавшей из Франции.

Юная девушка, хотя и была дочерью Симона де Монфора, смертельного врага Эдуарда, которого он убил в битве, в то же время была ребенком его тети, Элеоноры Плантагенет. Он принял ее с учтивостью родственника и поручил заботливому попечению своей королевы, с которой она жила в Виндзорском замке.

Прекрасная невеста Ллевеллина умерла после того, как родила ему живую дочь. Эту дочь, которую звали Гвендолин, привезли к Эдуарду пленницей в колыбели; она воспитывалась и постриглась в монахини в монастыре вместе со своей кузиной Глэйдз, единственной дочерью принца Дэвида.—*Королевы Англии*.

Примечание DDDDD.—[Страница 421](#).

“Я бы научил его.” — Альфонсо, десятый король Кастилии, процветавший в 18 веке. Размышляя над доктриной эпициклов, воскликнул: “Если бы вселенная была устроена таким образом, если бы божество призвало меня на свой совет при сотворении мира, я дал бы ему хороший совет”. Однако он не имел в виду никакого нечестия или непочтительности, за исключением того, что было направлено против системы Птолемея.

Примечание EEEEE.—[Страница 425](#).

“Разношерстные придворные.” — Альфонсо не пользовался хорошей репутацией у своего народа ни как испанец, ни как христианин. Крупный чиновник, посвятивший себя злым наукам алхимии и астрологии, он всегда запирался со своими евреями, чтобы делать фальшивые деньги или фальшивые законы, искажая готские законы смесью римских. —*Франция Мишле*.

Примечание FFFFF.—[Страница 423](#).

“Раймонд Луллий.” — Об этом знаменитом алхимике рассказывают историю, что во время своего пребывания в Лондоне он превратил для короля Эдуарда I. Массу ртути в 50 000 фунтов в золото, из которого были отчеканены первыерозовые дворяне.

Примечание GGGGG.—[Страница 433](#).

“Везде хорошо принимали.” —Нищенствующие бродили повсюду - просили милостыню, жили на скромные средства и везде были хорошо приняты. Утонченные, красноречивые и способные люди, они с осторожностью выполняли множество мирских поручений. Европа была полна их

деятельности. Посланники, проповедники, а порой и дипломаты, они были тогда тем, чем сейчас являются почта и пресса. *Франция Мишле.*

Примечание XXXXX.—[Страница 435.](#)

“*Соскользнуло кольцо.*” —Прочида предложила честолюбивому Петру Арагонскому корону Сицилии, на которую этот монарх мог по праву претендовать благодаря своему браку с дочерью Мэн—Фруа и предсмертному голосу Конрадина, который с эшафота бросил кольцо своему наследнику и мстителю. -*Гиббон.*

Примечание III—III.-[Страница 437.](#)

“*Брат Бэкон.*” — Хотя и был незаурядным человеком, не смог полностью освободиться от предрассудков своего времени. Он верил в философский камень и в астрологию. В его трудах можно найти новые и оригинальные взгляды на оптику, на преломление света, на видимые величины объектов, на увеличенный вид солнца и луны, когда они находятся над горизонтом. Он также утверждает, что гром и молнию можно имитировать с помощью селитры, серы и древесного угля. Следовательно, у него уже было представление о порохе.

Примечание JJJJJ.—[Страница 440.](#)

“*Альбертус Великий.*” — В 1280 году скончался знаменитый Альберт Великий из Ордена монахов-проповедников, менее известный как монах, чем как маг. Поразительное разнообразие его знаний и вкус, который он имел к экспериментам в области алхимии, которые он сам называл магическими операциями, привели к тому, что ему приписали сверхчеловеческую силу. Помимо автомата, который святой Фома Аквинский, его ученик, разбил дубинкой, утверждается, что Альберт принимал Вильгельма, графа Голландского, на чудесном пиршестве в саду своего монастыря и что, хотя это было в *разгар зимы*, деревья выглядели как весной, покрытые цветами и листьями, которые исчезли, словно по волшебству, после трапезы. —*История пап.*

Примечание KKKKK.—[Страница 446.](#)

“*Я был встревожен.*” — Этот отрывок цитируется Фалькандо, итальянским историком двенадцатого века.

Примечание LLLLL.—[Страница 449.](#)

“*Пастух из Котсуолда.*” — Элеоноре принадлежит заслуга внедрения испанской породы овец в Англию.

Примечание, МММММ.—[Страница 452.](#)

-*Красные чулки.*— По словам Мишле, Прочида подтолкнул папу подписать договор с греческим императором, повторив оскорбительный намек Карла на пурпурные козырьки, которые носил понтифик.

Примечание NNNNN.—[Страница 453.](#)

“*Пасхальный понедельник 1282 года.*” — Сведущие читатели истории заметят анахронизм в размещении сицилийской вечерни после войны в Уэльсе. Они также обнаружат ошибку в представлении Альфонса как соперника Конрада, а не Родольфа Габсбурга, претендующего на корону Германской империи.

Примечание OOOOO.—[Страница 454.](#)

“*Спасена.*” — Констанция Арагонская, к счастью, подоспевшая вовремя, чтобы помешать сицилийцам предать смерти Карла Хромого. Ночью она увезла его из Мессины и отправила в Испанию. Когда Карлу Арагонскому сообщили о поражении его войск и пленении его сына, он упал, словно пораженный ударом грома, и последующие приступы эпилепсии через несколько месяцев свели его в могилу. При посредничестве Эдуарда Карл Хромой уступил Альфонсу Арагонскому все претензии на корону Сицилии и таким образом получил свою свободу. Он правил Провансом по праву своей матери и был прародителем Маргариты Анжуйской.